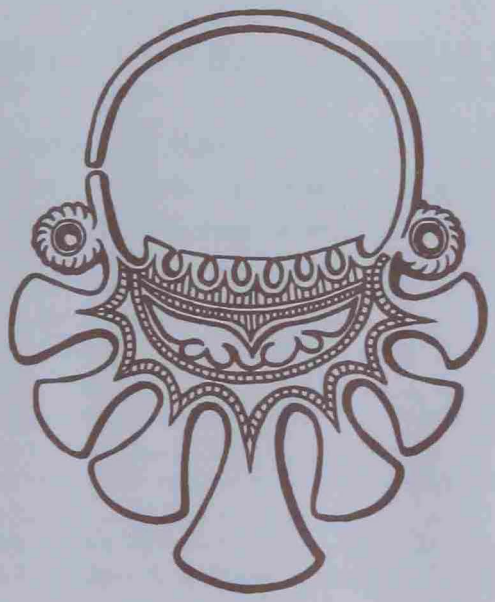
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2000 2

3-й отд.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2000 2

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Рындина Н.В. О литейных формах эпохи энеолита Северо-Восточных Балкан 5
Матвеева Н.П., Ларин С.И. О характере расселения и хозяйства племен саргатской культуры 15
Былкова В.П. О культурных традициях населения Нижнего Поднепровья скифского времени 26
Горбунова Н.Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н.э. – V в. н.э.) 40
Зубарь В.М. Еще раз о Таврическом лимесе 52
Медникова Е.Ю., Егорьков А.Н. К технологии росписи Десятинной церкви (по материалам коллекции М.К. Каргера 1948 г.) 61
Дубровин Г.Е. Методика ластового уплотнения швов в средневековом новгородском судостроении 70
Тропин Н.А. Сельские поселения XII – начала XV в. в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны 80
Алексеев Л.В. Детинец Мстиславля в XIV–XVII вв. 94
Панченко А.А., Панченко В.Б., Селин А.А. Почитаемое место у деревни Кашельково: опыт междисциплинарного исследования 115

Публикации

Чивилев В.А. Каменные топоры и другие сверленые орудия на верхнем Дону 127
Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии 140
Членова Н.Л. Значение находок бронзовых шлемов и медалевидного зеркала из Монголии 149
Трейстер М.Ю. К находкам металлических деталей римского военного костюма и конской сбруи в Северном Причерноморье 156
Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Новые эпиграфические находки из Уссурийска 165

© Российская академия наук
Институт археологии, 2000 г.

Археологические фонды музеев

Лорр К. О происхождении археологической коллекции Эрнста Шантра (Музей национальных древностей, Сен-Жермен-эн-Лэ, Франция) 173

История науки

Рудаков В.Г. История изучения Селитренного городища 180

Критика и библиография

Молчанов А.А. *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные 1970–1996 гг. М., 1998 192
Никитина Т.Б., Зеленеев Ю.А. Обзор исследований конца 80–90-х гг. XX в. по средневековой археологии финно-угров Поволжья и Приуралья (часть 1) 196
Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Новые исследования по кобанской культуре 205
Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии 212
Блаватская Т.В. Lerna, a Preclassical Site in the Argolid (Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens). Vol. III. The Pottery of Lerna IV by Jeremy Rutter et alias (M.H. Wiencke, E.C. Banks, M. Attas, P.P. Betancourt, R.G.V. Hancock, R.E. Jones, G.H. Myer and S.J. Vaughan). Princeton, New Jersey, 1995 220
Кызласов Л.Р. К истории раскопок города гуннского наместника на р. Ташебе 224

Хроника

Обращение Президиума Российской академии наук 229
Тихонов С.С. VI Международный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" (Санкт-Петербург, 1998) 229
Артемьев А.Р. Международная научная конференция "Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай" (Владивосток, 1998) 232
Лордкипанидзе О.Д., Джорбенадзе В.А. Памяти Теймураза Константиновича Микеладзе (1925–1998) 235
Джорбенадзе В.А., Чхатарашвили М.Н. Памяти Нины Николаевны Угрелидзе (1922–1998) 237
Боровский Я.Е. Памяти Сергея Александровича Высоцкого (1923–1998) 239

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

2000 2

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Ryndina N.V. On the Eneolithic casting moulds in the North-Eastern Balkans 5
Matveeva N.P., Larin S.I. On the settling-pattern and economy of Sargatskaya culture tribes 15
Bylkova V.P. On the cultural traditions in the Lower Dnieper region during the Scythian epoch (according to the investigations of Belozerskoye settlement) 26
Gorbunova N.G. The weapons of Central Asiatic cattle-breeders (the 2nd (3rd?) century B.C. – the 5th century A.D.) 40
Zubar' V.M. Once more on the Taurian *limes* 52
Mednikova E.Yu., Vegor'kov A.N. On the technique of Desyatinnaya church mural painting (according to M.K. Karger's collection) 61
Dubrovin G.E. The methodics of caulking with the clumps in medieval Novgorodan shipbuilding 70
Tropin N.A. Rural settlements of the 12th – early 15th centuries in the Bystraya Sosna lower basin 80
Alekseev L.V. The citadel of Mstislavl' in the 14th–17th centuries 94
Panchenko A.A., Panchenko V.B., Selin A.A. A sacred place near Kashelkovo village: an attempt of interdisciplinary investigation 115

Publications

Chivilev V.A. Stone axes and other perforated tools on the Upper Don river 127
Erdenbaatar D., Khudyakov Yu.S. The finds of bronze helmets from cist graves of Northern Mongolia 140
Chlenova N.L. The finds of bronze helmets and medal-shaped mirror in Mongolia and their significance 149
Treister M.Yu. The finds of the detailes of Roman military costume and horse-harness in North Pontic area 156
Artemyeva N.G., Ivliev A.L. New epigraphic finds from Ussuriysk 165

Archaeological collections in museums

Lorr K. One the origin of Ernest Chantr archaeological collection in the Museum of National Antiquities (Saint-Germain-en-Laye, France) 173

History of science

Rudakov V.G. The history of investigations of Selitrennoye fortified settlement 180

Critics and bibliography

Molchanov A.A. *Yanin V.L., Gaydukov P.G.* Statements' seals of Ancient Russia in the 10th–15th centuries. Vol. III. The seals registered in 1970-1996. M., 1999 192
Nikitina T.B., Zeleneev Yu.A. A review of the investigations in the late 80-s and 90-s of the 20th century on Medieval archaeology of the Finno-Ugrians in the Volga basin and the Western Urals (Part 1) 196
Moshinksy A.P., Skakov A.Yu. New studies of Koban culture 205
Harke G., Savenko S.N. The problems of ancient burials' investigations in American archaeology 212
Blavatskaya T.V. Lerna, a Preclassiacl Site in the Argolid (Results of the Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens). Vo. III. The Pottery of Lerna IV by Jeremy Rutter et alias (M.H. Wiencke, E.C. Banks, M. Attas, P.P. Betancourt, R.G.V. Hancock, R.E. Jones, G.H. Myer and S.J. Vaughan). Princeton, New Yersey, 1995 220
Kyzlasov L.R. On the history of excavations at the Huns' governor's city at the Tasheba river 224

Chronicle

The Address of the Presidium of Russian Academy of Sciences 229
Tikhonov S.S. The VIth International seminar "Integration of archaeological and ethnographic studies" (Sanct-Petersburg, 1998) 229
Artemyev A.R. The international scientific conference "Ancient and Medieval history of Eastern Asia. Towards 1300 anniversary of Bohay state formation" (Vladivostok, 1998) 232
Lordkipanidze O.D., Jorbenadze V.A. In memory of Teymuraz Konstantinovich Mikeladze (1925-1998) 235
Jorbenadze V.A., Chkhatarashvili M.N. In memory of Nina Nikolaevna Ugrelidze (1922-1998) 237
Borovsky Ya.E. In memory of Sergey Aleksandrovich Vysotsky (1923-1998) 239

Н.В. РЫНДИНА

О ЛИТЕЙНЫХ ФОРМАХ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ БАЛКАН[1]

Наиболее яркий металл эпохи энеолита получен раскопками памятников Юго-Восточной Европы, которые датируются по калиброванной шкале V – началом IV тыс. до н.э. Он связан с ареалом культур Гумельница, Винча-Плочник, Кукутени-Триполье, Тисаполгар-Бодрогкерестур, Сэлкуца и др. (Черных Е.Н., 1978, с. 124, 263, 264; Рындина Н.В., 1992, с. 66, 75). В коллекциях металла из памятников этих культур в настоящее время насчитывается свыше четырех тысяч находок, около полутора тысяч из них приходится на крупные ударные орудия: топоры-тесла, топоры-молотки, тесла-долота и др.

Интерес к исследованию древнейшего металла Юго-Восточной Европы проявился у исследователей уже в конце прошлого века. В итоге почти столетней разработки темы обозначались два основных подхода к его изучению. Первый базируется на преимущественном анализе морфологии вещей и их картографировании (работы Ю. Дрихауза, Ф. Шуберта, П. Патай, А. Вульпе, М. Новотной, Х. Тодоровой, Б. Йовановича и др.). Второй подход сочетает изучение морфологии вещей и химизма их металла. Он нашел отражение в работах Г. Отто, В. Виттера, Р. Питтиони, З. Юнгханса, Е. Зангмайстера, Е. Черных, Е. Пернички, Н. Гейла и др.[2] Труды обоих направлений мало касаются технологии обработки древнейшего металла, в том числе технологии литейных процессов его получения. К началу 1970-х годов были опубликованы результаты всего 17 микроструктурных анализов крупных топоров из Балкано-Карпатья (Pittioni R., 1957, S. 25–27; Coghlan H.H., 1960, p. 11–23; 1961, p. 57–75; Patay P. et al., 1963, S. 37–63; Charles I.A., 1970, p. 40–42). Они были выполнены в лабораториях Австрии, Англии, Венгрии мало связанными друг с другом группами специалистов. Прийти к однозначному решению о способах отливки изученных орудий исследователи так и не смогли.

Неоднократно в литературе высказывались разноречивые мнения о возможности отливки проушных топоров-молотков и топоров-тесел эпохи энеолита в односторонних и двусторонних формах из глины или камня, по потерянной восковой модели в закрытых глиняных матрицах (Coghlan H.H., 1951, p. 58, 59; Charles I.A., 1970, p. 42; Vulpe A., 1975, S. 17–18; Черных Е.Н., 1978, с. 122; Минасян Р.С., 1997, с. 144, 145). Различия в подходах к оценке литейных технологий были связаны с неотработанностью методических принципов анализа древних медных изделий, а также с единичностью наблюдений, сделанных на их основе.

Переход к широкому изучению технологий металлопроизводства Юго-Восточной Европы потребовал решения двух основных проблем: создания научной методики технологического анализа археологических находок из меди и приложения этой методики к массовому археологическому материалу. Эти проблемы с конца 1970-х годов находились в центре внимания лаборатории металлографического анализа при кафедре археологии Московского университета. В настоящее время лаборатория завершила

---

[1] Настоящая статья является вариантом доклада, зачитанного 28 апреля 1998 г. на 31-м Международном симпозиуме по археометрии в г. Будапеште.

[2] Подробная историография и библиография приведены в работе автора: Рындина Н.В., 1992, с. 62–75.

© Н.В. Рындина, 2000 г.

Таблица I

Литейные формы культуры Гумельница

Вид форм	Конструктивно-технологические характеристики
1	Одностворчатая, горизонтальная, открытая
2	Двустворчатая, горизонтальная, открытая
3	Двустворчатая, вертикальная, закрытая
4	Двустворчатая, горизонтальная, открытая со стороны брюшка, со вставным стержнем
5	Двустворчатая, горизонтальная, частично открытая со стороны брюшка, со вставным стержнем
6	Двустворчатая, наклонная, частично открытая со стороны брюшка, со вставным стержнем
7	Двустворчатая, горизонтальная, открытая со стороны спинки, со вставным стержнем
8	Двустворчатая, горизонтальная, частично открытая со стороны спинки, со вставным стержнем

большую работу по исследованию древнейшего металла Балкано-Карпатья (Рындина Н.В., Орловская Л.Б., 1978, с. 286–321; Рындина Н.В., 1992, с. 62–75; 1994а, с. 139–162; 1994б, с. 140–152; 1996, с. 278–285; 1998; Равич И.Г., Рындина Н.В., 1989, с. 91–99; Рындина Н.В. и др., 1993, с. 137–145; Рындина Н.В., Равич И.Г., 1996, с. 116–123; Ryndina N.V., 1993, S. 101–113). Ядро этой работы составило металлографическое изучение 242 медных изделий культуры Гумельница, локализованной на территории Северо-Восточных Балкан. Образцы для их анализа получены в музеях различных городов Болгарии: Софии, Старой Загоры, Плевена, Велико-Тырнова, Варны. Настоящее сообщение обобщает ту часть полученных нами данных, которая касается реконструкции гумельницких литейных форм.

Доминирующее положение в гумельницком металллопроизводстве занимали литейные технологические схемы. С ними связано 3/4 изученных орудий и украшений. Их изготовление сводилось к отливке заготовок, которые подвергались затем проковке. Однако она всегда имела вспомогательный характер. Основной формующей операцией оставалось литье.

Несмотря на то, что металлографические исследования бесспорно установили множество литых предметов, литейные формы эпохи энеолита ни в Болгарии, ни во всем Балкано-Карпатье до сих пор почти неизвестны. Найдены лишь две створки глиняных матриц, служившие для отливки тесел-долот типа Сэлкуца. Обе обнаружены при раскопках гумельницкого поселения Кэсчиоареле в Румынии (Vulpe A., 1975, S. 57, N 259, 260, taf. 33). Интересно в этой связи отметить, что в памятниках раннего и среднего бронзового века Юго-Восточной Европы, когда металлических предметов становится во много раз меньше, чем в энеолите, находки литейных форм из глины и камня фиксируются довольно часто (Черных Е.Н., 1978, с. 122).

Возникает вопрос: какими литейными формами пользовались мастера Гумельницы? Изучение с помощью бинокулярного микроскопа поверхности гумельницких орудий и украшений позволило проследить важные для реконструкции литейных матриц дефекты: литейные швы, заливы, усадочные раковины, утяжины. В ряде случаев поверхностные данные удалось дополнить с помощью микроструктурных наблюдений. К примеру, судить о характере открытых литейных форм представилось возможным на основе наблюдений за расположением эвтектики Cu—Cu_2O на поперечном срезе отливок: в приповерхностной, открытой при литье их части кислорода оказывалось значительно больше, чем в глубинной. Постепенное нарастание окисного компонента в меди по направлению к зоне поступления расплава в форму уже было отмечено в работах Е. Войса, И. Аллена, Г. Паркера, И. Чарльза (Coghlan H.H., 1961, p. 64, 70; Parker G., 1970, p. 74; Charles I.A., 1970, p. 40–42).

Положение литейной формы при литье и место расположения ее открытой полости часто удавалось распознать по направленной концентрации газовых пузырей и раковин

Распределение различных типов изделий культуры Гумельница по видам литейных форм *Таблица 2*

Типы изделий / Виды литейных форм	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	Всего
1	2	1		5									3	2	1	3	2	19
2		3																3
3	5	3	5	1	1	1							2					18
4								5		4								9
5									2									2
6										1								1
7											1	1						2
8							1											1
Всего	7	7	5	6	1	1	1	5	2	5	1	1	5	2	1	3	2	55

Римские цифры обозначают: I-VI — тесла-долота (I — узкие клинья; II — тип Гумельница; III — тип Котеана; IV — тип Сэлкуца; V — тип Делчево; VI — тип Каменар); VII-XII — топоры-молотки (VII — тип Плочник; VIII— тип Видра; IX — тип Кодор; X — тип Чока-Варна; XI — тип Варна; XII — тип Девня); XIII — шилья; XIV-XVI — браслеты (XIV — круглопроволочные; XV — спирально-пластинчатые; XVI — поперечно-пластинчатые); XVII — полосы-заготовки.

на срезе отливок, по резкому укрупнению величины литых кристаллов. Особое внимание уделялось эффекту поверхностного раскисления меди, который наблюдался вдоль наружной части ряда литых изделий, а у топоров – поблизости от внутренней полости их втулок. Этот эффект, как мы покажем в дальнейшем, связан с использованием графитовых литейных форм.

Обобщение поверхностных и микроструктурных данных позволило выявить восемь разновидностей гумельницких литейных форм, различающихся по конструкции, конструктивным деталям, по положению при литье, по способу заполнения металлом. Их характеристики приведены в табл. 1. Четвертая, пятая и шестая разновидности литейных форм показаны на рис. 1. Сразу следует оговорить, что из 242 изученных находок только 55 отличаются фиксированным видом литейных матриц. Ограниченность данных затрудняет выявление конкретной связи разновидностей литья с видами изделий. И все-таки некоторые наблюдения заслуживают внимания (табл. 2).

Можно отметить, например, что наиболее популярные виды 1 и 3 литейных форм обнаруживают наибольшую типологическую вариабельность продукции: с видом 1 форм сопрягаются восемь типов предметов, а с видом 3 – семь типов. И все-таки чаще всего к ним обращаются при литье тесел-долот типов Гумельница, Котеана и долот в форме узких клиньев. Продукция прочих литейных форм выглядит более однотипной. Так, в формах вида 2 отливают только орудия типа Гумельница, в формах вида 4 – топоры-молотки типов Видра и Чока-Варна, в формах вида 5 – топоры-молотки типа Кодор, в формах вида 7 – топоры-молотки типов Варна и Девня, в формах вида 8 – топоры-молотки типа Плочник.

В процессе микроструктурного исследования гумельницких орудий и украшений удалось получить интересные сведения и о материале, из которого делались литейные формы. Оказалось, что в ряде случаев они вырезались из графита. Какие основания позволяют утверждать это? Специалисты современного литейного производства обратили внимание на эффект растворимости графита в наружных слоях медных отливок,

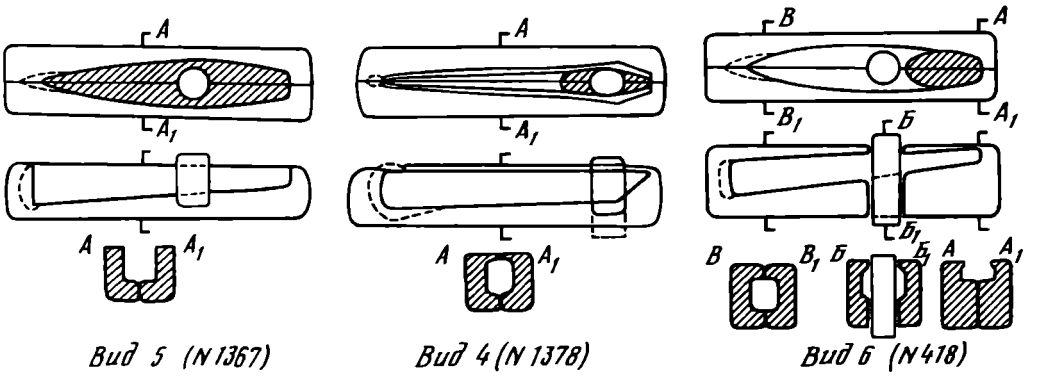


Рис. 1. Разновидности литейных форм культуры Гумельница (реконструкции по готовым отливкам, лабораторные номера которых обозначены в скобках)

полученных в графитовых формах. Растворимость эта проявляет себя в случае, если медь насыщена кислородом (Производство..., 1986, с. 43, 44, 48, 49, 210, 211). За счет диффузии углерода в медь начинается его реакция с кислородом, которая при кинематической заторможенности процесса протекает только по поверхности раздела литейной формы с металлом (Чурсин В.М., 1982, с. 41). В итоге образуется раскисленная зона толщиной в несколько миллиметров. Она сплошной оболочкой покрывает поверхность отливки, прерываясь лишь в месте поступления металла в форму. Именно такая оболочка раскисленной меди прослежена нами на микрошлифах целого ряда изделий культуры Гумельница (рис. 2). В их числе топоры-молотки типов Видра, Варна и Чока-Варна; тесла-долота типов Гумельница, Сэлкуца; шилья, браслеты и пластинчатые полосы-заготовки (рис. 3). Переводя эти микроструктурные наблюдения на язык конкретных технологических фактов, можно утверждать, что литейщики Северо-Восточных Балкан резали из монолитного графита формы видов 1, 2, 4 и 5. Графитовые формы дают огромные преимущества при литье меди. Они исключают приваривание отливки к стенкам матрицы, предохраняют металл от загрязнения нежелательными шамотными примесями, способствуют получению гладких поверхностей у литых изделий, исключая образование на них дефектов в виде пузырей и отдулин (Шабельников И.А. и др., 1981, с. 35). Поверхностное раскисление металла было важным и при последующей проковке изделий.

Графит считается огнеупорным материалом и в восстановительной среде он способен выдерживать температуры до 2500°С. Однако на воздухе он тлеет с 600–700°С и в конце концов распадается и сгорает (Веселовский В.С., Перцов В.Н., 1932, с. 58).

Чтобы подтвердить эти теоретические данные нами проведена целая серия лабораторных экспериментов по литью меди в монолитную графитовую форму[3]. Форма открытого типа для отливки клинообразного долота была вырезана на поверхности куска графита из румынского месторождения Парынг, полученного в Музее землеведения МГУ (рис. 4). Перед заливкой чистой электролитической медью форма прогревалась до 300°С. Расплавление меди велось в шамотном тигле под слоем древесного угля в печи, температура которой была доведена до 1200°С. Выдержка тигля в печи составляла 20 мин. Это позволяло прогреть расплав выше точки его плавления. Готовый металл выливался последовательными порциями в форму, укрепленную в песочной опоке. После каждого залива поверхность меди в форме засыпалась древесным углем. Выдержка каждой готовой отливки в форме составляла 4 мин, после этого форма переворачивалась и отливка из нее выбивалась. Таким способом в одной и той же форме удалось получить 30 отливок (рис. 4), после чего форма распалась на отдельные тлеющие куски. Половина отлитых в форме изделий под-

[3] В лабораторных экспериментах принимал участие профессор кафедры литейного производства Института стали и сплавов М.В. Пикунов. Пользуюсь случаем выразить ему свою благодарность за консультации.

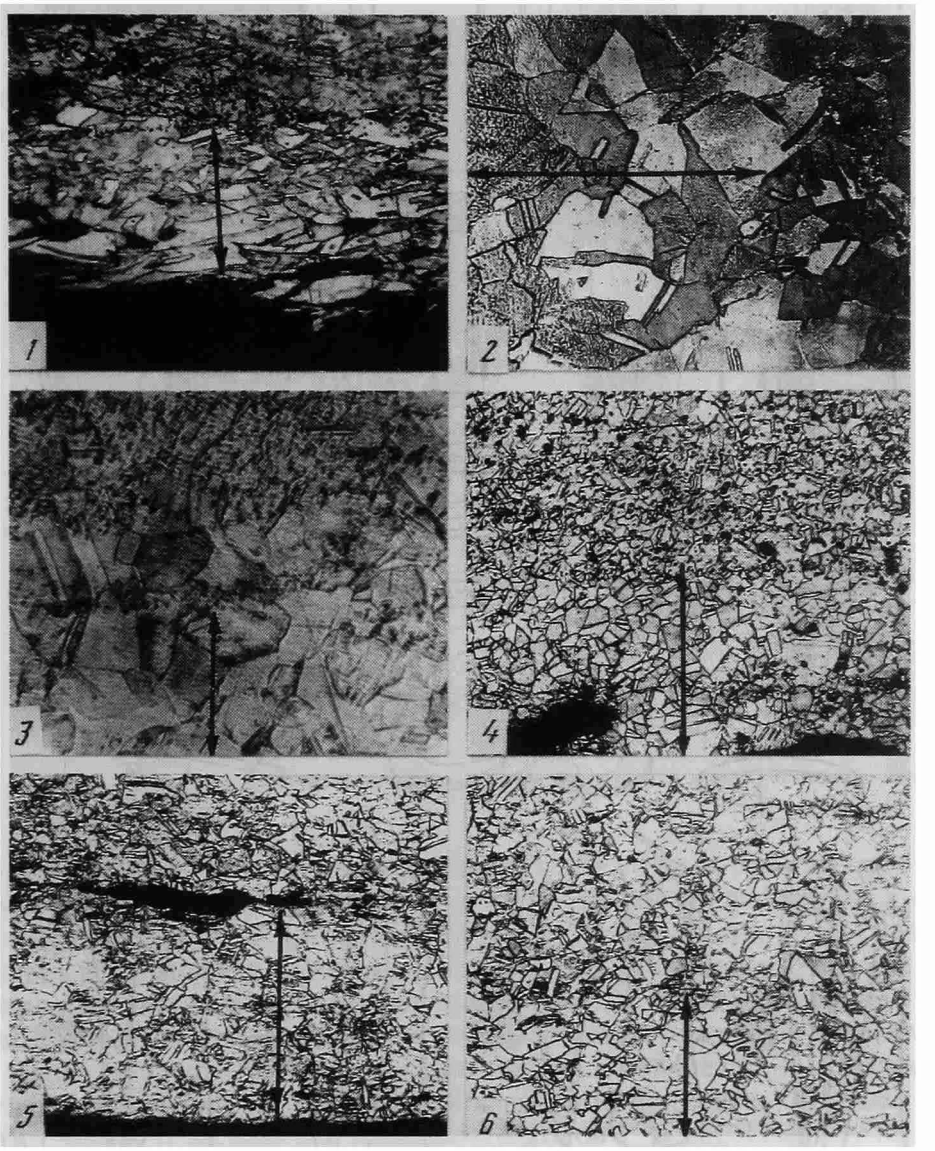


Рис. 2. Микроструктуры поверхностной части изделий, заготовки которых отлиты в графитовых формах. Стрелкой показана зона раскисления меди (*1*, *4*, *5*, *6* – увел. 120; *2*, *3* – увел. 200). *1* – тесло-долото, Мыдрец; *2* – тесло-долото, Варна – Детский санаторий; *3* – браслет, Дуранкулак; *4* – шило, Дуранкулак; *5* – топор-молоток, Варна – Детский санаторий; *6* – топор-молоток, Девня

вергалась последующей ковке при температурах красного каления меди (600–700°С) с различной степенью обжатия металла (20–40, 40–60, 80–90%). После завершения экспериментов на всех опытных образцах (и литых, и прокованных после литья) изготавливались шлифы. Для шлифов использовался полный продольный срез изделий. Изучение микроструктуры шлифов позволило сделать следующие выводы.

1. Наличие или отсутствие раскисленного слоя на поверхности отливки, а также толщина этого слоя зависели и от условий ее литья, и от условий последующей ковки.

2. На литых образцах толщина поверхностного раскисленного слоя колебалась от 2 до 5 мм; она становилась тем большей, чем более разрыхленный характер приобретала полость формы.

3. На литых образцах, откованных с высокой степенью обжатия металла (60–90%),

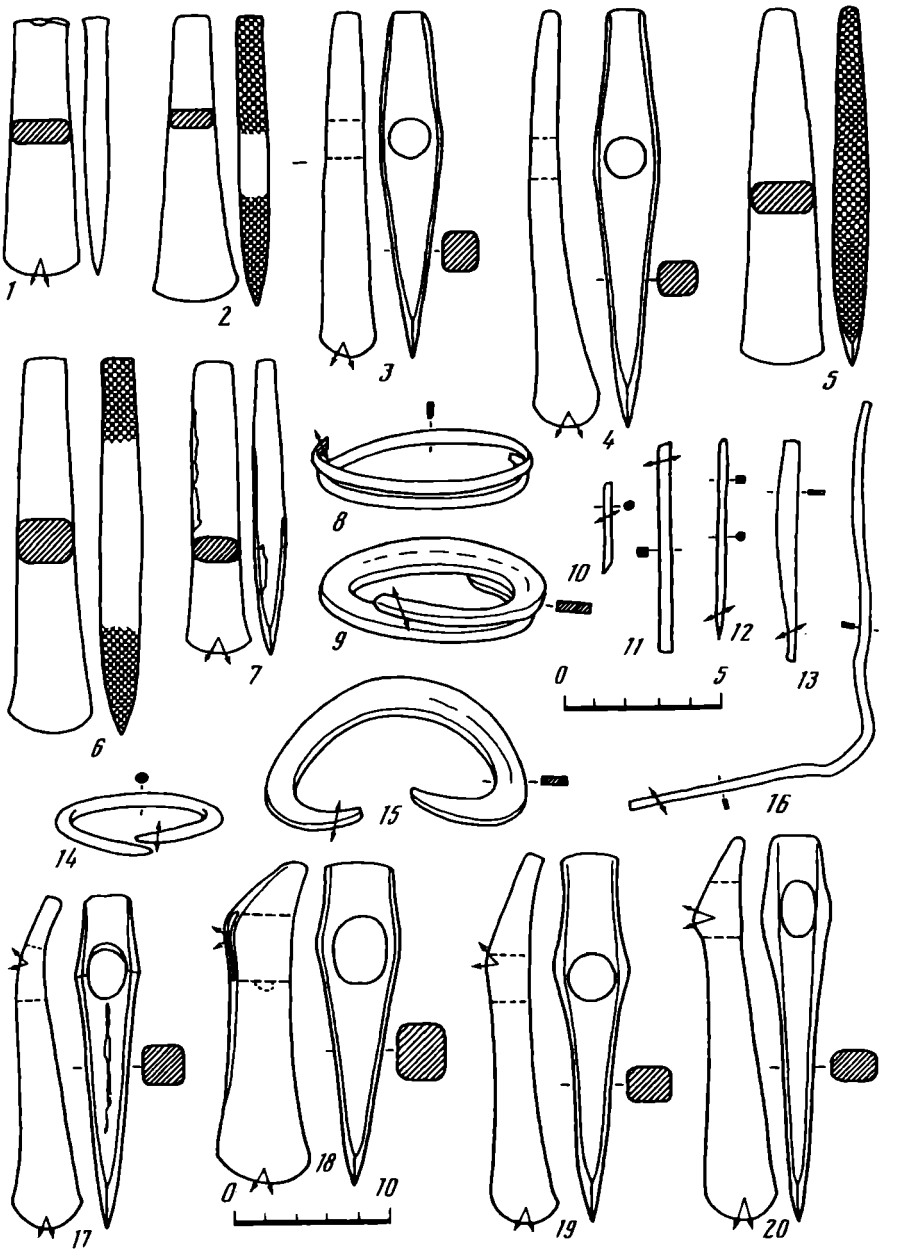


Рис. 3. Орудия, украшения и полосовые заготовки, при изготовлении которых использовались графитовые формы. Расположение металлографических шлифов показано секущей в случае среза металла, решетчатой штриховкой в случае его подполировки. *1*, *18* – Варна – Детский санаторий; *2*, *6* – Мыдрец; *3*, *4* – Девня; *5* – Голямо Делчево; *7* – Каменово; *8*, *9*, *11*, *14*, *15* – Дуранкулак; *10* – Русе; *12*, *13*, *16* – Долнослав; *17*, *19* – Хотница; *20* – Цонево

раскисленный слой отсутствовал; причиной его разрушения было скорее всего растечение меди в направлении деформации, вызвавшее перемешивание слоем металла, обогащенных кислородом и обедненных им.

4. Ковка могла разрушать обескислороженную рубашку на изделии и при низких степенях обжатия металла за счет отслаивания поверхностной окалины; эффект такого отслаивания имел место при деформации меди в окислительных условиях.

Подводя суммарный итог экспериментам, необходимо обратить основное внимание на два обстоятельства. Во-первых, данные эксперимента проясняют считавшийся парадоксальным факт почти полного отсутствия литейных форм в памятниках Балкано-Дунайской зоны, столь богатых находками литых изделий (формы, сделанные из

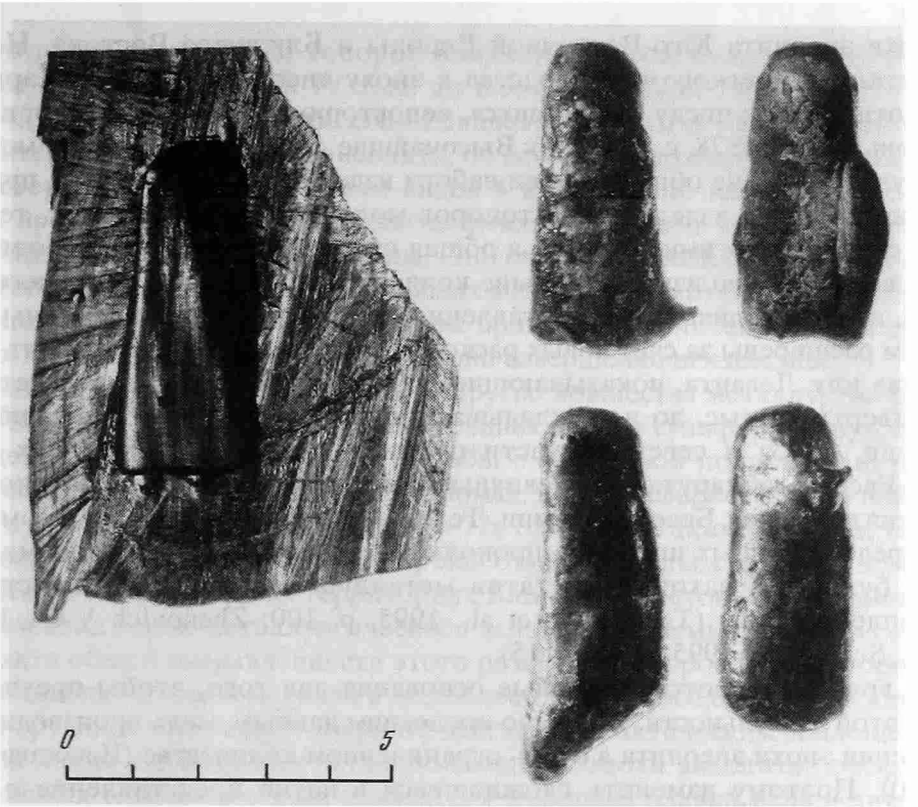


Рис. 4. Экспериментальная литейная форма из графита и полученные в ней медные отливки

графита, сгорали в процессе использования). Во-вторых, они делают понятным, почему эффект обескислороживания отливок мы наблюдаем выборочно лишь на части литых находок энеолита. В настоящее время их насчитывается около трех десятков, что, конечно, не отражает реального масштаба использования графитовых форм.

Месторождения графита широко представлены в Юго-Восточной Европе. В Румынии всемирной известностью пользуется месторождение в горах Парынг в Южных Карпатах (Минеральные месторождения..., 1984, с. 108). В Болгарии графит широко известен в пределах Фракийской низменности, имеется он также в центральной части Старой Планины и в Родопах (Николов Г. и др., 1960, с. 518; Йовчев И., 1960, с. 89, 154, 155). Знакомство местного населения со свойствами графита и с местами его выходов подтверждается его использованием в росписях энеолитической керамики, в том числе керамики Гумельницы. Применение нового материала в керамическом производстве привело к осознанию его преимуществ в производстве литейном и к отрытию графитовых форм. Прекращение его использования в литейном деле связано с внезапной гибелью блестящих энеолитических культур Балкано-Дунайского региона в первые века IV тыс. до н.э. Смена культур, демографический коллапс, затухание работ на рудниках Аи Бунара, полная деструкция металлургических навыков эпохи энеолита влекут за собой утрату графитовых литейных форм сложной конструкции. Ранний бронзовый век Северо-Восточных Балкан их уже не знает совсем. Исчезнув на рубеже энеолита и бронзового века, литейные формы из графита были открыты вновь лишь в XX в. в связи с литьем титановых сплавов.

Все сделанные нами технологические наблюдения совершенно естественно приводят к заключению, что в общем комплексе горно-металлургического производства культуры Гумельница металлообработка может рассматриваться как самостоятельная и независимая от металлургии ремесленная отрасль (Рындина Н.В., 1994а, с. 150, 153). Только профессиональные мастера могли добиться столь высокой технической культуры в литейном деле и в производстве литейных форм.

В заключение остановлюсь на проблеме сравнительной оценки технических дости-

жений эпохи энеолита Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Небывалый подъем металлургического производства в эпоху энеолита Балкано-Карпатья, без сомнения, относится к числу выдающихся, неповторимых явлений в истории Старого Света (Черных Е.Н., 1978, с. 274, 276). Высочайшие достижения местной металлургии очевидны уже на уровне общей оценки набора изделий и их количества, приведенной выше. Даже крупные изделия типа топоров-молотков, топоров-тесел, тесел-долот исчисляются здесь многими сотнями, а общая сумма находок эпохи энеолита многократно превосходит всю известную ныне коллекцию памятников Ближнего Востока. Возможно, наши сегодняшние представления об этой коллекции неполны и будут в дальнейшем расширены за счет новых раскопок. Об этом как будто говорят последние открытия на юге Леванта, показывающие, что здесь уже в последней четверти V – первой четверти IV тыс. до н.э. складывается важный металлургический центр. В районе Вади Араба и северной части пустыни Негев на поселениях культуры Беэршеба-Рассуль обнаружены очевидные свидетельства энеолитического металлопроизводства (Нахал Безор, Шикмин, Телль Арад и др.). В их ряду кроме готовых изделий, представленных шильями, проколками, рыболовными крючками, теслами-долотами, булавами, находятся остатки металлургической деятельности: шлаки, тигли, скопления руды (Tadmor M. et al., 1995, p. 100; Zbenovich V.G., 1994–1995, p. 170, 171; Schalev S., 1995, p. 114, 115).

Однако вряд ли имеются серьезные основания для того, чтобы преувеличивать масштабы этой деятельности. Согласно последним данным, медь производилась здесь на протяжении эпохи энеолита в очень ограниченном количестве (Hauptmann A. et al., 1992, p. 10). Поэтому изменить сложившееся в науке представление о бедности ближневосточных коллекций металла эпохи энеолита в сравнении с коллекциями Балкано-Карпатской Европы даже эти открытия не могут[4]. В этой связи уместно вспомнить о единичности ближневосточных находок крупных ударных орудий. Об их существовании мы знаем лишь по нескольким находкам из Суз I (Tallon F., 1987,

---

[4] В израильской археологической литературе в последнее время обозначилась тенденция ставить металлургию энеолитических культур Южного Леванта на один уровень с болгарскими культурами эпохи энеолита (Zbenovich V.G., 1994–1995, p. 170, 171). Основой для подобных построений служит анализ известных ныне находок преимущественно с территории Израиля, три четверти которых связаны со знаменитым кладом Нахал Мишмар. Однако датировка находок клада до сих пор вызывает дискуссию (Frangipane M., 1985, p. 210). На мой взгляд, клад, содержащий 416 металлических изделий, не может рассматриваться в рамках единовременного энеолитического комплекса. Радиоуглеродные даты циновки, в которую была завернута часть клада, и палки, лежавшей под циновкой, обнаруживают почти тысячелетний хронологический разброс (Bar Adon P., 1980, p. 199; Segal D., Carmi I., 1996, p. 93). Поэтому его привязка ко времени не позднее середины IV тыс. до н.э., принятая в израильской археологии (Weinstein J.M., 1984, p. 335; Gilead I., 1988, p. 401; Carmi I., Segal D., 1992, p. 131), вызывает большие сомнения. Клад объединяет разновременные изделия. В этом убеждают и их морфология, и их химический состав. По-видимому, ранними могут считаться 14 тесел-долот, отлитых из чистой меди в открытых формах и доработанных ковкой с отжигами (Shalev S., 1995, p. 113; Tadmor M. et al., 1995, p. 122, fig. 27), а также часть округло-грушевидных булав (Tadmor M. et al., 1995, p. 119–121, fig. 18–25). Культовые предметы (навершия-булавы, штандарты, "короны" и пр.), отлитые по сложной технологии с использованием восковой модели из высоколегированных сплавов Cu—As—Sb, находятся в ряду поздних изделий, которые следует связывать со временем на ранее середины III тыс. до н.э. Работа по датировке находок клада должна стать темой специального исследования. Приведу лишь два, на мой взгляд, наиболее выразительных примера, подтверждающих поздний возраст отдельных его предметов. Речь идет прежде всего о цилиндрических навершиях булав, поверхность которых покрыта вертикальными рядами шипов и округлых шишечек (Tadmor M. et al., 1995, p. 115, fig. 9, 10). Согласно Ф. Таллон, такие изделия датируются в рамках раннединастического III – аккадского периодов. Они известны в Сузах IV, царских гробницах Ура, а также в случайных находках Луристана и Бактрии (Tallon F., 1987, p. 129, fig. 12; p. 130, 131). Другие, характерные для Нахал Мишмар навершия-булавы с бронзовыми трубчатыми втулками и округлыми головками, покрытыми рельефными спиралями и выступами (Tadmor M. et al., 1995, p. 112, 113, fig. 4–6), также встречаются в Месопотамии не ранее аккадского времени (Горелик М.В., 1993, с. 58, 276, табл. XXX, *60, 61*). Приведенные доводы, как нам кажется, не дают оснований для корректного сравнения уровня металлургических достижений Южного Леванта и Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита.

р. 315) и по глиняным копиям топоров позднеубеидской культуры Месопотамии, датируемым первой половиной IV тыс. до н.э. (Tobler A.J., 1950, p. 167; Чайлд Г., 1956, с. 184, рис. 60). Именно эти копии свидетельствуют в наибольшей степени о развитой литейной технике эпохи энеолита, об освоении сложных разъемных форм со вставным стержнем, близких формам видов 4 и 8 Балкано-Карпатья. Но даже эти пока лишь предполагаемые параллели не умаляют общего технологического превосходства литейных достижений Европы. Оно очевидно проявляет себя и в совершенстве и многообразии используемых литейных матриц, и в виртуозном владении режимами их заполнения металлом, и в широком применении в литейном деле графита. В синхронных памятниках Ближнего Востока они совершенно неизвестны.

Уникальными могут считаться и многие другие новшества металлургии и металлообработки Балкано-Карпатья: восстановительная плавка сульфидных руд, сознательное насыщение меди кислородом для борьбы с ее газовой пористостью при литье, направленная кристаллизация металла в формах, ковка и сварка меди на наковальне с желобком и пр. (Рындина Н.В., 1998, с. 74–77, 105, 123). Таким образом, технология металлопроизводства Юго-Восточной Европы отмечена целым рядом феноменальных черт, неизвестных на обширных территориях Ближнего Востока. Но различие уровня и темпов развития горно-металлургического дела сравниваемых регионов не умаляет важного факта общей направленности этого развития, которое идет в сторону накопления все бóльших объемов металла и все более осознанного его использования в изготовлении орудий, в том числе и ударного действия. Практическим воплощением этой генеральной линии эволюции металлопроизводства эпохи энеолита повсюду служат два его основных технологических показателя: горновая плавка меди и литье в сложные по конструкции разъемные формы, в том числе и со вставным стержнем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веселовский В.С., Перцов В.Н., 1932. Механизм и скорость горения графита // Минеральное сырье. № 1.

Горелик М.В., 1993. Оружие древнего Востока. М.

Йовчев И., 1960. Полезни изкопаеми на НР България. София.

Минасян Р.С., 1997. Литейное производство в Юго-Восточной Европе в эпоху энеолита // Развитие культуры в каменном веке. СПб.

Минеральные месторождения Европы. Юго-Восточная Европа, 1984. Т. 2. М.

Николов Г., Богданов Б., Рашков Р., 1960. Месторождения на рудни и нерудни полезни изкопаеми. София.

Производство отливок из сплавов цветных металлов, 1986. М.

Равич И.Г., Рындина Н.В., 1989. Методика металлографического изучения древних кованых изделий из меди // Естественнонаучные методы в археологии. М.

Рындина Н.В., 1992. О периодизации древнейшего металлообрабатывающего производства Юго-Восточной Европы (неолит-энеолит) // Вестн. МГУ. Сер. 8, история. № 6.

Рындина Н.В., 1994а. Две фазы в развитии Балкано-Карпатской металлургической провинции // Проблеми на най-ранната металургия. София.

Рындина Н.В., 1994б. Древнейший металл Болгарии и проблема происхождения металлургии Юго-Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М.

Рындина Н.В., 1996. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы // Гуманитарная наука в России. Соросовские лауреаты. М.

Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). М.

Рындина Н.В., Инденбаум Г.В., Колосова В.С., 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан // The Fourth Millennium B.C. Sofia.

Рындина Н.В., Орловская Л.Б., 1978. Результаты металлографического исследования // Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.

Рындина Н.В., Равич И.Г., 1996. Металлография и изучение древнейшего металлообрабатывающего производства // Археологія. № 3.

Чайлд Г., 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.

Черных Е.Н., 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
Чурсин В.М., 1982. Плавка медных сплавов. М.
Шабельников И.А., Этелис Л.С., Мальцев Н.А., 1981. Литые медные рыльца доменных фурм // Литейное производство. № 3.
Bar Adon P., 1980. The Cave of the Treasure. The Finds from the Caves in Nahal Mishmar. Jerusalem.
Carmi I., Segal D., 1992. Rehovot Radiocarbon Measurements IV // Radiocarbon. № 34.
Charles I.A., 1970. A Metallurgical Examination of South-East European Copper Axes // Proceedings of the Prehistoric Society for 1969. № XXXV. London.
Coghlan H.H., 1951. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. London.
Coghlan H.H., 1960. Metallurgical Analyses of Archaeological Materials // The Applications of Quantitative Methods in Archaeology. Chicago.
Coghlan H.H., 1961. Some problems concerning the Manufacture of Copper Schaft-Hole Axes // Archaeologia Austriaca. Heft 29. Wien.
Frangipane M., 1985. Early Development of Metallurgy in the Near East // Studii di Paletnologia. Roma.
Gilead I., 1988. The Chalcolithic Period in the Levant // Journal of World Prehistory. № 2.
Hauptmann A., Weisgerber G., Bachmann G., 1992. Ancient Copper Production in the Area of Feinan, Khirbet en-Nahas and Wadi el-Jariye, Wadi Arabah, Jordan // Archeomaterials. № 6.
Parker G., 1970. Metallurgist Looks at the Bronze Age // Bulletin of the Historical Metallurgy Group. V. 4. № 2. London.
Patay P., Zimmer K., Srabó Z., Sinay G., 1963. Spectrographische und Metallographische Untersuchung Kupfer und Frühbronzezeitlicher Funde // Acta Archaeologica Hungaricae. T. XV. Budapest.
Pittioni R., 1957. Urzeitlicher Bergbau auf Kupfererz und Spurenanalyze // Archaeologia Austraica. B. I. Wien.
Ryndina N.V., 1993. Die Technologie der Kupfergeräte aus dem Grab vom Reka Devnja // Saarbrücker Studien und Materialen zur Altertumskunde. № 2. Bonn.
Segal D., Carmi I., 1996. Rehovot Radiocarbon Date, List V // Antiqot. V. XXIX.
Shalev S., 1995. Metals in Ancient Israel: Archaeological Interpretation of Chemical Analysis // Israel Journal of Chemistry. V. 35. № 2.
Tadmor M., Kedem D., Begemann F., Hauptmann A., Pernicka E., Schmitt-Strecker S., 1995. The Nahal Mishmar Hoard from the Judean Desert: Technology, Composition and Provenance // Antiqot. V. XXVII. Jerusalem.
Tallon F., 1987. Métallurgie Susienne I. De la fondation de Suse au XVIII-e siecle avant J.-C. Paris.
Tobler A.J., 1950. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia.
Vulpe A., 1975. Äxte und Beile in Rumänien, II // Praehistorische Bronzefunde. IX/2. München.
Weinstein J.M., 1984. Radiocarbon Dating in the Southern Levant // Radiocarbon. № 26.
Zbenovich V.G., 1994–1995. The Oldest Gold in the World (on the occasion of the exibition in the Israel Museum) // Journal of the Israel Prehistoric Society. № 26.

Московский государственный университет

N.V. RYNDINA

ON THE ENEOLITHIC CASTING MOULDS IN THE NORTH-EASTERN BALKANS

Summary

Despite gigantic concentration of large copper tools of the Eneolithic period in the Balkan-Carpathian region, finds of casting moulds are practically unknown. Metallographical analyses of 242 copper objects associated with Gumelnitsa culture in the North-Eastern Balkans have been made. Together with the evidence obtained during studying casting defects on the surfaces of the castings it allowed us to reconstruct eight variants of casting moulds used by the smelters in the 5th millennium B.C. (Table 1, Fig. 1). The mysterious lack of casting moulds has been explained by the fact that most of them were cut out of graphite. Graphite is friable and is being burnt out during prolonged casting process. It dissolves in the outher layers of copper castings enriched with oxygen. Meanwhile deoxidised zone is being formed similar to those observed on the metal objects of Gumelnitsa culture (Fig. 2, 3). Thus, the advantages of graphite moulds were apprehended as early as the 5th millennium B.C. Then they were completely forgotten and re-invented only in the 20th century.

Н.П. МАТВЕЕВА, С.И. ЛАРИН

О ХАРАКТЕРЕ РАССЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА ПЛЕМЕН САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из актуальных проблем изучения экономики и социального строя древних обществ лесостепной зоны Западной Сибири эпохи раннего железа является проблема определения хозяйственно-культурного типа населения. В частности, степень подвижности племен саргатской культуры и динамика развития экономики разным авторам представляются по-разному. В.А. Могильников (1976), а затем Н.П. Матвеева (1987) высказали мнение о развитии хозяйства саргатцев от оседлости к полукочевому скотоводству, а затем в первых веках нашей эры – к кочеванию. Близкой точки зрения придерживается Н.В. Полосьмак, считающая, что развитие разнообразных форм подвижного скотоводства в соответствии с изменениями природной среды обусловило переход к кочеванию (Полосьмак Н.В., 1987). Л.Н. Корякова (1988) и А.С. Сергеев (1992) полагают, что направленность изменений хозяйства была обратной – от кочевания к оседлости с преобладанием форм полуоседлого и полукочевого хозяйства.

Поселения саргатской культуры концентрируются группами вдоль главных водных артерий ареала с интервалами около 8–10 км, образуя микрорайоны. Могильники расположены в среднем через 3–4 км. Городища разделены значительно бóльшими интервалами – 30–40 км и окружены дополнительной сетью, видимо, разновременных селищ. В Притоболье густонаселенными районами были среднее и нижнее течение Исети, долина Тобола между Суерью и устьем Исети, Илецко-Иковский бор вокруг Кургана, устье Куртамыша, Андреевско-Дуванская, Ипкульская озерные системы, в Приишимье – районы пос. Абатский и г. Ишима. В Прииртышье – низовья Тары, Оми, Крутинские озера, в Барабе – Венгеровский и Куйбышевский микрорайоны.

Но в отличие от Л.Н. Коряковой, насчитывавшей 11 таких микрорайонов и интерпретировавшей их как места обитания племенных групп (Корякова Л.Н., 1988, с. 34), мы считаем подобное заключение поспешным. Поскольку во всех этих микрорайонах далеко не все памятники изучались раскопками, датированы лишь единичные объекты, утверждать их непрерывное заселение в течение тысячелетия и устойчивый режим эксплуатации невозможно. Следует идти от анализа системы расселения и экономических связей между датированными памятниками одного микрорайона, что мы и попытаемся предпринять ниже[1].

Попытаемся выявить схему саргатского расселения на севере лесостепи на материалах наиболее изученного района Тобол-Исетского междуречья. Памятники здесь расположены гнездами по 3,4 поселения через 10–15 км, причем они могут отстоять друг от друга на 2,5–4 км. Учитывая преобладание недолговременных и, следовательно, асинхронных поселений и неполную сохранность археологических объектов, по этой остаточной схеме можно сделать вывод о наличии ядер расселения. Рассмотрим карту расположения на этой территории городищ (рис. 1). Все они вытянуты цепью с довольно равномерными интервалами по правому берегу Исети и правому берегу Тобола, начиная с запада, между Прыговским, Павлиновым, Рафайловским городищами по прямой около 35 км, между Рафайловским и Коловским – 30 км, между

[1] Работа выполнена по гранту РФФИ № 96-06-80548 "Реконструкция среды обитания и систем жизнеобеспечения населения лесостепи Западной Сибири в древности".

© Н.П. Матвеева, С.И. Ларин, 2000 г.

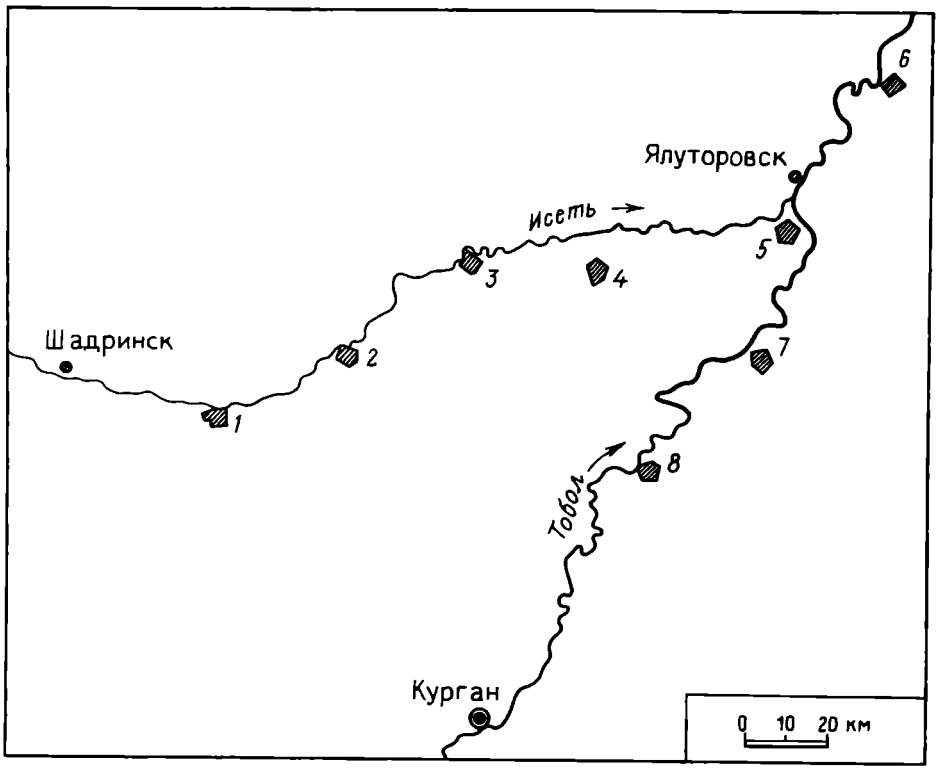


Рис. 1. Схема расположения саргатских городищ в Притоболье.
1 – Прыговское; *2* – Павлиново; *3* – Рафайловское; *4* – Коловское; *5* – Старо-Лыбаевское 2; *6* – Ревда; *7* – Скородум; *8* – Увал IV

Коловским и Старо-Лыбаевским – 30–40 км. По Тоболу с юга известно меньше городищ, но если считать наличие саргатской керамики проявлением функционирования укреплений на Скородуме и Ревде (так как оборонительные линии не изучались), то и здесь интервалы составляют 35 км между Увалом-IV и Скородумом, 30 км – между Скородумом и Малой Зырянкой и 40 км между Малой Зырянкой и Ревдой.

Городища на Нижней Исети датированы. Прыговское, вероятно, возникло в IV–III вв. до н.э. и существовало в III–II вв. до н.э., судя по нескольким строительным горизонтам и датировке прилегающих к нему могильников. Ряд находок указывает на функционирование его и в первые века н.э. (Генинг В.Ф., Позднякова К., 1964). Павлиново датируется V–III вв. до н.э. (Корякова Л.Н. и др., 1995). Рафайловское могло функционировать с конца V – начала IV в. до н.э. по II в. до н.э. Коловское также относится к IV–II вв. до н.э. (Матвеева Н.П., 1993а). Остальные городища не датированы, но для Увала-IV, ориентируясь по могильнику Увал-I, определим время приблизительно III–II вв. до н.э. Таким образом, ранние даты и длительное существование городищ, как и планомерное распределение на местности, дают нам основание считать их центрами саргатского освоения территории.

Теперь рассмотрим такое ядро на примере Рафайловского. В его зону входят городище, два селища, три могильника на правом берегу р. Исеть, а также одно селище и четыре могильника на левом. Установлено, что население его вело комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства (Матвеева Н.П., 1993а). При 45%-ной доле лошади в стаде отгонный характер коневодства несомненен, как и раздельный выпас животных тремя группами: табун, отара и стадо крупного рогатого скота.

Как правило, для населения, занимавшегося оседлым сельским хозяйством, основанном на ручном труде и силе рабочего скота, эксплуатация территорий за пределами 5-километровой зоны от поселка становится экономически нецелесообразной (Хаггет П., 1968), поэтому сочетание в хозяйстве земледелия с отгонным скотовод-

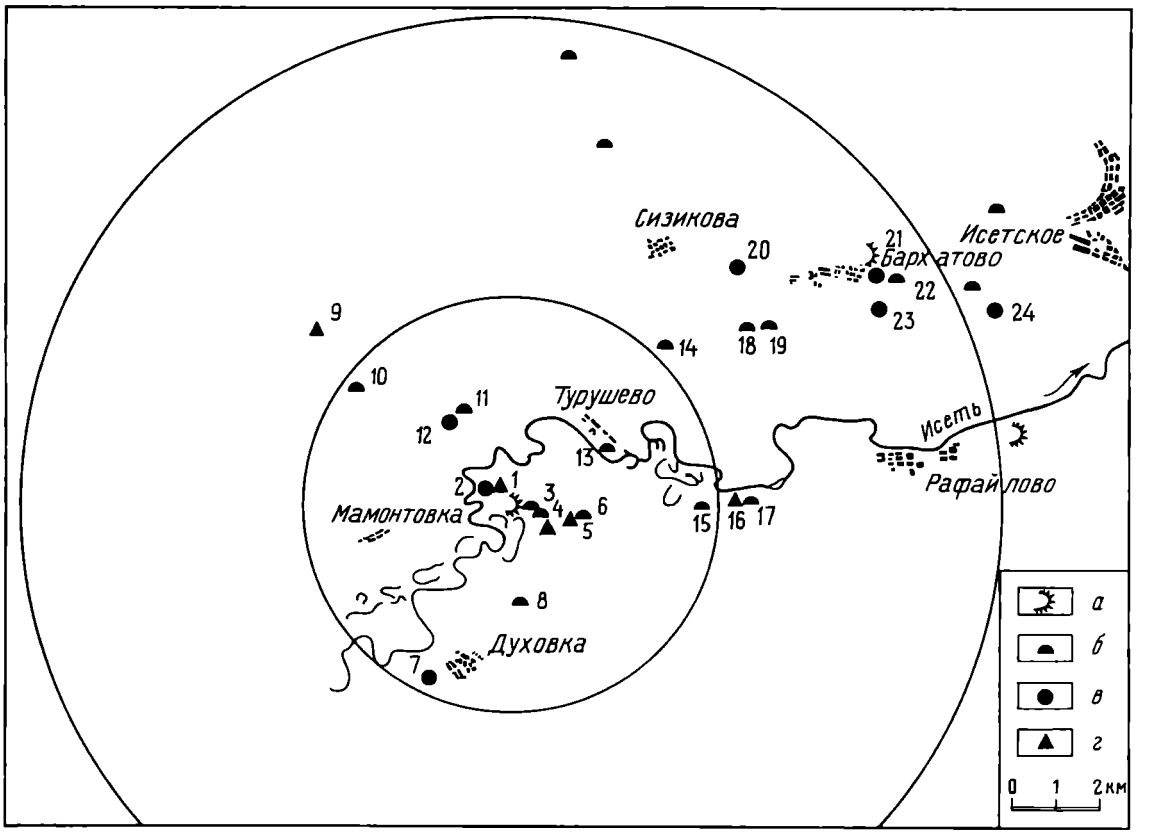


Рис. 2. Схема расположения памятников Рафайловского ядра расселения. Условные обозначения: *а* – городище; *б* – курганный могильник; *в* – сезонные поселения; *г* – инокультурные поселения
1 – Рафайловское городище и селище; *2* – Рафайловский остров; *3* – Рафайловский 1 могильник; *4* – Рафайловское 1; *5* – Рафайловский 2 могильник; *6* – Рафайловское 2; *7* – пос. Духовка; *8* – могильник Духовка; *9* – Большой Ключевской курган; *10* – Ключевский 2 могильник; *11* – Ключевский 1 могильник; *12* – Ключевское; *13* – Турушовский 2 могильник; *14* – Турушовский 1 могильник; *15* – Ольховский курган; *16* – пос. Ольховка; *17* – могильник Ольховка; *18* – Гаевский 1 могильник; *19* – Гаевский 2 могильник; *20* – Сизиковское; *21* – Бархатовское городище; *22* – Бархатовские курганы; *23* – Бархатовское (Ирюмское) пос.; *24* – Исетское

ством ведет к появлению одновременно со стационарным аграрным поселением существующих пастушеских стоянок.

В 5-километровый радиус вокруг городища как зону наиболее активного и рентабельного сельскохозяйственного освоения попадают: одно долговременное селище-посад и две сезонных стоянки (Духовка, Ключевское), а также выселок на Рафайловском острове (рис. 2). Примем эту территорию как основу придомного выпаса стада и земледельческих занятий на пойменных землях.

Выпас табуна и отары проводился, очевидно, круглогодично на отдаленных пастбищах с сезонными пастушескими стоянками в центре. Такое скопление сезонных поселений мы видим при устье р. Ирюм: Бархатовское, Сизиковское, Исетское. Они вместе с еще шестью могильниками попадают в 10–12-километровый радиус освоенной территории Рафайловского городища. Здесь же при устье Ирюма находилось Бархатовское многослойное городище с саргатским культурным слоем, аналогичное по всем параметрам известному Коловскому (Матвеева Н.П., 1993а). Оно недавно уничтожено, и поэтому осталось неясным время возникновения на нем фортификаций раннего железного века. Позволим себе предположение, что оно было сравнительно поздним, являлось убежищем и дополняло функции Рафайловского. Строительство его, вероятно, было обусловлено ростом населения и стада и, следовательно, увели-

чением эксплуатируемой из Рафайловского центра территории. Таким образом, оно могло являться центром освоения второго порядка.

Обратимся к проблеме длительности обитания саргатского населения на городищах – ядрах освоения территории. Нами в 1995–1996 гг. была проделана работа по отбору палинологических проб и радиоуглеродному датированию разновременных объектов Рафайловского городища и могильника Нижний Ингал 1.

Рафайловское городище исследовалось Н.П. Матвеевой в 1983–1987, 1995 гг., а также А.В. Матвеевым в 1984 г. как комплекс памятников саргатской культуры раннего железного века, состоящий из двух укрепленных площадок, обширного селища, сезонного поселка Рафайловский остров и Рафайловского 1 и 2 курганных могильников. Материалы опубликованы (Матвеева Н.П., 1993а, б).

Археологические исследования показали, что этот памятник является одним из важнейших экономических центров саргатской культуры в Среднем Притоболье, одним из пунктов караванной торговли на дальние расстояния и, возможно, центром управления прилегающей территорией с разноэтничным населением (Матвеева Н.П., 1993а). Он был обитаем весьма длительное время, имеет следы не менее чем трех строительных горизонтов, оставленных домами усадебного типа, несколько линий фортификации, многократно перестраивавшихся и обновлявшихся. Кроме того, на площади селища имеются грунтовые и курганные захоронения саргатской культуры, относящиеся ко времени прекращения использования отдельных участков застройки.

Датировка селища по комплексу находок оружия и украшений первоначально определена нами в рамках конца V – начала III в. до н.э., поселения Рафайловский остров – III–II вв. до н.э. (Матвеева Н.П., 1993б). Причем основания для датировки дали только самые ранние постройки на селище и курган, датированный IV–III вв. до н.э. Выразительного инвентаря для датировки укрепленных площадок не оказалось.

Поскольку достоверно прослеженная застройка в три строительных горизонта показала большую длительность использования городища, возникают две возможности объяснения этого факта: как непрерывное проживание в течение нескольких веков или как многократное обживание одной и той же площадки с интервалом в несколько десятилетий. Интерпретация здесь зависит от установления времени существования конкретных строений и оборонительных сооружений, а также общей оценки хозяйственно-культурного типа его обитателей.

В первом направлении нами собраны все сделанные при раскопках прежних лет пробы угля на С-14, а также С.И. Лариным проведен специальный отбор проб грунта и кости на С-14 из раскопа на селище в жилище 12 и траншее второй площадки. Всего получено семь радиоуглеродных дат в лаборатории стратиграфии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН под руководством к.г.-м.н. Л.А. Орловой.

Образец СОАН-3530: 2715 – +30 лет или 765 – +30 г. до н.э. Древесный уголь от сгоревшей кровли сооружения 1, достоверно одной из самых поздних построек на селище. Калиброванный возраст: 2917–2914; 2866–2777.

Образец СОАН-3531: 1610 – +30 лет или 340 – +30 г.н.э. Отобран из сгоревшей кровли сооружения 1, одного из самых поздних на селище, в 1985 г. Калиброванный возраст: 1541–1477; 1455–1416.

Образец СОАН-3532: 2295 – +30 лет или 345 – +30 г. до н.э. Древесный уголь от деревянной кровли того же объекта. Калиброванный возраст: 2350–2329.

Образец СОАН-3533: 2140 – +30 лет или 190 – + г. до н.э. Древесный уголь из слоя бытового мусора под валом второй площадки на глубине 1–1,2 м от поверхности в кв. АБ/5, 6, 2-ой горизонт, отобран в 1985 г. Калиброванный возраст: 2298–2252; 2177–2171; 2158–2114; 2093–2066.

Образец СОАН-3534: 2170 – +30 лет или 220 – +30 г. до н.э. Древесный уголь со второй площадки городища, 3-ий горизонт, с глубины 1,2–1,3 м от поверхности в бытовом мусоре насыпи вала в кв. АБ/5, 6. Калиброванный возраст: 2302–2242; 2205–2204; 2180–2118; 2088–2077.

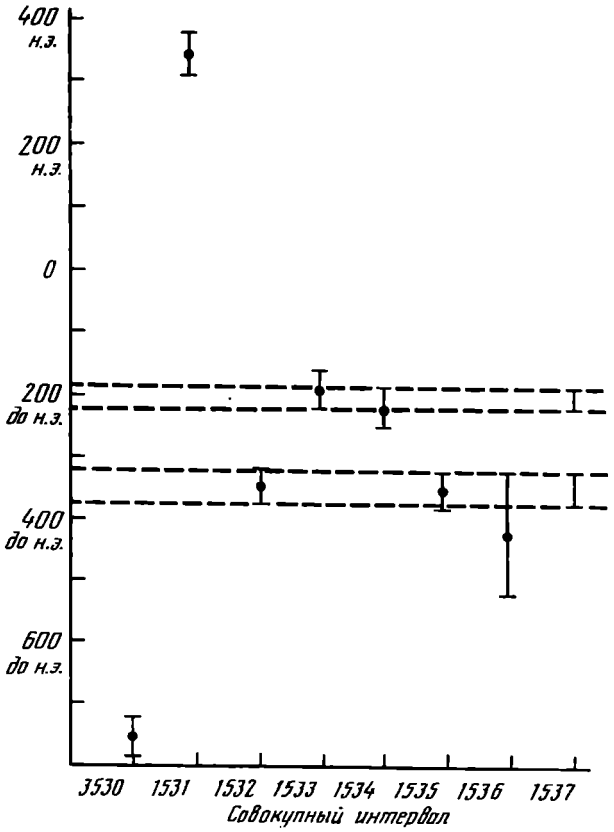


Рис. 3. График некалиброванных радиоуглеродных дат Рафайловского городища

Образец СОАН-3535: 2300 – +30 лет или 350 – + г. до н.э. Кость из слоя под валом второй площадки городища на стыке с раскопом 6 на глубине 1–1,47 м, отобрана в 1995 г. Калиброванный возраст: 350–2329.

Образец 3536: 2370 – +100 лет или 420 – +100 г. до н.э. Кость из первичного заполнения котлована жилища в 12 кв. Т-XXII на глубине 0,9 м от поверхности датирована по костному углю, отобрана в 1995 г. Калиброванный возраст: 2704–2641; 2537–2530; 2491–2409; 2399–2331.

Даты СОАН-3530 и СОАН-3531 вызывают затруднения в интерпретации в связи с расхождением с другими датами по углю из этого же объекта.

График некалиброванных дат показывает (рис. 3), что начальный период строительства вала на второй площадке относится к периоду 2175–2150 лет назад, а совпадение датировок основания упомянутого выше вала, сооружения 1 и жилища 12 относится ко времени 2270–2325 лет. Совпадение возрастов тех же объектов по калиброванным датам: для сооружения 1, основания вала 2 площадки и жилища 12 на селище прослеживается в пределах 2350–2329 лет, а также двух первых прослоек вала 2 площадки – в пределах 2180–2118 лет.

Эти расчеты показывают, что перестройки сооружений и жилищ проводились через небольшие промежутки в 25–30 лет. Весь период существования городища укладывается в промежуток от ранних построек на селище (жилища по кург. 1 Рафайловского могильника) в конце V – начале IV в. до н.э., до последнего обновления вала, оставшегося недатированным. Но поскольку первая и вторая попытки строительства вала второй площадки датированы временем около 220 г. – +30 лет до н.э. и 190 – +30 лет до н.э., то и третья и четвертая (судя по количеству слоев, составляющих вал) досыпки осуществлены были также с интервалом 25–30 лет. Поэтому предположим, что городище просуществовало до 140–130 г. – + до н.э. Укрепления второй площадки появились после 350 г. – + 30 лет до н.э., даты основания вала,

вероятно, соответствующей существованию раннего жилища 5, что почти совпадает с поздним пожарищем на месте сооружения 1 – 345 г. – + 30 лет до н.э.

Таким образом, подтверждается наше первоначальное предположение, что после оставления селища цитадель продолжала функционировать еще некоторое время как убежище для обитателей соседних сезонных поселений.

При сопоставлении радиоуглеродных дат складывается впечатление, что первая укрепленная площадка и усадьбы на селище существовали с перестройками непрерывно в течение конца V – середины IV в. до н.э., т.е. полвека или три четверти столетия. Затем жизнь на городище продолжалась, видимо, только на защищенных фортификациями площадках достоверно в III–II вв. до н.э., а быть может и позднее.

Анализ палинологических комплексов из культурных отложений археологических памятников раннего железного века в нижнем течении р. Исеть проведен Т.Г. Семочкиной в ЗапСибНИГНИ (Тюмень). Его результаты позволяют наметить некоторые особенности природной среды древности.

В частности, пробы взяты из разреза жилища № 12 на селище Рафайловского городища. Горизонты, относящиеся к полу древнего жилища и остаткам разрушения кровли, содержали споры плаунов, зеленых мхов, а также *Selaginella involvens*. Наличие водных растений связано с близостью старицы Исети, к берегу которой и были приурочены укрепления городища. Палинологический спектр жилища характеризуется высоким содержанием пыльцы травянистых растений (55,2%) преимущественно сложноцветных, с доминированием полыней, при значительном участии древесных пород. Среди последних выделены береза и сосна. В целом палинокомплексы отражают развитие лесостепных ассоциаций с большой долей открытых пространств.

Образцы из погребенной почвы саргатского кург. 1 Нижне-Ингальского 1 могильника, находящегося на правобережье Исети в Заводоуковском р-не Тюменской обл., относятся к III в. до н.э. (СОАН-3527 – 230 г. до н.э., – +30 лет; СОАН-3529 – 215 г. до н.э. – +30 лет, выполнены под руководством Л.А. Орловой). Спорово-пыльцевые спектры подкурганной площадки содержат много спор, среди которых доминирует *Ophioglossum vulgatum*, пыльца ксерофитных растений (*Artemisia*, *Compositae*, *Caryophyllaceae*). Полученные данные позволяют предположить, что растительность была представлена осветленными сосновыми лесами с незначительной примесью березы. Травяной покров этих лесов представляли полынные ассоциации и плауны.

Согласно палеопочвенным наблюдениям к.с.-х.н. В.А. Хренова (Тюменский университет), погребенная почва представляет собой среднемощный, среднещелоченный высокогумусированный чернозем с легким механическим составом, горизонт В – легкий карбонатный суглинок, что позволяет предполагать на этом месте в прошлом открытую местность, покрытую густой травянистой растительностью.

Таким образом, средой обитания древнего населения Прииссетья были лесостепные ландшафты с большими площадями суходольных и пойменных лугов.

Судя по качественному составу спорово-пыльцевых спектров образцов № 2–5 из погребенной почвы кург. 1 Нижне-Ингальского могильника, климатические условия были, очевидно, относительно прохладные и влажные, а затем более теплые (образец 1).

Количественная реконструкция климатических условий методом информационно-статистического анализа (Климанов В.А., 1976; 1981; 1985) по палинологическим спектрам указанных выше образцов проведена С.И. Лариным (Ларин С.И., Матвеева Н.П., 1997). Она не дала однозначных результатов. Относительно достоверные результаты фактически получены только для верхних двух образцов, хотя и здесь нет полного совпадения (таблица). Судя по данным анализа субфоссильных спорово-пыльцевых спектров из Приишимья (Ларин С.И. и др., 1996) и из окрестностей Рафайловского городища, наиболее достоверно реконструируются средние годовые температуры и средние температуры июля. В последнем случае восстановленные значения средней температуры июля составляют 10 ... 14° по Цельсию. По сравнению с современными значениями эти показатели заметно ниже. В частности, современные

Результаты подсчетов климатических показателей по спорово-пыльцевым спектрам образцов из погребенной почвы кург. 1 Нижне-Ингальского могильника

Образец	Средняя температура, °С			Годовые осадки, мм	Период	
	годовая	июля	января		теплый	холодный
1	–2 ... –6	+10 ... +14	–17 ... –23	300–800	350–400	75–100
2	?	+10 ... +14	?	300–500	300–350	50–75
3	?	Теплее	?	?	?	100–125
4	?	Теплее	?	?	?	100–125

Примечание. ? – результаты подсчетов неоднозначны в виду большого разброса значений.

значения средней температуры июля по ГМС Ялуторовск равно +18,3°. Близкие результаты получены по Рафайловскому городищу. К сожалению, насыщенность пыльцой и спорами образцов в нижней части изученного разреза слабая. В результате расчеты удалось провести только по одному образцу из жилища 12 на селище (образец 4):

ср.год.Т	ср.Т. июля	ср.Т. янв.	год, осадки, мм	тепл. период	хол. период
–6–8	+10 ... +14	–20 ... –23	?	300–350	50–75

В археологическом отношении это период финального этапа жизни на селище и отвечает времени около III в. до н.э.

Здесь следует отметить, что М.Ф. Косаревым была высказана гипотеза об имевшей место на юге Западной Сибири второй, в рамках раннего железного века, волне увлажнения в конце I тыс. до н.э. (Косарев М.Ф., 1984, с. 42). Аргументация его базировалась на изменении топографии памятников и регистрации по археологическим данным миграций северных лесных племен в лесостепь. Нашими материалами подтверждается похолодание климата на севере лесостепи в IV–II вв. до н.э., затем потепление и аридизация.

Получив некоторые данные о природной среде древности, обратимся к рассмотрению проблемы характера хозяйства. Учитывая состав стада обитателей Рафайловского городища и Рафайловского острова, в котором крупного рогатого скота и лошадей были почти равные доли – 47–48%, овец и коз незначительное число – 4,8%, верблюда – 0,9%, а также занятия рыболовством, земледелием, ремеслами и караванной торговлей (Матвеева Н.Г., 1993б), можно говорить об оседлом проживании части общины в течение нескольких десятилетий на поселении и о сезонном выпасе табуна другой частью коллектива на дальних пастбищах по определенному циклу передвижений.

В целом на раннем этапе существования памятника реконструируется хозяйственно-культурный тип полуоседлых скотоводов.

В дальнейшем либо за счет начавшегося усыхания климата, либо из-за перевыпаса площадь сельскохозяйственной округи Рафайловского городища стала использоваться менее интенсивно и возникли несколько разновременных селищ в радиусе 20–25 км, другое городище (Бархатовское-Ирюмское), ряд новых могильников. Из последних Гаевский 1 датируется временем от III–II вв. до н.э. до первых веков н.э., а Гаевский 2 могильник – периодом II–III вв. н.э., т.е. достоверно являются более поздними. Таким образом, хозяйственная жизнь, по-видимому, распространилась на левобережье Исети и приобрела более подвижный характер.

Близкая картина наблюдается в размещении памятников и, следовательно, в конфигурации и площадях экономических зон вблизи Коловского (рис. 4), Прыговского, Павлинова, Богдановского, Карташовского и других наиболее изученных городищ.

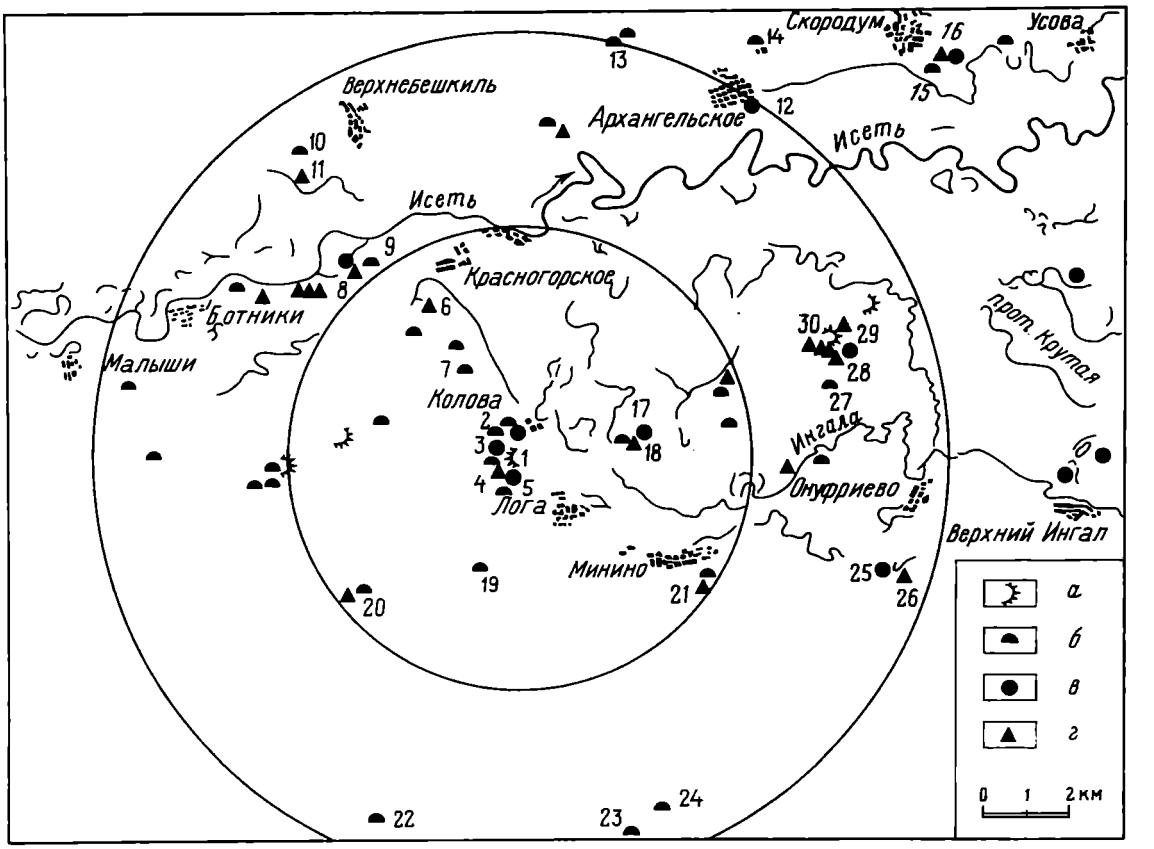


Рис. 4. Схема расположения памятников Коловского ядра расселения. Условные обозначения: *а* – городище; *б* – курганный могильник; *в* – поселения; *г* – поселения других культур раннего железного века.
1 – Коловское городище и селище; *2* – Коловское 2; *3* – Коловский могильник; *4* – Коловское 3; *5* – Коловское 4; *6* – Красногороский 1 могильник; *7* – Красногорский 2 могильник; *8* – Болотниковское; *9* – могильник Красногорский борок; *10* – Верхне-Бешкильское; *11* – Верхне-Бешкильский могильник; *12* – Архангельское; *13* – Архангельский могильник; *14* – Попов Увал; *15* – Пашенное могильник; *16* – Таловские курганы; *17* – Логовское; *18* – Логовский 3 могильник; *19* – могильник Лога; *20* – могильник Золотой бугор; *21* – Мининский могильник; *22* – Искровский могильник; *23, 24* – Гряда 1 и 2; *24* – могильник Солонцы; *25* – Онуфриевское; *26* – Онуфриевский курган; *27* – курганы Ануфриевский борок; *28* – пос. Онуфриевский борок 3; *29* – городище Онуфриевский борок; *30* – пос. Онуфриевский борок 8

Как мы установили, саргатские районы расселения формировались вокруг городищ – ядер освоения территории, расположенных на расстоянии 35–40 км друг от друга. Центры второго порядка – городища-убежища расположены в 9–12 км от основного центра, постоянные поселения (одно или два) – в непосредственной близости от укреплений, сезонные поселения по интервалам относительно центра можно разделить на две группы: близкорасположенные (на расстоянии 1,5–2,3 км) и удаленные (5,6–8 км). Самыми удаленными объектами относительно центра являются могильники, состоящие из больших, по 2–3 м высотой, насыпей. При этом проявляется следующая закономерность в расположении "царских курганов" (высотой 4–8 м): они находятся в 5–8 км от центра в условиях прямого обзора, на доминирующих высотах коренных террас и могли выполнять роль дозорных пунктов в пределах своих микрорайонов, общей же системы в их расположении не прослеживается.

На конфигурацию площадей освоения влияет локализация ресурсов. Если обратиться к самому простому населенному пункту – деревне – и составить перечень необходимых ей ресурсов: земельные угодья, вода, строительные материалы, топливо, гончарные глины, болотные руды и др., то в районах с однородным их расположением интервалы между поселениями будут одинаковыми, что мы и видим на примере саргатских памятников.

Генезис саргатских поселений отражает второй вариант теоретической схемы размещения центральных поселений в древности по Блоуэту (Blouet B.M., 1972, p. 3–15), когда организуются постоянные поселения в регионе, эксплуатируемом для сельскохозяйственных нужд. Первый вариант – возникновение центральных поселений с задачами организации управления и обмена как результат внутриэкономического развития общества, не может быть принят, так как отмеченная нами поселенческая структура прослежена пока только на рубежах саргатского ареала и ее возникновение обусловлено в первую очередь задачами обороны и, вероятно, организации торговых факторий[2].

Уже само различие размеров поселений свидетельствует о разнице их функций: принято считать, что крупные центры выполняют более разнообразные функции, и зависимость здесь прямопропорциональная (Хаггет П., 1968, с. 143). В обществах, где осуществляется административный контроль, существует иерархическая система расселения, причем общей схемой гнездования является иерархия. Линейный принцип расположения городищ на территории саргатской культуры, даже после деления на центры первого и второго порядка, указывает на отсутствие четкой централизации управления в масштабах ареала.

Реконструируемый нами хозяйственно-культурный тип полуоседлых скотоводов на севере лесостепи, на юге лесостепной зоны, очевидно, дополнялся полукочевым. В саргатской архитектуре можно усмотреть как элементы оседлости (крепости, усадебная застройка, настилка стационарных полов, отдельные постройки для хозяйственных занятий и ремесле, придомного содержания скота), так и кочевого быта (недолговременность большинства поселений, их малая площадь, легкие каркасные и шатровые жилища), свидетельствующие о сочетании разных хозяйственно-культурных типов на территории западносибирской лесостепи.

В частности, сочетание недолговременности саргатских поселений Барабы с наземным характером построек, находящим аналогии в Южной Сибири, некоторые сакские и алтайские аналогии инвентарю из курганов (сосуды со сливом, каменные блюда-алтарики, роговые пряжки, зооморфные сюжеты бронзового литья и др.) (Полосьмак Н.В., 1987) могут быть интерпретированы как отражение полукочевого характера саргатской культуры в этом районе. Вероятно, на Оми и Тартасе находились летники нескольких определенных семейно-родственных групп, на зимовку откочевывавших в направлении юго-западных предгорий Алтая в среду восточноказахстанских саков и носителей каменской культуры. Археологически проникновение саргатцев в предгорья Алтая зафиксировано отдельными поселениями и погребениями (Могильников В.А., 1992, с. 310; Иванов Г.Е., 1991). То же следует предположить для саргатского населения юга лесостепной зоны (южнее устья Куртамыша, городов Ишима, Омска), где также зафиксированы только недолговременные поселения, но курганные могильники практически на берегах всех крупных водоемов и возвышенностях указывают на плотное использование пастбищных угодий. Возникновение же единственной известной здесь крепости Ак-Тау можно объяснить конкретной ситуацией борьбы за летники на юге лесостепи между ишимскими саками и саргатцами.

Ведению полукочевого хозяйства способствовала большая остепненность указанных пространств, позднее получивших наименование "ишимская степь", "барабинская степь". Вполне вероятны и генетические связи населения этих районов с саками, так как явные волны миграций в V–III вв. до н.э. хорошо прослеживаются (Корякова Л.Н., 1977; Могильников В.А., 1983; Матвеева Н.П., 1987).

---

[2] См. статью Н.П. Матвеевой "О торговых связях населения Западной Сибири с Центральной Азией в раннем железном веке". РА, 1997, № 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф., Позднякова К., 1964. Прыговское городище // ВАУ. Вып. 4.

Иванов Г.Е., 1991. Саргатская керамика с поселения Островное III // Проблемы хронологии периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.

Климанов В.А., 1976. К методике восстановления количественных характеристик климата прошлого // Вестн. МГУ. Сер. геогр. № 2.

Климанов В.А., 1981. Связь суборосильных пыльцевых спектров с современными климатическими условиями // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 5.

Климанов В.А., 1985. Реконструкция палеотемператур и палеоосадков на основе спорово-пыльцевых данных // Методы реконструкции палеоклиматов. М.

Корякова Л.Н., 1977. Ансамбль некрополя саргатской культуры // ВАУ. Вып. 14.

Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск.

Корякова Л.Н., Ковригин А.А., Сергеев А.С., Шарапова С.В., 1995. Новые раскопки на павлиновом городище // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2. М.: Магнитогорск.

Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.

Ларин С.И., Лапшина Е.А., Матвеев А.В., 1996. Об отображении современных климатических особенностей в поверхностных спорово-пыльцевых спектрах лесостепного Прииишимья // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Тюмень.

Ларин С.И., Матвеева Н.П., 1997. Реконструкция среды обитания человека в раннем железном веке в северной части Тоболо-Ишимской лесостепи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.

Матвеева Н.П., 1987. О скотоводстве саргатских племен лесостепного Притоболья // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 2. Кемерово.

Матвеева Н.П., 1993а. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск.

Матвеева Н.П., 1993б. Рафайловское городище – памятник саргатской культуры Среднего Притоболья // РА. № 1.

Могильников В.А., 1976. Некоторые аспекты хозяйства племен лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск.

Могильников В.А., 1983. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.

Могильников В.А., 1992. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Полосьмак Н.В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.

Сергеев А.С., 1992. Некоторые аспекты реконструкции хозяйства населения лесостепи Тоболо-Иртышского междуречья в раннем железном веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург.

Хаггет П., 1968. Пространственный анализ в экономической географии. М.

Blouet B.M., 1972. Factors influencing the Evolution of Settelment and Urbanism. Duckworth.

Институт проблем освоения Севера
СО РАН, Тюмень

N.P. MATVEEVA, S.I. LARIN

ON THE SETTLING-PATTERN AND ECONOMY OF SARGATSKAYA CULTURE TRIBES

Summary

This settlements and cemeteries of Sargatskaya culture in West Siberian forest-steppe zone concentrate along the large rivers within the interval of 8–10 km, forming microregions numbering 10 to 15 or even more sites. Fortified settlements are situated 30–40 km from one another and surrounded by a network of sites of various periods. These sites represent the nuclei of initial settling the territory (Fig. 1). They are situated along the boundaries of the Sargatskaya culture lands and existed during the long period of the 5th–3rd centuries B.C. and later on. Connection of seasonal camps and barrow-mounds with

summer pasture lands indicates the limits of economic area of the fortified settlements within the extent of 10–12 km. On the Lower Iset' river the formation of second-rank centres was observed. They represent fortified settlements within a zone of 10–12 km in extent with ajacent unfortified settlements. On the example of Rafaylovskoye fortified settlement a duration of settled life and the economic pattern of such centres was characterized, as related to the north forest-steppe zone. Basing on a series of radiocarbon dates the period of continuous settling at the site was established as 420–345 B.C., whilst later on in 220–190 B.C. the fortifications were still in use, the site representing a shelter. The local population practiced semi-nomadic way of life, combining cattle-raising, fishing, hunting, and agriculture within the flood-plains. Long-distance trade also existed. In the 3rd–2nd centuries B.C. the economic activity became more vivid and spread over larger territory. The population of the southern forest-steppe and Baraba steppe led semi-nomadic life. According to pollen and palaeosoil analyses the environmental conditions in the Early Iron Age demonstrated the features typical of forest-steppe zone, but included also vast areas of dry- and water-meadows. In the beginning of the period the climate was relatively cool and damp, then it became more warm and dry.

В.П. БЫЛКОВА

О КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Проблема взаимоотношений эллинского и варварского населения на территории Северного Причерноморья в целом и в отдельных "зонах контакта" сохраняет свою актуальность на протяжении нескольких десятков лет. Оформились общие концепции, сложились конкретные представления, но даже для территорий, хорошо обеспеченных источниками, многие вопросы далеки от полного разрешения – что же касается менее изученных регионов, таких, как Нижнее Поднепровье, то недостаточная источниковая база не предполагала возможности постановки вопроса о развитии эллинской культурной традиции.

Факт существования поселений в устье Днепра был отмечен более ста лет назад (Чирков А.П., 1986, с. 546, 547). Г.Л. Скадовский, впоследствии председатель Херсонской губернской ученой архивной комиссии, предпринял попытку небольших работ на одном из них, названном им Белозерским городищем (Скадовский Г.Л., 1897, с. 81–85). В послевоенные годы устье Днепра попало в зону разведочных работ. В 1946 г. поселения в этом районе осматривал и шурфовал Н.М. Дмитренко (из-за ранней смерти исследователя ничего опубликовано не было, полевая документация и коллекции частично сохранились в Херсонском музее, отчет – в Институте археологии АН УССР), правый берег Днепровского лимана обследовали отряды Ольвийской и Буго-Днепровской экспедиций ИА АН УССР. В 1959 г. отряд Западно-Скифской экспедиции ИА АН СССР произвел осмотр Белозерского городища, сбор подъемного материала и шурфовку (Погребова Н.Н., Елагина Н.Г., 1959, с. 19, 20).

При анализе материалов Каменского городища Б.Н. Граков, опираясь на публикацию Г.Л. Скадовского, предположил, что Белозерское городище было синхронным Каменскому и "едва ли было чем-либо иным, кроме второго по величине города эпохи степного скифского царства" (Граков Б.Н., 1954, с. 145). В отчете Н.Н. Погребовой и Н.Г. Елагиной указано, что они не обнаружили остатков оборонительных сооружений, в подъемном материале присутствует керамика разных эпох, а зачистка берега и шурфы показали раздельность залегания культурного слоя бронзовой, скифской и сарматской эпох (Погребова Н.Н., Елагина Н.Г., 1959, с. 19, 20). К сожалению, эти сведения остались неопубликованными. Данные этой разведки совпадают с информацией топографа А.П. Чиркова, который разместил на территории будущего Белозерского городища два памятника – "в урочище Глинищи" и "на Корабельном мысу" (Чирков А.П., 1867, с. 546, 547). В дневнике Н.М. Дмитренко имеются ситуационный план и описание более позднего городища, которое он отделяет от раннего Белозерского и называет Костровским, поскольку такое название имеется на карте, приложенной к статье Г.Л. Скадовского (Дмитренко М.М., 1946).

Ко времени выхода последней обобщающей монографии (Степи..., 1989, с. 51) раскопки на Белозерском городище осуществлены не были; оно включено, по материалам Б.Н. Гракова, в основную степную группу скифских памятников. Проведенные в последние годы раскопки показывают, что памятник может быть отнесен к другой культурной традиции (Былкова В.П., 1991, с. 184, 185).

В 1989, 1991–1993, 1995, 1997, 1998 гг. экспедиция Херсонского краеведческого музея работала на Белозерском городище, в 1993, 1995, 1997 гг. при участии в финан-

© В.П. Былкова, 2000 г.

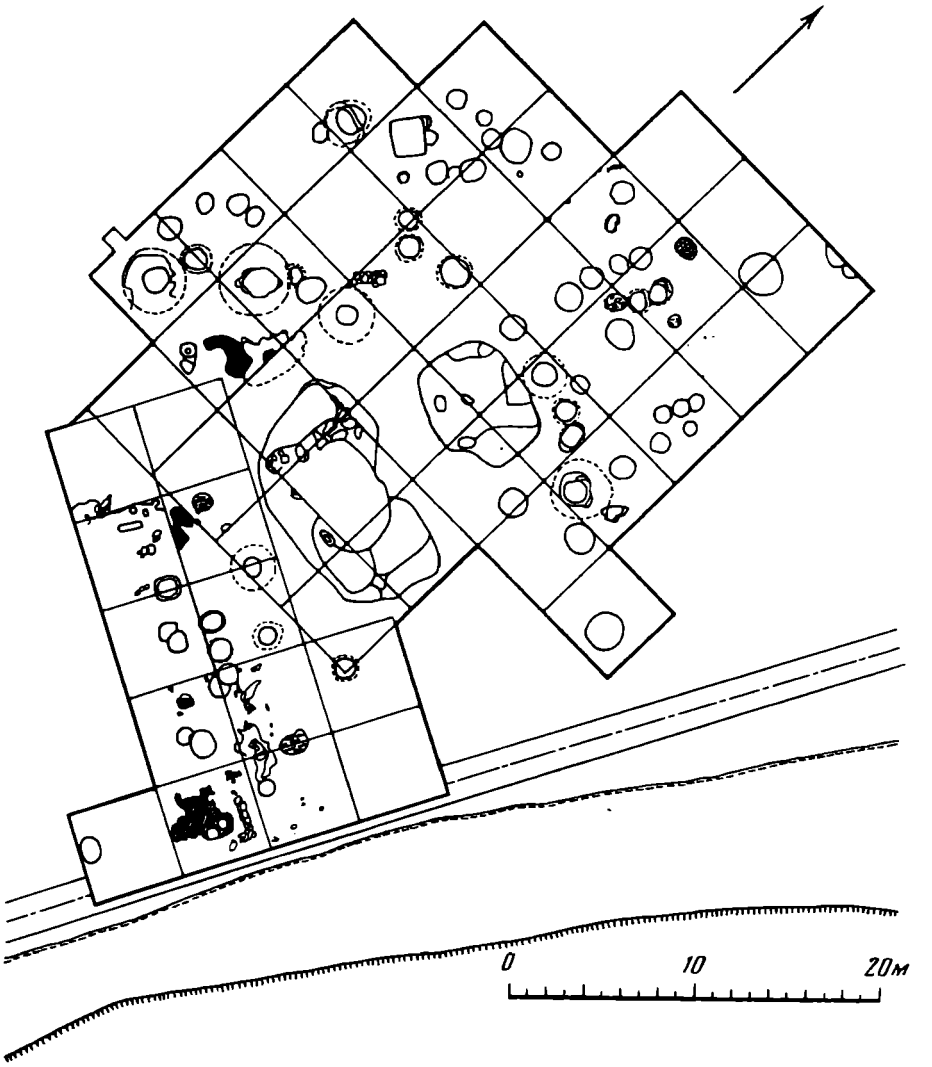


Рис. 1. План раскопа в восточной части Белозерского поселения

сировании Манитобского университета (Канада), в 1997–1998 гг. – Херсонского гос. педагогического университета (Билкова В.П., 1994, с. 19–31). Работы проводились, преимущественно, на поселении скифского времени (основной раскоп – около 1500 м^2), два небольших раскопа были заложены на более позднем памятнике. Между ними выявлена территория без культурного слоя, где в размытой стенке оросительного канала были обнаружены ольвийские "борисфены" в виде клада. Границы поселений определены приблизительно, площадь поселения скифского времени – оно фигурирует в статье под названием Белозерское – около 2 га.

Стратиграфия памятника нарушена плантажной вспашкой, но обнаружены отдельные в меньшей степени разрушенные участки. Мощность культурного слоя – 0,8–1,2 м; основным компонентом его являются глины, что связано с использованием сырцовых кирпичей. Прослеживается непрерывное существование памятника от начала IV в. до н.э. до первой трети III в. до н.э. Выделены периоды застройки. На памятнике выявлены элементы системной планировки: расположение строительных объектов вдоль береговой линии и приблизительно перпендикулярно к ней; территория застроена плотно (рис. 1).

Представлены два основных типа построек: наземные и углубленные в материк (с преобладанием слабоуглубленных). Наземные сооружения представляют собой остатки многокамерных жилых домов с вымощенными двориками, с каменно-сырцо-

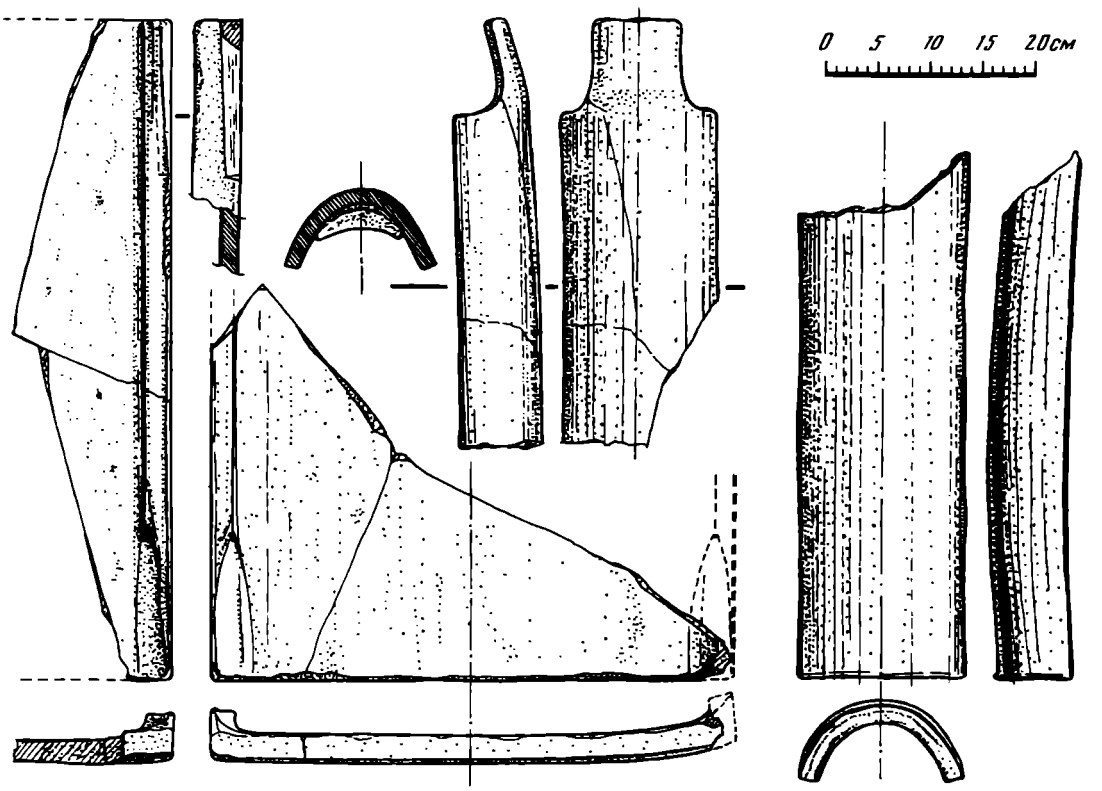


Рис. 2. Черепица из развала каменно-сырцовой постройки, 1997 г.

выми стенами, черепичной крышей (рис. 2) – судя по находкам, применялась силицийская система кровельных покрытий. Кладка двухслойная однорядная постелистая ложковая; полы глинобитные. Размер одной камеры – около 15 м^2. Первые наземные строения появились во втором периоде застройки не позднее второй четверти IV в. до н.э. и прослеживаются до прекращения жизни на поселении, сосуществуя с углубленными в материк. На раннем этапе непродолжительное время наземные жилища отсутствовали, первые жители селились во временных полуземлянках маленьких размеров.

Два самых ранних временных жилища имеют площадь 4–5 м^2. Одно выявлено Н.М. Дмитренко при зачистке края окопа и описывается по его документации. Оно было самым глубоким (высота стен 2,1 м), использовались камень и сырцовый кирпич. Выделена ниша с остатками каменного очага; кровля предполагается земляная или глинисто-камышовая. На полу помещения были найдены большие раздавленные лепные горшки, в том числе, орнаментированный вдавлениями по краю венчика, фрагменты амфоры типа Солоха II, два ольвийских асса с головой Медузы, неопределенная монета, пряслица и набор конических глиняных грузил для ткацкого станка.

Другое раннее жилище – прямоугольной формы полуземлянка, углубленная в материк на 0,67–0,7 м. С северо-западной стороны расположен вход с тремя ступеньками и округлая выемка, служившая полкой, судя по положению упавших с нее сосудов (рис. 3, *1*; 4). На полу, под гаревым слоем, лежали несколько сосудов – амфор, столовых и кухонных. Некоторые из них относятся к типам, нигде больше на поселении не встреченным. Среди керамики имеется большой лепной горшок скифского облика с пальцевыми вдавлениями по краю венчика и фрагмент лепной миски. Найдено большое количество остатков рыбы. Обнаруженные заплывы глины, древесные угли и железные гвозди свидетельствуют о том, что постройка имела сырцовые стены и деревянные детали.

Остальные полуземляночные жилища имеют площадь 20–30 м^2, углублены в материк на 0,3–0,4 м. Они имеют неправильную прямоугольную форму с закругленны-

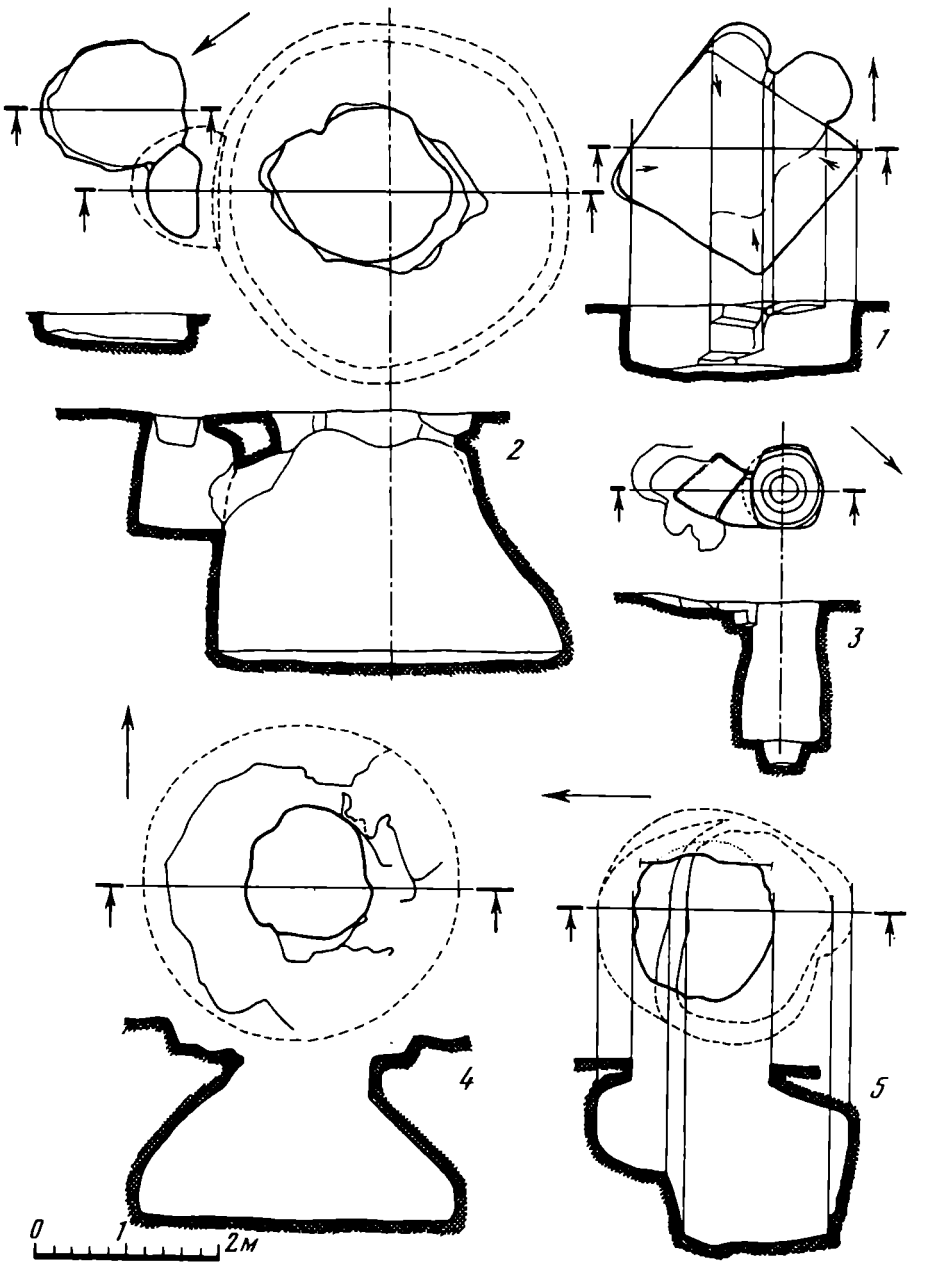


Рис. 3. Основные типы углубленных строительных объектов, раскопки 1997–1998 гг.

ми оплывшими углами. Наземные стены были сложены из сырцового кирпича, вход выделялся ступеньками или пандусом. Сохранились остатки деревянных деталей, строительные гвозди, обломки кровельной черепицы. Хозяйственные полуземлянки имеют площадь в среднем 8 м^2, форму, приближающуюся в плане к овальной или круглой, либо прямоугольную с сильно закругленными углами. Встречены глубокие котлованы – до 1,4 м – и слабоуглубленные – на 0,4–0,6 м.

Для поселения характерны большие ямы с узкой верхней частью и объемным вместилищем ("грушевидные"). Стенки и дно их тщательно выровнены и заглажены, распространены подмазка и прокаливание дна, подсыпки мелкими раковинами, в некоторых случаях над ямами можно предположить навес. Пять самых больших ям имеют диаметр дна, в среднем, 3 м, глубину в материке – 2 м. Две большие ямы расположены рядом с объемным погребом – диаметр 3,8 м, высота 2,5 м (рис. 3). Отмечены также другие виды ям и цистерны.

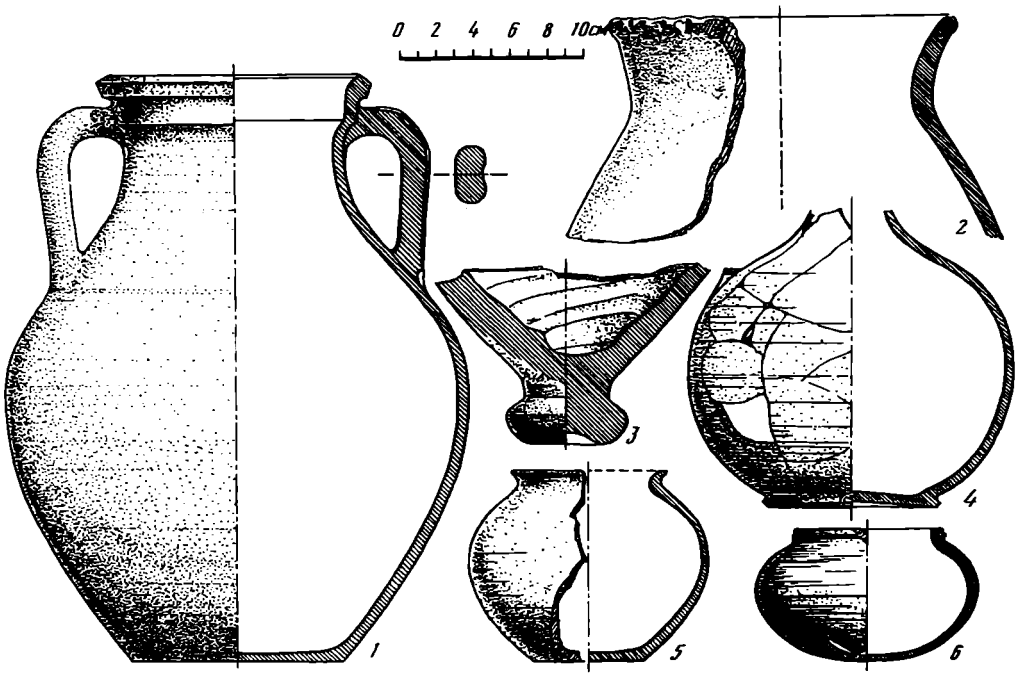


Рис. 4. Керамика со дна полуземлянки первого периода застройки, 1997 г. *1, 4, 6* – красноглиняная; *2* – лепная; *3* – амфора, *5* – кухонная кружальная сероглиняная

Очаги не обнаружены. В одном случае найдены остатки глиняной жаровни с набором лепной кухонной посуды (рис. 5). Во фрагментах переносные жаровни встречаются довольно часто.

Производственные комплексы не выявлены. Только предположительно некоторые объекты можно связать с гончарным производством – печь (?) и большую цистерну.

Перечисленные виды жилых и хозяйственных сооружений имеют аналогии на поселениях ближней хоры Ольвии в Нижнем Побужье, где на памятниках конца V–III в. до н.э. выделяются две основные категории построек: земляночные или полуземляночные и наземные сырцово-каменные (Сельская округа..., 1989, с. 103–120, 125, 126). На поселении Петуховка два самых ранних жилища также имеют маленькие размеры (2,8 × 2 м), прямоугольную форму, ступенчатый вход, углублены в материк на 0,9 и 0,7 м (Русяева Г.С., 1968, с. 207, 208). На поселении Куцуруб I к первой половине IV в. до н.э. относится жилище площадью 4 м^2, углубленное в материк на 1,5 м. Более поздним является многокомнатное наземное здание с каменно-сырцовыми стенами, восстанавливаемые размеры его помещений – 12 и 18 м^2 (Марченко К.К., Доманский Я.В., 1986, с. 55, 57).

Не представляется возможным связать эти типы жилых и хозяйственных сооружений со скифской культурой Нижнего Поднепровья, которой присущи землянки, наземные столбовые и плетневые дома, а также ямы и очаги иных форм и размеров (Граков Б.Н., 1954, с. 60–64; Крыжицкий С.Д., 1982, с. 126–128; Гаврилюк Н.А. и др., 1992, ч. I, с. 6–12, ч. II, с. 2–13, 19–22). Землянки и полуземлянки на скифских поселениях отличаются от описанных выше размерами, большей углубленностью, наличием материковых "лежанок", глинобитных овальных очагов (или просто углубления, заполненного углем), отсутствием камня и сырца. Самым распространенным типом ям на них являются округлые или овальные в плане, с вертикальными или слегка сужающимися ко дну стенками. В малом количестве представлены "грушевидные" ямы, но они небольших размеров, иной конфигурации, стенки их плохо обработаны.

Анализ строительных комплексов и планировки поселений показывает существование в Нижнем Поднепровье двух культурных традиций – античной и скифской. Это различие прослеживается и в вещественном материале, в частности, в керамическом комплексе.

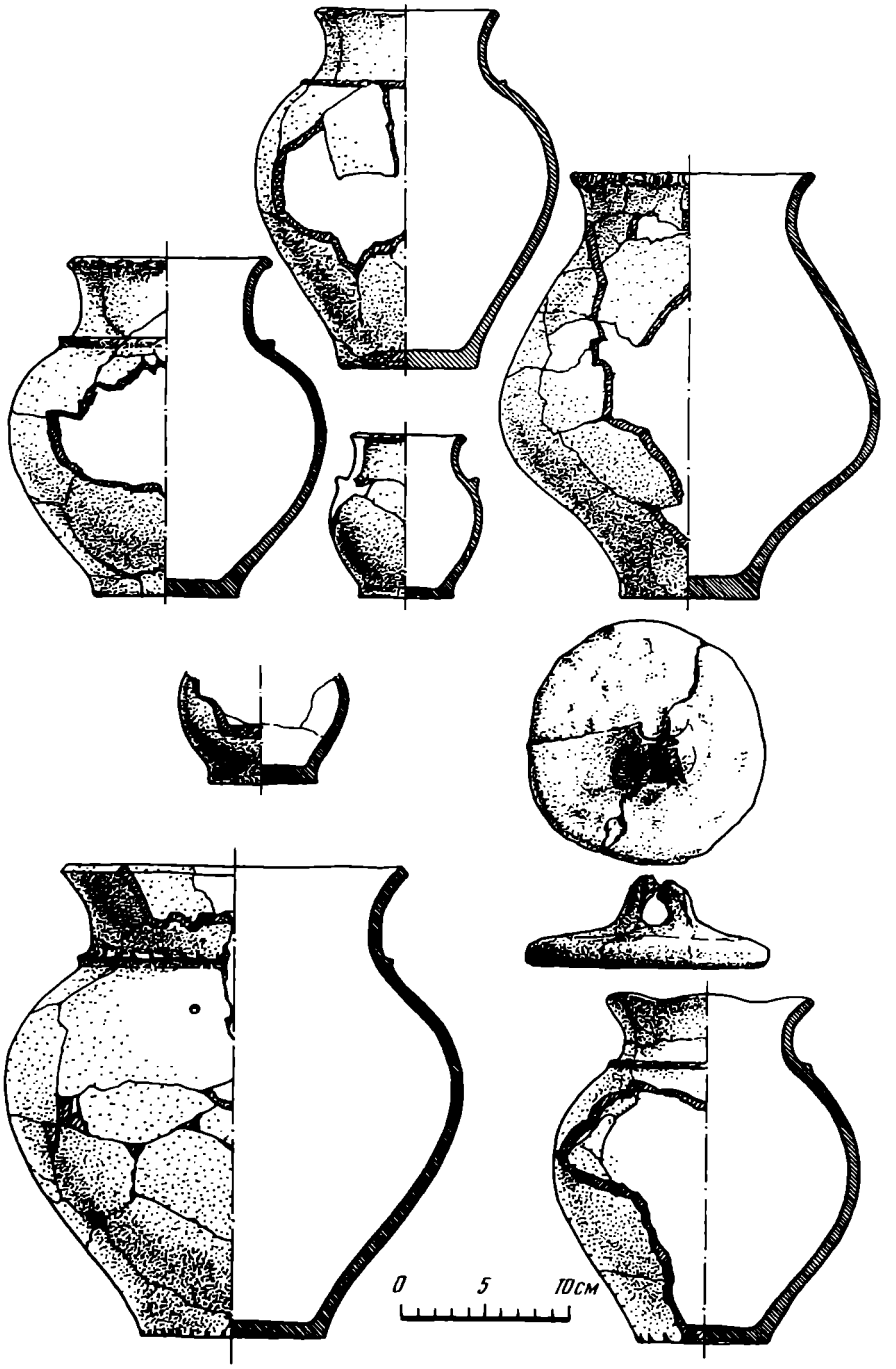


Рис. 5. Набор лепных сосудов из очага третьего периода застройки, раскопки 1997 г.

По количеству фрагментов, 65–80% керамического комплекса Белозерского поселения составляют амфоры, при подсчете минимального количества целых форм в заполнении комплексов (реже – в слое или раскопе) амфоры составляют 35–40%. Особенностью Белозерского поселения является то, что до 5–6% составляет черепица (солены и овальные калиптеры). Если за 100% принимается керамика без тары и черепицы, то фрагменты лепных сосудов составляют в среднем 40%, кружальной – 60%, последняя делится на группы следующим образом: 25–30% – сероглиняная, 15% – красноглиняная и немногочисленная светоглиняная, 8–10% – чернолаковая, 5–6% – кухонная, 2% – толстостенная.

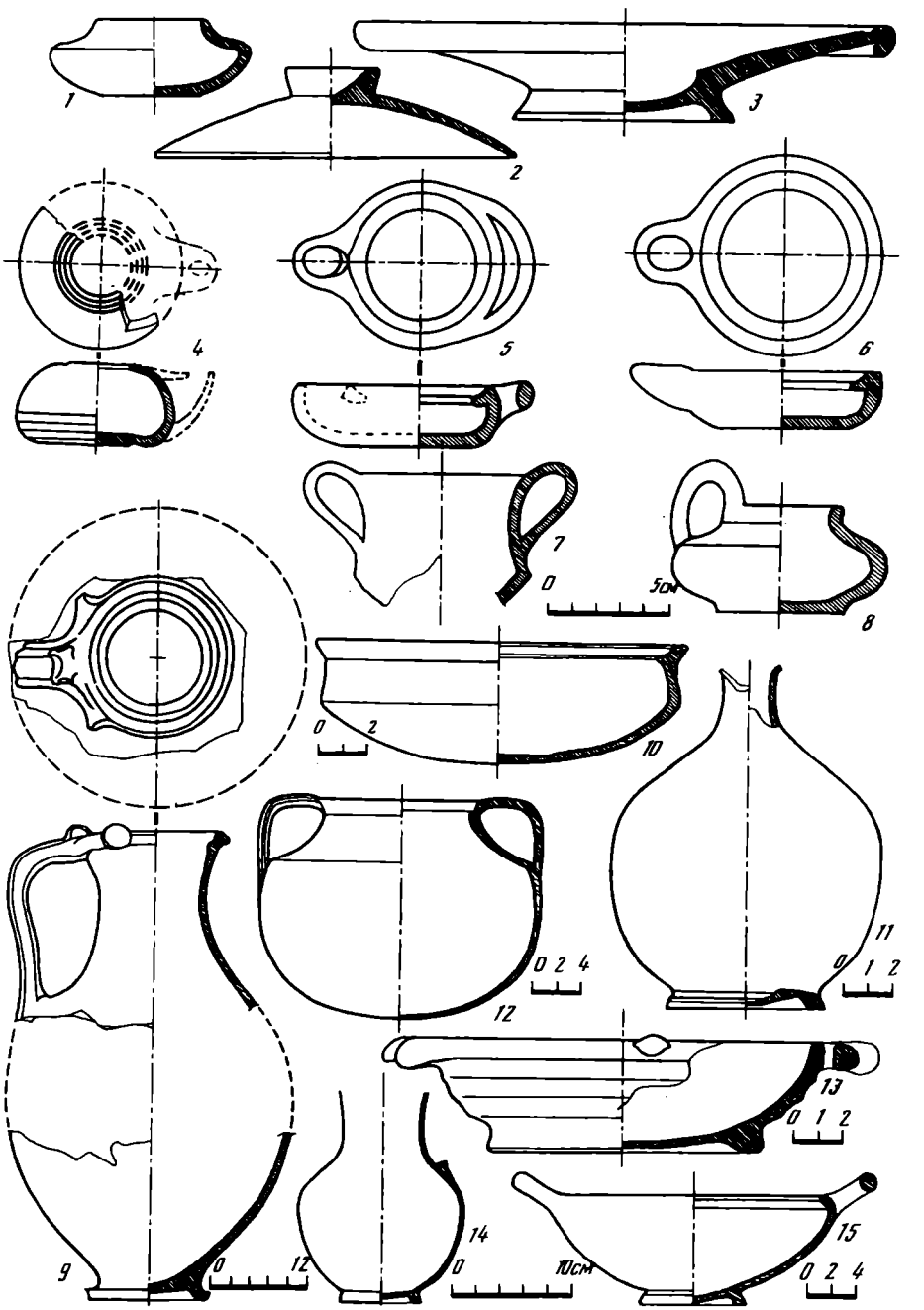


Рис. 6. Простая кружальная керамика: *1, 3, 7–9, 14 15* – сероглиняная; *2, 4–6, 10, 11* – красноглиняная; *12* – кухонная; *13* – лутерий синопского производства

Простая кружальная посуда (рис. 6) – это кувшины разных размеров, ойнохои, рыбные блюда, миски и чашки с одной или двумя ручками, кубки-канфары, лекифы; из такого же керамического теста изготовлены разнообразные светильники и крышки. Эта керамика использовалась во всем своем разнообразии со времени возникновения поселения до прекращения его существования. Она практически полностью сходна с ольвийской, обнаруженной в Ольвии и на поселениях ее хоры (Книпович Т.Н., 1940; Зайцева К.И., 1984, с. 111–120; Сельская округа..., 1989, с. 127–134 и др.).

Кухонная кружальная посуда использовалась в значительно меньшем количестве, чем столовая, но фрагменты и целые формы постоянно присутствуют в культурном слое и заполнении ям. Кастрюли, горшки и кувшины принадлежат широко распространенным в эллинской культуре типам (Sparkes B.A., 1962, p. 127–137). Из похожей

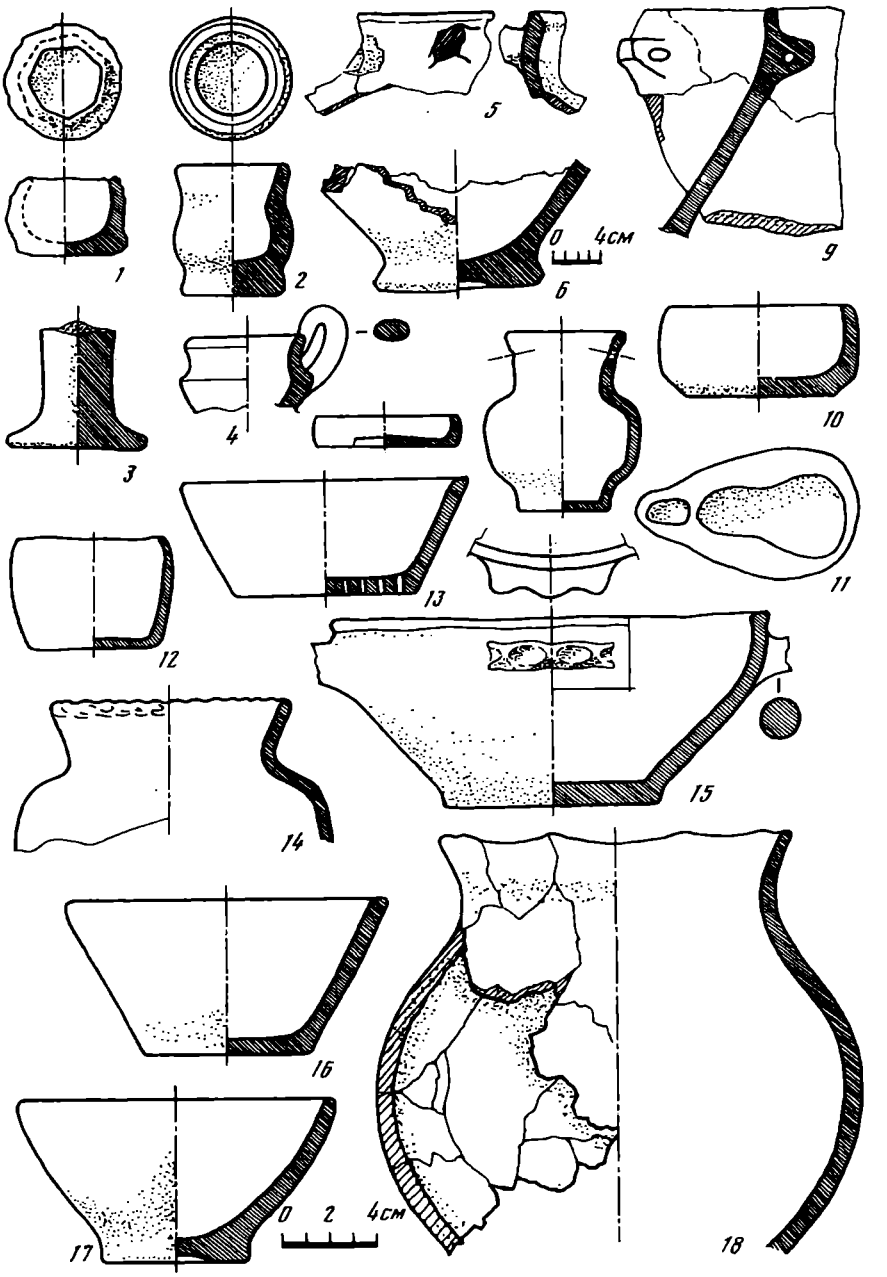


Рис. 7. Лепная керамика

глины сделаны некоторые светильники. Вопрос о месте производства кухонной кружальной посуды не решен, но более вероятно, что она вся или большая ее часть была привозной (Лейпунская Н.А., 1987, с. 82, 83), как и лутерии, которые, хотя и в сравнительно небольшом количестве, встречаются на поселении постоянно.

Наблюдается сходство керамического комплекса Белозерского поселения и синхронных поселений ольвийской хоры: ведущими компонентами являются местная кружальная посуда, импортная керамика и лепные формы (Сельская округа..., 1989, с. 126, 127). Следует отметить сходство лепной посуды. Среди лепных сосудов преобладают кухонные горшки, встречаются миски и чашки, сосуды на ножках, миниатюрные сосудики, цедилки, светильники, крышки и повторения других распространенных кружальных форм; обычно в группу лепной керамики включают и жаровни, они широко распространены.

Лепная керамика Белозерского поселения (рис. 7) по форме, орнаментации, составу теста, обработке поверхности не отличается от соответствующих материалов, пред-

ставленных на ближней хоре Ольвии, но в целом заметно отличается от лепной посуды синхронных скифских поселений Нижнего Поднепровья. Сходство с последними обнаруживается только в том, что на всех поселениях найдены типичные скифские горшки и в единичных случаях крышки. На Белозерском поселении в среднем 50% горшков имеют орнаментацию, что отличает их от находок со скифских поселений, где орнаментированы практически все сосуды. Горшки скифских типов орнаментированы пальцевыми вдавлениями, ногтевыми насечками, косыми вдавлениями палочкой, оттисками штампа, резными линиями, рельефным треугольным в сечении валиком; орнамент наносился по краю венчика или перегибу горла, очень редко – по перегибу дна. Горшки других типов изготовлены из мелкозернистого теста, включающего мелкие частицы шамота, извести, песка, слюды, часто они обожжены до ровного серого цвета, неорнаментированная поверхность тщательно обработана. Встречены редкие находки повторений в лепной технике форм кружальных кухонных горшков. В одном случае нижняя часть большого лепного горшка оформлена в виде грубого кольцевого поддона. Фрагменты нескольких горшков имеют облик, характерный для гето-фракийского региона, широкогорлые со слегка намеченной шейкой, орнаментированы налепными валиками с пальцевыми вдавлениями и конической формы налепами (Moscalu E., 1983, p. 416, pl. XXIV, *6*).

Миски и чашки являются подражанием кружальным формам с округло-выпуклым или усеченно-коническим туловом (Марченко К.К., 1988, с. 95–100, типы 16, 19), часто они имеют петельчатые ручки. Изготовлены они из керамической массы, не имеющей крупных добавок, ровно обожжены, поверхность заглажена, иногда подлощена. Единичны находки лощеных мисок гето-фракийского облика (Moscalu E., 1983, pl. XLIX, *8–12*; LXXXIX, *6*), первой группы I типа (Мелюкова А.И., 1975, с. 53, 54) – с туловом полусферической формы и прямо срезанным венчиком, с симметрично расположенными горизонтальными ручками.

Находки лепных крышек немногочисленны, обычно они имеют округло-выпуклую форму, повторяющую кружальные, представлены тремя экземплярами плоские крышки с вертикальными кольцевидными ручками, одна из них орнаментирована – этот тип распространен на скифских поселениях Нижнего Днепра.

Статистический анализ распределения керамики по периодам застройки поселения не дает оснований для выявления тенденции в развитии керамического комплекса, правда, следует учесть при этом значительную разрушенность слоя. Анализ комплексов, относящихся к разным периодам жизни на поселении, показывает качественную однородность керамики. Единственно, как отмечено выше, для самых ранних построек не характерно использование черепицы, но со второй четверти IV в. до н.э. она постоянно присутствует. Во всех ранних объектах представлена разнообразная кружальная посуда, но имеется также лепная, в частности, горшки скифских типов. Аналогичная картина наблюдается и в более позднее время вплоть до прекращения жизни на поселении. Комплекс с максимальным содержанием лепной керамики – это заполнение котлована углубленного жилища в раскопе I 1989 г., материалы из него датируются второй четвертью IV в. до н.э. Было просчитано минимальное количество целых форм всех групп керамики – всего 160 сосудов – и соотношение получилось следующее: амфор – 29%, лепных сосудов – 31%, кружальных – 40% (14% – сероглиняные, 13% – красноглиняные, 10% – чернолаковые, 3% – кухонные и лутерии). Среди лепных форм преобладают скифские горшки, имеется один гето-фракийский, представлены две мисочки, пять крышек, повторяющих кружальные, цедилка, сосуд на цилиндрической ножке и жаровни.

Обычно лепной керамики меньше, но встречается она вместе с другими видами керамики аналогично представленному комплексу. В объектах раскопа IV 1997, 1998 гг. количество лепных сосудов в среднем равно количеству красноглиняных, сероглиняные явно доминируют, кухонной кружальной и толстостенной керамики здесь немного больше обычного. В ранних объектах лепной керамики немного: в заполнении полуземлянки найдены фрагменты пяти сосудов, в яме № 21 – одного горшка, в яме

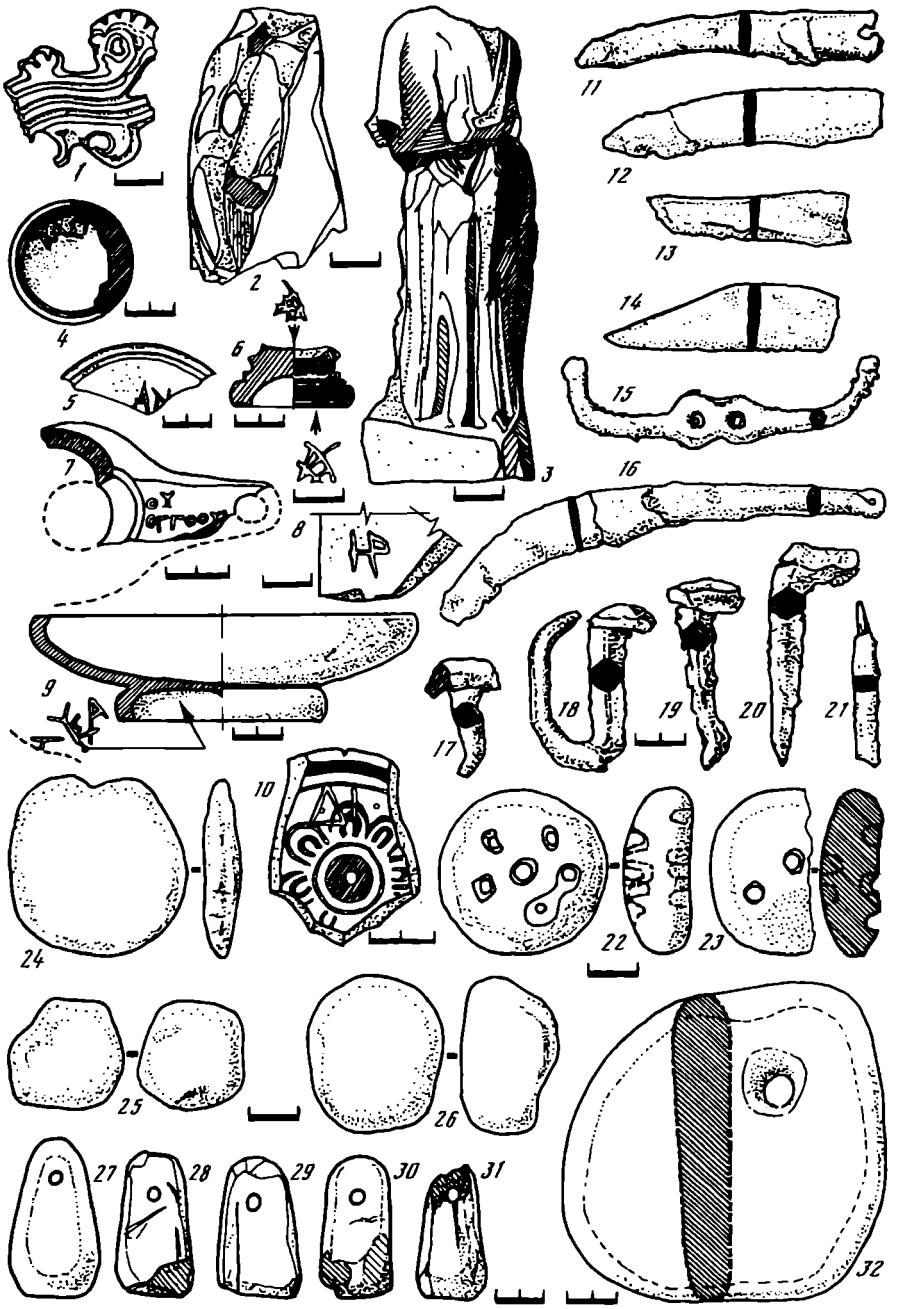


Рис. 8. Находки из раскопов на Белозерском поселении.
1 – бронзовая бляшка; *2, 3* – терракоты; *4–10* – граффити; *11–21* – изделия из железа; *22–31* – изделия из глины; *32* – каменное грузило для сетей

№ 22, буквально забитой керамическим мусором, – четырех горшков. Этих данных, конечно, недостаточно, но не исключено, что в период основания поселения лепная посуда использовалась в меньшем количестве, чем впоследствии. Что же касается предположения о более позднем появлении подражаний кружальным формам и преимущественном их использовании на последнем этапе жизни на поселении, то наши материалы его не подтверждают. Разнообразные формы лепной посуды встречаются на всем протяжении жизни на поселении, попытка замены скифских форм имитациями кружальных не прослежена. Вышеупомянутый очаг с набором лепных горшков (рис. 5) относится к третьему периоду застройки. Гето-фракийской керамики очень мало и какой-либо системы в ее присутствии в объектах не наблюдается. Целая миска обна-

ружена во дворике наземного дома, другие фрагменты найдены вместе со скифскими горшками. В самых ранних объектах подобные находки не отмечены, но поскольку они вообще единичны, это не показательно.

В целом керамический комплекс и состав лепной керамики на Белозерском поселении не отличаются от материалов с поселений сельской округи Ольвии на территории Нижнего Побужья, тогда как от соответствующих находок на скифских поселениях Нижнего Поднепровья они отличаются существенно по ряду основных признаков. Сходство Белозерского поселения с памятниками ольвийской округи не ограничивается керамикой, его можно проследить и по другим группам вещественного материала (рис. 8), при этом по-прежнему, видны различия с культурой скифов.

На Белозерском поселении постоянными находками в жилищах являются грузики для ткацкого станка. Своеобразную группу культовых изделий составляют "хлебцы", "лепешки", шарики, обнаруженные среди тонкого пепла. Подобные комплексы имеют широкие хронологические и территориальные рамки распространения у земледельческих народов. В данном случае ближайшим памятником, где встречен аналогичный материал, является Ольвия (Кузьменко В.И., 1962, с. 243; Козуб Ю.И., 1975, с. 143, 160). На поселении найдены также несколько фрагментов терракот, в том числе, аттического производства. Из лучше сохранившихся можно выделить верхнюю часть женской фигуры, вероятно, сидящей богини в высоком головном уборе и фрагмент женской статуэтки, обе стороны которой были оттиснуты в форме, – фигура женщины в подпоясанном хитоне с широкими прямыми складками, установленная на прямоугольной подставке в позе, характерной для изображения человека пожилого возраста.

Характерны находки граффити, чаще на чернолаковых и столовых сосудах, редко – на амфорах и астрагалах. Представлены посвящения богам, имена, отдельные буквы, монограммы.

Найдены железные, бронзовые и свинцовые изделия при полном отсутствии следов соответствующих производств даже в виде отдельных кусочков шлаков. Наиболее многочисленны изделия из железа (хозяйственно-бытовые вещи). Отсутствие отходов железоделательного производства подтверждает гипотезу о том, что "с установлением экономических связей между центрами античной колонизации и местными племенами, железо становится одной из статей "варварского" экспорта в северопричерноморские города и поселения" (Паньков С.В., 1996, с. 51, 52). Среди железных изделий преобладают находки гвоздей, встреченные едва ли не в каждой яме и во всех жилищах. На втором месте – ножи (с прямой спинкой и изогнутым лезвием или прямым лезвием и горбатой спинкой). Найдены два серпа, обломки стержней и предметы неясного назначения. Единична находка псалия и обломка удила. Псалий двудырчатый, с восьмеркообразной центральной частью, с приподнятыми концами, завершающимися закруглениями, от удил сохранился фрагмент с кольцевидным окончанием. Тип широко распространен в Скифии IV в. до н.э.

Немногочисленные бронзовые изделия – иглы, гвозди, наконечники стрел. Индивидуальной находкой является фрагмент уплощенной накладной бляшки со стилизованным растительным орнаментом. Найдено около 30 монет, все они – ольвийские. К начальному периоду существования относятся ассы с горгонейоном второй половины V – первых десятилетий IV в. до н.э., имеются медные чеканенные монеты типа "голова Деметры-орел на дельфине" 380–350 гг. и литой асс с Деметрой 350–330 гг., отмечена случайная находка серебряного статера конца IV – начала III в. (Карышковский П.О., 1988, с. 45–58). Самыми поздними являются борисфены первой четверти III в. до н.э. (Анохин В.А., 1989, с. 107, 108).

Среди каменных изделий преобладают обломки точил и грузила для сетей. Единичными экземплярами представлены обломки зернотерок и жерновов, терочники, песты, лощила. Косторезное дело имело значительную базу, основанную на развитии местного скотоводства. Многочисленную группу составляют "рашпили" – предположительно их применяли при выделке шкур и обработке кожанных изделий, а с подсыпкой абразивного материала – для сглаживания и полировки поверхностей деревянных,

костяных и других предметов (Петерс Б.Г., 1986, с. 43). Найдены проколки и шилья, иглы для вязания сетей, пластинчатые и изготовленные из цельного рога рукоятки ножей, обломки полых трубочек, игральные астрагалы, в том числе, обработанные и имеющие граффити – их находки часты и многочисленны в античных городах, поселениях и могильниках Северного Причерноморья (Петерс Б.Г., 1986, с. 70–80).

Аналогичные вещественные материалы представлены на ближней хоре Ольвии, где основными занятиями населения также были земледелие, скотоводство и рыболовство. Такой набор материала контрастирует с находками на Каменском городище и соседних поселениях, где широко представлена обработка железа, но нет изделий, связанных с рыболовством, грузиков для ткацкого станка. Среди каменных изделий на скифских поселениях преобладают точильно-шлифовальные орудия, в большом количестве представлены зернотерки и терочники, встречаются пращевые камни. Изделия из кости и рога сосредоточены на Каменском городище, в раскопах на других поселениях их находят в количестве не более десятка, в основном – пластинчатые ручки ножей. Граффити найдены только на Каменском городище, всего пять экземпляров, монеты тоже сосредоточены на Каменском городище, их состав разнообразен (Граков Б.Н., 1954, с. 146, 147).

Свидетельства сходства Белозерского поселения с поселениями Нижнего Побужья дополняются палеоботаническими и палеозоологическими материалами. Согласно определениям Г.А. Пашкевич, на керамике с Белозерского поселения имеются отпечатки пленчатого ячменя и пленчатой пшеницы. Такой набор злаков характерен для окрестностей Ольвии с начала колонизации (Пашкевич Г.А., 1990, с. 116, 119). Предполагается чередование культур: на целинных землях сначала высевалась пшеница, а через некоторое время – ячмень, переложная система объясняет разбросанность аграрных поселений на большой протяженности побережий лиманов (Сельская округа..., 1989, с. 71).

Палеозоологические материалы каждого полевого сезона анализировались О.П. Журавлевым. В целом набор домашних животных таков: 40% особей составляют овцы и козы, 26–28% – крупный рогатый скот, 11% – лошади, 5–9% – свиньи, 10–15% – собаки, имеются даже кости домашнего кота. Диких животных мало – заяц-русак, кулан, сайгак, благородный олень, бобр, хорек, лисица, кабан, дельфин. Встречены кости птиц, в частности, курицы. Имеются находки панцирей черепах. Остатки рыбы встречаются постоянно, ямы заполнены костями и чешуей. Определены осетровые, карповые, судак, сом, щука. Исследование животноводства на территории Ольвийского полиса показало самостоятельный путь его развития, отличающийся от развития животноводства у степных скифов, лесостепных племен и других районов античной культуры; материалы Белозерского поселения соответствуют ольвийской группе (Журавльов О.П., 1993, с. 18, 19).

Предложенный анализ материалов с Белозерского поселения свидетельствует о том, что его обитателям присуща материальная культура оливополитов. По керамике и остальным группам вещественного материала, культовым изделиям и надписям, строительным объектам, планировке и стратиграфии этот памятник должен быть включен в группу поселений, окружающих Ольвию, а не в группу скифских памятников Нижнего Поднепровья. Вопрос об этническом составе этого населения не решен окончательно, но не вызывает сомнений тот факт, что его этнокультурной основой являются греческие колонисты (Сельская округа ..., 1989, с. 147–149). Их появление в Нижнем Поднепровье связано с процессом создания так называемой большой хоры Ольвии, значительно расширившим полисные владения в начале IV в. до н.э. Для Ольвии отмечается единообразие культуры населения сельскохозяйственной территории, что несвойственно населению других регионов. В Нижнем Поднепровье, наряду с поселениями греческой культуры, представлены памятники, которые по комплексу строительных остатков и материальной культуре отличаются от них (Мелюкова А.И., 1971, с. 40–43). По комплексу археологических материалов в Восточном Крыму выделены памятники греко-боспорские, скифские и еще двух групп местного варварского

населения (Масленникова А.А., 1997, с. 61). Поселения ольвийской сельскохозяйственной территории не дают основания для подобного разделения и выявления поселений греческих колонистов и "эллинизированных" в той или иной степени варваров. Поселения, присущие скифской степной культуре, в южной части днепровского правобережья не представлены.

Следует указать на уточнение датировки Белозерского поселения. Она основана на хронологии амфор, чернолаковой керамики и монет. Весь массовый материал относится к IV в. до н.э., самые поздние объекты – к началу (первой трети) III в. до н.э. Датирующим материалом, характеризующим завершение жизни на поселении, служат херсонесские клейма, поздние типы гераклейских амфор, косские амфоры, чернолаковые канфары с накладным орнаментом, ольвийские борисфены. Более поздние материалы и объекты относятся уже к эпохе средневековья, но этот слой полностью разрушен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А., 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Былкова В.П., 1991. Об этом из "городов" Степной Скифии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев.

Билкова В.П., 1994. До питання про східну межу сільскої округи Ольвії в пізньокласичний-ранньоелліністичний час // Археологія. Вип. 3.

Гаврилюк Н.А., Былкова В.П., Кравченко С.Н., 1992. Скифские поселения IV в. до н.э. в Степном Поднепровье. Киев.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Дмитренко М.М., 1946. Польовий щоденник розвідок // ХКМ. б/н.

Журавльов О.П., 1993. Історія фауни і тваринництва Нижнього Побужжя в античний час // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Зайцева К.И., 1984. Ольвийские кубки и канфары V–IV вв. до н.э. // ТГЭ. Т. XXIV.

Карышковский П.О., 1988. Монеты Ольвии. Киев.

Книпович Т.Н., 1940. Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия. Т. I. Киев.

Козуб Ю.И., 1975. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. Киев.

Крыжицкий С.Д., 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в.н.э.). Киев.

Кузьменко В.И., 1962. Античные глиняные штампы из коллекции Одесского археологического музея // МАСП. Вып. 4.

Лейпунская Н.А., 1987. Кухонная керамика. Лутерии // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.

Марченко К.К., 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. Л.

Марченко К.К., Доманский Я.В., 1986. Античное поселение Куцуруб I // АСГЭ. Вып. 27.

Масленников А.А., 1997. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. № 3.

Мелюкова А.И., 1971. Население Нижнего Поднестровья в IV–III вв. до н.э. // Проблемы скифской археологии. М.

Мелюкова А.И., 1975. Поселение и могильник у с. Николаевка. М.

Паньков С.В., 1996. Про стан залізодобування в актичному виробництві Північного Причорномор'я // Археологія. № 2.

Пашкевич Г.А., 1990. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии // Античные поселения Побужья (археологическая карта). Киев.

Петерс Б.Г., 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Погребова Н.Н., Елагина Н.Г., 1959. Отчет о работе Западно-Скифской степной экспедиции ИА АН СССР за 1959 г. // МГУ. Исторический фак-т, каф. Археологии. Оп. № 132/4. КП № 168.

Русяева Г.С., 1968. Поселення Пітухівка і біля Ольвії // Археологія. Т. XXI.

Сельская округа Ольвии, 1989. Киев.

Скадовский Г.Л., 1897. Белозерское городище Херсонского у. Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана // Труды VIII АС. Т. 3.

Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М.

Чирков А.П., 1867. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лиману // ЗООИД. Т. 6.

Херсонский государственный педагогический
университет, Украина

V.P. BYLKOVA

ON THE CULTURAL TRADITIONS IN THE LOWER DNIEPER REGION DURING THE SCYTHIAN EPOCH

(according to the investigations of Belozerskoye settlement)

Summary

The article is dedicated to the settlement of Belozerskoye, once regarded to have been a large Scythian settlement, even a city. Now it is considered to be the easternmost point of agricultural territory of Olbia Pontica. The differences between two groups of the Lower Dnieper population are demonstrated as reflected in archaeological records. The archaeological material presented characterises the main occupations of the inhabitants (agriculture, fishing and trade) and their constant links with Olbia. The differences in archaeological characteristics of the two synchronous population groups on the Lower Dnieper demonstrate the existence of two contrasting cultural traditions – Scythian and Greek ones. If hand-made pottery of Scythian types is regarded as representing some groups of barbarian population present at the settlement, it turnes out to be impossible to outline them archaeologically, i.e. they had entirely adopted the cultural traditions of the North Pontic Greeks. The historical situation on the Lower Dnieper is supposed to differ from that of the same period observed in other regions of North Pontic area.

Н.Г. ГОРБУНОВА

О ВООРУЖЕНИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ СКОТОВОДОВ

(II (III?) в. до н.э. – V в. н.э.)

В настоящее время накоплены значительные коллекции оружия, найденного в могильниках среднеазиатских скотоводов. Имеются отдельные работы по классификации и типологии разных категорий оружия, в первую очередь, наконечников стрел (Сорокин С.С., 1956; Литвинский Б.А., 1965; Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1984; Обельченко О.В., 1992, с. 158–172; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 75–106), а также мечей и кинжалов из Согда (Обельченко О.В., 1978). Кроме того, при публикации материалов из могильников в ряде работ значительное внимание уделялось вооружению (Мандельштам А.М., 1966, с. 101, 111; 1975, с. 48, 114, 135, 140; Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 130–132; Обельченко О.В., 1992, с. 150–176; Вайнберг Б.И., 1991, с. 55–62).

Мною собран материал по оружию, в основном, по опубликованным данным, из 250 погребений разного типа из 70 могильников различных районов Средней Азии. Никакой корреляции между типами погребальных сооружений и типами оружия не выявлено.

Прежде всего обратимся к наконечникам стрел. Не предлагая новой классификации, использую терминологию авторов вышеуказанных работ. Бронзовые наконечники стрел найдены в ряде погребений на Устюрте (Древняя и средневековая культура..., 1978, с. 104, 105), на Узбое вместе с железными (Юсупов Х., 1986, с. 50–52, 88–90), в том числе с железными трехгранными с длинным черешком (Юсупов Х., 1986, с. 99–101). Все погребения датированы в пределах IV–II вв. до н.э. К числу наиболее ранних железных наконечников стрел относятся также наконечники из Памирских могильников: двуперые, втульчатые, вытянутые и трехперые с опущенными жальцами (Литвинский Б.А., 1972, с. 101–103, табл. 36), датированные IV–III вв. до н.э. Втульчатые, но, видимо, трехлопастные, упоминаются в описании находок курганов КГ-1/3 и КГ-3 Орлатского могильника в Согде, но воспроизведения их нет (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 127, 129, возможно, рис. 54). Еще один наконечник со втулкой и вставленным в нее черешком происходит из могильника Кулкудук в Центральных Кызыл-Кумах (Манылов Ю.П., 1990, рис. 2, *15*). Комплекс датирован III–II вв. до н.э.

Все вышеописанные наконечники, происходящие из разных районов Средней Азии, не составляют какую-то группу. Но, возможно, одновременно или несколько позже них распространяются железные трехлопастные наконечники стрел с опущенными жальцами, составляющими уже большую группу, их учтено до 202 единицы[1]. Они несколько различаются по размерам и особенностям формы: длина боевой части от 2,5 до 7 см, размах лопастей от 1,2 до 2,5 см, лопасти более узкие или более широкие, изредка слегка закругленные (рис. 1, *1*). Распределение их по районам Средней Азии дано на рис. 1. В погребении бывает от 1 до 5–6 экземпляров стрел, хотя иногда 14–15. Практически основными они являются в Бактрии и Согде[2], причем в Бактрии

[1] Вероятно, к ним следует отнести три наконечника с треугольной боевой частью, с углублениями на гранях и тоже с опущенными жальцами (Мандельштам А.М., 1966, табл. XII, *12–14*).

[2] Значительное количество таких наконечников в Согде происходит за счет суммарного учета их в Орлатском могильнике.

© Н.Г. Горбунова, 2000 г.

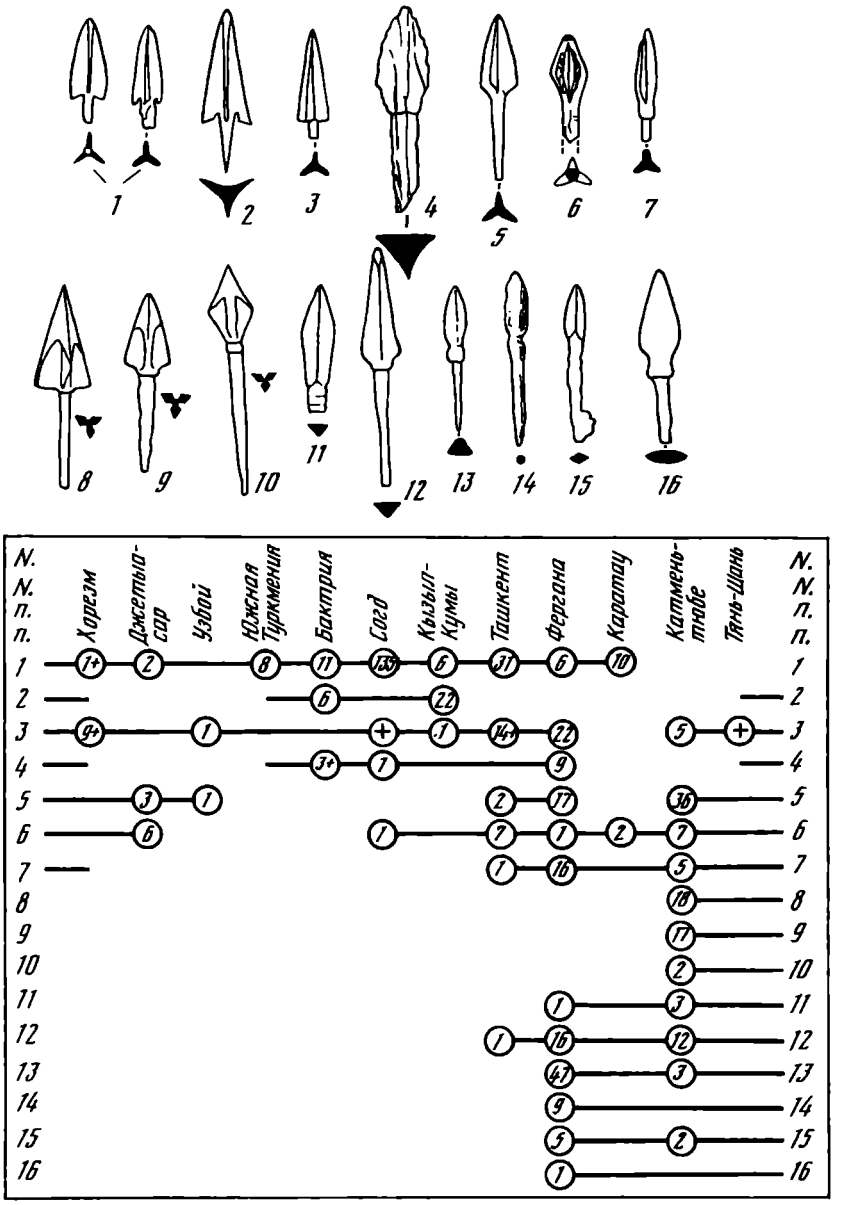


Рис. 1. Распределение типов наконечников стрел по районам Средней Азии.
1 – Согд, Кую-Мазар I (по О.В. Обельченко); *14* – Фергана, Кайрагач V; *3, 5* Куюк-тепе I; *7* – Карабулак; *13* – Хангиз II; *16* – Кокташ (по Г.А. Брыкиной и Н.Г. Горбуновой); *2* – Центральные Кызыл-Кумы, Кулкудук (по Ю.П. Манылову); *4* – Бактрия, Аруктау (по А.М. Мандельштаму); *6* – Ташкент, погребение на Ак-тобе 2 (по А.Г. Максимовой и др.); *8–12, 15* – Кетмень-тюбе (по И.К. Кожомбердиеву и Ю.Г. Худякову)

они известны и на городищах (Пугаченкова Г.А., 1966, рис. 38; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 1981, с. 206, 209), где их датируют обычно II в. до н.э. – I в. н.э. Часть таких наконечников в Бактрии и Центральных Кызыл-Кумах имеют вырез между пером и черешком (рис. 1, *2*). В Ташкентском районе и Фергане наконечники стрел с опущенными жальцами встречаются в сочетании с другими типами наконечников (рис. 2, *2–7*) (Максимова А.Г. и др., 1968, с. 220, табл. XVIII, *1, 6, 7, 11, 14, 17, 21*; Оболдуева Т.Г., 1988, рис. 2, *14*; Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1984, с. 30, рис. 1–4; Литвинский Б.А., 1965, с. 83, рис. 7–9; Кадыров Э., 1975, рис. 8, *3*).

Следующим является тип трехлопастного наконечника с прямым основанием пера (рис. 1, *3*). Они известны во всех районах Средней Азии, учтено примерно 70 экземпляров, но вообще их значительно больше, просто не всегда их можно выделить по

публикациям (Кибиров А.К., 1959, рис. 22, 28). Имеется необычный наконечник с маленькой "муфтой" у основания перьев в могильнике Кулкудук в Центральных Кызыл-Кумах (рис. 2, *3*). Трехлопастных с лавролистным очертанием пера (рис. 1, *4*) учтено всего 13.

Трехлопастных, у которых основание пера образует тупой угол по отношению к черешку, учтено 59 (рис. 1, *5*).

Трехлопастных наконечников с ромбическим очертанием пера, учтено 25 (рис. 1, *6*). Трехлопастных с треугольной головкой и муфтой-упором у основания перьев – 17 (рис. 1, *7*).

Особая группа наконечников была выделена И.К. Кожомбердиевым и Ю.Г. Худяковым. Это определенные ими как трехгранно-трехлопастные наконечники, имеющие, судя по воспроизведению, верхнюю часть головки трехгранную, а нижнюю – трехлопастную (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 81–84, рис. 5, *8*; 6, *1–6*). Все 28 наконечников подразделены на пять типов, которые совпадают с уже перечисленными типами трехлопастных: с прямым основанием пера – 4, тупоугольным – 18, ромбических – 2, с муфтой-упором – 4[3] (рис. 1, *8–10*).

Трехгранные наконечники стрел представлены тоже несколькими типами, к ним относятся редкие находки наконечников вытянутых пропорций со сводчатой головкой и опущенными концами перьев (Кадыров Э., 1975, с. 34; Воеводский М.В., Грязнов М.П., 1938, рис. 36). Трехгранные с бипирамидальной головкой (рис. 1, *11*) – 4 экз., с пирамидальной – 29 экз. (рис. 1, *12*). Трехгранных с выемкой в нижней части и муфтой-упором (рис. 1, *13*) учтено 50 экз., из них 47 происходят из Ферганы.

Пулевидных наконечников 9 и все они из Ферганы (рис. 1, *14*). Известно также 7 четырехгранных и один двуперый.

Наряду с металлическими известны костяные и деревянные наконечники стрел. Форма деревянных, ввиду плохой сохранности, неизвестна. Костяные наконечники происходят из Кенкольского могильника на р. Талас в Киргизии (5 экз.) (Бернштам А.Н., 1940, рис. XXIX); из могильников джетыасарской культуры – с плоским черешком четырехгранных – 5, трехгранных – 2 (и 3 – без описания) (Левина Л.М., 1993, рис. 80, *9–11*;1996, с. 199, рис. 93); из могильника Дуана – два с уплощенно-ромбической трехгранной головкой и плоским черешком (Древняя и средневековая культура..., с. 108, рис. 30, *11*, *12*).

Луки в целом виде (4 экз.) были найдены в Кара-Булакском могильнике. Это сложно-составные луки с семью костяными накладками (Баруздин Ю.Д., 1961, с. 61, 62). Накладки на лук были найдены еще в 80 погребениях (Бактрия – 1, Согд – 6, Центральные Кызыл-Кумы – 3, Фергана – 12, Кетмень-тюбе – 2, Хорезм – 8, Устюрт – 1, Узбой – 1, Талас – 1, Тянь-Шань – 8, джетыасарская культура – 37). В большинстве случаев найдены срединные боковые, либо концевые накладки, либо те и другие вместе, еще реже и фронтальные. Концевые в разных местах несколько различны, но большей частью слабо изогнуты, длиной примерно 27 см, с арочным вырезом на расстоянии 1,5–1,7 см от конца накладки, реже сильно изогнутые или разновеликие, либо имеют арочный вырез на расстоянии 3–4 см от конца накладки. И.К. Кожомбердиев и Ю.Г. Худяков выделяют два типа луков в Кенкольской культуре. Один они считают близким хуннским, другой – близким раннетюркским (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 80). Л.М. Левина выделяет различные типы сложных луков в джетыасарской культуре (Левина Л.М., 1996, с. 159, 196, 243, рис. 35, *1*, *2*, *8*, *9*; 87–91; 125, *1*, *2*; 126, *1*, *2*; 128, *1*, *2*; 130; 131). Но отличия не совпадают у разных авторов. Видимо, судя по разным типам концевых накладок, отличия были, но пока их трудно выявить. Размеры луков все авторы указывают в

[3] Не исключено, что к этой группе может быть отнесен наконечник стрелы из Алайского могильника Кургак, который неоднократно фигурирует в печати как наконечник "скифского типа" (Бернштам А.Н., 1952, с. 309, рис. 76, *г*). К "скифскому типу" он не относится.

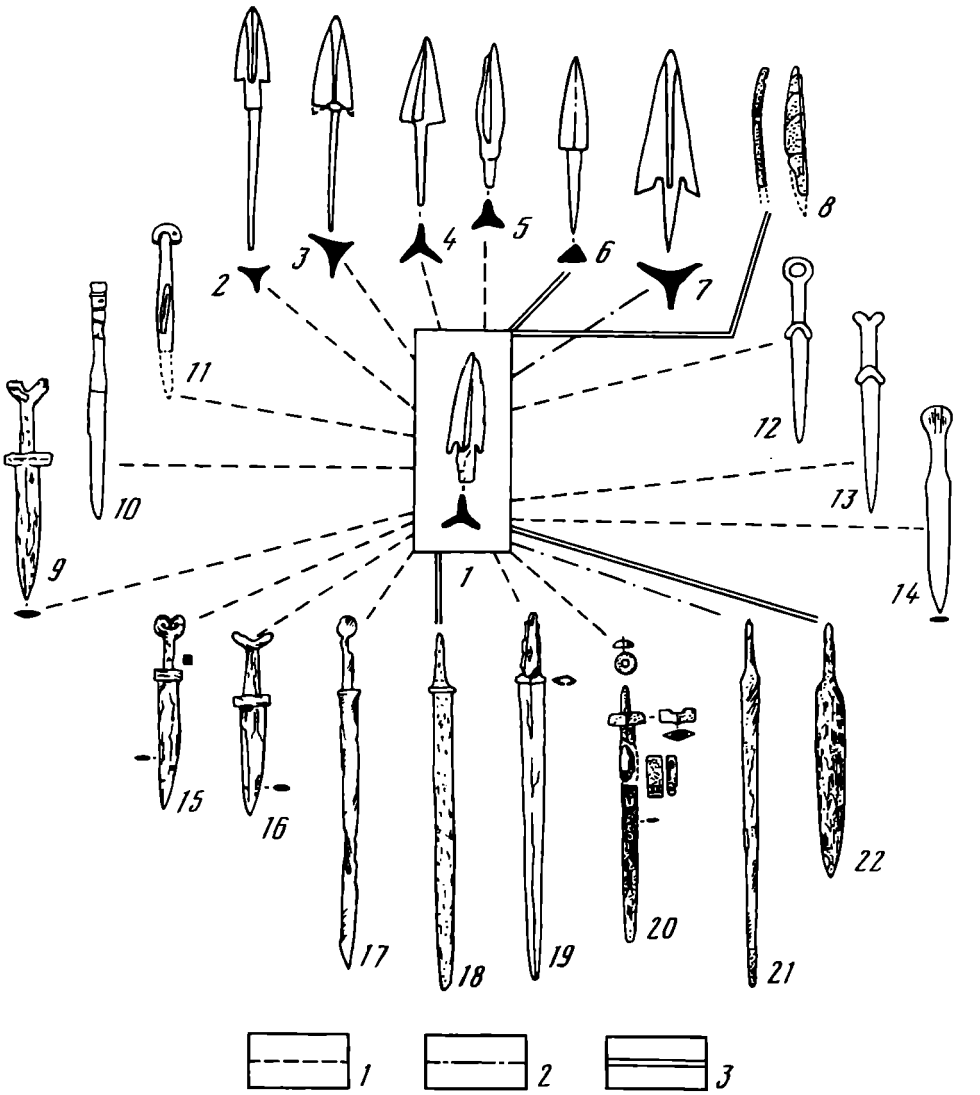


Рис. 2. Сочетание наконечников стрел с опущенными жальцами с другими типами наконечников и прочим оружием. *а* – от 1 до 3 случаев; *б* – от 4 до 7; *в* – от 14 до 19. *1, 4–6* – Фергана, Кайрач V, Кара-Булак, Кокташ (по Г.А. Брыкиной и Н.Г. Горбуновой); *2, 3, 7, 18* – Центральные Кызыл-Кумы, Кулкудук, Джузкудук 2 (по Ю.П. Манылову); *8, 20* – Согд, Орлатский могильник (по Г.А. Пугаченковой); *9, 15, 16, 19* – Бактрия, БМУ (по Б.А. Литвинскому и А.В. Седову); *10, 11* – Ташкент, Актам (по С.Б. Луниной); *12–14, 17* – Согд, Лявандак, Кую-Мазар, Агалыксай (по О.В. Обельченко); *21* – Ташкент, Жаман-Тогай (по А.Г. Максимовой и др.); *22* – Бактрия, Бабашовский (по А.М. Мандельштаму)

пределах 140–160 см. Хорошо видны сложно-составные луки на Орлатских пластинах со сценами баталии и охоты (рис. 3). Там также виден колчан, справа притороченный к седлу коня. Он трехчастный, с широким отделом для лука и двух узких – для стрел (Пугаченкова Г.А., 1987, с. 57, 58).

Помимо луков известны костяные кольца для их натягивания (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 132; Лунина С.Б., 1983, с. 49), костяные, каменные или деревянные выпукло-вогнутые пластины, небольшие костяные цилиндры – тоже для защиты пальцев при натягивании тетивы луков (Левина Л.М., 1996, с. 197). Луки и костяные накладки сочетаются со всеми типами наконечников стрел, но меньше всего с наконечниками с опущенными жальцами (19 из 80).

Мечи известны с перекрестьем и навершием, только с перекрестьем, без перекрестья и навершия. Длина их, обычно, в пределах 80–100 см, длина рукоятей от 9 до 20 см, перекрестье большей частью шире лезвия на 1–2 см, редко – вдвое. В по-

гребениях мечи обычно лежали слева от погребенного, рукоять иногда на плече. В погребениях джетыасарской культуры – слева от пояса вдоль левого бедра или справа за плечом (Левина Л.М., 1996, с. 196). Мечей с навершием учтено 9, из них 7 из Согда (Обельченко О.В., 1978, с. 116–120; Иваницкий Н.Д., Инноваткина О.Н., 1988, с. 54, рис. II, *1*) (рис. 2, *17*). Короткий меч или кинжал с мраморовидным сегментом-навершием, нефритовой обкладкой перекрестья и нефритовой скобкой для подвешивания меча происходит из Орлатского могильника (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 128, 129, рис. 56) (рис. 2, *20*). Небольшое навершие в виде сегмента имеется у меча из могильника Тумек-Кичиджик (Вайнберг Б.И., 1991, с. 59, рис. 16), "лунообразное" навершие на фрагменте меча из Берккаринского могильника, Каратау (Бабанская Г.Г., 1956, табл. 8, *1*). Мечей с перекрестьем без навершия учтено 38 (рис. 2, *18*) и не уточненное количество из 24 погребений джетыасарской культуры (Левина Л.М., 1996, с. 196, рис. 85). В Согде известно 20, в том числе два меча с бронзовым перекрестьем; в Бактрии 10 (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 132), в том числе один с бронзовым перекрестьем (рис. 2, *19*); в Центральных Кызыл-Кумах 4 (Манылов Ю.П., 1990, рис. 1, *2*; 1992, рис. 2, *1*; Манылов Ю.П., Абдукаримов Р., 1990, рис. 2, *10*); в Ташкентском районе 2, в том числе один с бронзовым перекрестьем (Максимова А.Г. и др., 1968, с. 224, табл. XX), другой с перекрестьем, инкрустированным золотой проволокой (Лунина С.Б., 1983, с. 46, 47, рис. 4); в Хорезме 3 (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, рис. 4, *1–3*); на Узбое 3 (Юсупов Х., 1986, с. 114, 115, рис. 38, *3–5*). В могильнике Кулкудук перекрестье меча слегка прогнуто, судя по описанию (Манылов Ю.П., 1990, с. 52). Прогнутые перекрестья отмечены также на мечах из могильников Хорезма.

Особую форму имеет вышеупомянутое перекрестье из Орлатского могильника – у него в центре углубление и соответствующий выступ внизу. Такие мечи изображены на батальной сцене Орлатского могильника, причем, на ножнах было соответствующее углубление для выступа (рис. 3). Мечи на пластинке имеют раструбообразное навершие, аналогии которому мне неизвестны, но О.В. Обельченко отмечал "воронкообразное" навершие из бронзы из Кую-Мазарского могильника (Обельченко О.В., 1976, с. 533).

Мечей без перекрестья и навершия, большей частью, с покатыми плечами, учтено 23 (рис. 2, *11*) (по 2 в Согде, Бактрии, Южной Туркмении, Фергане, 10 в Ташкентском районе, 4 в Кетмень-тюбе, один в Каратау) и 4 с прямыми плечиками (2 в Ташкентском районе, 1 в Бактрии, 1 в Согде). Какое-то количество таких мечей учтено было и в джетыасарской культуре. Однолезвийных мечей учтено 11 (пять в Кетмень-тюбе, 1 в Согде, 5 в Фергане), а также, видимо, находки их известны в джетыасарской культуре.

Все мечи имели ножны, от которых сохранились остатки дерева, нередко со следами красной краски, иногда и с тканью. Особые ножны были найдены в могильнике Казахаул в Центральных Кызыл-Кумах: железные, покрытые тканью, деревом и кожей ярко красного цвета, поверх которой лежал слой неопределенного материала (Манылов Ю.П., 1992, с. 64).

Кинжалы имеют более разнообразные навершия. Из 60 учтенных кинжалов 36 с сердцевидным навершием, все они происходят из Бактрии (рис. 2, *9*). Характеристика кинжалов из Согда дана О.В. Обельченко (1978, с. 120–123). Среди них есть кинжалы и с дуговидным перекрестьем (рис. 2, *12*, *13*), без перекрестья (рис. 2, *14*), с прямым перекрестьем (типа рис. 2, *15*, *16*). Четыре кинжала из Хорезма и два с Узбоя имели кольцевидные навершия (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, рис. 4, *4–6*; Юсупов Х., 1986, рис. 38, *2*, *6*), один из Ташкентского района – полукруглое плоское навершие (рис. 2, *11*), узкие кинжалы – "стилеты" – из Согда и Ташкентского района (рис. 2, *10*). Известны кинжалы только с прямым перекрестьем: на Тянь-Шане (Кибиров А.К., 1959, с. 123) и в могильниках джетыасарской культуры (Левина Л.М., 1996, рис. 86, *5*, *9*, *11*).

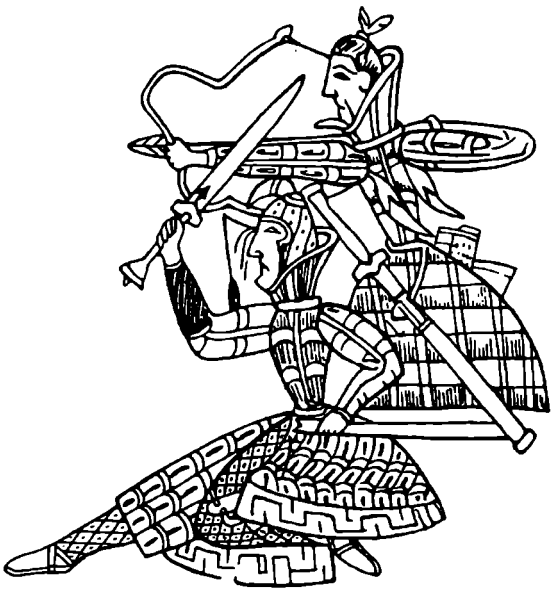


Рис. 3. Фрагмент батальной сцены на Орлатской пластинке (по Г.А. Пугаченковой)

Кинжалов без перекрестья и навершия учетно 33 (рис. 2, *22*) (2 в Согде, 3 в Бактрии, 6 в Фергане, 15 в Ташкенте, 3 в Центральных Кызыл-Кумах, 1 в Кетменьтюбе). Прямые плечики имели 3 кинжала (1 в Бактрии, 2 в Ташкенте). Известно 9 однолезвийных кинжалов (1 в Согде, 6 в Фергане, 2 в Ташкенте). Кинжалы обычно лежали справа от погребенных, но некоторые – поперек пояса (Фергана).

Из прочего металлического оружия известны единичные находки копий из Кетменьтюбинского могильника Торкен – линзовидные (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 90); два листовидной формы из Тамдинского (Маловицкая Л.Я., 1949, с. 120); булава и острога из Шаушукумского могильника (Максимова А.Г. и др., 1968, рис. XXV, *3*: XXXIV, *12*). На Орлатских пластинах видны и копья и еще боевые топорики-клевцы.

Защитный доспех найден только в кургане 3 могильника Акчий-Карасу в Кетменьтюбе. Как предполагают авторы, он "состоял, видимо, из чешуйчатого нагрудника, сплошь покрытого сферическими выступами, изогнутых пластинок предплечья и оплечий, узких горизонтальных пластин рукавов, ламмелярного подола" (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 97). Иные доспехи изображены на пластинке из Орлатского могильника (рис. 3). Они имеют вид длинного кафтана с наручами, расширяющимися к низу. Доспехи пластинчатые и чешуйчатые из продолговатых, полуовальных пластин, причем, у всех воинов они различны по внешнему виду. На головах воинов шлемы полуовальной формы с выемкой у висков, на макушке кольцевое навершие с отверстием, где закреплен хвост-куйрук (Пугаченкова Г.А., 1987, с. 60, 61, рис. на с. 57).

Для исследования сочетания различных категорий и типов оружия отбирались преимущественно ненарушенные погребения. Наиболее разнообразная часть оружия сопрягается с железными наконечниками стрел с опущенными жальцами (рис. 2). С ними найдены почти все мечи и кинжалы с навершиями (неясно только, сочетаются ли с ними кинжалы с кольцевым навершием). С этими наконечниками найдены 15 из 38 мечей с перекрестьем, 13 из 33 кинжалов и 6 из 23 мечей без перекрестья и навершия, 19 из 80 накладок на лук. Остальное оружие сопрягается с другими типами наконечников. Так, мечи с перекрестьем дважды найдены с трехлопастными наконечниками с прямым основанием пера, по одному разу с тупоугольным основанием, с втульчатым, с трехлопастным с втулкой и черешком и с маленькой муфтой. Кинжалы

без перекрестья и навершия девять раз сочетаются с трехлопастными с прямым основанием перьев, дважды с тупоугольным, один раз с наконечником с ромбической формой головки. Мечи без перекрестья и навершия пять раз встречены с трехлопастными с прямым основанием, дважды с трехгранными, по одному с наконечником с ромбическим очертанием головки и с пулевидным. Однолезвийные кинжалы сочетаются с трехлопастными наконечниками с прямым основанием пера, по одному с такими же, но с упором-втулкой, с пулевидными и с трехгранными. Необходимо добавить, что кинжалы без перекрестья и навершия 11 раз найдены с мечами с перекрестьем, 1 раз с кинжалом с серповидным навершием, с навершием полукруглым и стилетом, дважды с мечами без перекрестья и навершия. К сожалению, не удалось детально проследить сочетание различных типов оружия в могильниках джетыасарской культуры, Кетмень-тюбе и Таласа, Тянь-Шаня. В последнем наконечники стрел сочетаются, в основном, с накладками на лук. Во всех случаях, насколько удалось проследить, сочетаются наконечники различных типов, исключая наконечники с опущенными жальцами.

Таким образом, определяются несколько групп вооружения, правда, не очень четко разграниченных. Небольшая, с бронзовыми наконечниками стрел, но и с железными трехгранными или удлиненными втульчатыми. С ними найден длинный меч с дуговидным перекрестьем (Устюрт) и кинжалы с серповидным навершием (Узбой). Но основная, первая группа, как указано выше, определяется железными наконечниками стрел с опущенными жальцами, с которыми сочетаются почти все кинжалы и мечи с перекрестьями и навершиями, часть кинжалов и мечей без перекрестий и наверший, часть накладок на лук. Вторая группа не является полностью изолированной, так как тот же тип наконечников еще продолжает существовать, но появляются и распространяются наконечники с прямым основанием пера, исчезают мечи с навершиями, еще остаются, видимо, кинжалы с кольцевым навершием (Хорезм) и серповидным (?) (Ташкент), но уже преобладают кинжалы и мечи без перекрестья и навершия, появляются наконечники стрел с треугольным основанием перьев и трехгранные. К третьей группе относятся все остальные типы наконечников стрел, продолжают существовать кинжалы и мечи без перекрестья и навершия, но появляются мечи с прямыми плечиками, однолезвийные мечи и кинжалы.

Есть еще одна категория вещей, тесно связанная с оружием. Это пряжки, на характеристике которых здесь нет возможности остановиться. Отметим только, что к первой группе относятся пряжки из железа, бронзы и кости с неподвижным креплением.

Вопросы абсолютной хронологии следует попытаться решить без учета хронологии сарматской культуры. Погребения с бронзовыми и наиболее ранними железными наконечниками стрел датируются в пределах IV–III–II вв. до н.э. и для пересмотра этих дат нет оснований. Для нас более существенны даты наконечников стрел с опущенными жальцами, наиболее ранний из которых датирован, как указано выше, IV–III вв. до н.э. Но основное количество этих стрел датируется несколько более поздним временем. Так, А.М. Мандельштам датировал Тулхарский могильник (Бактрия) последней третью II в. до н.э. – I в. н.э., опираясь на находки монет – подражание оболам Евкратида (он относил их к последней трети II–I в. до н.э.) и анализа развития форм бокалов (Мандельштам А.М., 1966, с. 158, 159). С такой монетой в погребении кургана I, 18 был найден кинжал с сердцевидным навершием. Еще в двух погребениях были найдены такие же и близкие к ним наконечники стрел с такими же кинжалами и мечами с перекрестьем. Те же сочетания отмечены и в бактрийском могильнике БМУ[4]. Е.В. Зеймаль, предлагая иные даты для упомянутых монет, относит монету из кургана I, 18 к середине I в. до н.э. (Зеймаль Е.В., 1984, с. 182, 186). Но такой же кинжал в другом бактрийском могильнике (Ксиров) найден с монетой, датированной Е.В. Зеймалем второй половиной I – началом II в. н.э. (Денисов С.П., 1977, с. 90; Зеймаль Е.В., 1984). Б.А. Литвинский и А.В. Седов полагают, что Тулхарский могильник и могильник БМУ могут быть датированы I–II вв. (Литвинский Б.А., Седов

[4] Данные об этом могильнике переданы мне И.Н. Медведской, за что я ей очень благодарна.

А.В., 1984, с. 134). Я принимаю датировку А.М. Мандельштама. Но при всей разнице в датах очевидно, что рассматриваемые наконечники бытовали в I в. до н.э. – I в. н.э., и с учетом их даты в бухарских могильниках на основании находки тетрадрахмы греко-бактрийского царя Гелиокла (началом эмиссии этих монет считается начало II в. до н.э.) можно считать, что они распространены уже во II в. до н.э. Вместе с монетой Гелиокла найден не только такой наконечник, но и меч с перекрестьем (Обельченко О.В., 1992, с. 86). В то же время наконечники стрел рассматриваемого типа, но с выемкой между пером и черенком, найдены в некрополе Тилля-тепе I в. н.э. в Афганистане (Sarianidy V., 1985, p. 251, № 4. 37 Ш 156) (но кинжалы, найденные там, не имеют аналогий в Средней Азии). К ранним относится и наконечник из Берккаринского могильника (Каратау) и из могильника Куян-Тугай в Таласской долине (Heikel H., 1918, tabl. VI, *3*). В то же время такие наконечники стрел, как отмечалось выше, найдены в могильниках Шаушукум и Джун Ташкентского р-на, Кайрагач и Гурмирон в Фергане, Тамдинском – Каратау. Здесь они найдены либо в сочетании с другими наконечниками стрел или с мечами и кинжалами без перекрестья и навершия. Датируются все эти погребения уже в пределах II–III вв. н.э. и бытуют, как очевидно, на северо-востоке Средней Азии (дата могильника Тамды в Каратау III–I вв. до н.э., по-видимому, может быть пересмотрена в сторону омоложения). Позднее III в. они вряд ли существуют, так как не сочетаются с более поздними типами наконечников.

Из числа прочего оружия первой группы следует остановиться на датах мечей с перекрестьем. Так, Б.И. Вайнберг полагает, что они появились в Средней Азии в начале эллинистической эпохи, в "переходные" формы с изогнутым перекрестьем следует датировать как и сарматские, временем не позднее IV–III вв. до н.э. (Вайнберг Б.И., 1991, с. 50, 59). Однако у хорезмийских мечей перекрестье слегка прогнуто, а не выгнуто, как у сарматских "сломанных" перекрестий. Л.Т. Яблонский относит появление мечей с перекрестьем в Средней Азии на рубеже II–I вв. до н.э. и отмечает их восточное происхождение (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, с. 174), но не выделяет особой датой мечи с прогнутым перекрестьем. Вместе с последними найдены и кинжалы с кольцевым навершием, которые Б.И. Вайнберг сравнивает с таковыми из Согда. Но у согдийского кинжала как раз дуговидное перекрестье, тогда как у хорезмийских прямое. Б.И. Вайнберг отмечает, что керамика из могильника Тумек-Кичиджик, где найдены упомянутые мечи и кинжалы, принадлежит к четкому хронологическому комплексу IV–II вв. до н.э. и позднее не встречается (Вайнберг Б.И., 1991, с. 101, прим. 101). Но мечи и кинжалы могли появиться и в конце этого периода. Думаю, что появление мечей с перекрестьем, скорее все же относится ко II в. до н.э.

Особый вопрос – дата короткого меча или кинжала из Орлатского могильника с железным перекрестьем, обложенным нефритовыми пластинками и с нефритовой скобой для подвешивания меча. Мечей с таким перекрестьем на территории наших степей мне не известно. Но близкий ему меч был найден в корейской гробнице I в. н.э. (Jetts W.P., 1926, p. 196). Скобы для подвешивания, по сарматской хронологии, относятся к позднесарматскому периоду (Хазанов А.М., 1971, с. 27), в Китае же они появляются рано и классификация их основана на типах орнамента. Неорнаментированные появляются в эпоху Западных Хань (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.). По профилю скоба из Орлатского могильника похожа на скобу Cg 65 по каталогу Трусдала (Trousdal W., 1975, fig. 9), датированную временем ранней Западной Хань, очевидно, II в. до н.э. Некоторым дополнением для даты первой группы может быть необычный железный наконечник стрелы из могильника Кулкудук. Отдаленной аналогией ему является трехлопастной наконечник стрелы из Монголии, имеющий втулку со вставленным в нее черешком. Он отнесен С.В. Киселевым к числу находок "скифского времени" (Киселев С.В., 1947, рис. 3, *д*). Трехлопастные наконечники с прямым основанием появляются еще при бытовании наконечников с опущенными жальцами, но в позднем периоде их существования. Определенной даты предложить невозможно, но очевидно в I в. н.э. они уже существуют. Во второй группе, как отмечалось, еще встречаются кинжалы с перекрестьем и навершием и мечи с перекрестьем.

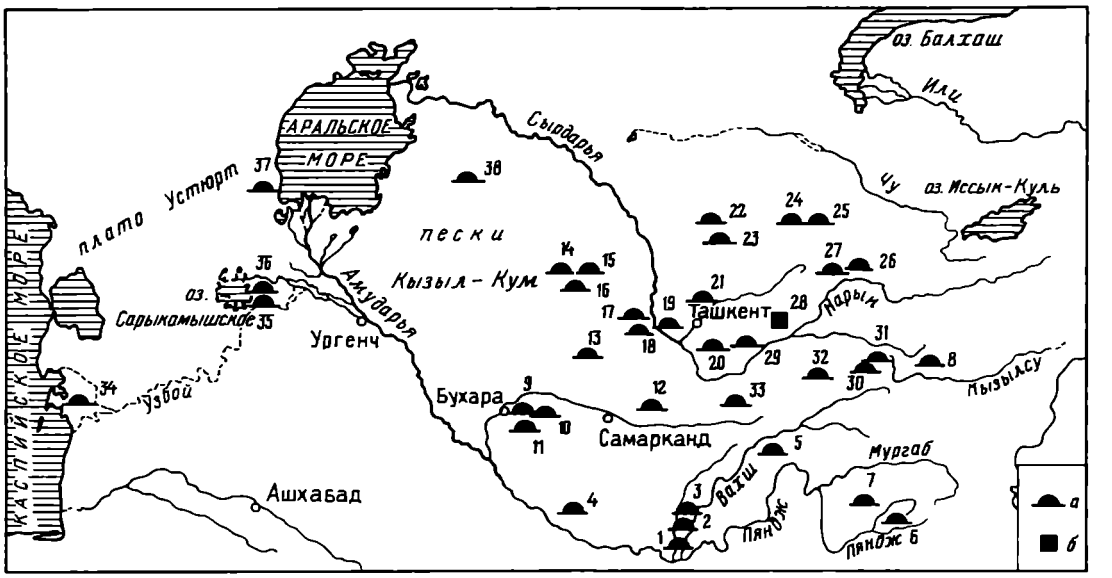


Рис. 4. Памятники, упоминаемые в тексте: *1* – Аруктау; *2* – Тулхарский; *3* – БМУ; *4* – Бабашовский; *5* – Ксиров; *6* – Шаймак; *7* – Аличур II; *8* – Кургак; *9* – Лявандак; *10* – Кую-мазар; *11* – Агалыксай; *12* – Сирлибай; *13* – Орлатский; *14* – Кулкудук; *15* – Джузкудук; *16* – Казахаул; *17* – Актобе; *18* – Шаушукум; *19* – Жаман-Тогай; *20* – Актам; *21* – Джун; *22* – Берккара; *23* – Тамдинский; *24* – Кенкол; *25* – Куян-Тугай; *26* – Торкен; *27* – Акчий-Карасу; *28* – Куюк-тепе; *29* – Гурмирон; *30* – Хангиз; *31* – Кокташ; *32* – Кара-Булак; *33* – Кайрагач; *34* – Келькор; *35* – Тумек-Кичиджик; *36* – Гяур IV; *37* – Дуана; *38* – погребальные памятники Джетыасарской культуры (*а* – могильники, *б* – поселение)

В третьей группе чрезвычайно широко представлены различные типы наконечников стрел. Их хронология уже рассматривалась в указанных специальных статьях. Так, наконечники с тупоугольным основанием появляются несколько позже, чем с прямым, в пределах II–III вв. Трехлопастные с упором и трехгранные, скорее всего, в IV–V вв.н.э. и этим же временем датируются трехгранные с уступом. Таким образом, можно предположить, что первая группа вооружений относится ко II в. до н.э. – I в. н.э., вторая – ко II (I?) – III вв., третья – к IV–V вв.

Особо следует оговорить, что трехгранно-трехлопастные наконечники – это специфика кенкольской культуры. Но найденные вместе с ними остальные наконечники не выходят за рамки используемой в данной статье классификации и встречаются почти со всеми другими, кроме наконечников с опущенными жальцами. Поэтому я думаю, что дата их всех не I–V вв., а скорее, III–V вв.

Такова на сегодняшний день картина развития разного типа оружия у скотоводов Средней Азии (рис. 4).

И, коротко, о возможном происхождении рассмотренных комплексов вооружения. Так, Б.А. Литвинский считает возможным свою местную линию развития бактрийского оружия (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 132). В свою очередь, Б.И. Вайнберг также видит местное, но хорезмийское (точнее, Приаральское) развитие мечей с перекрестьем (Вайнберг Б.И., 1991, с. 61) и сочетание их с кинжалами[5]. О.В. Обельченко считал могильники, раскопанные им, а следовательно, и оружие, сарматскими (Обельченко О.В., 1992, с. 224–226). В.Е. Маслов и Л.Т. Яблонский отмечают, что сочетание мечей с перекрестьем и кинжалов с кольцевым навершием характерно для памятников левобережного Хорезма и северо-западной Туркмении и является этнографической особенностью этого населения (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, с. 174).

[5] Б.И. Вайнберг не совсем права, полагая, что у всадников Средней Азии всегда сочетаются длинный меч и кинжал, и меч без кинжала не встречается. Мечи без кинжалов найдены в одиннадцати погребениях Согда и двух погребениях в Кызыл-Кумах. Значительно чаще, правда, встречаются кинжалы без мечей.

И.К. Кожомбердиев и Ю.Г. Худяков отмечают, что набор стрел кенкольской культуры отличен и от хуннского, и от комплексов южносибирских культур, где мало бронебойных наконечников и борьба шла, видимо, с легковооруженным противником. Наибольшее сходство они видят в комплексе согдийских стрел VII–VIII вв. и делают вывод о том, что кенкольский комплекс близок согдийскому, но отличен хронологически (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 87, 88). Однако такой комплекс, за исключением трехгранно-трехлопастных наконечников, которых нет и в Согде, есть в Фергане и Ташкенте. Далее авторы считают возможным видеть возникновение кенкольской культуры на рубеже н.э. на базе консолидации части тохарских племен и вооружения "кенкольцев" полагать результатом эволюции общетохарского (восточносарматского) комплекса. Но нам неизвестны особенности вооружения "восточносарматского" комплекса. Рассматривать варианты вопросов происхождения комплексов вооружения в данной статье нет возможности. Считаю необходимым, однако, отметить близость Ферганского, кенкольского и, отчасти, ташкентского комплексов (возможно, сюда входил и тянь-шаньский), причем, ташкентский занимал как-бы промежуточное положение между Ферганой и Согдом, но ближе к кенкольско-ферганскому. Происхождение его трудно проследить, так как он появляется в готовом виде в начале I тыс. н.э. Другой комплекс выделен В.Е. Масловым и Л.Т. Яблонским. Этот комплекс представляется мне наиболее близким сарматскому, что вполне объяснимо, учитывая сезонные миграции с юга на север. Третий комплекс я бы отнесла к согдийско-бактрийскому и к нему, скорее всего, примыкает оружие из курганов Центральных Кызыл-Кумов. Различны эти комплексы и хронологически. Согдийско-бактрийский почти целиком попадает в первую группу, "хорезмийско-узбойский" частично в первую, но больше во вторую, а кенкольско-ферганский также, как и ташкентский, во вторую и третью. В основном, к третьей группе можно отнести и джетыасарские комплексы. Происхождение же их всех пока все же остается дискуссионным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабанская Г.Г., 1956. Беркаринский могильник // ТИАЭ Казахской АН. Т. I.

Баруздин Ю.Д., 1961. Кара-Булакский могильник // ИАН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. III. Вып. 3. Фрунзе.

Бернштам А.Н., 1940. Кенкольский могильник. Л.

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26.

Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1984. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Вайнберг Б.И., 1991. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70–80 годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М.

Воеводский М.В., Грязнов М.П., 1938. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. № 3(4).

Денисов Е.П., 1977. Работы в Ленинградском и Дангаринском районах // АРТ. Вып. XVII.

Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта, 1978. Ташкент.

Зеймаль Е.В., 1984. Подражание оболам Эвкратида // Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Приложение. М.

Иваницкий Н.Д., Инноваткина О.Н. 1988. Раскопки кургана Сирлибай-тепе // ИМКУ. Вып. 22.

Кадыров Э., 1975. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы (по материалам раскопок могильника Гурмирон в 1973 г.) // УСА. Вып. 3.

Кибиров А.К., 1959. Археологические работы в Тянь-Шане // ТКАЭЭ. Т. II.

Киселев С.В., 1947. Монголия в древности // Известия Академии наук. Серия истории и философии. Т. IV. № 4.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

Левина Л.М., 1993. Раскопки могильников в окрестностях Бедаик-асар, Кос-асар, Томпак-

асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыасарская культура. Ч. 2. Могильники Томпак-асар и Кос-асар. М.
Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
Литвинский Б.А., 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2.
Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники крыши мира. М.
Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.,1981. Тахты-Сангин – каменное городище (раскопки 1976–1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.
Лунина С.Б., 1983. Погребальный инвентарь Актамского могильника (Пскентский район) // Материалы по археологии Средней Азии. Ташкент.
Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.
Маловицкая Л.Я., 1949. Тамдинский курганный могильник III–I веков до н.э. // Известия АН Казахской ССР. Серия археологическая. № 67. Вып. 2. Алма-Ата.
Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136.
Мандельштам А.М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.
Манылов Ю.П., 1990. Раскопки кулкудукской курганной группы в Центральных Кызыл-Кумах // ИМКУ. Вып. 23.
Манылов Ю.П., 1992. Курганы Кокпатаса // ИМКУ. Вып. 26.
Манылов Ю.П., Абдукаримов Р., 1990. Курганы III–II веков до н.э. в курганной группе Джузкудук 2 // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент.
Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996. Могильник Гяур IV в Северной Туркмении // СА. № 2.
Обельченко О.В., 1976. Раскопки Кую-Мазарского могильника // АО–1975.
Обельченко О.В., 1978. Мечи и кинжалы из могильников Согда // СА. № 4.
Обельченко О.В., 1992. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М.
Оболдуева Т.Г., 1988. Курганы на реке Джун // СА. № 4.
Пугаченкова Г.А., 1966. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., 1987. Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., 1989. Древности Мианкаля. Ташкент.
Сорокин С.С., 1956. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Юсупов Х., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.
Heikel H., 1918. Altertumer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki.
Jetts W.P., 1926. A Chinese Scabbard–Jade // The Burlington Magazine. V. XLIX. № CCLXXXIII.
Sarianidi V., 1985. The golden Hoard of Baktria. From Tillya-tepe. Excavation in Northern Afghanistan. Harry N: Abrams. Ing Publishers New Jork. Awrora Art Publishers. Leningrad.
Trousdal W., 1975. The Lond Sword end Scabbard Sliade in Asia // Smithsonion contributions to antropology. N. 17. Washington.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

N.G. GORBUNOVA

THE WEAPONS OF CENTRAL ASIATIC CATTLE-BREEDERS (the 2nd(3rd?) century B.C. – the 5th century A.D.)

Summary

The analysis of different weapons' types occurring in the necropolises which belonged to Central Asiatic cattle-breeders resulted in outlining three basical chronological groups of weapons. The division was grounded on the morphology of arrow-heads (Fig. 1). The first group is dated to the 2nd century B.C. –1st century A.D. It comprises iron barbed arrow-heads, swords with a guard and a pommel, the major part of the daggers also with a guard and a pommel, a part of guarded swords without pommel, a part of daggers and swords without guard and pommel, and a part of bow-plaques (Fig. 2). The second group of weaponry dated back to the 2nd (1st?) – 3rd centuries A.D. includes a part of barbed arrow-heads, strait-based ones, those with obtuse-angled base, trihedral and bullet-shaped ones. In this period guarded swords without pommel are still in use, but daggers and swords without guard and pommel prevail. To the third group falling within the 4th – 5th centuries all types of arrow-heads are ascribed except berbed ones; guardless swords and daggers still survive, but straight-shouldered swords appear, as well as single-edged swords and daggers. The early group includes mainly the sites of Bactrian and Sogdian cluster, the first and second ones – those of Uzboy and Khorezm, the second and third ones – the sites situated in the north-eastern regions of Central Asia.

В.М. ЗУБАРЬ

ЕЩЕ РАЗ О ТАВРИЧЕСКОМ ЛИМЕСЕ

В свое время М.И. Ростовцев, а вслед за ним В.Н. Дьяков предполагали, что на территории Крымского п-ова во II–III вв. существовал специальный Таврический лимес, организованный подобно Дунайскому, Сирийскому или Британскому (Latyschev B., 1916, p. 510; Дьяков В.Н., 1941, с. 94–97; 1942, с. 61). Однако уже в 60–70-х годах нашего столетия на археологическом материале было убедительно доказано, что это предположение не подтвердилось (Кадеев В.М., 1981, с. 30, 31). Но в последнее время к этому, казалось бы, отвергнутому выводу вернулся С.Б. Буйских. Он полагает, что уже в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. вокруг Ольвии создается единая оборонительная система, которая позволяет говорить если не о самостоятельном лимесе, призванном обеспечить прикрытие Дунайской границы империи, то о его составной части, относившейся к Таврическому лимесу (Буйских С.Б., 1989, с. 66; 1991, с. 108–117). Суммируя, С.Б. Буйских пишет, что "тезис М.И. Ростовцева о Таврическом лимесе, несмотря на свою давность и отчасти теоретический характер, в настоящее время получает свое конкретное воплощение" (Буйских С.Б., 1989, с. 67).

Однако сейчас нельзя признать корректной атрибуцию системы городищ в Нижнем Побужье и Таврике в качестве лимеса, на что уже обращалось внимание (Зубарь В.М., 1992, с. 61, 62; 1995, с. 52–63; Zubar V.M., 1995, S. 199, 200). При этом подчеркивалось, что лимес – это укрепленная линия, сооруженная именно на границе Римской империи, которая состояла из системы различных долговременных защитных сооружений и римских военных лагерей (Зубарь В.М., 1995, с. 63). Для вывода о наличии в том или ином месте специального лимеса недостаточно выделения только формальных признаков, например того или иного типа укреплений или их системы. Нужно в первую очередь доказать, что то или иное государство, в данном случае античные центры Северного Причерноморья, юридически входило в состав Римской империи. Именно исходя из того, что Херсонес и значительная часть Таврики были включены в состав Римского государства, М.И. Ростовцев и В.Н. Дьяков употребляли термин "лимес". Однако сейчас установлено, что античные центры Северного Причерноморья находились вне официальных границ империи и по своему статусу были союзными Риму государствами. Поэтому в правление Антонина Пия Херсонесу была дарована элевтерия, а Ольвии, видимо, при Септимии Севере – права автономии (См.: Зубарь В.М., Сон Н.О., 1987, с. 12–17; Зубарь В.М., 1993а, с. 40, 41; 1996, с. 118, 119).

Вместе с этим размещение в Таврике римских войск, с помощью которых контролировалось не только побережье, но и более или менее обширные территории, позволяет говорить об использовании здесь типично римских приемов военной организации, хорошо известных на границах собственно империи (Зубарь В.М., 1994, с. 77, 78). В пользу этого заключения недавно были получены новые интереснейшие археологические данные, которые, к сожалению, должным образом не были интерпретированы (Савеля О.Я., 1994а, с. 115, 116; 1994б, с. 237; 1997, с. 91, 92; Ср.: Филиппенко А.А., 1995, с. 64)[1], что и заставило вернуться к их анализу снова.

[1] А.А. Филиппенко (1996, с. 191) указал, что в округе Херсонеса обнаружено "по крайней мере около десятка пунктов, которые можно уверенно связывать с деятельностью римских войск". Но кроме укрепления на высоте Казацкая и Балаклавы, о которых речь пойдет в статье, а также укрепления на высоте Безымянной, никаких иных памятников он не приводит.

© В.М. Зубарь, 2000 г.

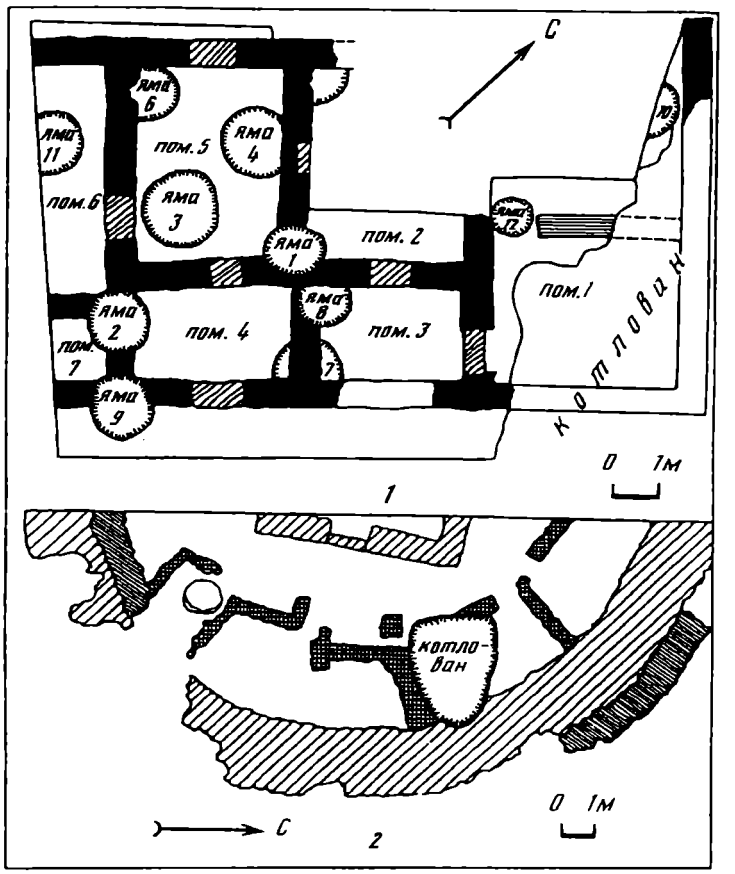


Рис. 1. Строительные остатки в местах дислокации римских войск в окрестностях Херсонеса Таврического по О.Я. Савеле.
1 – план помещений, раскопанных на территории Балаклавы в 1991–1992 гг.; *2* – сторожевая башня на высоте Казацкая

В 1991 г. на высоте Казацкая (отметка 197, 4), расположенной на восточной кромке Гераклейского п-ова, на площади в 230 м^2 были частично открыты остатки башни с входом и часть округлой ограды с пристроенными к ней помещениями, видимо, хозяйственного назначения. Диаметр ограды составлял 25–27 м (рис. 1, *2*). Основание квадратной башни было сложено из известняковых тщательно отесанных плит, а верхняя часть, судя по наличию в завале глиняной обмазки со следами дерева, вероятно, была деревянной. Находки в завалах керамид с клеймами XI Клавдиева легиона и VEMI свидетельствует о том, что башня была крыта черепицей. Причем наличие вокруг башни каменной ограды позволяет говорить, что она могла в данном случае играть роль дополнительного фортификационного пояса вокруг этого сооружения. По массовому археологическому материалу, обнаруженному в процессе раскопок, памятник может быть датирован II – первой половиной III в. (Савеля О.Я., 1997, с. 91, 92).

Публикуя материалы раскопок этого памятника, О.Я. Савеля считал возможным интерпретировать его в качестве сторожевого поста (praesidia). Однако, несмотря на то что этот памятник не исследован еще полностью, все же можно уточнить его функциональное назначение и роль в фортификационной системе на границе Херсонесского государства. Судя по многочисленным аналогиям с территории Рецийского и Германского лимесов, раскопанную постройку можно атрибутировать в качестве сторожевой башни (Wachtturm), построенной из дерева на каменном цоколе (рис. 2). Как правило, на римских лимесах такие башни строились в высоких местах на расстоянии от 300 и 1000 м друг от друга и были соединены первоначально земляным валом, а

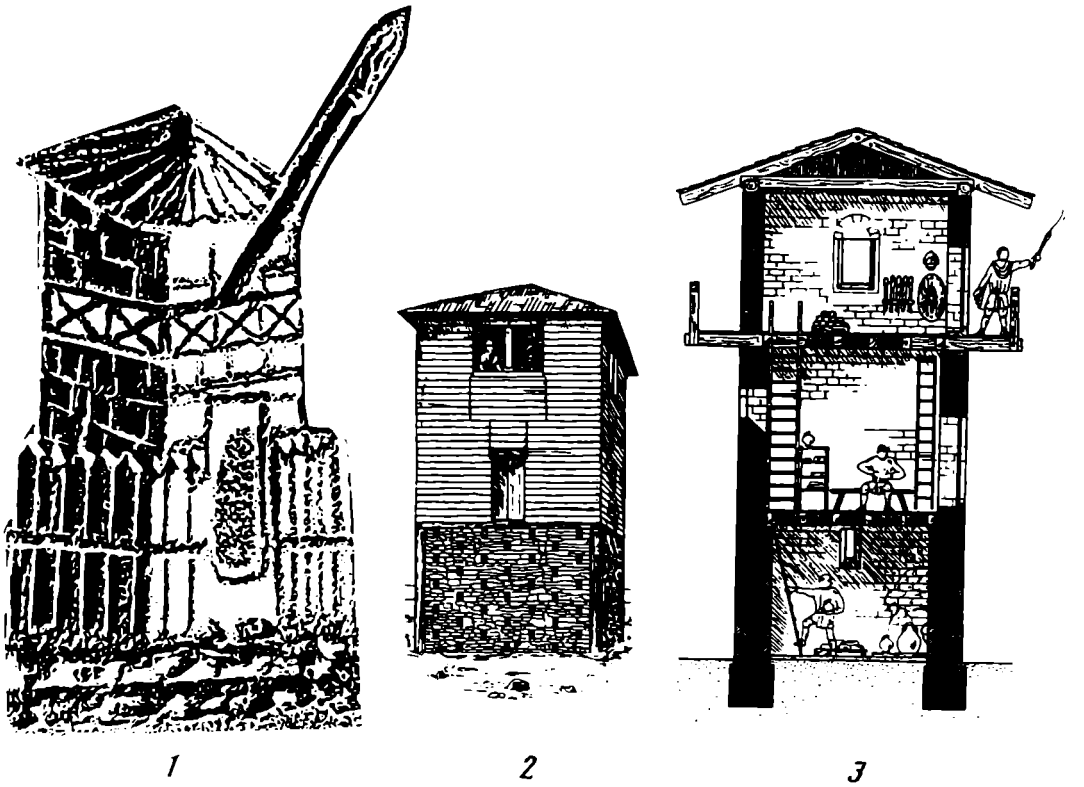


Рис. 2. Римские сторожевые башни по Д. Баацу.
1 – изображение сторожевой башни на колонне Траяна;
2 – сторожевая башня из дерева на каменном цоколе (реконструкция); *3* – сторожевая башня в разрезе (реконструкция)

позднее – каменной стеной (Baatz D., 1975, S. 35–42; 1976, S. 35–45). Основная задача гарнизонов таких сторожевых башен состояла в своевременном оповещении световыми или дымовыми сигналами о приближении противника римских сил, которые дислоцировались в более крупных лагерях на определенном удалении от линии границы (Baatz D., 1975, S. 43–47, Abb. 27). В данном случае эта башня обеспечивала наблюдение за Инкерманской долиной и контролировала один из наиболее удобных выходов на Гераклейский п-ов по Каменоломной балке (Савеля О.Я., 1997, с. 91), который в древности был, видимо, перегорожен стеной (Филиппенко А.А., 1995, с. 64).

Таким образом, зафиксированная в 1991 г. на высоте Казацкая сторожевая башня позволяет говорить, что охраняемая римскими войсками территория в округе Херсонеса проходила по гребню плато Сапун-горы, господствовавшему над местностью и являвшемуся надежной естественной преградой для противника. При этом расположение сторожевых башен, известное по собственно римским лимесам, а также следы аналогичного сооружения, зафиксированного в 1925 г. Л.Н. Соловьевым на высоте Суздальская в приблизительно одной римской миле от высоты Казацкая (Филиппенко А.А., 1995, с. 64), но, к сожалению, не раскопанного, позволяют предположить, что на гребне плато Сапун-горы было по крайней мере несколько таких сооружений, составлявших целую систему римских сторожевых постов.

В связи с этим хотелось бы привести слова акад. П.С. Палласа из его путевых заметок, где следующим образом описывается этот район, который он посетил в 1793–1794 гг.: "Восточнее прямой линии, идущей от Балаклавского залива прямо на север к Инкерману, не встречаешь ничего, что можно было бы принять за древние жилища. Около этой линии идет продолговатая возвышенность поперек всей этой местности (гребень плато Сапун-горы. – *В.З.*), на которой, но только по этому направлению, можно заметить слабые следы стены и несколько башен, частью четырехугольных,

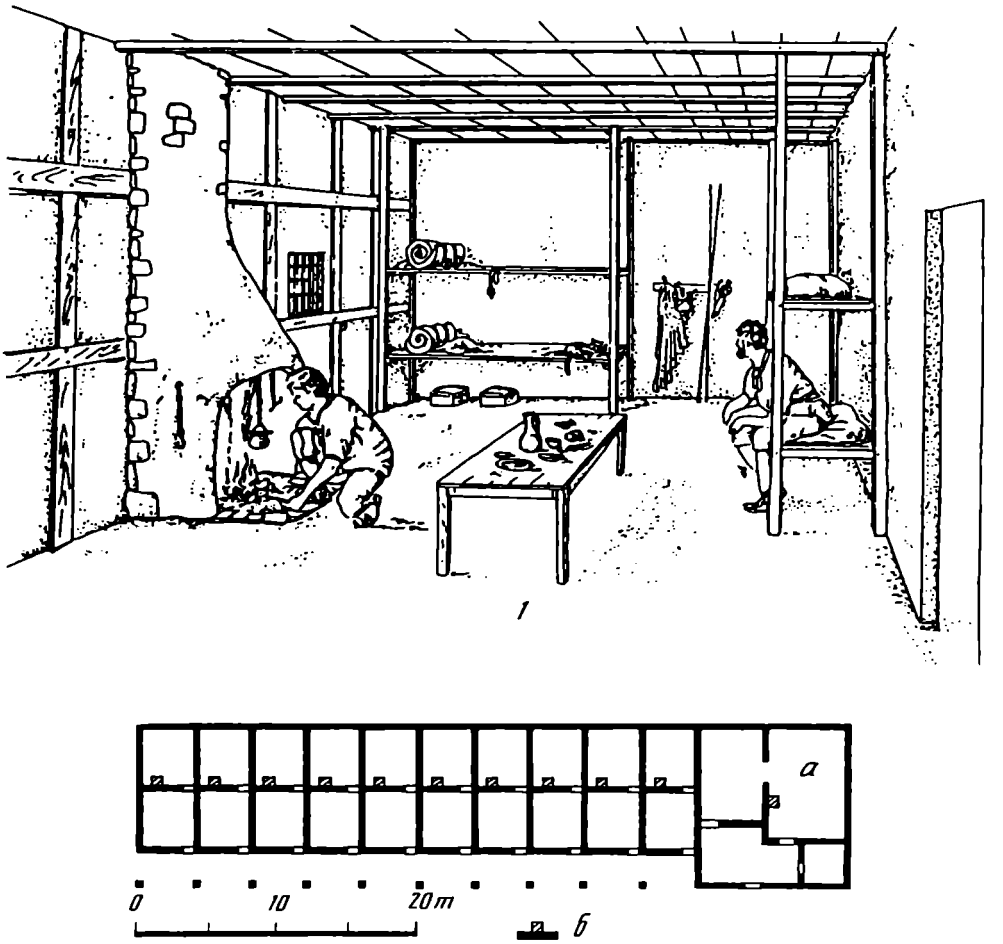


Рис. 3. План и реконструкция казарм римской центурии по А. Джонсон.
1 – жилой блок; *2* – план казармы; *а* – очаг; *б* – офицерский блок

частью круглых, из которых большая часть камней могла быть вывезена на постройки Балаклавы и в ближайшую деревню Кады-кой затем, что они были, кажется, отесаны. Эти остатки, как можно предполагать, указывают на местоположение стены, которою по Страбону был замкнут Херсонес от Балаклавской бухты до Ахтиярской (Севастопольской. – *В.З.*), на расстоянии 40 стадий" (Паллас П.С., 1881, с. 97). Обычно эти слова П.С. Палласа рассматриваются в качестве доказательства наличия укреплений на границах сельскохозяйственной территории Херсонеса в эллинистический период (См.: Николаенко Г.М., 1985, с. 282, 283; Зубарь В.М., 1993б, с. 18; Марченко Л.В., 1997, с. 193, 194). Не отрицая этого в принципе, хотелось бы обратить внимание на то, что П.С. Паллас упоминает не только четырехугольные, но и круглые в плане башни, совершенно не характерные для усадеб эллинистического времени на Гераклейском п-ове (Кругликова И.Т., 1981, с. 9–16). Если учесть, что на высоте Казацкая было зафиксировано круглое в плане ограждение римской сторожевой башни II – первой половины III в., а какие-либо фортификационные сооружения эпохи средневековья здесь неизвестны, то с определенной степенью риска можно говорить, что П.С. Паллас на гребне Сапун-горы видел следы укреплений не эллинистического, а римского времени. Они могли быть возведены на месте стены, о которой упоминает Страбон (Strabo, VII, 4, 7), первоначально построенной, возможно, еще Агасиклом (Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990, с. 358). Следовательно, в впервые века н.э., как и ранее, сельскохозяйственная территория Херсонеса располагалась к западу от гребня плато Сапун-горы, вследствие чего римскими войсками и был в первую очередь взят под защиту этот жизненно важный для государства район.

Второй археологический объект, связанный с присутствием римских войск в окрестностях Херсонеса, был открыт в 1991–1992 гг. в ходе строительных работ по ул. Невская и 40-летия Октября на территории современной Балаклавы, в 1,5 км к северу от Балаклавской бухты (Савеля О.Я., 1994а, с. 116; 1994б, с. 237; 1997, с. 89–91). Причем если раньше на основании разрозненных и косвенных данных о дислокации здесь римского военного отряда можно было говорить лишь предположительно (Зубарь В.М., Костромичева Т.И., 1990, с. 83–86; Зубарь В.М. и др., 1991, с. 102–108; Зубарь В.М., 1994, с. 67, 68), то теперь было открыто и частично раскопано девять помещений, свидетельствующих о пребывании здесь римских солдат во второй половине II – первой половине III в. Здесь выявлен фундамент одноэтажного здания, возведенного на каменном цоколе с применением дерева и глины, крытого черепицей, которая была изготовлена в мастерских римского гарнизона (рис. 1, *1*). Стены фундамента носят четкие следы нескольких перестроек и ремонтов, свидетельствующих о сравнительно длительном их функционировании. При этом планировка здания, где помещения располагались в два ряда, чрезвычайно напоминает (если не тождественна им) бараки для жилья римских военнослужащих (contubernia), которые открыты повсеместно в местах дислокации римских войск на территории провинций Римской империи (см.: Johnson A., 1987, S. 188, 198; Davison D.P., 1989)[2] (рис. 3), в том числе на территории римской цитадели Херсонеса (Зубарь В.М., 1994, с. 44–47, рис. 5, 6).

В 1996 г. в 150 м к северо-западу от описанного здания открыты остатки храма Юпитера Долихена. Здесь были найдены латинские эпиграфические памятники, исходя из которых можно говорить, что тут во второй половине II в. дислоцировалась римская вексилляция во главе с центурионом, находившаяся под общим командованием военного трибуна I Италийского легиона (Зубар В.М. и др., 1997, с. 67–88). По мнению О.Я. Савели, руководившего археологическими исследованиями на территории Балаклавы, судя по обнажениям культурного слоя и строительным остаткам первых веков, римские войска дислоцировались в пределах холма, окаймленного с запада ручьем Кади-Су, с востока и юга – речкой (О) Хун. При этом застроенная площадь, которую можно связывать с нахождением здесь римских солдат, свидетельствует о дислокации на территории Балаклавы достаточно крупного гарнизона (Савеля О.Я., 1997, с. 91).

Исходя из всего сказанного, и в первую очередь из наличия здесь помещения с фрагментами посвященной Юпитеру Долихену, который, безусловно, был святыней расквартированного здесь римского военного отряда, строительные остатки на территории Балаклавы сейчас, видимо, можно атрибутировать в качестве небольшого римского кастелла, гарнизон которого насчитывал по меньшей мере несколько сот человек (Ср.: Fabricius E., 1927, Sp. 642; Baatz D., 1975, S. 162–169, Abb. 57; Vlădescu C.M., 1983, p. 120–122; 1986, p. 86–92; Johnson A., 1987, S. 44, 45, Abb. 18). А находка на территории Балаклавы надгробия кавалериста I алы Атекторигианы позволяет сделать вывод, что в его состав наряду с пехотинцами по крайней мере в конце II – начале III в. входило определенное количество всадников вспомогательных войск (подробнее см.: Зубар В.М. и др., 1991, с. 102–108). Такие небольшие кастеллы на римских лимесах располагались на некотором удалении от передовой линии постов, и в случае необходимости находившиеся здесь гарнизоны после получения сигнала о нападении выдвигались к театру военных действий и наносили контрудары по прорвавшемуся через границу противника (Baatz D.; 1975, S. 45, Abb. 27. Ср.; Luttwak E.N., 1976, p. 80–111; Bohec Y.Ie., 1993, S. 168–203) (рис. 4).

Однако дислокация римской вексилляции на холме, над которым с запада нависала господствующая высота, заставляет предполагать, что расположенный здесь римский кастелл был центром своеобразного укрепленного римлянами района и в его ближайших окрестностях, видимо, на господствующих высотах располагалась система сторо-

[2] Дискуссию по поводу назначения и количества таких сооружений в римских военных лагерях см.: Richmond I.A., 1955, p. 297–315; Breeze D.J., Dobson B., 1974, p. 13–19; Maxfield V.A., 1987, p. 59–72.

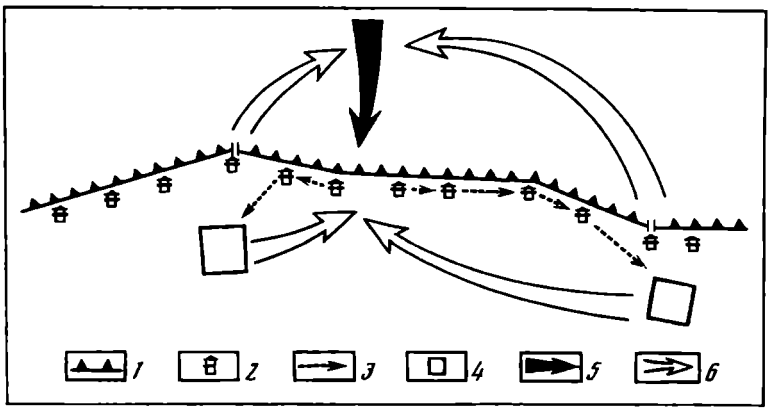


Рис. 4. Схема размещения передовых укреплений Германского лимеса по Д. Баацу.
1 – линия границы; *2* – сторожевые башни; *3* – линия связи; *4* – кастеллы; *5* – германцы; *6* – римляне

жевых постов или башен, подобных раскопанной на высоте Казацкая. Только в таком случае дислокация римской вексилляции на территории современной Балаклавы была оправдана в стратегическом отношении. Кастелл с севера преграждал неприятелю самый удобный подход к Балаклавской бухте и наряду с системой римских военных постов, которые, вероятно, располагались на близлежащих высотах (отметки 115, 6; 166, 0; 211, 4; 214, 9 и др.) (Иванов А.В., 1997, с. 52, рис. 2) позволял римскому военному командованию надежно контролировать весь этот важный район на восточной границе Херсонесского государства. Помимо этого расквартированные здесь подразделения могли нанести фланговый удар по противнику, который двигался к Херсонесу с востока вдоль юго-восточной кромки плато Сапун-горы. Таким образом, можно констатировать, что на восточной границе сельскохозяйственной территории, контролировавшейся херсонеситами в первых веках нашей эры, располагалась цепь сторожевых башен и кастеллов, в которых несли службу римские военнослужащие. Иными словами, при организации защиты границы союзного Риму Херсонесского государства применялись те же принципы, которые широко использовались повсеместно на собственно римских лимесах.

Однако если о цепи сторожевых башен на восточной кромке плато Сапун-горы и небольшом кастелле в районе современной Балаклавы, который, видимо, был центром своеобразного укрепленного района, можно говорить более или менее уверенно, то пока не совсем ясно, где располагались римские войска, которые должны были прикрывать центр государства. Последние археологические открытия на территории балаклавы позволяют говорить лишь о том, что Херсонес уже нельзя рассматривать в качестве главной базы римских войск в этом районе. Здесь, видимо, располагался весьма ограниченный воинский контингент под командованием центуриона, корабли римского форта и находилась штаб-квартира препозита в ранге военного трибуна, на которого были возложены функции командования всеми римскими силами в Таврике (Зубарь В.М., 1994, с. 44–59). Учитывая тот археологически установленный факт, что цепь римских сторожевых башен располагалась на восточной границе плато Сапун-горы помимо территории Балаклавы римские кастеллы должны были располагаться где-то в глубине Гераклейского п-ова, откуда после получения сигнала римские солдаты могли быстро выдвинуться и вступить в бой с противником.

На Гераклейский п-ов ведут две более или менее удобные дороги, которые в ходе боевых действий в первую очередь могли использовать варвары, угрожавшие Херсонесу. Одна идет со стороны Инкерманской долины через Каменоломную балку, где были зафиксированы римские сторожевые башни. Вторая – со стороны Балаклавы, огибая слева юго-восточную кромку плато Сапун-горы. Именно эта дорога наиболее

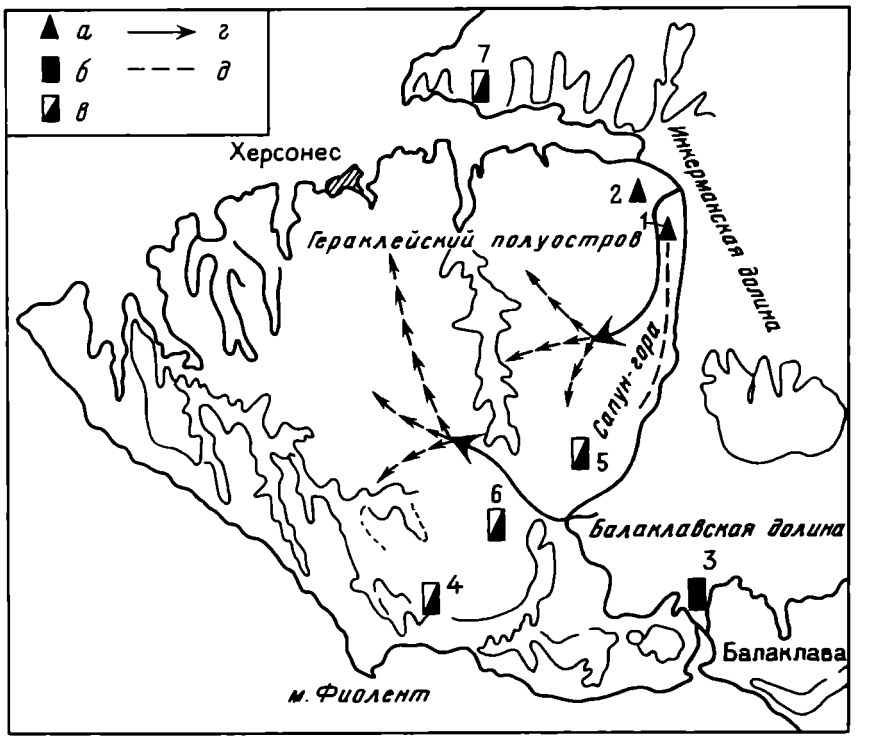


Рис. 5. Схематический план дислокации римских войск на территории Херсонесского государства во второй половине II – первой половине III в. н.э. по археологическим данным.
а – сторожевые башни; *б* – римские кастеллы; *в* – укрепления, где могли дислоцироваться римские войска; *г* – направления возможного продвижения варваров; *д* – передовая линия сторожевых башен; *1* – высота Казацкая; *2* – высота Суздальская; *3* – римское укрепление на территории Балаклавы; *4* – укрепление в балке Бермана; *5* – укрепление в Хомутовой балке; *6* – укрепление на высоте Безымянной; *7* – римское укрепление на Северной стороне г. Севастополя

удобна для продвижения на сельскохозяйственную территорию и в конечном счете к самому Херсонесу. Исходя из этого, А.А. Филиппенко считает, что именно эту дорогу прикрывал кастелл, расположенный на господствующей над Балаклавской долиной высоте Безымянная, размерами 40×40 м с каменными стенами и башнями, окруженный рвом (Филиппенко А.А., 1995, с. 64; 1996, с. 191). Не отрицая этого предположения в принципе, хотелось бы отметить, что сколько-нибудь масштабные раскопки на этом памятнике не проводились и поэтому сказанное не выходит за рамки вполне вероятной гипотезы (Ср.: Марченко Л.В., 1997, с. 194)[3].

Помимо укрепления на высоте Безымянной следует обратить внимание еще на два комплекса построек, укрепленных несколькими башнями, которые были исследованы на Гераклейском п-ове. Это многослойный укрепленный комплекс в балке Бермана и подобный памятник, исследованный на юго-западном склоне оконечности Хомутовой балки. Судя по массовому археологическому материалу, жизнь в этих укрепленных пунктах достаточно активно протекала именно в I–III вв. (Николаенко Г.М., 1988, с. 203–206). К сожалению, пока в ходе раскопок здесь не выявлено четких следов присутствия римских военнослужащих. Однако такие данные могут быть получены в ходе дальнейших археологических исследований, так как, например, укрепление в Хомутовской балке раскопано только на одну треть (Николаенко Г.М., 1988, с. 205). Во всяком случае есть основания надеяться, что в самом скором будущем будут получены новые материалы, которые позволят подтвердить или опровергнуть предло-

[3] Не исключено, что в данном случае это укрепление может быть отнесено ко времени Крымской войны середины XIX в., которое было возведено на месте поселения античного или раннесредневекового времени. Однако это предположение нуждается в серьезной проверке.

женную выше реконструкцию системы организации защиты земель Херсонесского государства римскими войсками во II – первой половине III в.

Итак, суммируя сказанное, следует подчеркнуть, что приведенные данные, а также наличие на Северной стороне нынешнего г. Севастополя римского военного поста (Зубарь В.М., 1994, с. 49, 50, рис. 11), позволяет говорить о достаточно совершенной системе защиты, которая была создана римским военным командованием вокруг Херсонеса во второй половине II – первой половине III в. на базе строительства в стратегически важных пунктах цепи сторожевых башен и небольших стационарных сторожевых укреплений (рис. 5). Однако в настоящее время, исходя из достаточно четкой римской терминологии, все же нельзя отождествлять эту систему укреплений, построенную с использованием классических приемов римского фортификационного искусства, со специальным Таврическим лимесом. В данном конкретном случае решалась задача не защиты границы собственно империи, а лишь территории союзного Риму Херсонесского государства, а также важных в стратегическом отношении коммуникаций (Зубарь В.М., 1994, с. 77). Иными словами, римское военное присутствие в Таврике, и в окрестностях Херсонеса в частности, и возведение римских опорных пунктов различного назначения следует рассматривать в качестве одного из важных мероприятий по защите лишь дальних подступов к границам Римской империи (Ср.: Ростовцев М.И., 1915; с. 11; Fabricius E., 1927, Sp. 580; Леквинадзе В.А., 1969, с. 91).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буйских С.Б., 1989. К проблеме Таврического лимеса // Скифия и Боспор. Тез. докл. Новочеркасск.

Буйских С.Б., 1991. Фортификация Ольвийского государства (первые века н.э.). Киев.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, история, культура. М.

Дьяков В.Н., 1941. Оккупация Таврики Римом в III в. н.э. // ВДИ. № 1.

Дьяков В.Н., 1942. Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. записки МГПИ. Т. 28.

Зубарь В.М., 1992. Про римську військову організацію у Таврiці в другій половині II ст. до н.е. // УІЖ. № 6.

Зубарь В.М., 1993а. Септимий Север и Северное Причерноморье // ВДИ. № 4.

Зубарь В.М., 1993б. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев.

Зубарь В.М., 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.

Зубарь В.М., 1995. По поводу вопроса о Таврическом лимесе // Фортификация в древности и средневековье. Тез. докл. СПб.

Зубарь В.М., 1996. Деякі питання історії Пі вниічного Причорномор'я напрікінці II – на початку III ст. // УІЖ № 4.

Зубарь В.М., Антонова І.А., Савеля О.Я., 1991. Новий латинський надгробок з околиці Балаклави // Ареологія. № 3.

Зубарь В.М., Костромичева Т.И., 1990. Новый ауреус из окрестностей Херсонеса // КСИА. Вып. 197.

Зубарь В.М., Сарновський Т., Савеля О.Я., 1997. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. № 4.

Зубар В.М., Сон Н.О., 1987. До питання про політичний статус Тіри // Археологія. Вип. 59.

Иванов А.В., 1997. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // Херсонесский сборник. Вып. VIII. Севастополь.

Кадеев В.М., 1981. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков.

Кругликова И.Т., 1981. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. Вып. 168.

Леквинадзе В.А. 1969. "Понтийский лимес" // ВДИ. № 2.

Марченко Л.В., 1997. Защита хоры // Херсонесский сборник. Т. VII.

Николаенко Г.М., 1985. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове // ПЭЭ.

Николаенко Г.М., 1988. Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.
Паллас П.С., 1881. Путешествие в Крым // ЗООИД. Т. XII.
Ростовцев М.И., 1915. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. Вып. 58.
Савеля О.Я., 1994а. Два пункта дислокации римских войск в окрестностях Херсонеса (по материалам раскопок 1991–1993 гг.) // Ольвия – 200. Тез. докл. Николаев.
Савеля О.Я., 1994б. Работы Севастопольской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
Савеля О.Я., 1997. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // Херсонесский сборник. Вып. VIII. Севастополь.
Филиппенко А.А., 1995. Организация римских укреплений в окрестностях Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье. Тез. докл. СПб.
Филиппенко А.А., 1996. Основные вехи и итоги в изучении римского пограничья Северного Причерноморья и Таврики // Мир Ольвии. Тез. докл. Киев.
Baatz D., 1975. Der römische Limes. Archäologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. Berlin.
Baatz D., 1976. Die Wachttürme am Limes. Stuttgart.
Bohec Y.Le., 1993. Die römische Armee. Stuttgart.
Breeze D.J., Dobson B., 1974. Fort Types as a Guide to Garrisons: A Reconsideration // Roman Frontier Studies 1969. Cardiff.
Davison D.P., 1989. The Barrack of the Roman Army from the 1st to 3rd Centuries A.D. Part I–III. London.
Fabricius E., 1927. Limes // RE. Bd. 13. 1.
Johnson A., 1987. Römische Kastelle. Mainz am Rhein.
Maxfield V.A., 1987. Pre-Flavian Forts and their Garrisons // Britannia. V. 17.
Latyschev B., 1916. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini // IOSPE. I^2.
Luttwak E.N., 1976. The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A.D. to the Third. Baltimore; London.
Richmond I.A., 1955. Roman Britain and Roman Military Antiquities // Proceedings of the British Academy.
Vlădescu C.M., 1983. Armata Romană în Dacia inferior. Bucureşti.
Vlădescu C.M., 1986. Fortificaţiile romane din Dacia inferior. Craiova.
Zubar V.M., 1995. Zur römischen Militärorganisation auf der Taurike in der zweiten Hälfte des 2, und am Anfang des 3. Jahrhunderts // Historia. Bd. XLIV/2.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

V.M. ZUBAR'

ONCE MORE ON THE TAURIAN *LIMES*

S u m m a r y

Having regarded the recently discovered in Chersones' vicinities Roman watch-towers and insignificant fortifications, as well as their analogies, the author considers this defensive system perfect ecough. It was created in the second half of the 2nd – first half of the 3rd centuries A.D. by Roman high military command around this centre. Still the data now available are insufficient to identify the defensive system in question built according to classical Roman fortification patterns with specific Taurian *limes*. The system in question was aimed not at the defence of the empire proper, which was the usual reason for constucting *limeses*, but at the defence of Chersones state representing Roman ally, as well as strategically important communicative routes. In other words, creation of Roman strongholds of various functions in Tauria and in Chersones' vicinities in particular should be regarded as an important action with the purpose of the defence of distant approaches to the Roman empire borderlines. Consequently, proceding from clear Roman terminology, this systet cannot be termed as *limes*.

Е.Ю. МЕДНИКОВА, А.Н. ЕГОРЬКОВ

К ТЕХНОЛОГИИ РОСПИСИ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ

(по материалам коллекции М.К. Каргера 1948 г.)

Настоящее исследование[1] выполнено на материале эрмитажной коллекции фрагментов штукатурки с остатками настенной живописи из раскопок на усадьбе Десятинной церкви, проведенных экспедицией под руководством М.К. Каргера в 1948 г. Коллекция в течение длительного времени хранилась в ИИМК РАН, однако и по сей день практически не подверглась научной обработке. Вместе с тем в отличие от других собранных на территории Киевского детинца коллекций, где материал большей частью не паспортизован и несет лишь указание года находки, что не позволяет с уверенностью отнести его именно к Десятинной церкви, а не к обнаруженным рядом дворцовым сооружениям (Коренюк Ю.А., Фурман Р.В., 1988, с. 59), каргеровская 1948 г. коллекция отличается тем, что, благодаря сохранившейся описи полевых находок (Рукописный архив ИИМК РАН, 1948, ф. 35, оп. 1, док. 206) и чертежам (Рукописный архив ИИМК РАН, 1948, ф. 35, черт. 1, док. 105) точно указывает место находки большинства штукатурных фрагментов. Работы на усадьбе Десятинной церкви в 1948 г. проводили на одном раскопе (Е) и двух шурфах (Ж.И.), местоположение которых на рис. 1 дополняет план с указанием места раскопок разных исследователей, взятых из работы О.А. Коренюка (1996, с. 16).

Состав коллекции

К сожалению, коллекция дошла до нас далеко не в полном виде. Наличие и потери фрагментов штукатурки с номерами обнаруженных серий, числящихся в описи полевых находок, представлены в таблице.

Всего, как показывает таблицы, из числящихся по описи 306 (возможно и 295 из-за нечеткой записи в описи для серии *322*) фрагментов к началу нашего исследования сохранилось 215, потери составили 91 фрагмент, т.е. около 1/3 их общего количества. Расхождение баланса в таблице вызвано присутствием в серии *318*-го дополнительного фрагмента, не учтенного описью. Вместе с тем в коллекции выявлено еще 24 фрагмента штукатурки, не внесенных в полевую опись, но с присвоенным шифром: серии *260, 303, 320, 328, 340, 356, 630, 642* – по одному фрагменту, *632* (2), *640* (5), *307* (9). Совпадение числителя шифра *КД-48* (Киев, Десятинная, 1948 г.) внесенных и не внесенных в опись фрагментов, а также присвоение не внесенным в опись фрагментам номера серии, показывает несомненную принадлежность последних одной коллекции. Сравнение номеров серий фрагментов с номерами серий иных предметов, найденных при раскопках и внесенных в полевую опись, позволило установить, что, за исключением серий *307, 320, 640* и *642*, принадлежность которых установить не удалось, остальные относятся к шурфу Ж. В зашифрованных фрагментах нами дробью к серии добавлен также порядковый номер фрагмента в серии.

Кроме перечисленных, в коллекции обнаружены еще 32 фрагмента без шифра, которые по типу штукатурки и росписи подобны фрагментам серий *638* и *639*, являясь,

---

[1] Содержание работы доложено на проходивших в Санкт-Петербурге в 1999 г. Раппопортовских чтениях-2, тезисы опубликованы (Медникова Е.Ю., Егорьков А.Н., 1999).

© Е.Ю. Медникова, А.Н. Егорьков, 2000 г.

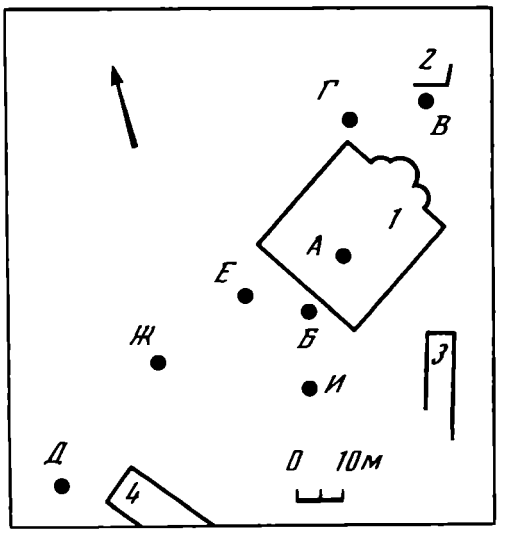


Рис. 1. Расположение строений X в. на Киевском детинце и места раскопок. Строения: *1* – Десятинная церковь; *2* – Северо-восточный дворец; *3* – Южный дворец; *4* – Западный дворец. Раскопки: *А* – 1939 г. (по данным Г.Ф. Корзухиной); *Б* – 1939 г. (по данным Г.Ф. Корзухиной и М.К. Каргера); *В* – 1936 г. (по данным исследователей группы Ф.Н. Мовчановского); *Г* – 1937 г. (по данным исследователей группы Ф.Н. Мовчановского); *Д* – В.А. Харламова 1982 г., *Е.Ж.И.* – М.К. Каргера 1948 г.

по-видимому, их обломками. Проведенные исследования несколько снизили число кодированных фрагментов из-за разрушающего характера анализа, предполагающего растворение образцов штукатурки в 5%-ной соляной кислоте, и вместе с тем повысили число обломков без шифра из-за разлома некоторых кусков.

Все наличные куски штукатурки в коллекции невелики, редко незначительно превышая по протяженности 10 см.

Штукатурки

Анализу штукатурных растворов Десятинной церкви посвящен ряд работ (Виннер А., 1948, с. 20, 50; Каргер М.К., 1961, с. 50; Коренюк Ю.А., Фурман Р.В., 1988; 1996; Коренюк Ю.А., 1996; Ганзенко Д. и др., 1996). В результате проведенных исследований для Десятинной церкви и близлежащих дворцовых построек X в. выделены три основные типа штукатурки: 1 – с соломой и минеральным наполнителем (преобладающий), 2 – с соломой и без или же с малым содержанием минеральных добавок, 3 – с цемянкой; причем все сохранившиеся фрагменты штукатурок двухслойные. Два последних типа предполагаются для дворцовых сооружений Киевского детинца, расположенных вблизи Десятинной церкви, в то время как первый тип штукатурки – для самого храма (Коренюк Ю.А., Фурман Р.В., 1988, с. 60; Коренюк Ю.А., 1996, с. 17; Фурман Р., 1996, с. 74), хотя в последнее время именно по материалам рассматриваемой коллекции высказано мнение о принадлежности к Десятинной церкви и штукатурки второго типа (Ганзенко Л. и др., 1996, с. 69).

Осуществленный в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН визуальный, микроскопический и гранулометрический по описанной методике (Медникова Е.Ю., Стеценко Н.К., 1992) анализ фрагментов рассматриваемой коллекции в значительной мере воспроизводит результаты предыдущих исследований. В составе зашифрованных фрагментов удается выделить несколько типов штукатурок (некоторые фрагменты по виду относятся к переходному типу и отнесены предположительно): 1 – с плотным серо-бежевым или темно-бежевым тестом (79 фрагментов); 2 – с рыхлым трещиноватым тестом светло-бежевого цвета (154), главным образом серии *638* и *639*; 3 – с розовым тестом и мелкой цемянкой (2); 4 – с бело-бежевым

Число фрагментов по полевой описи и потери

Раскоп, шурф	Серия	Квадрат	Глубина залегания, м	Число фрагментов по описи	Число сохранившихся фрагментов	Потери
	326	У-24	0,9	18	16	
Е	*350*	У-24	0,7	23	19	2
	351	У-24	0,7		2	
	638	У-26	0,9	132	102	30
	639	У-26	1,2	29	29	–
	300	Д 8-10	1,3	1	–	1
	308	Г 8-11	До 1,1	38	13	25
Ж	*310*	Г-8	1,5–2,2	1	2	3
	310	Г-9	1,7–2,0	3		
	310	Г-9	1,9–2,2	1		
	316	Г 8-11	1,1–1,5	32	14	18
	318	Д 8-10	3,1–3,5	2	3	+1
И	*322*		0,5–0,7	26	15	11
	Сумма			306	215	92

Примечание. 1. Фрагменты не несут указания места и глубины их обнаружения, поэтому в серии *310* число сохранившихся и утерянных фрагментов определено суммарно для всех глубин залегания; 2. Число фрагментов серий *350* и *351* дано по описи суммой, вследствие чего также суммой определены и утраченные фрагменты.

тестом (2); 1 образец представлен гипсовой штукатуркой и еще один – известковой, плотной, но не имеющей видимых включений. Первые три типа соответствуют трем приведенным выше ранее выделенным типам, причем, различия образцов из рассматриваемой коллекции проявляются главным образом в частностях.

Штукатурки *первого типа* прочные, цвет их теста колеблется от бежевого до серо-бежевого цвета, иногда принимая кремовый оттенок. Толщина штукатурок меняется от 14–19 до 25–32 мм. Количество слоев, даже при значительной толщине фрагмента, определить удается далеко не всегда, что объясняется как однородностью теста, так и способом нанесения, при котором, вероятно, слои накладывались последовательно без значительных перерывов во времени, причем каждый последующий наносился на затертую поверхность нижнего слоя, которую иногда можно видеть на сколах боковой поверхности фрагментов. Выраженная слоистость в данном типе отмечена для 12 двуслойных и одного (возможно двух) трехслойного фрагмента. В образце трехслойной штукатурки (350/2) разлом по затертым поверхностям позволил определить толщину каждого из слоев: верхний слой 3–5, средний 10–12, нижний 12–14 мм. При этом толщина верхнего слоя соответствует толщине верхнего слоя двуслойной штукатурки, а сумма толщин верхнего и среднего слоев совпадает с толщиной и двуслойной штукатурки, и штукатурки, визуально определяемой как однослойная.

Штукатурки первого типа, как, впрочем, и второго, несут многочисленные отпечатки соломы, в их тесте присутствуют комочки неперемешанной белой извести размером до 2 мм; мелкая крошка серого известняка (1–3 мм); цемянка (бой плинфы) бордового и терракотового цвета с размерами 2–5 мм, иногда до 10 мм; кусочки, по-видимому, так называемой специально обожженной глины в тон теста, но несколько темнее, в которой следует видеть идентифицированный вышеуказанными авторами лессовидный суглинок; иногда встречаются темные кусочки шлака с размерами до 10 мм и единично стекла до 3 мм.

Выход нерастворимого в соляной кислоте остатка колеблется в пределах 9–36%, составляя для большинства проб величину, приближающуюся к 20%. Основные компо-

ненты остатка – мелкие частицы, условно называемые глинистыми и представляющие собой нерастворимые в соляной кислоте компоненты извести и отощителей, а также песок и цемянка в виде боя плинфы. Долевое соотношение основных компонентов нерастворимого остатка цемянка: песок : глинистые частицы = 0 – +: 0–0,1 : 0,9–1. В нерастворимом остатке также встречены нити пакли длиной до 5 мм и толщиной 0,03 мм, остатки соломы, шелуха от зерен, единичные кусочки шлака до 2 мм стекла (0,1–3 мм). Кроме единичных включений боя плинфы с размерами, не превышающими 1–3 мм, для остатка характерны (их содержание доходит до 30%) довольно плотные, но непрочные агломераты серо-бежевого или оранжевого цвета с размерами от 2–3 до 8–10 мм, состоящие на 1/10 из аморфных частиц и на 9/10 из мелкого (0,01–0,03 мм) кремнезема с включением более крупных (0,3–0,5 мм) зерен песка. Этот наполнитель, идентифицированный как лессовидный суглинок, иногда встречается в виде крошки, иногда же его агломераты достигают размеров 5–10 мм. Непрочность агломератов подтверждает мнение (Коренюк Ю.А., 1996, с. 16) о слабом обжиге по крайней мере части суглинка. Песок в нерастворимом остатке по размерам, вероятно, соответствует песку суглинка и является его составной частью. Упоминаемая в качестве минерального наполнителя "пылеобразная фракция сплавленного до стеклообразного состояния кремнеземистого материала" (Коренюк Ю.А., 1996, с. 16), по нашему мнению, не представляет собой самостоятельный отощитель, а является неагломерированной частью введенного лессовидного суглинка: лесс (а судя по приближающемуся к 20%-ному содержанию в нем оксида алюминия, именно лессовидный суглинок), если он предварительно не смочен и в нем не присутствуют способствующие спеканию примеси, дает при обжиге непрочную и ломкую или мелкозернистую массу (Vandiver P.B. et al., 1989, p. 1004, 1005). Кроме того, сама логика выбора отощителя штукатурного теста показывает стремление к минимизации трудозатрат (которые были бы неоправданно велики в случае сплавления и тонкого размола тугоплавкого кремнезема), поскольку использовался повсеместно распространенный в окрестностях Киева лессовидный суглинок (Стріленко Ю.М., Нестеренко Т.Е., 1979, с. 129), нуждающийся лишь в слабом обжиге.

Самую большую группу образцов (154) представляют фрагменты *второго типа* с рыхлой трещиноватой структурой, в основном серий *638* и *639*. Тесто светло-бежевое, хрупкое, с многочисленными отпечатками соломы. В отличие от первого типа, соломы в этих фрагментах значительно больше. Толщина штукатурки колеблется от 14–16 до 19–24 мм. Слои не просматриваются, но по положению отпечатков соломы можно предположить примерно ту же закономерность в их нанесении, что и в первом типе. В качестве наполнителей видна цемянка (бой плинфы), шлак, иногда стекло, но в меньших количествах, чем для штукатурок первого типа, причем обнаружены они не во всех фрагментах. Дополнительное отличие от штукатурок первого типа состоит и в использовании в качестве наполнителя дробленого гипса с размерами частиц 3–5 иногда 8–10 мм. (Гипс имеет тот же зеленоватый оттенок, что и гипс нижеописанного образца *322/15*). Выход нерастворимого остатка не превышает 14–18%, в нем при общем преобладании обожженного суглинка (в том числе агломератов оранжево-бежевого цвета до 5%) выделяются кусочки гипса до 3%, песок с размерами 0,3–0,5 мм – 0,8–1%, встречаются также остатки соломы и пакли. Долевое соотношение составляющих нерастворимого остатка цемянка : шлак : песок : гипс : глинистые частицы изменялось в пределах: 0– + : 0– + : +–0,01 : 0,01–0,03 : 0,95–0,99. Меньшее содержание агломератов обожженного суглинка свидетельствует о его меньшей оглиненности или еще более слабом обжиге, чем в первом штукатурном типе, и следовательно, о меньшей гидравличности теста, что можно рассматривать в качестве одной из причин непрочности штукатурок второго типа.

Выделяющее из общего ряда коллекцию М.К. Каргера преобладание фрагментов штукатурки второго типа несомненно связано с нахождением в 1948 г. in situ лицевой части закомары упавшей западной стены храма (Каргер М.К., 1961, с. 52–54), штукатурка которой составила затем основу коллекции. Это также подтверждается часто

встречающимся геометрическим орнаментом на фрагментах коллекции со штукатуркой второго типа и указанием на наличие такового на наружной штукатурке упавшей стены. О принадлежности штукатурки второго типа Десятинной церкви, как отмечено выше, уже было высказано предположение на основании изучения рассматриваемой коллекции (Ганзенко Л. и др., 1996, с. 69), однако неясным остаются причины использования столь непрочного штукатурного покрытия для экстерьера здания. Можно лишь предполагать, что решающую роль при выборе теста с высоким содержанием соломы сыграло стремление придать штукатурке наибольшую пластичность (Виннер А., 1948, с. 10), в большей степени требуемую наружным покрытиям, часто подвергающимся сжатию и растяжению с изменением наружной температуры воздуха. Иного рода причины могут быть связаны с возникшим и возрастающим по мере строительства недостатком обожженного суглинка, что привело к снижению его содержания, более слабому обжигу и частичной замене гипсом при увеличении содержания соломы.

Оба фрагмента штукатурки *третьего типа* (*260* и *316/9*) имеют светло-розовое плотное тело, насыщенное мелкой цемянкой. Толщина штукатурки 12–14 мм. Нерастворимый остаток (выход 34–37%) состоял из песка с основными размерами 0,2–0,5 мм со следами красно-коричневой глины, агломератов обожженной насыщенной песком глины коричнево-красного цвета, легко рассыпающихся при надавливании, и глинистых частиц того же цвета. Долевое соотношение в нерастворимом остатке песок : цемянка : глина = 0,6 : 0,2 : 0,2. Преобладание песка не следует рассматривать как следствие его целенаправленного введения, поскольку его тесная ассоциация с цемянкой указывает на значительную примесь песка к глине, использованной для получения цемянки. Использование штукатурки такого типа отмечено для покрытия штукатурного слоя второго типа (Коренюк Ю.А., Фурман Р.В., 1988, с. 59), однако в рассматриваемой коллекции штукатуркой такого состава оказался покрыт и фрагмент штукатурки первого типа (*307/7*).

Два фрагмента *четвертого типа* (*307/6* и *350/18*) значительно отличались от вышеописанных цветом теста (белое с бежевым оттенком) и повышенным содержанием известкового вяжущего. Нерастворимый остаток не превышал 9–10% и на 50–60% состоял из обожженного суглинка (агломераты). Песок по размерам соответствовал песку в обожженном суглинке и в остатке не превышал 10%, единичными кусочками до 2 мм представлены шлак и цемянка, встречены остатки соломы, пакли. Штукатурка эта непрочная и явно использована для ремонтных работ, поскольку именно на ней обнаружен кракелюр с затеками краски, особенно ярко выраженный на фрагменте *307/6*. Оба фрагмента несли одинаковый однотонный желто-коричневый красочный слой.

Единственный из всей коллекции фрагмент с гипсовым вяжущим *322/15* был найден в шурфе И, что заставляет усомниться в его принадлежности к Десятинной церкви, но само его появление не является неожиданным, поскольку несколько гипсовых штукатурных фрагментов присутствуют и в некодифицированной эрмитажной коллекции Д.В. Милеева. Цвет штукатурки представленного в коллекции М.К. Каргера фрагмента кремово-серый с зеленым оттенком. Он напоминает первый тип штукатурок по толщине штукатурного слоя (29–32 мм), плотности и составу наполнителей (отпечатки соломы, единичные кусочки цемянки и шлака). Нерастворимый в соляной кислоте остаток (выход 73%) состоит из гипса и единичных зерен кремнезема (0,01–0,05 мм).

Один малый кусок штукатурки (*350/14*) по виду представляет собой мел и соответствует штукатурному раствору III группы Софийского собора в Киеве (Стріленко Ю.М., 1975, с. 199), полученному, как предполагается, при замешивании мела на клею и предназначенному для ремонтных работ. Из-за малого размера фрагмент рассматриваемой коллекции не анализировали.

Ниже приведено распределение фрагментов разных типов штукатурок по раскопам и сериям (отнесение в большинстве случаев выполнено визуально).

Раскоп Е.

Серия *308* – штукатурка всех 13 фрагментов первого типа, из них два (*2, 13*) – лощеные, причем последний – двуслойный, два фрагмента с растительным орнаментом: *9* с размерами (45–85 мм), *11* (105–105 мм) – двуслойный: верхний слой – 17 мм, нижний – 10 мм. Оба орнамента выполнены в пастельных тонах. На фрагменте *11* проложена отделяющая орнамент от бордовой полосы графья, выполненная вдавленными наклонными канавками длиной 7 мм, шириной 2–3 мм с расстоянием между ними около 10 мм.

Серия *310* – оба небольших фрагмента относятся к первому типу.

Серия *316* – из 14 сохранившихся фрагментов: один (*9*) – цемяночный третьего типа, два – второго, все остальные фрагменты первого типа, из них *12* лощеный, возможно с граффити. Два больших фрагмента (двуслойный *13* и *14* с размерами 110×75 и 85×55 мм соответственно) со стилизованным растительным орнаментом, *11* – небольшой, с хорошо выраженным растительным орнаментом.

Серия *318* – три небольших фрагмента первого типа.

Шурф Ж.

Серия *326* – ко второму типу относятся четыре фрагмента, к первому – 12, два из них лощеные: в *14* толщина штукатурки 12–14 мм, *4* – может рассматриваться как трехслойный толщиной 25–40 мм (слои верхний – 12 мм, средний – 12 мм, нижний – 26 мм), с другой стороны фрагмента слои не просматриваются и общая толщина уменьшается до 25 мм. В *15* при толщине штукатурки 40–46 мм просматривается только верхний слой 11–14 мм, у *16* толщина от 28 до 38 мм при толщине нижнего слоя 12–15 мм. На двух фрагментах (*7, 16*) видны части одежды с жемчугом.

Серия *350* – один фрагмент (*14*) – известковый раствор без видимых добавок, один (*18*) – четвертого типа, пять – второго, остальные 12 (восемь из которых лощеные), толщиной от 9 до 30 мм – первого. Слоистость хорошо видна у двух фрагментов: в *3* верхний слой 16 мм, нижний 10 мм, *2* – трехслойный.

Серия *638* – все фрагменты второго типа.

Серия *639* – за исключением одного фрагмента, относящегося к первому типу, все остальные – второго.

Серия *260* – один фрагмент со светло-розовым тестом и мелкой цемянкой, т.е. третьего типа.

Серии *303, 328* и *340* – включают один фрагмент первого типа.

Серии *356, 630, 632* – все фрагменты второго типа.

Шурф И.

Серия *322* – из 15 фрагментов только один (*6*) относится ко второму типу, *15* – гипсовый. Все остальные фрагменты относятся к первому типу, из них *2, 8, 10* – лощеные, *4* включает клиновидный стык штукатурных слоев.

Неустановленной принадлежности.

Серия *307* – из девяти сохранившихся фрагментов только один (*6*) относится к четвертому типу, остальные – первого типа, из них семь с растительным орнаментом и два с граффити в виде креста.

Серии *320, 642* – по одному фрагменту второго типа.

Серия *640* – два фрагмента первого типа, три – второго.

Красочный слой

На штукатурках *первого типа* роспись в основном одноцветная либо представляющая собой простой геометрический рисунок в виде прямых полос или частей окружности, и лишь несколько фрагментов с растительным орнаментом, два фрагмента с остатками одежды (сохранился жемчуг). Фрагменты с личным письмом в коллекции не

обнаружены. Краски преимущественно наложены пастозно. Около четверти всех штукатурок (толщина которых не превышает 12–14 мм, тесто плотное) имеют лощеную поверхность. Они в основном одноцветные: по темно-серой рефти наложена темно-синяя краска, либо непосредственно на левкас – охра, на нескольких фрагментах виден геометрический орнамент, состоящий из темно-синих, белых и охряных полос. Толщина одного красочного слоя около 0,01 мм, она удваивается при двухслойном наложении. Сохранность красочного покрытия не всегда удовлетворительная: часто более половины площади фрагмента – лощеный левкас, иногда лишь со следами первоначальной краски.

Фрагменты с неполированной поверхностью имеют более широкую цветовую гамму красок и часто видимую пастозность их наложения. Число красочных слоев доходит до трех, их толщина не постоянная: в ряде фрагментов она не превышает 0,01–0,02 мм, в других доходит до 0,03–0,06 мм, а в фрагменте *350/16* (зеленая в разбеле) достигает 0,1–0,15 мм.

Используемые пигменты: охра, зеленая земля, лазурь, сурик, серая и черная земли, мел, причем черная часто выполняла роль подстилающей краски. Охра накладывалась непосредственно на штукатурку, реже на зеленую краску, зеленая – непосредственно на левкас, в ряде образцов к зеленой краске добавлена синяя. По непонятной причине большинство фрагментов с неполированной поверхностью поверх красочного слоя были частично покрыты, иногда как бы заляпаны, светло-серой краской, вероятно известью, которая не скрывала, но как бы приглушала живопись.

Только в одном фрагменте *350/9* обнаружен неглубокий затек краски в кракелюр. Отсутствие затеков, свидетельствующих о темперной росписи по высохшей до кракелюра штукатурке, не является неожиданным: репрезентативный храм несомненно сдавался "под ключ" с оформленным интерьером и синхронная работа штукатуров и живописцев видна из продавленного, а не процарапанного характера всех видов обнаруженной графьи. В штукатурках данного типа графья выявлена на единственном фрагменте с растительным орнаментом (*308/11*), где она выглядит как шнурковая (веревочная).

В серии *638* обнаружены описанные М.К. Каргером (1961, с. 52, 53) и представляющие собой часть живописного убранства закомары фрагменты с геометрическим рисунком, выполненным на штукатурке, относящейся ко второму типу. Этот же тип штукатурки выявлен и на фрагментах с чередующимися красными, белыми и черными полосами, также относящихся, судя по дневнику участника раскопок М.Д. Малченко (Рукописный архив ИИМК РАН, 1948, ф. 35, оп. 1, док. 102, с. 12), к внешнему убранству храма.

На поверхности большинства штукатурок второго типа можно выделить тонкое (0,1–0,3 мм) покрытие слоем белой извести, на которое нанесена краска. Штукатурные фрагменты второго типа либо одноцветны, либо с геометрическим рисунком в виде разноцветных линий или частей окружности. На некоторых фрагментах со сложным геометрическим рисунком прослеживается неглубокая продавленная, иногда двухбороздчатая, графья.

Краски часто наложены пастозно, кракелюр и затеки краски отсутствуют. Роспись встречается как однослойная, так и двух- и трехслойная. Толщина одиночного слоя краски не превышает 0,025 мм, двуслойного – 0,03–0,04 и трехслойного – 0,05–0,06 мм. Цвета в основном разбельные (коричневый, голубой, зеленый). В ряде случаев в качестве подстилающей краски отмечена черная, на нее накладывались сурик или зеленая. В одном из фрагментов (*638/55*) сурик был положен по охре. Микрохимический анализ показал использование тех же природных пигментов, что и для живописи на штукатурках первого типа. Так же, как и в штукатурках первого типа, красочный слой многих фрагментов покрыт тонким слоем сероватой краски или извести.

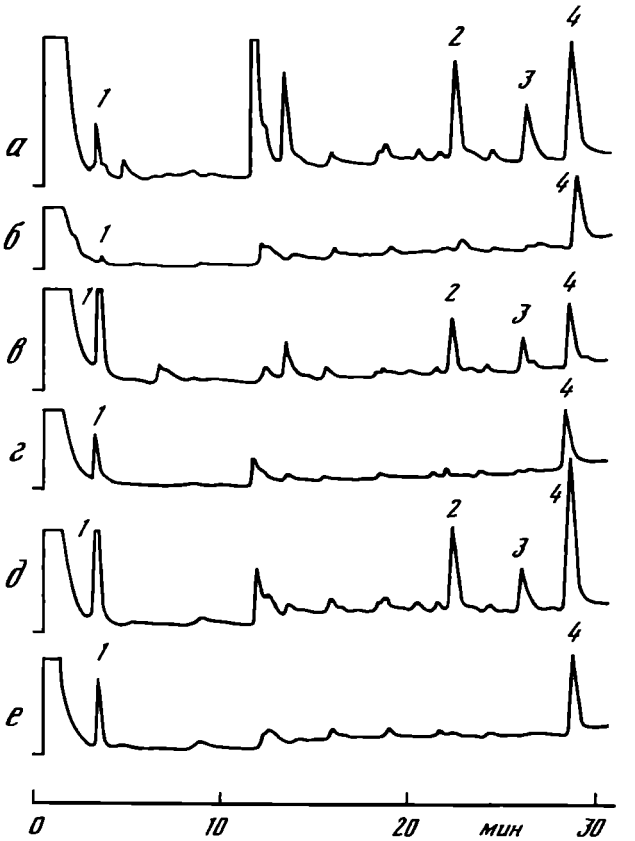


Рис. 2. Хроматограммы метиловых эфиров кислот, выделенных из красочного слоя образцов *308/6* (*а*), *326/16* (*в*), *640/3* (*д*) и штукатурки под ними соответственно на глубине 8 (*б*), 27 (*г*) и 12 мм (*е*): *1* – щавелевая; *2* – пальмитиновая; *3* – стеариновая; *4* – дибутилфталат (контаминант использованных растворителей)

Органическое связующее красок

Предпринятые попытки (свыше 30) открытия органического связующего красок по методике, предложенной одним из авторов (Yegorkov A.N., 1996, p. 75) и построенной на извлечении и газохроматографическом анализе жирных кислот, оказались в основном безуспешными: жирные кислоты обнаруживались в красочном слое и подстилающей штукатурке лишь в фоновых количествах. Только в нескольких случаях для штукатурки первого типа было выявлено многократное преобладание жирных кислот в красочном слое по отношению к подстилающей штукатурке. Наиболее представительные хроматограммы, выполненные соответственно для охры, зеленого и синего цветов, приведены на рис. 2. Редкость обнаружения остатков органического связующего обусловлена скорее всего глубокой деструкцией последнего вследствие долгого пребывания штукатурки в земле. Неудачными оказались даже попытки открытия связующего в многослойных и пастозных красочных слоях, а кроме того, низкое содержание кислот наблюдали и в красочном слое гипсовой штукатурки *322/15*, требующей творения красок на органическом связующем. Вместе с тем часто наблюдаемая пастозность и многослойность красочных слоев свидетельствуют о широком использовании органического связующего в стенописных красках, что также подтверждается и нередко встреченной оксализацией красочных слоев, определяемой по присутствию на хроматограммах (рис. 2) пика диметилоксалата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виннер А., 1948. Фресковая и темперная живопись. Вып. 2. Материалы и техника древнерусской стенной живописи XI–XVII вв. М.; Л.

Ганзенко Л., Коренюк Ю., Медникова О., 1996. Нові дослідження археологічних колекцій стінопису. Десятинної церкви та прилеглих споруд // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.

Каргер М.К., 1961. Древний Киев. Т. II. М.; Л.

Коренюк Ю.А., 1996. Изучение технологической традиции изготовления штукатурных растворов в древнерусской монументальной живописи на ранних этапах ее развития // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб.

Коренюк Ю.А., Фурман Р.В., 1988. Фрагменти стінного розпису Десятинної церкви у Києві // Археологія.

Медникова Е.Ю., Егорьков А.Н., 1999. К технологии росписи Десятинной церкви (по материалам коллекции М.К. Каргера 1948 г.). // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб.

Медникова Е.Ю., Стеценко Н.К., 1992. Изучение строительных растворов архитектурных памятников Старой Ладоги // Архитектурное наследие и реставрация. М.

Стріленко Ю.М., 1975. Аналіз зразків фрескових та будівельних розчинів Софії Київської // Стародавній Київ. Київ.

Стріленко Ю.М., Нестеренко Т.К., 1979. Дослідження будівельних розчинів і плінф пам'яток архітектури стародавнього Киева X–XII ст. // Археологія Києва. Досліження і матеріали. Київ.

Фурман Р., 1996. Фрагменти монументального живопису X століття з коллекції Національного заповідника "Софія Київська" // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.

Vandiver P.B., Soffer O., Klima B., Svoboda J., 1989. The origins of ceramic technology at Dolni Vestonice, Czechoslovakia // Science. V. 246.

Yegorkov A.N., 1996. Method of revealing organic binder in wall painting // VII Nordic conference on the application of scientific methods in archaeology. Abstracts. Helsinki.

Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

E.Yu. MEDNIKOVA, A.N. YEGOR'KOV

ON THE TECHNIQUE OF DESYATINNAYA CHURCH MURAL PAINTING (according to M.K. Karger's collection)

S u m m a r y

In the article a small (around 240 pieces) collection of wall-painting fragments is analyzed. It was created by M.K. Karger in 1948 in the territory of Desyatinnaya church estate. Unlike other earlier accumulated collections, the one in question is characterized by accurate location of plaster fragments within the excavation area (Fig. 1), and domination of lime plaster type with high quantity of straw and small concentration of mineral filler. The main part of the collection is represented by the outer plaster fragments of western wall fallen down and excavated by M.K. Karger *in situ*. The plaster type was characterized by small concentration of filler, which confirmed its attribution to Desyatinnaya church, and hot to the palace buildings of the 10th century found earlier in the territory of Kiev citedel (detinets). As paint pigments basically soils were used, as well as azure stone and red lead. Painting was often done against the burnished surface. Only in isolated cases the authors have succeeded to discover analytically an organic binder in paints (Fig. 2), but paints' paste-density still clearly seen, as well as their multilayerness give the evidence of usage mainly tempera for mural decoration.

Г.Е. ДУБРОВИН

МЕТОДИКА ЛАСТОВОГО УПЛОТНЕНИЯ ШВОВ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДСКОМ СУДОСТРОЕНИИ

Б.А. Колчин в своей работе, посвященной деревянным изделиям Новгорода, опубликовал фотографию доски от корабельной обшивки с ремонтной заделкой трещины (Нер. 8–15–1337) (рис. 1). Эта заделка осуществлялась следующим образом. Вдоль трещины был сделан продольный клиновидный паз на 2/3 толщины доски, паз промазали дегтем, а затем поместили туда паклю и снова промазали дегтем; после этого паклю и деготь прижали, вставив в паз по всей длине клиновидную деревянную планку, которую укрепили железными скобами. Описывая данную находку, исследователь упомянул о большом количестве подобных скоб, обнаруженных в Новгороде в слоях X–XIV вв. и отметил, что такой способ уплотнения швов досок у кораблей и больших лодок дожил до наших дней. Создавая реконструкцию новгородского судна XII–XIII вв., Б.А. Колчин использовал вышеописанный способ конопатки (Колчин Б.А., 1968, с. 62, 63).

Многочисленные письменные, этнографические и археологические источники свидетельствуют о широком распространении этой методики в русском судостроении, получившей название ластового уплотнения швов. Не касаясь пока вопроса о времени ее появления на Руси, отметим лишь, что именно ластовые уплотнения использовались на ладье XV–XVI вв. с Чудского озера, обследованной В. Глазовым (Глазов В.Н., 1911, с. 4), на поморских кочах XVI–XVII вв. из Мангазеи (Белов М.И. и др., 1980, с. 124), на судне XVII–XVIII вв. южнобалтийского или русского происхождения, обнаруженном в Скеппаргатене (Швеция) (Cederlund C.O., 1978, S. 76, 78), а также на многочисленных русских речных судах XVI–XIX вв. (Кузнецов В.П., 1956, с. 38, 39).

Для обеспечения ластовых уплотнений швов на строящихся судах требовались тысячи железных скоб, что нашло свое отражение в документах XVI–XVII вв. Так, в 1592 г. по распоряжению царя Федора Иоанновича из Устюжны Железнопольской было доставлено 50000 скоб железных судовых, в 1578 и 1591 гг. в Белозерский монастырь было пожертвовано 7000 скоб судовых, в 1605 г. Соловецкий монастырь заказал в Вологде 8000 скоб для двух насадов, в 1591 г. новгородский кузнец Иван Ладьин сковал для Тихвинского монастыря 500 скобиц (Бахрушин С.В., 1952, с. 59, 62, 71, 73).

К концу XVII в. ластовое уплотнение швов господствовало на русских речных грузовых судах. Объясняется это в первую очередь экономическими причинами. Дело в том, что подавляющее большинство плавающих тогда грузовых судов принадлежало владельцам самих грузов. При чрезвычайной трудности и медленности движения, суда чаще всего делали в навигацию всего один рейс и, по доставке груза к месту назначения, продавались на разборку. Естественно, что при таких условиях не было смысла гнаться за прочностью и даже судоходными достоинствами самих судов и все сводилось лишь к дешевизне и простоте постройки. Суда строились из тесаных "топорных" досок, крепились на скорую руку нагелями и кое-как конопатились – вместо хорошей конопатки использовался мох, покрытый планками на железных скобах (т.е. ластовое уплотнение). В результате судно получалось очень непрочным, неуклюжим и водопроницаемым. В спокойной воде оно "замокало" и могло плавать довольно долго, но, попадая в бурные воды, подобные Ладожскому озеру, такие суда

© Г.Е. Дубровин, 2000 г.

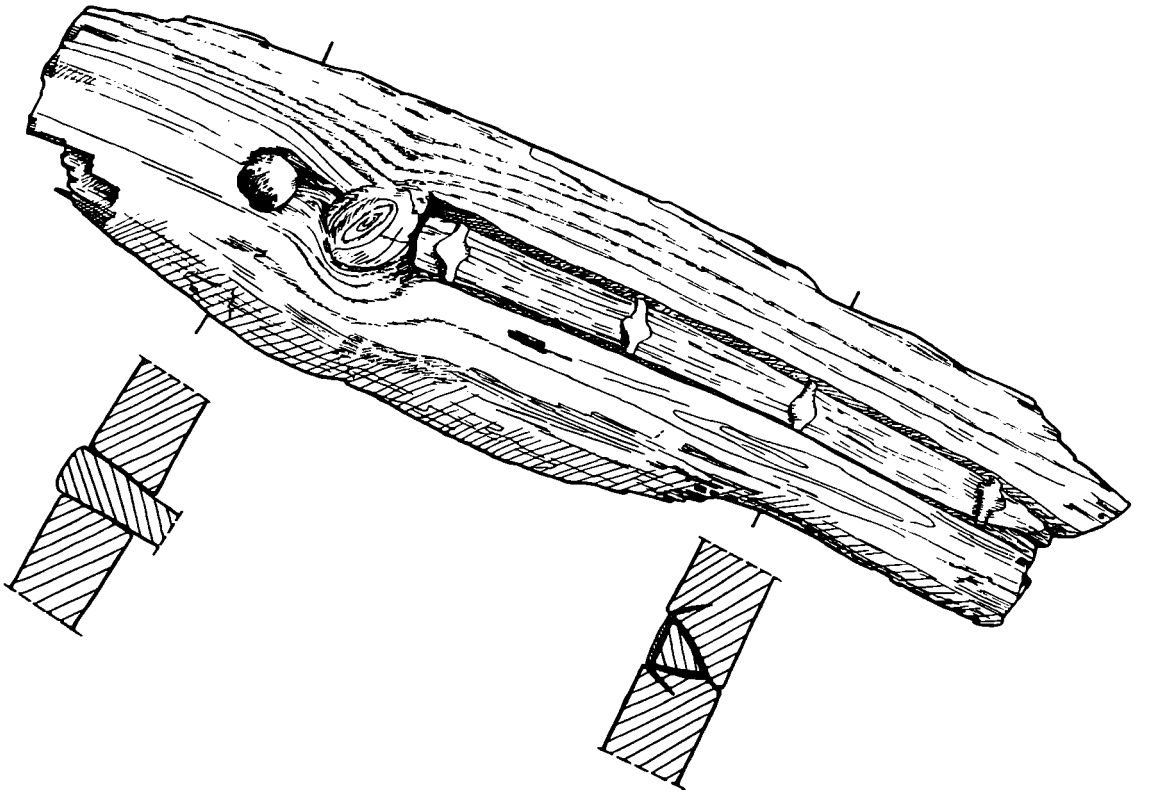


Рис. 1. Ластовая заделка трещины в доске судовой обшивки (Нер. 8–15–1337 (1369–1382 гг.)) (по Колчину Б.А.)

быстро расшатывались и давали течь. При всем том они были легче судов более прочной постройки и потому выгоднее для перевозки грузов. Это обстоятельство, наряду со сравнительной дешевизной более легких "однолетних" судов, и заставляло судопромышленников держаться за свой традиционный способ судостроения (Шубин И.А., 1927, с. 107). Очень важным недостатком таких судов было то, что они строились из сырого, непросушенного леса. Все это вынудило Петра I в начале XVIII в. начать кампанию по изживанию устаревших судостроительных приемов. Указ 1715 года гласил: "Все люди, которые делают суда свои, впредь с скобками не делали, но чтобы доска с доскою плотно клали" (цит. по: Кузнецов В.П., 1956, с. 45). Главная причина вреда скобок, по мнению Петра I, состояла в том, что они мешали правильной конопатке. Вытесанные топором доски не могли быть плотно пригнаны в пазах, делавшихся к тому же с растеской, а заготовленные из сырого леса, они в надводной части усыхали. Из-за усушки и общего расстройства обшивки слабо крепленые суда были водотечными, что дало повод обратить внимание на конопатку и научение "конопатному делу". В обращении Петра к Сенату (1722 г.) говорилось: "Прикажите послать указы, чтобы все суда с скобками, которые возвратятся ныне с товарами к пристаням, где им зимовать, чтобы они все изрублены были; разве хозяева захотят их переделать... чтобы доски были без растески, которую они делают для скобок, но плотно б доска к доске, и для того послать в те места конопатчиков, которые учили б их крепко конопатить" (цит. по: Кузнецов С.В., 1956, с. 48), "... и не тогда готовить леса, когда суда строить, как прежде было, ибо прежние суда с скобками делались для того, понеже в сырых досках конопать держаться не может, но когда рассохнуться, выпадает, того ради, чаю, сей дурацкой способ выдумали" (цит. по: Кузнецов С.В., 1956, с. 52). Однако, несмотря на усилия Петра, полностью изгнать ластовые уплотнения из русского речного судостроения ему не удалось. Это нашло отражение в указе 1809 г. Александра I, требовавшем прочности в постройке судов и хорошей конопатки,

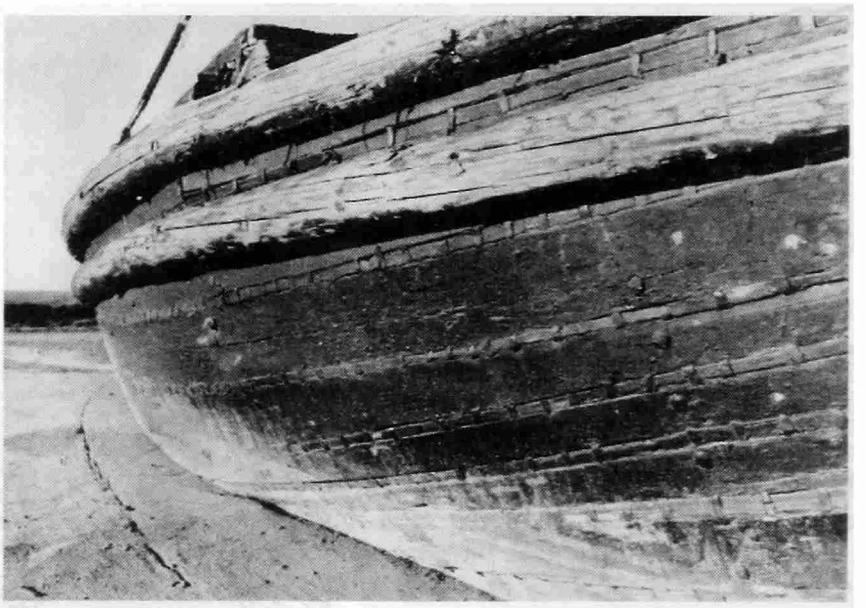


Рис. 2. Ластовое уплотнение корпуса ильменской соймы (фото из архива Б.А. Колчина)

но, что характерно, здесь уже за скобками признатся право на существование, а речь в основном идет о том, каким именно материалом следует конопатить пазы: "... отнюдь не охлопками или другим чем сему подобным, но чистою паклею, укрепленною планками и прибитою, по мере надобности, железными скобами" (цит. по: Шубин И.А., 1927, с. 161). Вот так ластовые уплотнения, несмотря на свою драматическую историю, дожили до наших дней. Их можно видеть на различных речных и озерных судах, в частности, на соймах с оз. Ильмень (рис. 2).

В новгородском археологическом материале способ ластового уплотнения швов отражен двумя категориями находок: во-первых, досками судовой обшивки с железными скобами и следами растесок по краям или ремонтными швами (более 20 экз.); во-вторых, большим количеством отдельных железных скоб (более 1100 экз.). Сразу же следует оговориться, что далеко не все новгородские скобы являются ластильными. Многие из них использовались как дверные пробои (например, плоские и, как правило, большие по размерам) и для других целей, требующих соединения между собой отдельных деревянных деталей (ремонт, сплачивание дверных досок и т.д.). Однако рассмотрение железных скоб из новгородской археологической коллекции целесообразно по двум причинам. Во-первых, существует возможность выделения из общей массы скоб именно тех, которые могли использоваться для ластовых уплотнений: эти скобы не были плоскими (т.е. у горизонтальной перемычки таких скоб толщина была больше высоты), а, кроме того, длина горизонтальной перемычки у них не должна превышать величину 60 мм (этот размер получен на основе изучения деталей судовой обшивки с остатками ласта из новгородской коллекции и по мангазейским материалам из фондов ГИМ). Минимально допустимую длину перемычки ластильных скоб можно по чисто конструктивным соображениям принять равной 25 мм (кстати, таких скоб крайне мало). Во-вторых, для конопатки судов требовалось очень большое количество ластильных скоб. Например, на поморский коч уходило до 10000 штук (Белов М.И. и др., 1980, с. 124). Поэтому можно допустить, что большая часть найденных в Новгороде скоб выделенного типоразмера, учитывая интенсивность местного судостроения, с достаточной степенью вероятности может быть отнесена к ластильным.

Среди ластильных скоб выделяются два типа. **Тип 1** "ленточные": эти скобы отличаются неизменностью толщины по всей длине как горизонтальной перемычки, так и

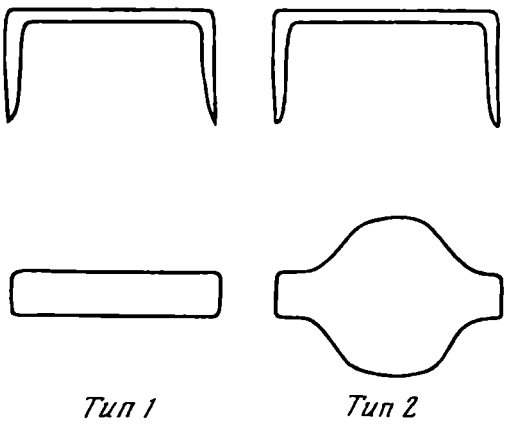


Рис. 3. Типы ластильных скоб

ножек. Только на оконечностях ножек у них обычно наблюдаются заострения для удобства забивания скобы в дерево (рис. 3). **Тип 2** "эллиптические": данные скобы традиционнно именуются в Новгородской археологической экспедиции "лодочными" или "ладейными" (по этнографическим аналогиям) и отличаются неравномерной толщиной. Кроме аналогичного скобам первого типа заострения оконечностей ножек, они также имеют круглое или эллиптическое расширение в центральной части горизонтальной перемычки (рис. 3). Размеры этого расширения (щитка) обычно 15 × 15 – 25 × 25 мм, а длина горизонтальной перемычки 30–60 мм. Если скобы первого типа несут на себе определенные признаки универсальности применения, то эллиптические скобы, вероятно, изготавливались только для нужд судостроения, что объясняется их формой, наилучшим образом приспособленной для удержания ластильных планок. Всего в Новгороде в процессе раскопок обнаружена 821 скоба первого типа и 316 – второго (данные на 1994 г.). Обе разновидности скоб наблюдаются и на современных деревянных судах.

Рассмотрение стратиграфического распределения скоб в культурном слое Новгорода показало следующее.

Скобы типа 1 (рис. 4–6)

1. Можно говорить о появлении и непрерывном существовании скоб типа 1 с начала XII в., однако, первая находка судовой детали, где были использованы такие скобы для ластового уплотнения, датируется 1177–1197 гг. (Нер. 17–21–2122). Поэтому, принимая во внимание уже упоминавшийся ранее в какой-то степени универсальный характер этого типа скоб, вряд ли можно считать, что они начали использоваться в ластовых уплотнениях новгородских судов ранее 70–90-х годов XII в.

2. Наибольшее количество скоб типа 1 зафиксировано в напластованиях XIII–XIV вв. с некоторым преобладанием в XIV в. Здесь же в основном концентрируются детали с остатками ластовых уплотнений (также с преобладанием в XIV в., в основном с 40-х годов до конца столетия). В более узких рамках максимумы в стратиграфическом распределении скоб приходятся на 20–40 гг. XIV в. (Неревский и Кировский раскопы) и на 60–80 гг. XIV в. (все раскопы).

3. Наблюдается снижение количества скоб в XV в., но следует принять во внимание недостаточную информативность культурного слоя Новгорода, соотносимого с этим временем.

4. Если сравнивать графики стратиграфического распределения ластильных скоб типа 1 по разным раскопам, то становится очевидным, что они отражают, в общем, схожие тенденции, хотя локальные экстремумы совпадают не всегда. Очевидно, здесь надо иметь в виду два обстоятельства: во-первых, незначительное количество находок

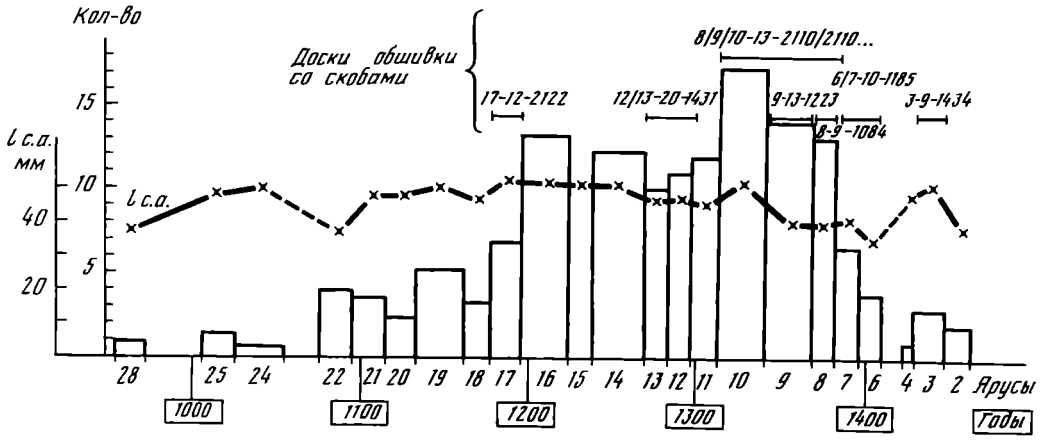


Рис. 4. Стратиграфическое распределение ластильных скоб типа 1. Среднеарифметические значения длины горизонтальной перемычки (*l* с.а.). Находки досок судовой обшивки со скобами. Неревский раскоп

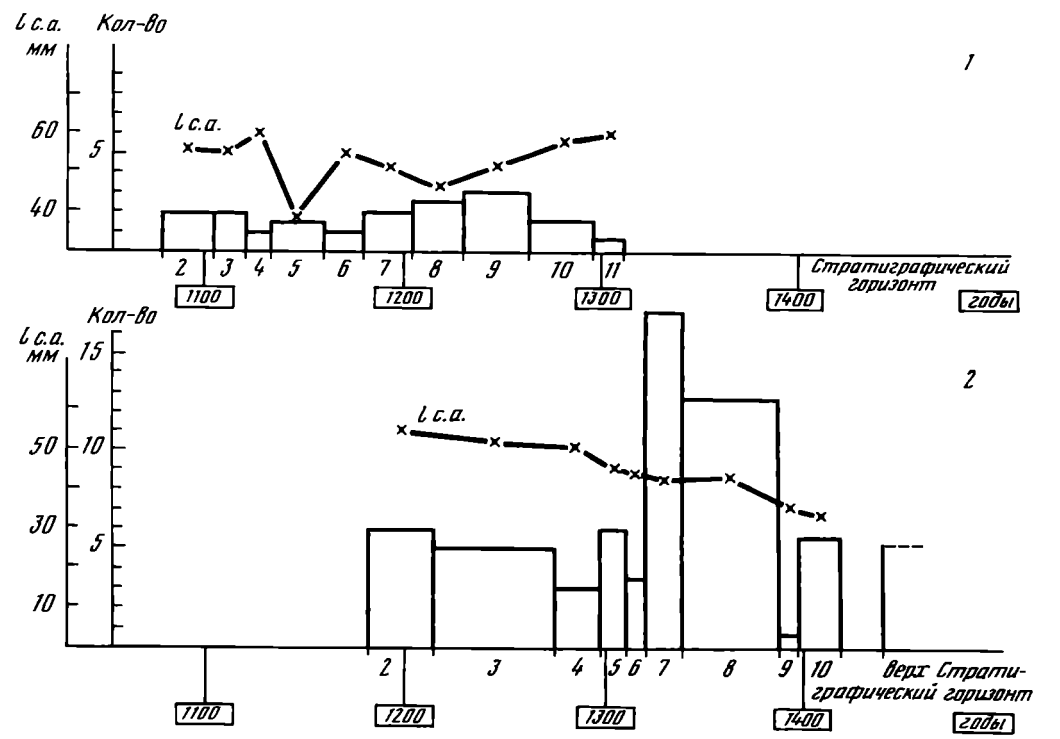


Рис. 5. Стратиграфическое распределение ластильных скоб типа 1. Среднеарифметические значения длины горизонтальной перемычки (*l* с.а.).
1 – Ильинский раскоп; *2* – Кировский раскоп

на большинстве раскопов (Кировский-59, Михайловский-22, Нутный-68, Ильинский-17, Неревский-161), что вносит в их распределение известный элемент случайности и, во-вторых, все-таки универсальный характер этого типа скоб, часть из которых могла не иметь отношения к судостроению, а использоваться в других целях. В частности, это справедливо в первую очередь для Ильинского раскопа, где, несмотря на совпадающее с другими раскопами преобладание скоб в XIII в., тем не менее, график их распределения не дает заметных экстремумов, а в XIV в. скобы вообще исчезают. Кроме того, скоб типа 1 здесь мало, а среднеарифметическая длина их горизонтальной перемычки значительнее, чем на других раскопах и отличается от неревской "эталонной" величины. Это говорит о том, что, вероятно, на место, занимаемое Ильинским раско-

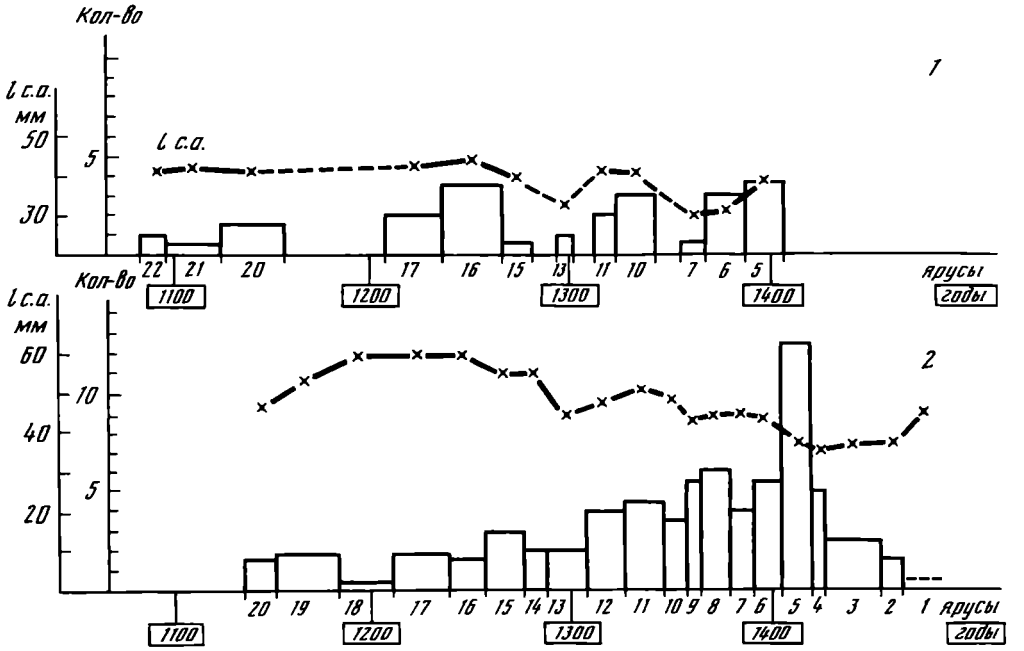


Рис. 6. Стратиграфическое распределение ластильных скоб типа 1. Среднеарифметические значения длины горизонтальной перемычки (*l* с.а.)
1 – Михайловский раскоп; *2* – Нутный раскоп

пом, почти не попадали судовые доски с ластильными скобами (не исключено, что здесь сказывается относительная удаленность от Волхова), а те скобы, которые были обнаружены при раскопках, хотя и попадают в размерный ряд типа 1 (обращают на себя внимание их крупные размеры у верхней граничной величины), преимущественно применялись не для судостроительных целей.

Скобы типа 2 (рис. 7, 8)

1. Можно говорить о появлении ластильных скоб типа 2 в XIII в. причем, ближе к середине или даже его второй половине. Отдельные находки скоб в более ранних напластованиях, соотносимые с рубежом XI–XII в. или даже первой половиной XI в., скорее всего связаны с перекопами.

2. Наибольшее распространение эллиптические скобы получили в Новгороде в XIV в. (отмечается резкий количественный скачок в начале столетия). Сюда приходится от 55 до 100% находок на разных раскопах. В более узких хронологических рамках можно говорить о 20–40-х годах XIV в. (Неревский, Кировский, Михайловский и Нутный раскопы). Следует выделить также 70-е – начало 80-х годов XIV в. Именно этим временем датируются почти все доски судовой обшивки, где использовались эллиптические скобы.

3. К началу XV в. количество эллиптических скоб резко снижаеся, затем они постепенно исчезают. Однако здесь необходимо принимать во внимание низкую информативность новгородских напластований XV в.

Таким образом, из рассмотрения новгородского археологического материала, связанного с ластовыми уплотнениями пазов обшивки судов, можно сделать следующие выводы.

1. Способ ластового уплотнения пазов в новгородском судостроении археологически прослеживается с 70–90-х годов XII до середины XV в.

2. Наиболее широко эта методика применялась в XIII-XIV вв. с преобладанием в XIV в.

3. Для крепления ластовых швов использовались скобы двух типов: ленточные (тип 1), обладавшие постоянной толщиной и имевшие длину горизонтальной пере-

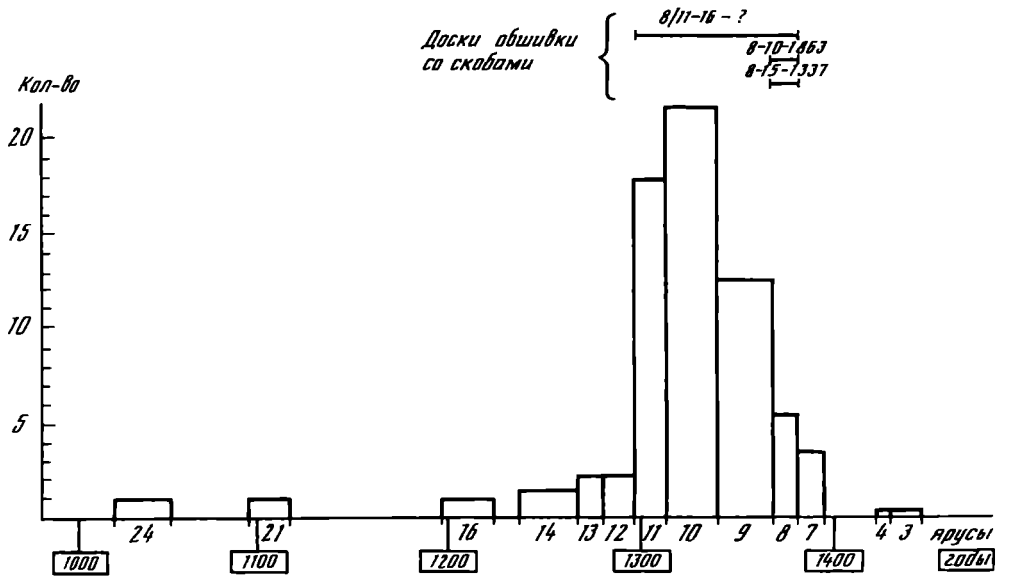


Рис. 7. Стратиграфическое распределение ластильных скоб типа 2. Находки досок судовой обшивки со скобами. Неревский раскоп

мычки от 24 до 60 мм, и эллиптические (тип 2) с расширением в центральной части горизонтальной перемычки. При этом, если скобы типа 1 в какой-то степени являлись универсальным крепежным средством и могли использоваться не только в судостроении, то эллиптические скобы имели узко специализированное назначение и изготовливались для судостроительных целей.

4. Скобы типа 1 существовали весь рассматриваемый период, что же касается эллиптических скоб, то время их бытования имеет более узкие хронологические рамки: появившись в середине – второй половине XIII в., они наиболее широко использовались в XIV в. и исчезли в начале XV в. Пики на графиках стратиграфического распределения скоб обоих типов практически совпадают: 20-40-е годы XIV в., 60–80-е годы XIV в. для ленточных скоб и 20-40-е годы XIV в., 70–80-е годы XIV в. для эллиптических.

5. Интересным является хронологический промежуток, соответствующий ярусу 8 Неревского раскопа (1360–1382 гг.). Здесь отмечено наибольшее количество судовых деталей с ластильными скобами обоих типов, а также экстремум (по удельной величине) в распределении скоб типа 1 на Неревском раскопе. Показательным является совпадение этого отрезка времени с периодом активизации деятельности новгородских ушкуйников (походы 1374 и 1375 гг.).

Способ ластового уплотнения швов, по мнению нидерландского исследователя Р. Рейндерса, в средневековье был характерен только для двух европейских регионов: бассейна Рейна, а также Северо-Западной России и Юго-Восточной Прибалтики (Reinders R., 1985, p. 18). Д. Эллмерс предлагает относить его появление на Руси еще ко временам викингов, хотя это утверждение не выглядит достаточно убедительным (Ellmers D., 1984, S. 310).

Можно предположить, что "классические" ластовые уплотнения (т.е. с использованием железных скоб, прижимающих планку) происходят из уплотнений гладкой обшивки плоскодонных шитых судов позднего бронзового и раннего железного веков, таких, как например, суда из Норд Ферриби и Бригг (Великобритания). Там также применялись длинные планки, удерживающие конопатку (чаще всего мох), однако эти планки поджимались не скобами, а гибкими связями (обычно прутьями или корнями), которые не только удерживали упомянутые планки, а (что безусловно являлось их основной функцией) соединили между собой доски обшивки, образуя длинный шов, как на судне из Бригг, или же отдельные стежки-связки, как на судах из Норд Ферриби

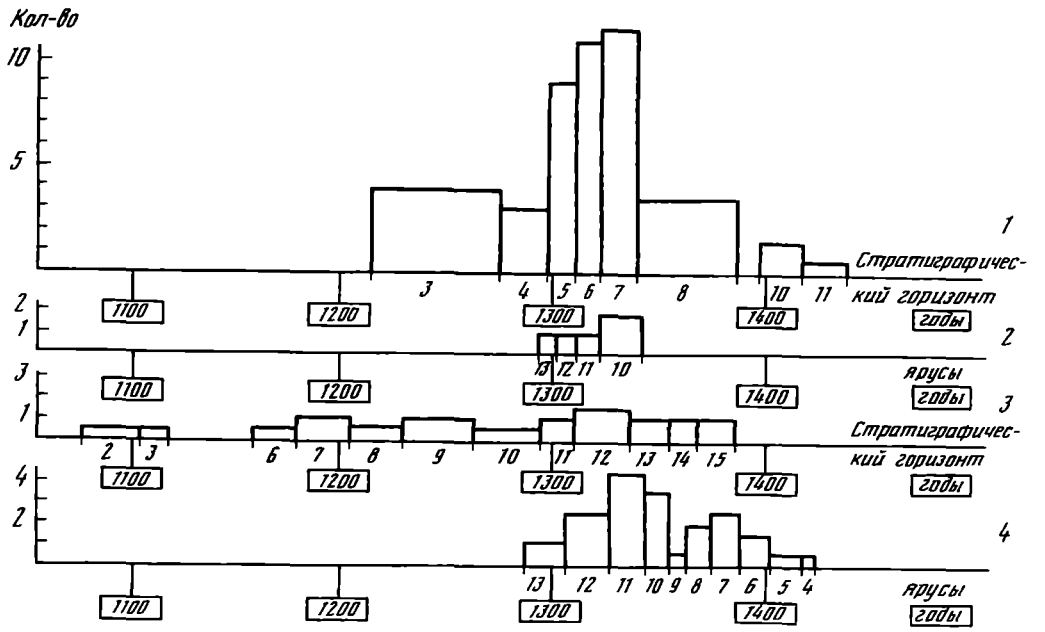


Рис. 8. Стратиграфическое распределение ластильных скоб типа 2. *1* – Кировский раскоп; *2* – Михайловский раскоп; *3* – Ильинский раскоп; *4* – Нутный раскоп

(Mc. Grail S., 1985, fig. 11, *15*; Wright E.V., 1985, fig. 8, *4, 8, 9*). В дальнейшем такие уплотнения с гибкими связями прослеживаются в античное время (Brusic Z., Domjan M., 1985, p. 71, 77, fig. 6, *5, 6*), а затем, но уже с железными скобами, ластовые швы отмечены на средневековых судах.

По археологическим данным можно говорить о применении ластовых уплотнений в судостроительной традиции нижнего течения/эстуария Рейна по крайней мере с XII в. Они обнаружены на утрехтском судне (Ellmers D., 1992, fig. 1) (XII в.), на любекском судне XII–начала XIII в. (Ellmers D., 1985, fig. 70, *4*), на коллерупском когге 30-х годов XIII в., на многочисленных судах на Исельмеерпольдерс (Нидерланды) (Reinders R., 1985, p. 18) (XIII–XVI вв.), на бременском когге (1380 г.) (Kiedel K.P., Schnall U., 1985, fig. 56), на судах XIII в. из Антверпена (Ellmers D., 1984, S. 285) и т.д. Ластовые швы располагались на этих судах как с внешней (обшивка вгладь), так и с внутренней стороны (обшивка в клинкер), и с обеих сторон. Часто, особенно у нидерландских судов, имело место сочетание разных швов: наружный – на гладком днище, внутренний – на клинкерных бортах, двойной – в некоторых особых случаях, например, в месте соединения потеряйных досок с идущим выше поясом (Reinders H.R., 1980, fig. 1–9). Иногда ластовая планка укладывалась снаружи, а внутри – только скобы (Reinders R., 1984, fig. 2). Для сравнения можно сказать, что в русском судостроении XVI–XIX вв. корпуса судов, как правило, уплотнялись с внешней стороны, но отмечены отдельные примеры использования и внутренних ластовых швов (суда Днепровского бассейна) (Малыгин П.Г., 1935, с. 106-108), а также сочетание внутренних и внешних (клинкерные шитые кочи) (Белов М.И. и др., 1980, табл. XXXIV).

Методика ластового уплотнения пазов, ставшая впоследствии, наряду с дважды загнутыми обшивочными гвоздями, одним из отличительных принаков ганзейских коггов, появляется в Любеке – ядре формирования Ганзейского союза вместе с ранними коггами – судами фризов. Эти суда стали основой для дальнейшего развития ганзейских коггов – судов, которые в XIV в. достигли того совершенства конструкции, которое представлено на знаменитом бременском когге (Kiedel K.P., Schnall U., 1985, p. 60–65).

Форма ластильных скоб со временем менялась. Если на утрехтском судне XII в. это обычные ленточные скобы (новгородский тип 1), то в начале XIII в. (любекское судно

1210 г.) появляются уже скобы эллиптические (новгородский тип 2) (Ellmers D., 1992. fig. 1). Эта новая форма отражает усовершенствование технологии процесса наложения ластовых швов, так как расширенная в своей средней части скоба наилучшим образом обеспечивает поджатие планки. Постепенно эллиптические скобы вытесняют ленточные и в XIII в. они уже господствуют в ганзейском и нидерландском судостроении. Следует отметить, что Д. Эллмерс и О. Крумлин-Педерсен считают отличительным признаком ганзейских коггов не просто ластовые уплотнения пазов, а ластовые уплотнения с использованием именно эллиптических скоб (Crumlin-Pedersen O., 1991, p. 70, 72, fig. 2).

Вернемся к новгородскому археологическому материалу. Технология ластового уплотнения (пока еще только с использованием ленточных скоб) впервые здесь достоверно фиксируется в 70–90 гг. XII в. Как уже говорилось выше, в это же время данная методика была распространена в бассейне/эстуарии Рейна, а также в северогерманских торговых городах – предшественниках будущей Ганзы (Любек, Данциг), где широко использовались когги, конструкция которых восходила к традициям фризского судостроения (Kiedel K.P., Schnall U., 1985, p. 64). Немецкие купцы постепенно проникали на Балтику, где в XII в. в торговле превалировал о-в Готланд (Рыбина Е.А., 1986, с. 25). В 1163 г. под поручительством Генриха Льва был заключен договор между немцами и готландцами о взаимных торговых привилегиях (Рыбина Е.А., 1986, с. 27; Kiedel K.P., Schnall U., 1985, p. 65), а к концу XII в. немецкая торговая община с базой на Готланде уже явно преобладает в балтийской торговле (Рыбина Е.А., 1986, с. 26). Укрепление связей немцев с готландцами в результате вышеупомянутого договора привело к непосредственному знакомству немецких купцов с давними партнерами готландцев, новгородцами, и установлению между ними торговых отношений. До этого в течение XI–XII вв. торговля с Новгородом целиком находилась в руках Готланда (Рыбина Е.А., 1986, с. 25). В результате этого русские купцы появляются в Любеке (1188 г.) а в 1192 г. в Новгороде основывается Немецкий торговый двор и ведущая роль в торговле с Новгородом переходит к немецкой купеческой общине (Рыбина Е.А., 1986, с. 25, 55). И именно в это время в новгородском судостроении впервые появляется способ ластового уплотнения пазов обшивки – прием, характерный для коггов, использовавшихся немцами для перевозки товаров. Несмотря на то, что когги непосредственно до Новгорода доходить не могли, а перегрузка товаров с них осуществлялась в Ладоге или устье Ижоры, тем не менее, новгородские лодочники, обслуживающие перевозку грузов по Неве, Ладожскому озеру и Волхову, имели возможность понакомиться с новыми для себя судостроительными приемами (их предыдущие партнеры, готландцы, очевидно, использовали суда, построенные в скандинавских традициях, где ластовые уплотнения не применялись), которые они, позаимствовав их у морских судов – коггов, смогли успешно применить на своих речных и озерных судах.

Как уже говорилось выше, ластовые уплотнения с использованием эллиптических скоб (тип 2) появляются на новгородских судах нескольких позднее, чем с ленточными скобами – в середине – второй половине XIII в. Здесь, вероятно, могло иметь место еще одно заимствование – подобные скобы начинают появляться на северогерманских судах с рубежа XII–XIII вв. (любекское судно) (Ellmers D., 1992, fig.1). Однако до конца XIII в. эллиптических скоб в Новгороде еще мало. Ощутимый скачок в их количестве наблюдается на рубеже XIII–XIV вв. Попробуем сопоставить это явление с ситуацией в новгородско-немецких торговых отношениях. В конце XIII в. произошел переход главенствующей роли в торговле с Новгородом от немецкой общины в Висбю (Готланд) непосредственно к Любеку (Рыбина Е.А., 1986, с. 41). В результате резко повышается товарооборот и приток западноевропейского импорта в Новгород (поливная керамика, хрустальные вставки перстней, стеклянная посуда и т.д.) (Рыбина Е.А., 1978, с. 78, 83, 84), а, следовательно, увеличивается число немецких (а с 1370 г. уже "ганзейских") судов, приходящих в новгородские земли. В это время наиболее тесных и интенсивных контактов с немецкими (преимущественно с любек-

скими) купцами и произошло массовое заимствование новгородскими судостроителями более совершенной технологии ластового уплотнения с использованием эллиптических скоб, которые к этому моменту уже практически полностью вытеснили на коггах ленточные скобы (став, по Д. Эллмерсу и О. Крумлин-Педерсону, одним из важнейших отличительных признаков данного типа судов).

Следует отметить, что в Новгороде в течение XIV в. для ластовых уплотнений использовались обе разновидности скоб. Видимо, это связано с тем, что более удобные для удержания ласта эллиптические скобы технологически более сложны в изготовлении, а уровень местного производства того времени не позволял полностью обеспечить потребности судостроения в скобах данного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахрушин С.В., 1952. Научные труды. Т. 1. М.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. 1980. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. М.

Глазов В.Н., 1911. Ладья с каменными ядрами, затонувшая в Чудском озере. СПб.

Колчин Б.А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Е1-55.

Кузнецов В.П., 1956. Речные деревянные суда. М.

Малыгин П.Г., 1936. Учебник судоплотника для школ ФЗУ. Л.

Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XV вв. М.

Рыбина Е.А., 1986. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.

Шубин И.А., 1927. Волга и волжское судоходство. М.

Brusic Z., Domjan M., 1985. Liburnian Boats – their form and construction // BAR. Int. series. 276. Greenwich.

Cederlund C.O., 1978. Ett fartyg Byggt med syteknik. Stockholm.

Crumlin-Pedersen O., 1991. Ship types and sizes AD 800–1400 // Aspects of Maritime Scandinavia AD 200–1200. Roskilde.

Ellmers D., 1984. Frühmittelalterliche Handelsschiffahrtin Middel-und-Nordeuropa. Neumünster.

Ellmers D., 1985. Bodenfunde und andere Zeugnisse zur frühen Schiffahrt der Hansestadt Lübek // Lübecker Schiften zur Archaologie und Kulturgeschichte. 11. Bonn.

Ellmers D., 1992. Bodenfunde und andere Zeugnisse zur fruhen Schiffahrt der Hansestadt Lübek. Teil 2. // Lübecker Schiften zur Archaologie und Kulturgeschichte. 18. Bonn.

Kiedel K.P., Schnall U. (ed.), 1985. The Hanse Cog of 1380. Bremerhaven.

Mc. Grail S., 1985. Brigg "raft" – reconstruction problems // BAR. Int. Series. 276. Greenwich.

Reinders H.R., 1980. Drie Schepen vit de late middeleeuwen // Flevobericht. № 166.

Reinders R., 1984. Three medieval river vessels, found near Meinerswijk (Arnhem) // Flevobericht. № 221.

Reinders R., 1985. Cog finds from Ijselmeerpolders // Flevobericht. № 248.

Wright E.V., 1985. The North Ferriby boats – a revised basis for reconstruction // BAR Int. Series. 276. Greenwich.

Институт археологии РАН,
Москва

G.E. DUBROVIN

THE METHODICS OF CAULKING WITH THE CLUMPS IN MEDIEVAL NOVGORODAN SHIPBUILDING

Summary

In the article a shipbuilding method is considered consisting in caulking with the clumps practiced by Novgorodan shipbuilders in process of constructing vessels. Having investigated interrelations between Novgorodan and North German shipbuilding patterns, the aulhor comes to certain conclusions on the date of emergence of the said methodics in medieval Russia.

Н.А. ТРОПИН

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XII – НАЧАЛА XV в. В БАССЕЙНЕ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ БЫСТРОЙ СОСНЫ

Вопросы, затрагивающие заселение окраинных территорий Руси, относятся к числу активно разрабатываемых многими исследовательскими коллективами. В этом плане не является исключением район бассейна нижнего течения Быстрой Сосны (правобережье Верхнего Дона), который находясь близ половецко-ордынской "Степи", исторически являлся порубежным для Черниговской и Рязанской земель. Географически нижнее течение Быстрой Сосны ограничивается на западе устьем р. Чернавы, а на востоке – р. Дон.

Краткие, а порой недостоверные сведения письменных источников о г. Ельце, расположенном в пределах расматриваемой территории, заставляют обращаться к археологическим данным, способным ответить на более широкий круг вопросов. В числе наиболее важных и освещаемых в данной работе являются вопросы, связанные с заселением бассейна нижнего течения Быстрой Сосны в XII–XV вв.: топографией, размерами, планировкой селищ, временем и истоками заселения территории, определением ее границ и характера освоения.

Начало археологичскому изучению древнерусских памятников XII–XV вв. в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны было положено разведками Воронежского государственного университета под руководством А.Д. Пряхина в 1962 г. (Пряхин А.Д., 1963) и экспедиции ИА АН СССР под руководством В.И. Матвеевой в 1970–1980-е гг. (Матвеева В.И., 1973; 1974; 1985). Данный этап исследования характеризовался эпизодическими разведками, выявившими около 20 селищ и Лавское городище, датировка которого XII–XIII вв. была установлена позднее.

Качественно иной этап в изучении древнерусских памятников начинается в конце 1980 – начале 1990-х гг. С этого времени проводятся целенаправленные совместные исследования экспедиции Воронежского университета (под руководством А.Д. Пряхина) и Елецкого пединститута (под руководством автора), в ходе которых одной из задач стоит выявление сельской округи летописного Ельца (Пряхин А.Д., 1990; 1993; Тропин Н.А., 1989; 1990; 1991; 1996а). Разведочные работы в черте г. Ельца и его окрестностях проводились в 1991 г. также экспедицией Липецкого пединститута под руководством А.Н. Бессудного (Бессуднов А.Н., 1992). В настоящее время в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны известно более 60 селищ (четвертая их часть открыта автором).

В процессе многолетних разведок совершенствовалась методика обнаружения памятника и получения максимальной, первичной информации без проведения раскопок. В этом смысле мы отталкивались от опыта полевых исследовний В.В. Седова на Смоленщине (Седов В.В., 1960) и экспедиции ГИМ под руководством М.И. Гоняного на Куликовом Поле (Александровский А.Л. и др., 1996). Суть наших наблюдений касалась изучения палеопочвенного покрова, фиксации точной топографической привязки памятника и степени его удаленности от источника воды; характера планировки и степени застройки селищ, их точных размеров на современной распахиваемой поверхности. Максимальный сбор подъемного материала проводился с целью выявления социальной сущности памятника и его точной датировки. В последнем случае нам удалось вычленить два хронологических периода, первый из которых относится к XII –

© Н.А. Тропин, 2000 г.

первой половине XIII в., а второй – к рубежу XIII–XIV – началу XV в. Критерии выделения двух периодов основываются на результатах раскопок автором ряда памятников в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны. Для селищ первого периода базовым памятником в определении датировки является Лавский комплекс, на селище которого вскрыто около 2 тыс. м^2 площади, где имеются насыщенные находками закрытые комплексы. Для селищ второго периода базовыми памятниками являются поселения у с. Аргамач-Пальна. Материалы этих раскопок уже опубликованы автором (Тропин Н.А., 1993; 1996б).

Даже предварительное изучение расположения сельских поселений показывает их тесную обусловленность особенностями ландшафта. Левобережье и правобережье Быстрой Сосны асимметричны по своему геоморфологическому строению. В районе левобережья пойма преимущественно не выражена и как правило, берег имеет более отвесные склоны. Правобережье Быстрой Сосны попеременно сочетает в себе участки с отвесным и пологим склоном. Правобережье преимущественно является пойменным и состоит из серии надпойменных террас, постепенно переходящих в водораздел.

По сравнению с правым берегом левобережье Быстрой Сосны отличается насыщенностью реками и родниками. В числе крупных левобережных притоков можно назвать Чернаву, Воргол, Пажень, Ельчик, Пальну. Среди правобережных притоков находятся менее полноводные реки: Воронец, Паниковец, Свишни. Основное количество родников связано с крупными притоками Быстрой Сосны (Паженьский; Белевец, Рябинки, Ольшанец, Ольховец, Троснов) (рис. 1).

Левобережье Быстрой Сосны в средневековье отличалось значительной заселенностью. Особо крупные лиственные леса располагались в нижнем течении ее притоков. Данные картографии палеопочв, зафиксировавшие серые лесные почвы (Почвенная карта Елецкого уезда... 1903–1904; Почвенная карта Липецкой области..., 1987) и карты "генерального межевания" конца XVIII в. (РГАДА, ф. 1356, д. 3783, 3784, 3785) позволяют с наибольшей точностью определить границы лесных массивов и с учетом некоторых письменных источников второй половины XVI в. их названия: Радушкин, Паженьский, Воргольский, Хороший, Большой Елецкий и др. (Новосельцев А.В., Тропин Н.А., 1994). Верхние течения левобережных притоков Быстрой Сосны, как правило, не были облесены. Здесь простирались степи. В правобережье Быстрой Сосны значительных лесных массивов не отмечено.

В настоящее время в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны известно 13 селищ XII–первой половины XIII в. Все они находятся на левобережье. Картографирование памятников позволяет говорить об их локализации в области нижнего междуречья Воргола и Пальны (рис. 1). Обособленное расположение селищ подтверждается результатами разведок в нижнем течении Быстрой Сосны: западнее р. Воргол и восточнее р. Пальна синхронных селищ не обнаружено. Незначительное количество памятников XII – первой половины XIII в. свидетельствует о слабом освоении территории. Ее выбор в области нижнего междуречья Воргола и Пальны нам представляется не случайным. В этом плане решающее значение сыграл природно-географический фактор. По двум важнейшим характеристикам данный микрорайон отличается от сопредельных территорий по Быстрой Сосне. Во-первых, как уже отмечалось, насыщенность речной системы, в которую кроме Быстрой Сосны входят реки Пальна, Ельчик, Лучок, Пажень, Воргол; и во-вторых, значительной облесенностью. Важно отметить и тот факт, что данная территория являлась своего рода удобной экологической нишей для населения более ранних эпох: раннего железного века и раннего средневековья (Пряхин А.Д. и др., 1996, с. 148, рис. 1).

Селища XII – первой половины XIII в. составляли приречной тип заселения, наиболее традиционный для значительной территории древнерусских земель (Древняя Русь ..., 1985, с. 98). По топографическим условиям расположения памятники относятся к поселениям склонового типа, занимая края высоких коренных берегов рек. Как правило, высота площадок селищ составляет 18–20 м. Памятники, расположенные в пойме или на надпойменных террасах, не известны.

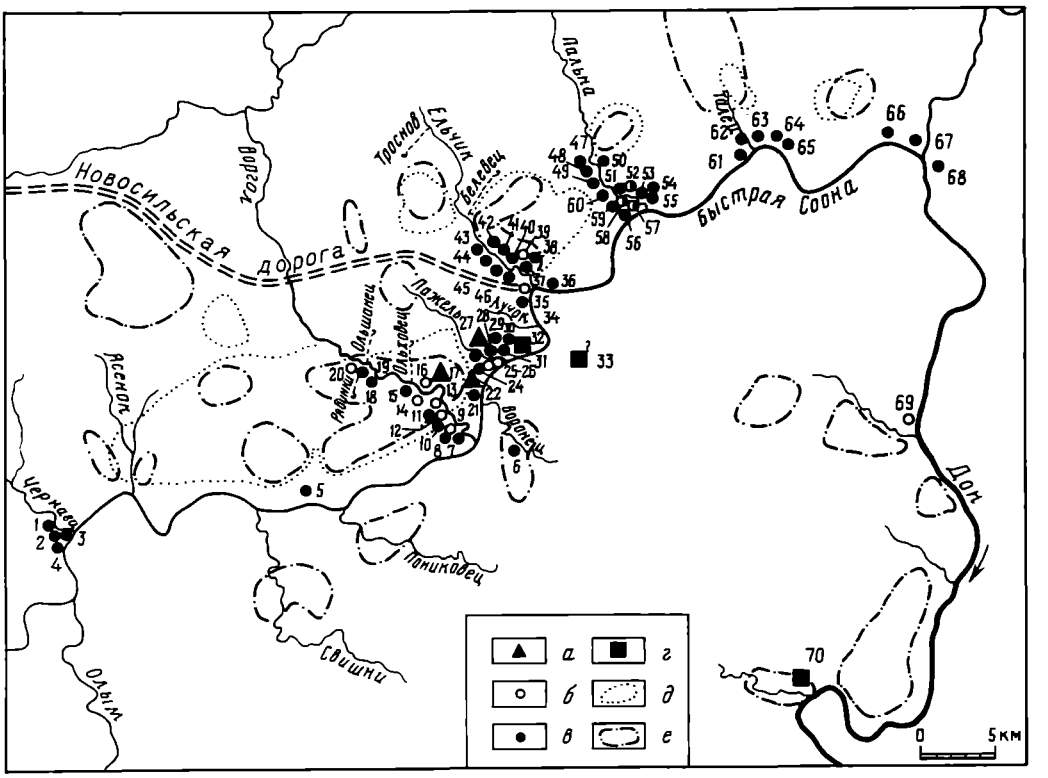


Рис. 1. Археологические памятники IX–XV вв. в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны.
а – городище; *б* – селище XII – первой половины XIII вв.; *в* – селище второй половины XIII – начала XV в.; *г* – золотоордынские монетные клады; *д* – граница распространения серых лесных почв; *е* – граница распространения лесов по данным "генерального межевания" конца XVIII в.
1 – Троицкое-2; *2* – Троицкое-1; *3* – Чернава-1; *4* – Чернава-2; *5* – Глушица; *6* – Воронец-3; *7* – Воргол-9; *8* – Воргол-8; *9* – Воргол-5; *10* – Воргол-6; *11* – Воргол-7; *12* – Воргол-4; *13* – Воргол-12; *14* – Воргол-11; *15* – Воргол-3; *16* – Воргол-1; *17* – Воргол; *18* – Рябинки-3; *19* – Рябинки-2; *20* – Рябинки-1; *21* – Лавы-4; *22* – Лавы; *23* – Пажень-1; *24* – Дачный поселок-2; *25* – Дачный поселок-1; *26* – Лавы-1; *27* – Пажень; *28* – Лавы-5; *29* – Лавы-6; *30* – Лавы-2; *31* – Лавы-7; *32* – Лавы; *33* – Елецкий уезд (точное местонахождение не известно); *34* – Елец, ул. Октябрьская, д. № 97; *35* – Елец, Красная пл.; *36* – завод мостовых конструкций; *37* – Черная слобода-4; *38* – Черная слобода-5; *39* – Знаменский монастырь; *40* – Целыковка-3; *41* – Александровка-4; *42* – Александровка-3; *43* – Хмелинец-4; *44* – "Лесная школа"; *45* – на Александровском городище; *46* – Александровка-1; *47* – Касимовка-1; *48* – Касимовка-2; *49* – Касимовка-3; *50* – Пальна-Ламская-2; *51* – Аргамач-Пальна-4а; *52* – Аргамач-Пальна-4; *53* – Аргамач-Пальна-3; *54* – Аргамач-Пальна-5; *55* – Аргамач-Пальна-6; *56* – Аргамач-Пальна-7; *57* – Аргамач-Пальна-1; *58* – Аргамач-Пальна-2; *59* – Аргамач-Пальна-8; *60* – Аргамач-Пальна-9; *61* – Талица-4; *62* – Талица-5; *63* – Талица-3; *64* – Талица-2; *65* – Талица-1; *66* – Засосенки-1; *67* – Засосенки-2; *68* – Засосенки-3; *69* – Бехтеевка; *70* – Каменка

О размерах и планировке селищ можно говорить лишь предположительно, так как ни одно из них не изучено раскопками полностью. Ограничиваясь результатами, полученными в ходе археологических разведок, отметим, что в среднем размеры поселений составляли 0,5–0,7 га. Аналогичные параметры селищ в целом были наиболее характерны для ближайших к Быстрой Сосне территорий: бассейна Оки (Никольская Т.Н., 1981, с. 64, 65), района Куликова Поля (Александровский А.Д. и др., 1996, с. 74, 75), Верхнего и Среднего Дона (Цыбин М.В., 1987а, с. 13). Учитывая, что подъемный материал расположен неширокой полосой по краю склона, можно полагать, что поселения застраивались в один ряд. Такой тип застройки обычно называют прибрежно-рядовым.

Кроме сельских поселений на Быстрой Сосне известен Лавский комплекс, состоящий из городища и примыкающего к нему селища. Характеристика данного памятника не входит в задачи нашей работы. Подчеркнем лишь его важную роль как военно-

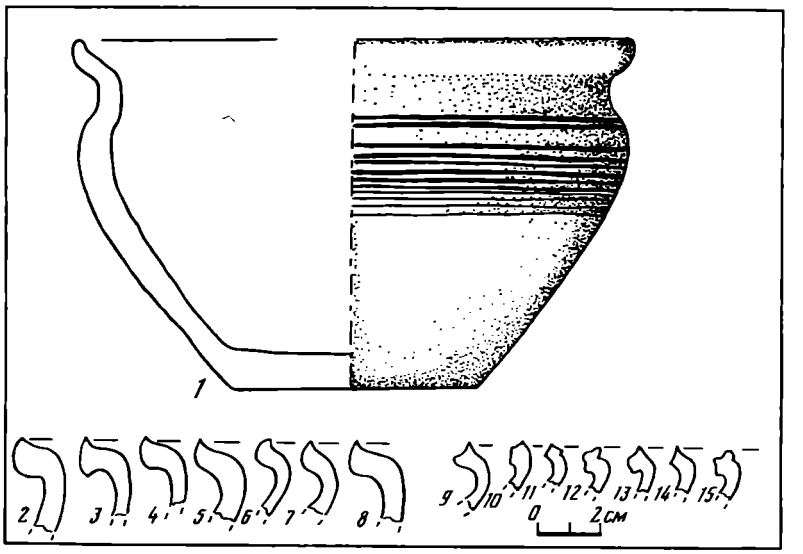


Рис. 2. Керамика XI–XII вв. с селища Лавского археологического комплекса

административного центра территории в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны (Тропин Н.А., 1996в, с. 15–17). В связи с этим отмечу согласие с точкой зрения воронежских исследователей, считающих, что возникновение сельских поселений стимулировалось развитием "опорного" пункта (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1996, с. 111).

Рассматривая заселение нижнего течения Быстрой Сосны, нельзя обойти вниманием такие вопросы, как истоки и время освоения территории. Отметим, что письменные источники не содержат на этот счет сведений. Из массового археологического материала осветить данные вопросы может керамика, полученная в результате раскопок селища Лавского комплекса. Среди находок интересна серия раннегончарной посуды, полученная из закрытых комплексов, некоторые из которых планиграфически перекрываются более поздними сооружениями предмонгольского времени. Данная посуда в своей основе является лепной, с примесью крупнозернистого песка и шамота. Поверхность ее неровная. Посуда правлена на гончарном круге, имеет линейный орнамент. Оформление венчика выполнено в виде закругленного утолщения с вогнутым краем (рис. 2, *1*). Типологически ей аналогична встреченная на селище в большом количестве посуда, полностью изготовленная на гончарном круге (рис. 2, *2–8*). Подобное оформление края венчика является наиболее характерным для южнорусской керамики рубежа XI–XII вв. (Блажевич Н.В., 1992, с. 22, рис. 3; Плетнева С.А., 1992, с. 110, рис. 8; Моргунов Ю.Ю., 1996, рис. 7).

Интересна и другая немногочисленная группа керамики с подтреугольным краем, т.е. курганного типа (рис. 2, *9–15*). Аналогичная керамика, по мнению Е.В. Каменецкой, встречена в слоях начала XII в. в Смоленске (Каменецкая Е.В., 1976, с. 44, рис. 3). А среди южнорусской керамики она датируется второй половиной XI в. (Моргунов Ю.Ю., 1996, рис. 7).

Находки раннегончарной и лепной керамики затрагивают вопрос о континуитете в период IX–XIII вв. Отметим, что в левобережье нижнего течения Быстрой Сосны известны два славянских городища: Воргольское и Паженьское, датируемые исследователями IX–XI вв. и группа селищ (Пряхин А.Д. и др., 1996, с. 148). Раскопки славянских городищ не дают пока оснований говорить о перерастании славянской культуры в древнерусскую. Однако подобный факт исследователями не исключается. Вместе с тем впервые обнаруженная в нижнем течении Быстрой Сосны раннегончарная посуда дает основания предполагать, что какая-то часть славянского населения оставалась

здесь до конца XI в. и восприняла традиции гончарного производства новой переселенческой волны из южнорусских земель на рубеже XI–XII вв.

На заселение территории нижнего течения Быстрой Сосны с южнорусских земель может косвенно указывать специфический характер фортификации Лавского городища, имеющий аналогии среди городов-крепостей Черниговского и Переяславского княжеств, включая Посульскую оборонительную линию. К таковым относятся летописные Листвен в районе Чернигова (Коваленко В.П., Шекун А.В., 1984, с. 62–74). Римов и городище у с. Грицевка в Посулье (Моргунов Ю.Ю., 1989, с. 215). Вал данных памятников представляет собой чисто земляные укрепления без внутривальных деревянных конструкций. В его основе находится массивное ядрище из материковой глины или суглинок.

Нельзя обойти вниманием находки бронзовых решетчатых перстней, указывающих на исторические связи с населением территории Верхней и Средней Оки (Арциховский А.В., 1930, с. 74–76).

На основе изложенного выше, можно предположительно говорить о двух основных миграционных потоках в район нижнего течения Быстрой Сосны в XII–XIII вв. Первый из них фиксируется рубежом XI–XII вв. По времени он совпал с периодом стабилизации отношений на русско-половецком пограничье и с активной политикой южнорусских князей по феодализации северо-восточных районов Черниговщины: волостей "Вятичи" и "Лесной земли" (Зайцев А.К., 1975). Отметим, что в конце XI – первой половине XII в. в бассейне Верхней Оки возникает значительное количество летописных городков (Никольская Т.Н., 1981, с. 172). Очевидно, что появление на Быстрой Сосне Лавского комплекса с сельской округой следует рассатривать в связи с этим процессом.

Второй миграционный поток в район Верхнего Дона прошел на рубеже XII–XIII вв. Сказанное заставляет обратиться к верхнедонскому региону в целом. Результаты работ в районе Куликова Поля приводят исследователей к выводу об освоении данного участка древнерусским населением в конце XII в. (Гоняный М.И., Зайцев А.К., 1990, с. 149). Исследования Семилукского городища вблизи г. Воронежа позволяют отнести его возникновение также к концу XII в. (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1992, с. 28, 29). Не исключено, что и территория нижнего течения Быстрой Сосны на рубеже XII–XIII в. могла оказаться охваченной новой миграционной волной. Выскажем предположение, что появление бронзовых решетчатых перстней на исследуемой территории связано с этим временем. Причины второй миграционной волны возможно были связаны с попыткой Рязанского княжества закрепиться в этом регионе.

Рассматриваемый локальный микрорайон памятников домонгольского времени, расположенный в области нижнего междуречья Воргола и Пальны, следует считать одной из ранних территорий, освоенной населением в Верхнем Подонье. Развитие ее в середине XIII в. было прервано монголо-татарским нашествием.

Дальнейшее заселение нижнего течения Быстрой Сосны происходит во второй половине XIII–XIV в. Наряду с археологическими данными, важные сведения об этом содержат различные письменные источники: летописи, литературные памятники, родословные книги, а также данные топонимики. К настоящему времени от устья р. Чернава до р. Дон выявлено 52 поселения второй половины XIII – начала XV в. Это значительно больше, чем в предшествующий период. Однако основная территория распространения памятников остается прежней. Все селища, за исключением Воронецкого, находятся в левобережье Быстрой Сосны. Размещение их неравномерно: наибольшее скопление приходится на территорию нижнего междуречья Воргола и Пальны. Западнее и восточнее известны лишь отдельные селища (рис. 1). Немногочисленны памятники этого периода, расположенные по р. Дон к северу и югу от устья Быстрой Сосны. Все это позволяет говорить о том, что область нижнего междуречья Воргола и Пальны являлась основной зоной хозяйственного освоения в рассматриваемый период.

Селища второй половины XIII–XV в. относятся к приречному типу расселения.

Удаленность их от источника воды не превышает как правило 100 м, хотя и для основной массы памятников составляет 40–60 м.

В зависимости от геоморфологических условий расположения памятники можно разделить на две группы. В первую группу входят селища, расположенные на краю первой надпойменной террасы высотой 2–8 м. Их насчитывается 12, что составляет 24% от известных памятников. Ко второй группе относятся селища, расположенные на краю коренного берега, имеющего пологий склон к реке. Известно 40 памятников или 76% от селищ второй половины XIII–XV вв. Таким образом, число поселений, расположенных на коренных берегах рек, значительно превышает численность памятников террасового типа.

Высота над уровнем воды площадок селищ второй группы значительно различается и колеблется в пределах от 10 до более чем 30 м. Сопоставление показывает, что населением осваивались преимущественно края береговых склонов высотой 12–20 м. Таких поселений 30. Оставшаяся группа памятников из 10 селищ занимает площадки склонов высотой более 20 м.

Рассмотрим размеры памятников. Степень информативности по этому показателю не адекватна для всех поселений. В зависимости от этого памятники разделены на три группы. Первую из них составляют селища, размеры которых определены по распахиваемой поверхности с предельной точностью. Вторую группу образуют поселения, размеры которых определяются как наиболее вероятные. В третью группу входят памятники с неопределенной площадью.

Рассмотрим более внимательно первую группу селищ, результаты которой могут быть основой для определения размеров поселений второй группы. В данном случае говорить о размерах селищ можно лишь в тех случаях, когда памятник полностью распахивается. При этом распространение подъемного материала позволяет с достаточной достоверностью определить площадь поселения. Таких поселений известно 15 или 28,5% от рассматриваемых памятников второй половины XIII–XV вв. В зависимости от размеров, поселения вытянуты вдоль берегов рек от 40 до 550 м. Ширина их, с учетом распространения подъемного материала, составляет 20–80 м. Однако, как правило, этот показатель не превышает 20–40 м и характерен для 13 селищ. Интересно отметить результаты раскопок поселения 1 у с. Аргамач-Пальна, где изучена сельская усадьба и определена ширина полосы застройки до 25 м (Тропин Н.А., 1996б, с. 162).

Вторую группу памятников, поверхность которых задернована, составляют 20 селищ или 38% от памятников второй половины XIII–XV в. Их протяженность определена с учетом топографии памятника или его шурфовки. Учитывая это, и ширину поселений до 40 м как наиболее вероятную, можно определить размеры памятников второй группы.

В третью группу входят 17 памятников, размеры которых пока не определены.

Располагая сведениями о размерах 35 памятников, можно выделить три группы. В первую входят селища площадью 0,1–0,3 га, всего 20 памятников. Вторую группу образуют 7 селищ площадью 0,4–0,7 га. Третья группа состоит из 8 поселений площадью до 1 га и более. Данные сведения убедительно свидетельствуют в пользу того, что в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны преобладали небольшие по размерам поселения площадью 0,1–0,7 га. Причем, среди них большинство составляет селища площадью 0,1–0,3 га. Преобладание небольших по размерам поселений в период XIV–XV вв. отмечалось многими исследователями. Для центральных районов Смоленщины средний показатель составляет 0,68 га (Седов В.В., 1960, с. 23). На территории Среднего Дона – не более 0,4 га (Цыбин М.В., 1987а, с. 19). Согласно актовому материалу этого времени, самым распространенным типом сельских поселений были небольшие деревни, состоящие из 1–3 дворов (Павлов-Сильванский Н.П., 1988, с. 167; Кочин Г.Е., 1965, с. 432; Чернов С. 3., 1991, с. 129).

Сопоставление размеров поселений с их топографией обнаруживает некоторую зависимость. Почти все селища площадью до 0,3 га удалены от реки не далее 50 м и

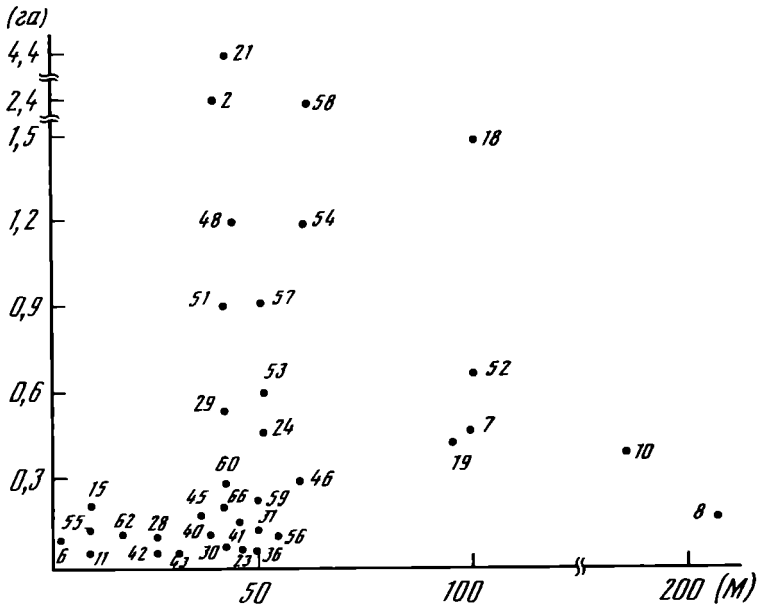


Рис. 3. График корреляции поселений второй половины XIII – начала XV в. в зависимости от их размера и удаленности от реки (номер памятника соответствует его обозначению на рис. 1)

занимают, как правило, первую надпойменную террасу или сравнительно невысокие (до 15 м) участки коренных берегов рек. Памятники площадью от 0,4 га и более расположены на высоких (12–30 м) коренных берегах рек. Их удаленность от реки составляет 50–100 м (рис. 3). Не исключено, что подобное различие отражает социально-экономическую специфику поселений.

Имеющиеся данные позволяют говорить о характере застройки поселений. Учитывая, что селища расположены вдоль реки, можно предполагать прибрежно-рядовую их застройку. Ширина распространения подъемного материала не превышает, как правило, 40 м, что в свою очередь говорит в пользу однорядной застройки селищ.

Интересные данные, отражающие характер планировки селищ, получены с памятников, поверхность которых полностью распахивается. Возможно предположить на них дворово-усадебную планировочную структуру. Прежде всего мы исходим из того, что подъемный материал на памятнике распространен неравномерно. На селище 1 у с. Троицкое выявлено семь скоплений подъемного материала площадью 400–1650 м^2 (рис. 4, *2*). Скопления отстоят друг от друга на расстоянии 8–20 м. Одно из них находится на значительном удалении от территории основной застройки – на расстоянии 100 м. Между скоплениями расположены участки пашни, где насыщенность находками минимальна или отсутствует вообще. В целом можно констатировать равномерный характер планировки селища.

Несколько иной характер планировки зафиксирован на селище Лавы-4 (рис. 4, *1*). На нем обнаружены скопления площадью в 225–800 м^2. Скопления в пределах поселения образуют четыре локальные группы, удаленные друг от друга на 80–130 м. Количество скоплений в группах варьирует в пределах от 1 до 4. По всей видимости, на данном памятнике прибрежно-рядовой характер застройки сочетается с кучевой, но в целом преобладает первый вид застройки.

Остальные известные нам распахиваемые поселения состоят из 1–2 скоплений подъемного материала. В некоторых случаях площадь скоплений четко не выражена. Типичной может считаться для этих памятников планировка, отмеченная на селище 2 у с. Хмелинец и селище 1 у с. Талица. На распахиваемой поверхности селище 2 у с. Хмелинец выявлено два скопления площадью по 900 м^2, отстоящих друг от друга на

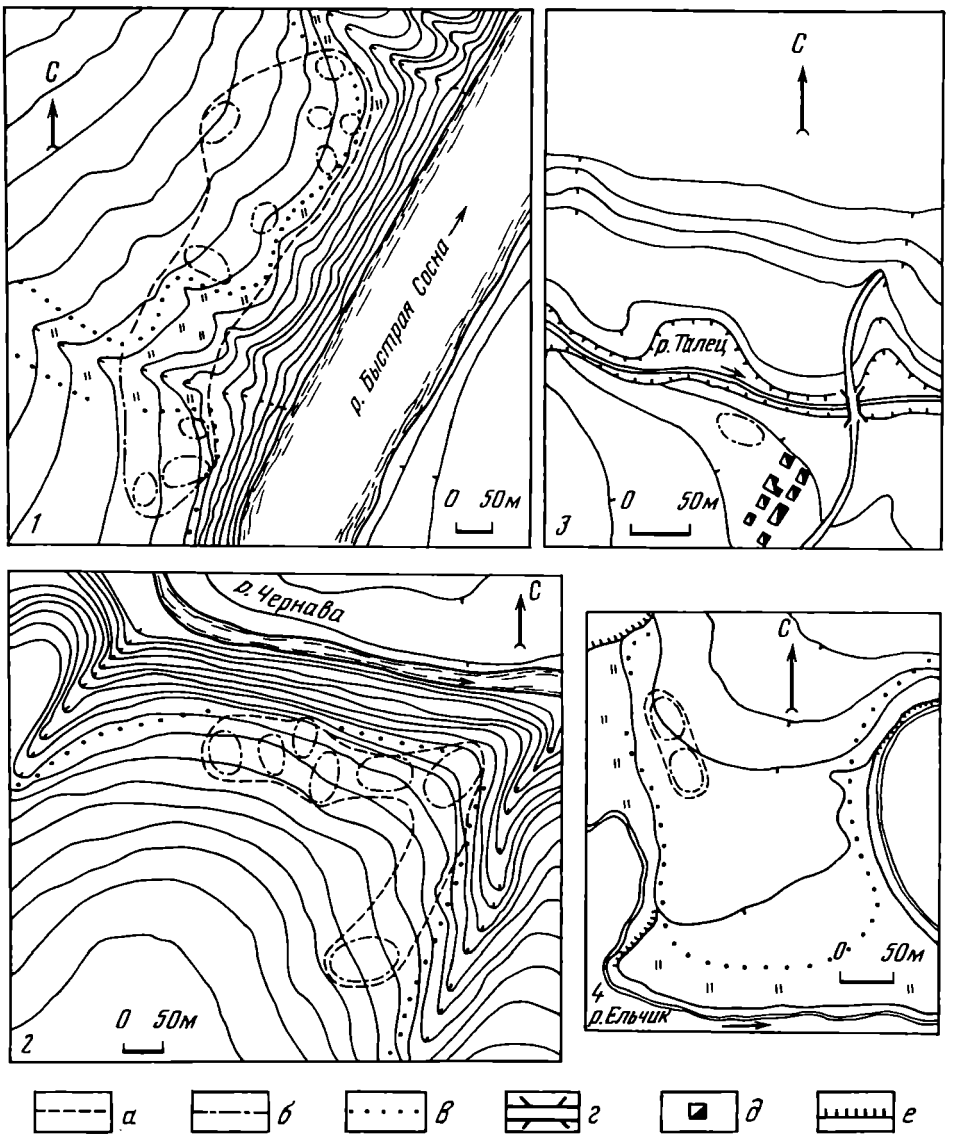


Рис. 4. Селища. *1* – Лавы-4; *2* – Троицкое-2; *3* – Талица-5; *4* – Хмелинец-2; *а* – граница памятника; *б* – граница скоплений находок; *в* – граница пашни; *г* – шоссе с мостом; *д* – строение; *е* – обрыв. Сечения горизонталей через 2,5 м

10 м (рис. 4, *4*). Селище 1 у с. Талица состоит из одного скопления площадью 800 м^2 (рис. 4, *3*).

Интересно также сопоставить зафиксированные скопления материала с размерами сельской усадьбы второй половины XIII – начала XV в. На поселении 1 у с. Аргамач-Пальна изучена усадьба площадью 450–550 м^2. Она состоит из двух жилых (постройки № 5, 6) и семи разнофункциональных хозяйственных построек. Важно при этом отметить, что находок за пределами усадьбы практически нет. Это дает основание предположить, что обнаруженные скопления материала на поселениях могут отражать приблизительно размеры сельских усадеб. Следует подчеркнуть, что такой подход в изучении внутренней структуры поселений дает широкие возможности для различных социальных реконструкций. Однако недостаточность источника пока не позволяет глубже рассмотреть этот вопрос применительно к территории нижнего течения Быстрой Сосны.

Изучение характера расселения в пределах области нижнего междуречья Воргола и Пальны позволяет, благодаря сплошным разведочным работам, вычленить локальные

группы селищ. По две группы встречены в нижнем течении рек Воргола и Пальны. Они концентрируются на участках протяженностью 1,5–3 км. Расстояние между ними составляет 1–5 км. По одной локальной группе встречены на реках Пажень и Ельчик. Они концентрируются на участках длиной 2,5–3 км. Данные факты отражают, по мнению исследователей, заселенную территорию сельской общины. Свободные же участки речной долины связываются с зоной хозяйственного освоения (Гоняный М.И., Зайцев А.К., 1990, с. 148). Возможно отдельную общину составляло селище Лавское-4 площадью 4,4 га.

Рассматривая структуру локальных групп селищ на наиболее изученной территории – области нижнего междуречья Воргола и Пальны, можно сказать, что в каждой группе находится от 2 до 10 селищ (таблица). На реках Пажени и Ельчике, в районе с. Н. Воргол встречены только небольшие по площади поселения (до 0,7 га). В районе с. Аргамач-Пальна обнаружено сравнительно большое количество крупных памятников (4 из 10). Однако лишь одно из них выделяется своей площадью в 2,4 га (поселение 2 у с. Аргамач-Пальна). Сравнительно большие по площади памятники выявлены в районе с. Касимовка (1,2 га), д. Рябинки (1,5 га). Предварительно можно говорить о тяготении более мелких поселений к крупным. Отсутствие значительных по площади сельских памятников на реках Ельчике, Пажени объясняется, вероятно, особенностями освоения этих речных долин.

Известно, что большая часть поселений второй половины XIII–XV в. находится в области нижнего междуречья Воргола и Пальны, где расположены памятники XII – первой половины XIII в. Возможно ли в данном случае говорить о преемственности развития территории? С одной стороны, отсутствуют необходимые археологические данные. С другой стороны, нестабильная на окраине Руси ситуация, характеризуемая постоянными монгольскими вторжениями второй половины XIII в., не могла благоприятствовать условиям жизни, примером чему является трагедия Курского княжества в конце XIII в.

Вместе с тем объяснить территориальное совпадение основной массы памятников второй половины XIII–XV в. с поселениями предшествующего времени только лишь удобными для хозяйственной деятельности природными условиями вряд ли будет правомерным. Предположим именно ту ситуацию, в которой фактор исторической традиции обусловил через несколько поколений продолжение жизни в удобной по своим природным условиям экологической нише, расположенной в области нижнего междуречья Воргола и Пальны. В этой связи мы рассматриваем данную область как историческое территориальное ядро Елецкой земли, понятие о которой впервые было введено нами в научный оборот (Тропин Н.А., 1992; 1995).

Термин "Елетьская земля" впервые встречается в Новгородской первой летописи младшего извода (Комиссионный список) под 1415 г., где сообщается о разорении татарами ее территории (Новгородская первая летопись..., 1950, с. 405). Учитывая опыт, накопленный при изучении летописей, можно полагать, что данный термин восходит к Новгородскому Своду 1448 г. Однако по происхождению известие о Елецкой земле не может быть новгородским. Свод 1448 г. соединяет в себе новгородские известия с общерусскими. Следовательно, елецкое известие могло попасть в Свод 1448 г. из общерусского летописания.

Наиболее поздний пласт упоминаний о Елецкой земле ("Елецские / Елечьские места", "елецкие земли") встречается в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей под 1483, 1504, 1572 гг. (ДДГ, 1909, с. 127, 130; 1950, с. 354). Предположим, что термин "Елецкие места" отражал на данный момент как значительное запустение округи Ельца, произошедшее в результате частых татарских набегов, так и потерю самостоятельного политического статуса в пользу Рязани после событий 1414–1415 гг.

Таким образом, хронологические рамки бытования Елецкой земли по сумме письменных источников определяются XIV – началом XV вв. Данные археологических памятников не противоречат этому.

Характеристика древнерусских поселений второй половины XIII – начала XV в., расположенных в междуречье Воргола и Пальны (по размерам площади)

Расположение локальной группы памятников и наименование ее условного центра	Количество памятников	Площадь поселений, га		
		0,1–0,3	0,4–0,7	до 1 и более
Д. Рябинки "Рябинки-3"	2	–	1	1
С.Н. Воргол?	5	3	2	–
С. Лавы "Лавы-4"	1	–	–	1
Нижнее течение р. Пажень?	6	4	2	–
Нижнее течение р. Ельчик?	9*	6	–	–
С. Аргамач-Пальна "Аргамач-Пальна-2"	10	4	2	4
Д. Касимовка "Касимовка-2"	4*	–	–	1

* Площадь трех (от общего количества) памятников не известна.

Следует полагать, что понятие "Елецкая земля" по своему содержанию, согласно летописной традиции, совпадает с термином "княжество" и подразумевает прежде всего заселенную территорию и политико-административную власть в ней. Интересующий нас историко-географический аспект Елецкой земли позволяет очертить границы ее территории, предложенные нами ранее на основании письменных сведений (Тропин Н.А., 1992, с. 34, 35). Не повторяя изложенного, отметим лишь, что на севере ее рубеж выходил к нижнему течению Красивой Мечи, а на юге – к устью р. Воронеж. На западе граница проходила по среднему течению Быстрой Сосны, примерно в районе Ливен, а восточная граница – по Дону.

Имеющиеся данные позволяют предполагать основной район, откуда происходило дальнейшее заселение нижнего течения Быстрой Сосны. В связи с этим наибольший интерес представляет сопоставление гидронимии нижнего течения Быстрой Сосны по документам второй половины XVI в. с аналогичными названиями бассейна Верхней и Средней Оки. Решению поставленной задачи способствует исследование Г.П. Смолицкой по гидронимам XV–XVII вв. Окского бассейна (Смолицкая Г.П., 1976). В результате сравнительного анализа нами отмечены следующие соответствия: Воронец, Ольшанец, Ольховец, Чернава, Пальна, Талец, Ельца. Очень близки к гидронимам бассейны Быстрой Сосны и такие окские названия как Пожня, Пажинка, Воргуша. Обнаруженные аналогии гидронимов в двух различных, но близких регионах вряд ли следует считать случайным. По всей видимости, за этим стоят тесные исторические связи населения бассейна Оки с территорией нижнего течения Быстрой Сосны.

Неслучайность выявленных аналогий гидронимов можно подчеркнуть еще тем фактом, что появившаяся в Ельце во второй половине XIV в. новая династия князей Елецких генеалогически восходит к верховским князьям (Родословная книга, 1787, с. 185, 186). Об исторических связях с территорией Оки свидетельствует упоминание в источниках второй половины XVI в. Новосильской дороги (Анпилогов Г.Н., 1963, с. 454, 455). Как известно, г. Новосиль находился в бассейне Верхней Оки, и был ближайшим к Ельцу XIV–XV вв. удельным центром одноименного княжества. Комплекс данных позволяет считать Верхнее Поочье наиболее вероятным регионом, откуда могло происходить дальнейшее заселение нижнего течения Быстрой Сосны во второй половине XIII–XIV вв.

Особо следует остановиться на вопросе о времени, когда проходило дальнейшее освоение территории. Письменные источники отражают лишь события конца XIV – начала XV в., констатируя тем самым факт ее заселенности. В решении этого вопроса

более значимую роль играют археологические данные, прежде всего датирующие золотоордынские находки: фрагменты чугунных котлов, красноглиняных неполивных кувшинов, монетные клады.

По мнению ряда исследователей, время появления чугунных изделий на Руси относится к началу XIV в. Предметы из чугуна, известные по раскопкам южнорусских поселений (Беляева С.А., 1982, с. 62–64, 84, 100; Ефимова А.М., 1958, с. 308), встречаются на памятниках Среднего Подонья второй половины XIII–XIV в. (Цыбин М.В., 1987б, с. 42). Этим же временем датируются фрагменты красноглиняных кувшинов (Цыбин М.В., 1987б, с. 45; Левашова В.П., 1960, с. 130). При этом необходимо подчеркнуть, что чугунные изделия и красноглиняные кувшины встречаются, как правило, на памятниках первой половины XIV в., по времени совпадающих с периодом экономического расцвета Золотой Орды (Егоров В.Л., 1985, с. 47).

Находки трех кладов золотоордынских монет (Елецкий уезд, с. Каменка, с. Лавы[1]) в интересующем нас контексте указывают на время их сокрытия в рамках 1360-х гг. – начала XV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 149; 1963, с. 215). Все это показывает, что территория Елецкой земли была заселена ранее, чем впервые упоминается в источниках.

Суммируя изложенное выше, полагаем, что дальнейшее заселение нижнего течения Быстрой Сосны, прерванное монголо-татарским нашествием в середине – второй половине XIII в., происходит на рубеже XIII–XIV вв. Учитывая мнение А.Н. Насонова, что окраинные русские территории в этот период находились на особом положении, в непосредственной зависимости от татар (Насонов А.Н., 1940, с. 78), возможно считать, что дальнейшее заселение происходит не без влияния внешнеполитической доктрины Золотой Орды, направленной на формирование "буферных зон" между русскими территориями и собственно государственной территорией Золотой Орды (Егоров В.Л., 1990, с. 32). Однако отметим, что последний тезис, выдвинутый В.Л. Егоровым, требует своего уточнения, ибо независимо от внешнеполитического фактора Елецкая земля формировалась как русская территория и в первой половине XIV в. представляла собой волость, исторически связанную с верховскими землями. Собственно золотоордынские памятники, которые могли бы свидетельствовать о вхождении этой территории в состав Золотой Орды, археологически не известны. Не убедительным представляется мнение В.Л. Егорова о возникновении г. Ельца в XIV в., в результате градостроительной политики Золотой Орды (Егоров В.Л., 1990, с. 32). Возникновение г. Ельца, по нашему мнению, следует относить ко второй половине XIV в. и связывать с появлением самостоятельного княжения.

В середине – второй половине XIV в. завершается формирование Елецкой земли. Возможно в это время происходит вторая миграционная волна в ее освоении, связанная с появлением елецких князей и образованием самостоятельного удельного княжества (Тропин Н.А., 1992, с. 34–37). По мнению А.Н. Насонова, этот период характеризуется феодальными усобицами, проходящими в Орде, и укреплением позиций московского князя (Насонов А.Н., 1940, с. 128). Вероятно, политическое давление Золотой Орды на Верхний Дон ослабевает. Нельзя не обратить внимание и на то, что в конце XIV в. район Верховских земель и Правобережье Дона находятся в сфере активных политических интересов Великого княжества Литовского и Рязани. В силу названных обстоятельств на формирование Елецкой земли в середине–второй половине XIV в. оказывает влияние процесс дальнейшей феодальной раздробленности русских княжеств и их борьба за окраинные земли в условиях ослабления Золотой Орды. Именно этим фактором можно объяснить появление Елецкого княжества на уже заселенной русскими людьми территории.

В последней четверти XIV в. Елецкая земля, подобно другим русским территориям, подвергается татарским набегам. Однако в отличие от берегов Дона, пришедших в

---

[1] Автор выражает благодарность Г.А. Федорову-Давыдову за определение времени сокрытия Лавского клада.

запустение согласно сведениям "Хождения митрополита Пимена в Царьград", Елецкая земля еще существует. Опираясь на содержание двух сокрытых в период 1368–1380 гг. золотоордынских монетных кладов (Елецкий уезд, с. Каменка) можно предполагать ее разорение около и в 1380 г. К этому времени относится еще несколько кладов с территории Подонья (Федоров-Давыдов Г.А., 1960; 1963). Значение нумизматических находок состоит в том, что летописи не сообщают об этом разорении в бассейне Быстрой Сосны. Очевидно, что Елецкая земля вряд ли имела "особый статус" в отношениях с Ордой во второй половине XIV в.

Значительному опустошению Елецкая земля подверглась Тимуром в 1395 г. (ПСРЛ, 1949, т. 25, с. 222). Однако ее запустение происходит в 1414–1415 гг., согласно сведениям многих летописей (Новгородская первая летопись..., 1950, с. 405; ПСРЛ, 1925, т. IV, ч. 1, стлб. 414; 1949, т. 25, с. 241; 1913, т. XVIII, с. 162; 1965, т. XI, с. 225).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И., 1996. Опыт археолого-географических исследований древнерусских памятников XII–XIV вв. долины Верхнего Дона (район Куликова поля) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.

Анпилогов Г.Н., 1963. Новый документ об отводе земельного жалованья елецким служилым людям (1593–1594 гг.) // Археографический ежегодник за 1962 г. М.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Беляева С.А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. Киев.

Бессуднов А.Н., 1992. Отчет об археологической разведке в исторической части г. Ельца и его окрестностях в 1991 г. // Архив ИА РАН.

Блажевич Н.В., 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.

Гоняный М.И., Зайцев А.К., 1990. Предварительные итоги и задачи изучения древнерусских памятников района Куликова поля // VI Междунар. конгр. славянской археологии. Тез. докл. сов. делегации. М.

Древняя Русь. Город, замок, село, 1985 // Археология СССР. М.

ДДГ: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных, 1909. М.

ДДГ: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI в., 1950. М.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Егоров В.Л., 1990. Золотая Орда: мифы и реальность. М.

Ефимова А.М., 1958. Черная металлургия города Болгара // МИА. № 61.

Зайцев А.К., 1975. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.

Каменецкая Е.В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. V. М.

Коваленко В.П., Шекун А.В., 1984. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. № 4.

Кочин Г.Е., 1965. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.

Левашова В.П., 1960. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Тр. ГИМ. Вып. 37.

Матвеева В.И., 1973. Отчет о полевых работах в Липецкой области в 1972 г. Верхнедонской экспедиции Института археологии АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 4868.

Матвеева В.И., 1974. Отчет об археологических работах Верхнедонской экспедиции в Липецкой области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5088.

Матвеева В.И., 1985. Отчет о работе Верхнедонской экспедиции в Липецкой области в 1984 г. // Архив ИА РАН.

Моргунов Ю.Ю., 1989. К изучению летописного города Римова // СА. № 1.

Моргунов Ю.Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.

Насонов А.Н., 1940. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. М.

Новосельцев А.В., Тропин Н.А., 1994. К реконструкции историко-топонимической карты

округи Ельца второй половины XVI в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.; Курск.
Павлов-Сильванский Н.П., 1988. Феодализм в России. М.
Плетнева С.А., 1992. Древнерусская керамика с городища Саркел – Белая Вежа // Древнерусская керамика. М.
Почвенная карта Елецкого уезда Орловской губернии. Составители М.Г. Румницкий и И.К. Фрейберг по данным исследований 1903–1904 гг.
Почвенная карта Липецкой области, 1987. Киев.
Пряхин А.Д., 1963. Отчет к Открытому листу № 56 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой области // Архив музея археологии ВГУ.
Пряхин А.Д., 1990. Отчет об исследованиях в лесостепном Подонье в 1989 г. // Архив музея археологии ВГУ.
Пряхин А.Д., 1993. Отчет о научно-исследовательской работе "Археологические памятники Центрального Черноземья в системе историко-культурного наследия народов Российской Федерации" за 1992 г. и основные итоги за 1991–1992 гг. // Архив музея археологии ВГУ.
Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1996. Елец и его округа – уникальная историческая территория России // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1992. Древнерусские памятники XII – начала XIII в. // Археологические памятники славяно-русского времени в черте и окрестностях Воронежа. Воронеж.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1996. Ранняя история Ельца и данные археологии // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.
ПСРЛ, 1913. Т. XVIII.
ПСРЛ, 1925. Т. IV. Ч. 1.
ПСРЛ, 1949. Т. 25.
ПСРЛ, 1965. Т. XI.
Родословная книга, 1787. Ч. 11. М.
Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. № 92.
Смолицкая Г.П, 1976. Гидронимия бассейна Оки. М.
Тропин Н.А., 1989. Отчет об археологической разведке в 1988 г. по р. Сосна Елецкого и р. Пальна Елецкого и Становлянского районов Липецкой области // Архив ИА РАН. Р-1. № 12644.
Тропин Н.А., 1990. Отчет об исследованиях Верхнедонского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1989 г. на территории Липецкой области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13502.
Тропин Н.А., 1991. Отчет об исследованиях на территории Липецкой области в 1990 г. // Архив ИА РАН.
Тропин Н.А., 1992. Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам) // История и культура Ельца и Елецкого уезда. Елец.
Тропин Н.А., 1993. Хозяйственные постройки древнерусского поселения у с. Аргамач-Пальна // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград.
Тропин Н.А., 1995. К исторической географии Елецкой земли XIV – начала XV вв. // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М.
Тропин Н.А., 1996а. Отчет о разведках в 1995 г. в бассейне Быстрой Сосны в пределах Елецкого и Становлянского районов Липецкой области // Архив ИА РАН.
Тропин Н.А., 1996б. Древнерусское поселение XIII–XIV вв. у села Аргамач-Пальна // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.
Тропин Н.А., 1996в. Елецкая земля в XII–XV вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж.
Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1963. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М.
Цыбин М.В., 1987а. Юго-восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
Цыбин М.В., 1987б. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем

Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточно-европейской лесостепи. Воронеж.

Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Государственный педагогический институт,
Елец

N.A. TROPIN

RURAL SETTLEMENTS OF THE 12th – early 15th CENTURIES IN THE BYSTRAYA SOSNA LOWER BASIN

Summary

The article is devoted to the data concerning settling in the Bystraya Sosna lower basin, the area being the frontier between the Chernigov and Ryazan principalities. The material originates mainly from the joint project of Voronezh State University and Yelets Pedagogical Institute. Having analyzed in detailes the topographic situation, dimentions and spatial structure of rural settlements, the author outlines the stages and pattern of settling the territory, as well as its borderlines. He comes to a conclusion, that the area between the Lower Vorgola and Palna rivers was the zone of advanced economic development and thus constituted the historical and territorial centre of Yelets land. Favourable natural conditions, such as abundance of woodlands and developed water-system had contributed to its attractiveness. The author supposes the continuity of the population with the earlier Slavic tribes and new migration to the Bystraya Sosna basin, which took place from South Russian lands at the turn of the 11th and 12th centuries. The next migration from the Upper Oka basin is dated to the turn of the 12th – 13th centuries. The Mongol invasion had interrupted the territory's raise, but beginning from the late 13th – early 14th centuries the process was resumed and historical connections with the Upper Oka area restored. The rural settlements' number increased up to fifty. The prime in new development of the territory was marked by formation of the Yelets principality. The author consideres general historical process in Russia to be the basical factor in raise of the territory in question. Unlike some other scholars he denies the Yelets principality to be included into the Golden Horde posessions.

Л.В. АЛЕКСЕЕВ

ДЕТИНЕЦ МСТИСЛАВЛЯ В XIV–XVII ВВ.

Пожар, возникший между 1296 и 1307 гг., уничтожил на мстиславльском детинце многие деревянные строения и, в частности мощную дубовую церковь-донжон (объект XIV-16), построенную полустолетием, как мы говорили, ранее[1]. Летописи об этом не сообщают, однако с чем это могло быть связано, что это была за эпоха?

Рубеж XIII и XIV в. был временем, когда Литва политически преобладала во всей Полоцкой земле, а это открывало ей путь "для набегов на земли псковские, новгородские и смоленские" (Пашуто В.Т., 1959, с. 393). К концу XIII в. Витебск был некоторое время в зависимости от Смоленска, потом там были русские князья, но "по витебским землям *проходили литовские дружины*" (Пашуто В.Т., 1959, с. 392, курсив мой. – *Л.А.*). Власть литовских князей, как это видно из событий через двадцать лет, простиралась до самых северо-восточных земель Смоленщины (в составе литовского посольства в Новгород в 1326 г. фигурирует князь Дорогобужа и Вязьмы Федор Святославич) (см.: Новгородская Первая летопись..., 1950, с. 98) – нам ясно, что литовско-смоленские земли тогда тоже были под эгидой литовских князей, что же говорить о западных смоленских пределах, где был расположен Мстиславль! Приходим к заключению, что следы пожарища в ярусе Д Мстиславля отражали момент, когда литовские князья захватили город между 1296 и 1307 гг. Однако сам Смоленск, можно думать, все-таки оставался за Москвой – во всяком случае, когда в 1345 г. "створишися в Литве замятня велика": узнав о приготовлении Орденом похода в Литву, братья Ольгерд и Кейстут захватили столицу государства Вильну, а "князь великий Евнутий, перевержеся через стену, и бежа въ Смоленскъ..." и далее – в Москву (Новгородская Первая летопись..., 1950, с. 358).

Ярус Г. На пожарище яруса Д на детинце непосредственно залегает ярус Г (1307–1325 гг.), т.е. около 20 лет (Алексеев Л.В., 1993, с. 225, рис. 8). Это было временем, когда литовские князья Витень (1293–1316 гг.) и его преемник брат Гедимин (1315–1341 гг.) стали основателями могущества Литовского государства. Витень совершает ряд походов с русскими против Ордена, Гедимин увеличивает государство, присоединяя ряд русских областей. В его владения входит теперь и бóльшая часть Смоленщины и, несомненно, Мстиславль. В ярусе Г нет следов пожара, видимо, присоединение этого города было мирным.

На остатках пожарища яруса Д немедленно началось новое строительство. План застройки оставался, но жилые дома часто стали отодвигать от улицы 3. С противоположной стороны ее была церковь-донжон – военный объект, возле которого при нападении врага на город, как теперь поняли жители, обитать было небезопасно (вспыхнувший на донжоне пожар мог легко распространиться по бревнам мостовой, особенно в засуху). Как и ранее в ярусе Е (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 9) здесь находилось несколько усадеб. В юго-западной части раскопов была усадьба А (обозначения

---

[1] Настоящая работа продолжает опубликованные ранее три предыдущих (Алексеев Л.В., 1993; 1995 а, б) и посвящена верхним напластованиям тех же раскопов, заложенных нами на памятнике. Там же – обозначения раскопов на детинце, сооружений (римская цифра – раскоп, арабская – номер постройки в раскопе) и находок (римская цифра – раскоп, буква – квадрат, арабская цифра – штык, пласт). Обозначения квадратов внутри каждого раскопа: северная линия квадратов – А–Д и т.д.

© Л.В. Алексеев, 2000 г.

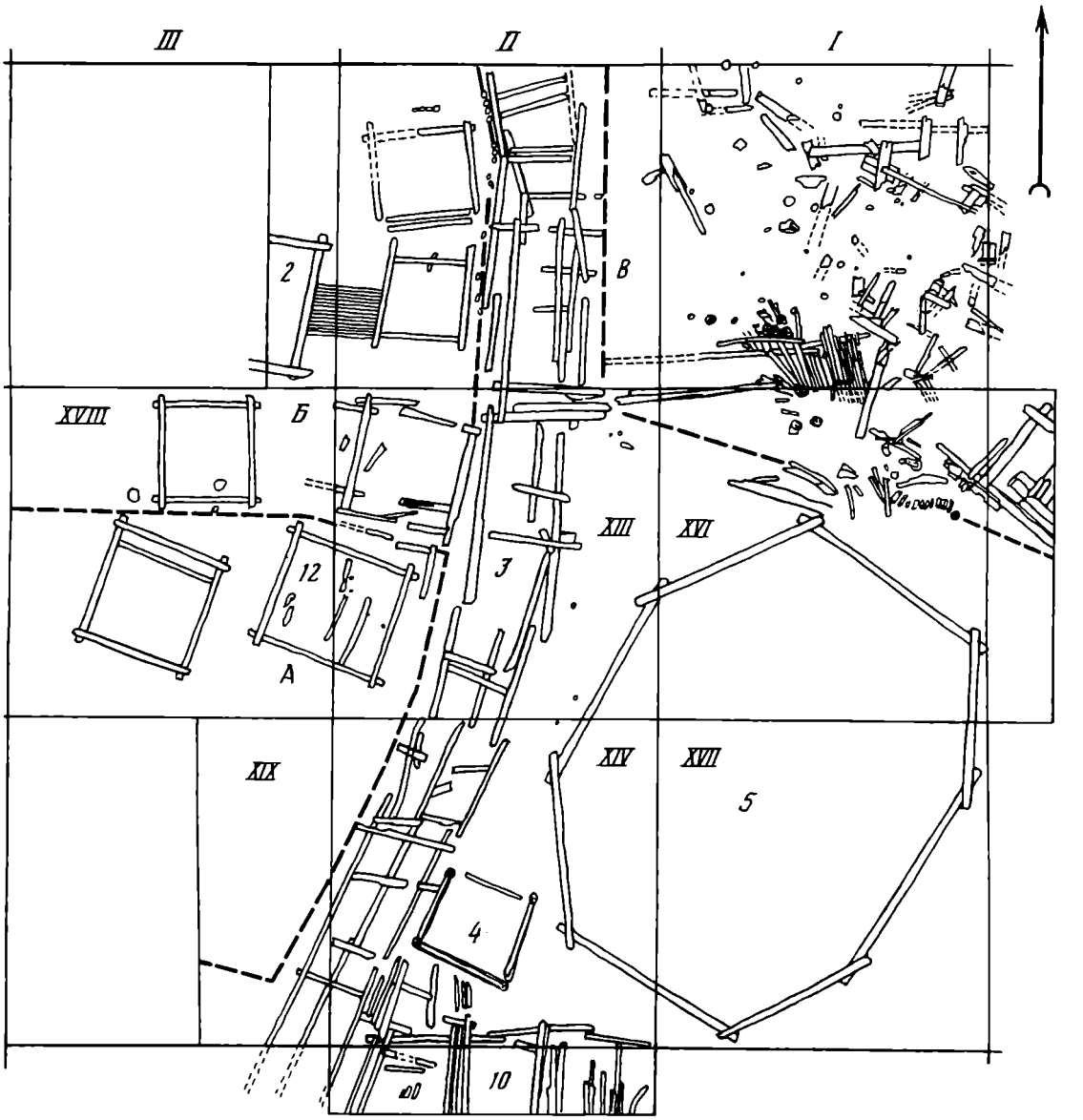


Рис. 1. План яруса В (1325–1345 гг.).
А, Б, В – обозначения усадеб; *2, 12* – остатки дома; *3, 10* – уличные мостовые; *4* – погреб XVI–XVII вв.; *5* – церковь-донжон (римские цифры – обозначения раскопов)

усадеб см. на плане яруса В (рис. 1; план яруса Г см.: Алексеев Л.В., 1993, рис. 8). Начинаясь у улицы 3 (где ее отделял плетень), она тянулась вдоль западной ее стороны и, не доходя до середины раскопа XIII, поворачивала на запад в сторону раскопа XVIII, там она отделялась от соседней усадьбы Б "венчатой оградой" (столбы с пазами для горизонтальных бревен) XVIII.18 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 9), в западной части ограда, повернув к югу, ограждала усадьбу А от усадьбы Б (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 9; подобные ограды см.: Загорульский Э.М., 1982, с. 138, рис. 123). Дом усадьбы А (XIV.17) был вблизи улицы 3, дом усадьбы Б был в некотором отдалении (Алексеев Л.В., 1993, рис. 8, 3) II.2 (рис. 1). Что до границ усадеб А и Б, то они полностью совпадали с более ранними границами этих усадеб, планировка их в этой части детинца не менялась. На восточной стороне улицы 3 и на северной стороне улицы 10, сгоревшая во втором пожаре (ярус Д) церковь-донжон XIV-16, теперь была заменена новой, совершенно иной конструкции XIII-5а (см.: Алексеев Л.В., 1993, с. 225 и сл., рис. 8). В плане это был октоэдр, форма, встречающаяся в XIV в. в камне и, по-

видимому, излюбленная в тех случаях, когда колокола висели не отдельно, а на самом храме, например церковь Иоанна Лиственичника 1329 г. на Соборной площади Московского кремля "иже подъ колоколы" (Панова Т.Д., 1983, рис. 4). Нижняя часть этого сооружения была забита глиной на высоту человеческого роста (уровень действия стенобитных машин) и была разбита частоколом на несколько секций (Алексеев Л.В., 1993). В первые десятилетия XIV в. застройка детинца продолжалась и к северу от XIII-5а – за частоколом XVI-7 начиналось замощение двора в разных направлениях – I-17; I-18; XVI-6 и стоял амбар XVI-9 с двойным (жердевым и дощатым) полом, срубленный в 1316 и 1325 гг. (ремонт?). Там же был и хлев I-20 с жердевым полом из бревен 1316 г. (Алексеев Л.В., 1993, рис. 8, *2*).

Дендродаты яруса Г позволяют относить его к 1307–1325 гг. Этому не противоречат находки: замки типа В (XII–XIV вв.); V.Ш.10; XIII.В.10; XVIII.0.10 (замок типа Г XVIII.Ж.10 – XV–XVII вв. из перекопа). Интересен бронзовый крестик I.Ж.10 (Алексеев Л.В., 1980, с. 175, рис. 25, *3*), датируемый Б.И. и В.Н. Ханенко, а за ними В.К. Гончаровым, XII–XIII вв. (Ханенко Б.И. и В.Н., 1900, табл. XVII, *185*; Гончаров В.К., 1950, с. 113), также – шпора с шипом VI.М.10 (1150–1250 гг., тип Г или Д, см.: Кирпичников А.Н., 1976, табл. XXI.*1*). Очевидно, из пожара яруса Д сюда попали и обломки колоколов (Алексеев Л.В., 1993, с. 229; Шашкина Т.Б., Галибин А.К., 1986, с. 238, 239; Алексеев Л.В., 1995а, с. 155, рис. 17, *1*) (рис. 2, *1*); обломки плиток пола без следов раствора, но с поливой цвета бордо (рис. 2, *2*) и зеленой – I.Х.10; II.III.10 (одна из сохранившихся сторон – 12 см); еще один III.Ш.10 (толщина 27–28 мм). Все эти плитки, видимо, происходили из деревянной церкви, где были положены, как это часто бывало, на глину. Как и кусочки колоколов, они были найдены к северу от церкви-донжона – в той стороне, куда она, как мы говорили, и упала. Перечислим еще индивидуальные находки этого яруса: обломок арабского бокала XVIII.3.10 с голубой эмалью и позолотой; самшитовые гребни прямоугольного типа II.Е.10; V.К.10; V.Д.10; XVIII.У.10; деревянная лопата для разгребания снега V.В.10; обломок веретена V.И.10; части деревянных ложек V.Л.10; XVI.0.10; точеная чаша "Первого вида" XVI.А.10 (Колчин Б.А., 1968, с. 41, 115, табл. XVIII, *3*), диаметр горла и дна – 160 мм; ножницы стальные шарнирные VI.М.10; подкова с шипом для передней части копыта VI.Ч.10.

Ярус В. Исходя из того, что каждый строительный ярус в Мстиславле откладывался в среднем в течение 20 лет, можно с долей уверенности считать, что дата этого яруса, несмотря на то что здесь дерево дендрохронологии не поддается, падает на 1325–1345-е годы. Это было временем конца правления Гедимина (о политике его мы говорили) и вступления на престол его сыновей после его смерти (1341 г.); временем правления в Москве Ивана Калиты (1328–1340), когда "бысть в дни его тишина велика" (Летописи, 1980, с. 46). В это время войн с Литвой не велось, обстановка была спокойной.

Мирное время отразилось и на ярусе В. Планировка и застройка города почти не менялась со времен новой застройки яруса Г. Прежние заборы и ворота усадеб "А" и "Б" сменялись, но на тех же местах, где стояли и ранее. От мостовых улиц № 3 и 10 яруса В дошли в основном лаги, плахи были выбраны при устройстве следующего настила (ярус Б). На восточной стороне улицы № 3 и на северной стороне улицы № 10 продолжала выситься восьмиугольная церковь-донжон, полностью сохранившаяся.

Мирное время вокруг Мстиславля сказалось и на составе находок яруса В, где найдена единственная "военная" находка – стрела VI.Щ.9 (тип 61, вид 3 классификации А.Ф. Медведева, который он датировал XIV в., см.: Медведев А.Ф., 1966, рис. 46, *13*), остальные находки – бытовые: замки и ключи типа В (середина XII–XIV в.) – II.С.9; VI.Е.9; и тип $В_Г$ (конец XII– начало XV в.) – I.А.9; II.Т.9; горшковый изразец VIII.В.9 (подобный найден в Лидском замке, где он датируется XIV в. (Трусов О.А., 1988, с. 133, рис. 75, левый); бронзовый крестик с закругленными концами и парными выступами XIII.В.9 (его аналогии датируются XII–XIII вв. и произведены в

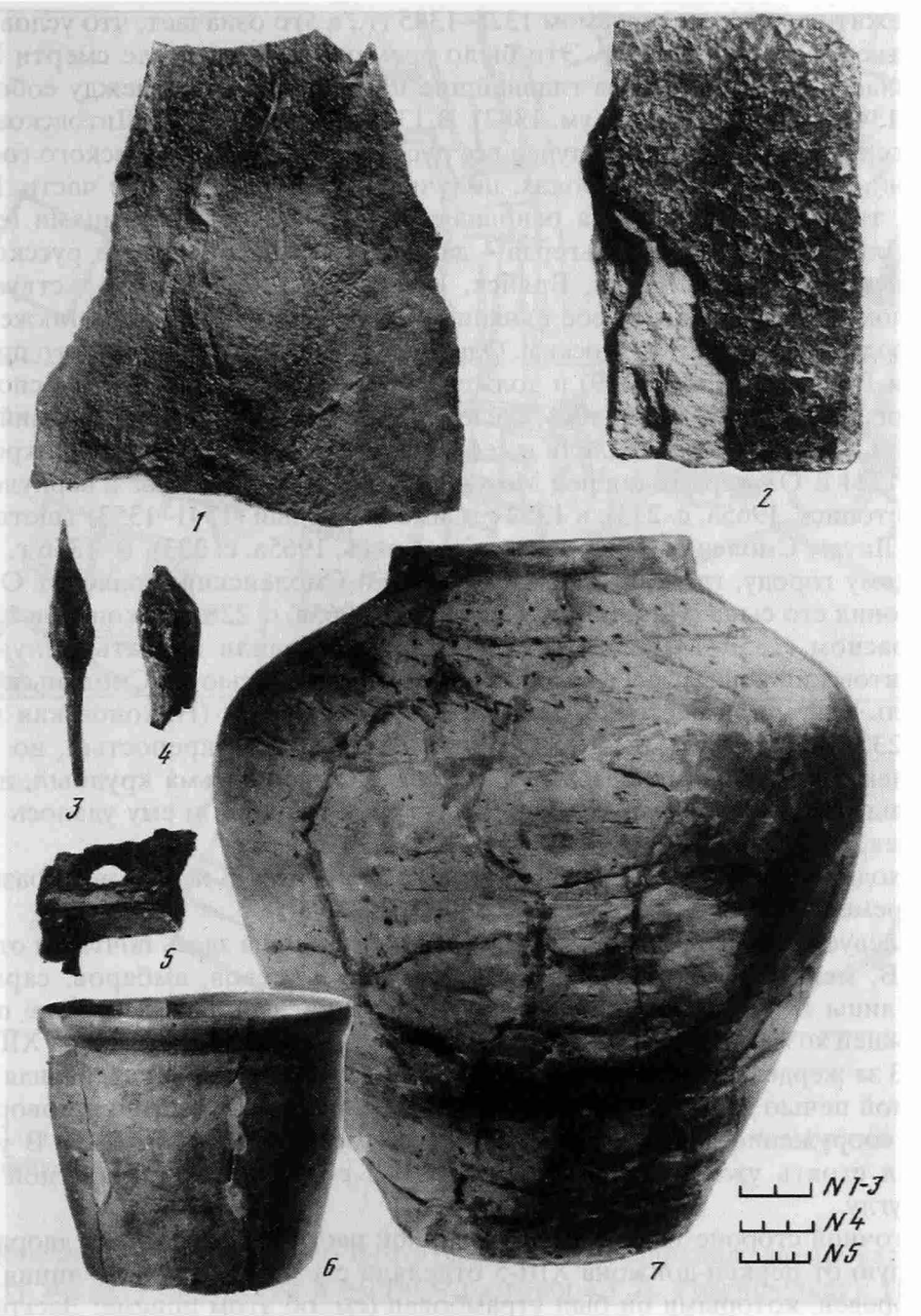


Рис. 2. Предметы из раскопок мстиславльского детинца.
1 – бронзовый колокол из раскопа I (пожар яр. Д); *2* – поливная плитка пола со следами пожара; *3, 4* – наконечники арбалетных стрел; *5* – замок типа Е; *6* – горшковый изразец; *7* – красноглиняная корчага

Киеве, см.: Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981, рис. 2, 11); топорик с орнаментом из костной ткани рога лося XVI.Г.9 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 8, *2*); фрагмент фаянсовой чаши с люстровой поливой XVII.Г.8, происходящей из центров Ирана (в слоях Новгорода – XI–XII вв. (Медведев А.Ф., 1963, с. 217).

Ярус Б. Ярус этот представляет особенно большой интерес (рис. 3), так как пожар, отложившийся на этом уровне на детинце удается, как будет показано ниже, датировать с точностью до одного года. Состояние древесных остатков здесь таково, что, как в предыдущем ярусе, дендрохронология неприменима. Однако ярус Б непосред-

ственно лежит на ярусе, датируемом 1325–1345 гг., а это означает, что условно ярус Б следует отнести к 1345–1365 гг. Это было временем, когда после смерти Гедимина (1341) к власти пришли его два главнейшие и очень дружные между собой сына – Ольгерд (1341–1377) и Кейстут (ум. 1382). В 1345 г. они поделили Литовское государство: Ольгерд, живя в Вильне, получал все русское население Литовского государства (белорусов), Кейстут, живя в Троках, получил всю литовскую его часть. На плечи Кейстута, таким образом, легла основная тяжесть борьбы с немцами (ему лишь помогал Ольгерд), на плечи Ольгерда – дальнейшее присоединение русских земель (Черниговско-Северские земли, Брянск, Киев, Волынь). Не довольствуясь этим, Ольгерд покушался укрепить свое влияние в Новгороде и Пскове, а также в Твери, которую поддерживал против Москвы. Однако здесь он встретил сильного противника – Дмитрия Донского (1359–1389) и должен был отступить. Как видим, спокойствие предыдущих десятилетий кончилось, следовало ожидать и военных действий в районе Мстиславля. События не замедлили о себе заявить. Еще на праздник Покрова Богородицы в 1341 г. Ольгерд ходил под Можайск, но взять его не смог и вернулся (Никоновская летопись, 1965а, с. 213), в 1352 г. Симеон Гордый (1341–1353) тщетно пытался взять у Литвы Смоленск (Никоновская летопись, 1965а, с. 223). В 1356 г. к этому уже русскому городу, где княжил князь Василий Смоленский, подходит Ольгерд и, воюя, полонил его сына (Никоновская летопись, 1965а, с. 228). Наконец, в 1359 г. при Иване Красном (1353–1359) за то, что смолняне ходили воевать Белую, "князь великий литовский Ольгердъ Гедиминовичь приходилъ ратью къ Смоленьску. и градъ Мстиславль взялъ и наместники своя въ нем посадилъ..." (Никоновская летопись, 1965а, с. 231). Мстиславль был достаточно неприступной крепостью, но в данном случае, очевидно, целью похода был Смоленск – город весьма крупный, литовское войско Ольгерда было, следовательно, достаточно мощным и ему удалось покорить мстиславцев.

Не приходится сомневаться, что культурный слой яруса Б не мог не отразить этого бурного времени и, прежде всего, захвата Мстиславля.

Как и следует ожидать, планировка и застройка детинца здесь почти не отличалась от яруса В, менялись иногда значения построек – хлевов, амбаров, сараев, но и только. Улицы № 3 и 10 почти везде сохраняли свои три лаги и кое-где плахи. На месте прежней хозяйственной постройки в северо-западной части раскопа XIII, у самой улицы № 3 за жердевым частоколом появилась постройка XIII-7, квадратная в плане с глинобитной печью в юго-западном ее углу. От улицы № 3 частокол поворачивал к западу за сооружение XIII-7 и разделял здесь усадьбы А и Б (рис. 3). В усадьбе Б продолжал стоять уже знакомый нам дом II-2 с большой глинобитной печью в северном углу.

На восточной стороне улицы 3, в ее северной части видны остатки двора-усадьбы "В", которую от церкви-донжона XIII-5 отделяли следы частокола – линия горизонтальных бревен, которыми он был утрамбован (см. об этом приеме: Засурцев П.И., 1967, с. 62). В этой усадьбе были расчищены остатки двух хозяйственных построек I-Д и XVI-1, между которыми проложена мостовая.

Большая часть северных раскопов на этом уровне была заполнена остатками большого пожара. Куски обгорелых бревен лежали между лагами улицы 3, три постройки в усадьбах "А" и "Б" погибли от пожара. Церковь-донжон XIII-5а также горела – обнаружены куски обгорелых бревен. Однако это сооружение немедленно было восстановлено абсолютно в прежнем виде – это было сооружение XIII-5б.

В этом третьем пожарище было обнаружено большое количество разнообразных вещей, указывающих, что бедствие было немалым. Начнем с оружия. В развале глины и земли с восточной стороны донжона XIII-5а был найден уникальный железный наконечник большой рогатины (XVII.Д.8), сохранившийся полностью, но с погнутым под прямым углом на трети расстояния от острия до древка (рис. 4, *5* – после реставрации), втулка древка восьмиугольная, ширина отверстия около 24 мм. Датировка этой замечательной находки оказалась не столь простой. А.Н. Кирпич-

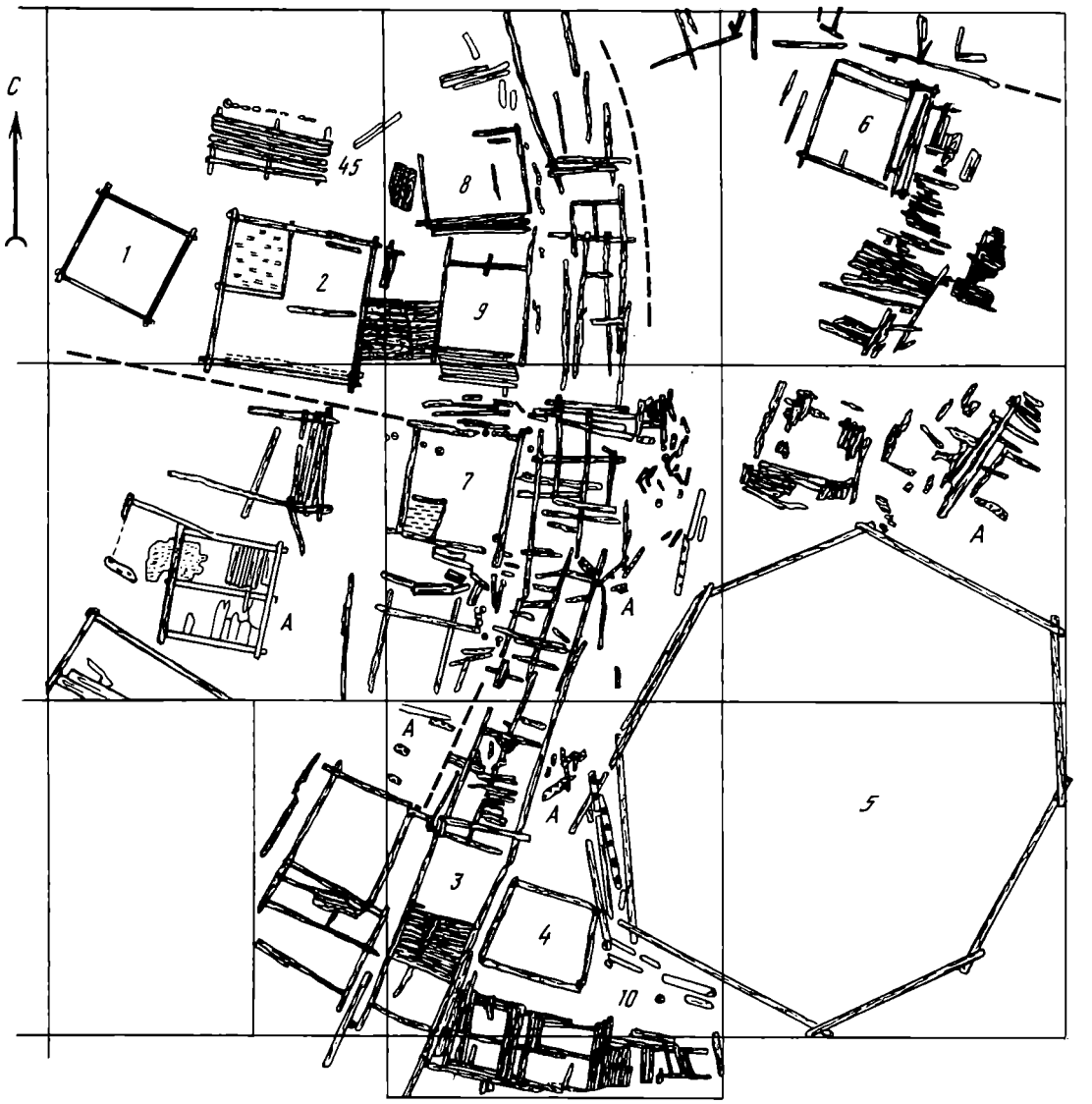


Рис. 3. План яруса Б. *А* – следы пожара 1359 г.; *3, 10* – мостовые улицы № 3 и 10 (прочее – номера сооружений)

ников, любезно изучавший ее по фотографии до реставрации, датировал рогатину XIV в. (эту же дату определил в частном разговоре Р.Л. Розенфельдт). После расчистки А.Н. Кирпичников усомнился в первоначальной дате, считая, что для XIV в. у рогатины слишком "широкие плечики и относительно неширокая втулка" и предложил отнести рогатину к XII–XIII вв. (письмо А.Н. Кирпичникова от 3 января 1988 г.). Все-таки, судя по стратиграфии, предмет следует отнести именно к XIV в. Прямых аналогий ему мне не встретилось, хотя отдаленные можно указать: таковы рогатины из собрания Л.К. Ивановского (1896, табл. XVIII, *24*, *29*), из Гонголова (Ивановский Л.К., 1896, табл. XVIII, *25*); из раскопок Н.И. Булычова (Булычов Н.И., 1899, табл. VI, *9*). Из стрел этого уровня укажем веслообразный наконечник железной стрелы XVII.П.8, по А.Ф. Медведеву, XIII–XIV вв. (Алексеев Л.В., 1995б, с. 68, рис. 5, *5*; Медведев А.Ф., 1966, табл. 24, *8*; 26, *24–26*, *30*; наконечник арбалетной стрелы V.Т.8 (Алексеев Л.В., 1995б, с. 58, рис. 5, *14*) – XIV–XV вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 31, *20*), нижняя часть древка стрелы I.Б.8 (рис. 5, *9*), часть бронзового котла V.Ж.8 с приклепанными бронзовыми ручками (Алексеев Л.В., 1995б, с. 70, рис. 6, *17*). Другие находки: прямоугольный тип самшитового гребня VI.А.8 (вторая четверть

Рис. 4. Находки из мстиславльского детинца. Слой пожара 1359 г.
1, 2 – глиняные горшки с ручками; *3* – глиняная миска; *4* – глиняная чашечка с ручкой; *5* – рогатина стальная с шестигранной втулкой; *6* – серебряный перстень; *7* – глиняная плошка; *8, 10, 11, 12* – глиняные горшки; *9* – глиняное грузило

XIV – первая половина XV в., см.: Колчин Б.А., 1982, с. 166), семь бронзовых крестовключенных подвесок V.Ж.8 (Алексеев Л.В., 1976, с. 46, рис. 2, *12–16* – XII–XIII вв.; Успенская А.В., 1967, с. 127), все отлиты в четырех различных формах. Аналогии им часты в курганах и редки в городских древностях. В Белоруссии они известны в слоях XII в. в Минске (Загорульский Э.М., 1982, с. 224, табл. XVII, *14*, *15*). В Мстиславле, видимо, их бережно хранили и в XIV в. потребовались грозные события

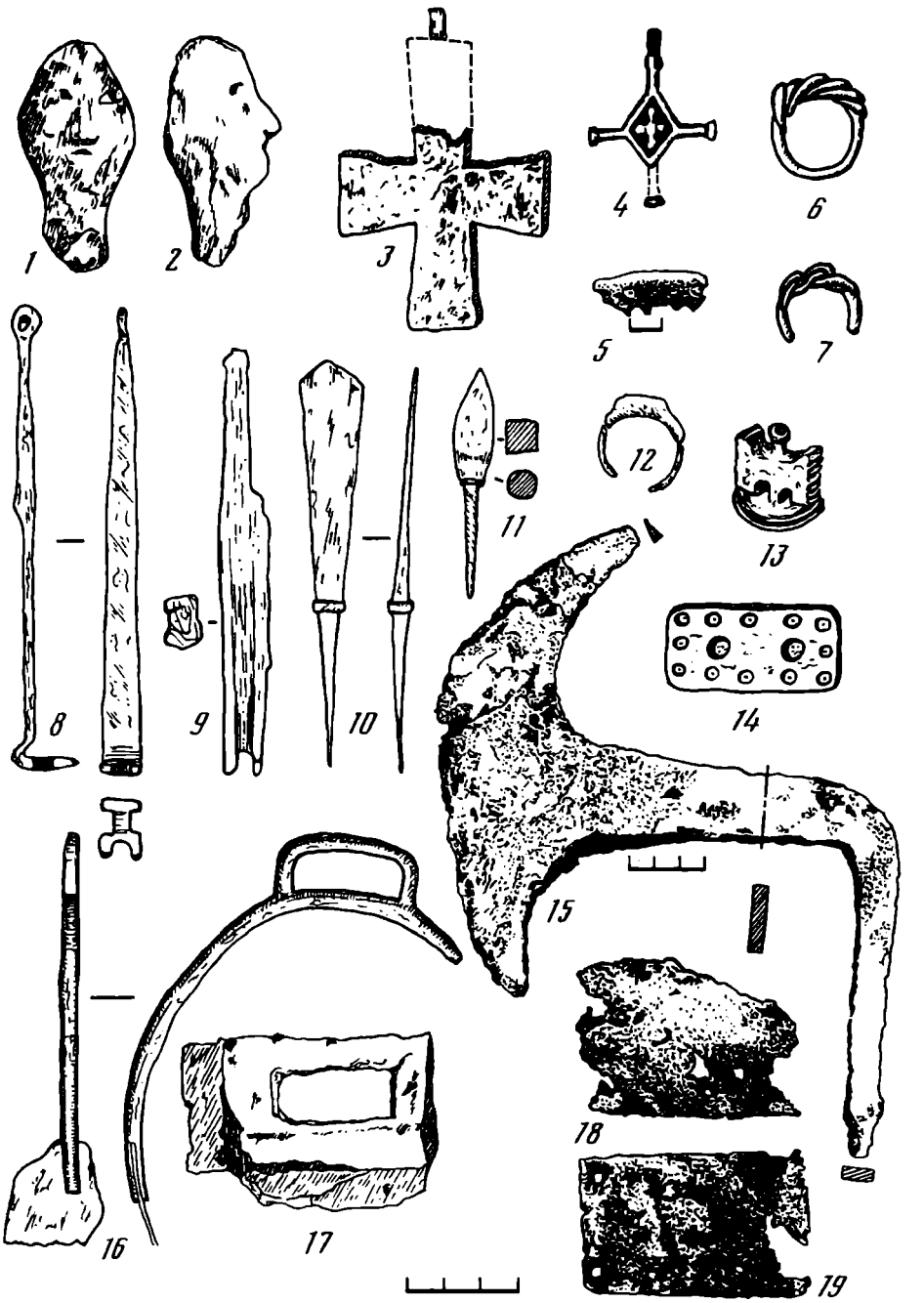


Рис. 5. Находки из различных слоев мстиславльского детинца.

1, 2 – глиняная голова человечка (кукла); *3* – бронзовый крест; *4* – крестообразная бронзовая подвеска; *5* – костяная накладка с циркульным орнаментом; *6, 7* – бронзовые перстни; *8* – слой пожара 1359 г. железный ключ типа B_1; *9* – часть древка стрелы (?) (уровень пожара 1359 г.); *10, 11* – наконечники стрел (железной и костяной); *12* – бронзовый перстень; *13* – костяная шахматная фигура (ладья) из огородного слоя; *14* – костяная пластинка с циркульным орнаментом; *15* – железный бердыж; *16* – стремя железное; *17* – замок типа Е; *18, 19* – пластины стального панциря

разгрома города, чтобы они попали в землю. Назовем еще серебряные перстни XVI.Б.8 и XIV.И.8 (рис. 4, *6*; 5, *6*, *7*). Из замков отметим замок XIV.М.8, принадлежащий к типу Е, только что появившегося на Руси (Колчин Б.А., 1982, с. 162), ключ от замка типа B_2 (рис. 5, 8), XII–XV вв. (Колчин Б.А., 1982, с. 162, рис. 3). К XII–XIII вв. отнесла Г.П. Смирнова (личное сообщение) маленький горшочек с ушками (рис. 4, *2*) III.Ц.8 – тип, происходящий по ее наблюдениям, из южной Руси, аналогич-

ный найденному нами в Друцке (II.–.7–8; Алексеев Л.В., 1966, с. 160, рис. 36, *4*). В Белоруссии подобные находки не часты, укажем на находку из Копыси (Штыхов Г.В., 1978, с. 100, рис. 47, *13*, *14*), из городища Черкасово под Оршей (Левко О.Н., 1992, табл. 7 в приложении, рис. 4 – таблицы не нумерованы). Удалось склеить несколько разбитых при гибели города в это время сосудов, отнесенных Г.П. Смирновой к XIV в.: II.K.8 (рис. 4, *10*; V.3.8 (рис. 4, *3*, *12*); V.III.8 (рис. 4, *4*); VII.–8 (рис. 4, *11*); XIII.X.8 (рис. 4, *8*). Укажем глиняное грузило I.Ж.8 (рис. 4, *9*), упомянем еще буро-зеленую писанку-уточку с "петлеобразной желтой по черному фону росписью с металлическим блеском" II.Ф.8 (Макарова Т.И., 1967, табл. XIV, 18), яйцо-писанку (Макарова Т.И., 1967, табл. XIV, *12*). Как известно, писанки исчезли в Новгороде в XIII в. (Макарова Т.И., 1967, с. 44), в Мстиславле как и подвески, они носились дольше и утратили их в пожаре середины XIV в. По свидетельству Т.И. Макаровой, оба предмета принадлежали изделиям русского производства, причем круга южной Руси (Макарова Т.И., 1967, с. 44). Интересен сильно обгоревший лемех деревянной крыши XVIII.0.8 (Алексеев Л.В., 1995б, с. 72, рис. 8, *8*). Стенка небольшого тигелька II.C.8 указывает, что в это время существовало, очевидно, домашнее литейное производство. Кожаная обувь (которой вообще в Мстиславле много) здесь найдена в большом количестве во фрагментах и целиком, например, мягкие туфли с расшитой передней частью I.П.8; I.Ч.8), кусочки ажурного поршня с сохранившимся целиком ремешком XIX.Ш.8 и т.д. Глиняное сопло кузнечного горна указывает, что здесь на горе была и своя кузница (I.Л.8).

Итак, в ярусе Б между 1345 и 1365 гг. случился большой пожар, уничтоживший многие постройки в городе и церковь-донжон (XIII–5а). В пожарище попало множество предметов, в частности погнувшаяся стальная рогатина, брошенная под восточной стеной этого сооружения и погребенная под его развалом. Все это указывает на какой-то военный эпизод, когда неприятель не только ворвался в крепость, в горящий город, но и подобрался к самому донжону и его уничтожил. Когда это могло быть? Это, конечно, пожар 1359 г. при захвате города Ольгердом, о котором мы говорили. Текст летописи исключительно скуп, археологические раскопки значительно расширяют наше представление об этом бедствии. Кроме брошенной рогатины особенно интересна находка котла, заставляющего вспомнить взятие Тахтамышем Москвы в 1382 г.: "гражане воду в котлах варяшу и кипятьнею льяхуть (на осаждавших)" (Московский летописец..., 1949, с. 208). Находки в Новгороде свидетельствуют, что подобные котлы более всего были распространены в XIII–XIV вв. Их использовали для варки пищи (Колчин Б.А.,1959, с. 104, 105). Летописец удивлялся, что Святослав Игоревич не брал в походы котлов и его воины жарили мясо на угольях костров (Повесть..., 1950, с. 46). По новгородским берестяным грамотам (№ 500, как раз середины XIV в.!) известен малый котел – "котлец" (Арциховский А.В., Янин В.Л., 1978, с. 93). Слово "котьль" встречается в Изборнике 1076 г. (Изборник..., 1965, с. 917). Судя по летописи, мастер, делавший котлы (вероятно, такой был и в Мстиславле), именовался "котельникъ" (Новгородская Первая летопись..., 1950, с. 204). В раскопе II на этом уровне в семи местах обнаружено обгорелое зерно (более всего в кв. Н и Ж). В раскопах I и II найдено несколько кусочков плоского оконного стекла I.А.8; I.?.8; II.III.8, в раскопе III (где было жилище) эти куски оплавлены (кв. Б и Ф).

Ярус А состоял из очень плохого перегнившего дерева, расчленять которое было очень трудно. Можно констатировать, что после пожара 1359 г. западная улица 3 была застроена еще теснее, чем ранее, да и планировка стала несколько иной, правда, границы усадеб по-прежнему соблюдались. Дом усадьбы А стоял теперь снова на улице 3 и представлял редкий в Мстиславле дом-пятистенок, глинобитная печь которого помещалась во второй, несколько большей, камере в углу и занимала почти $^1/_4$ помещения. С трудом удалось расчистить и слабые следы деревянного пола (рис. 6). Трудно представить, на сколько венцов дом был покрыт культурным слоем (т.е. как

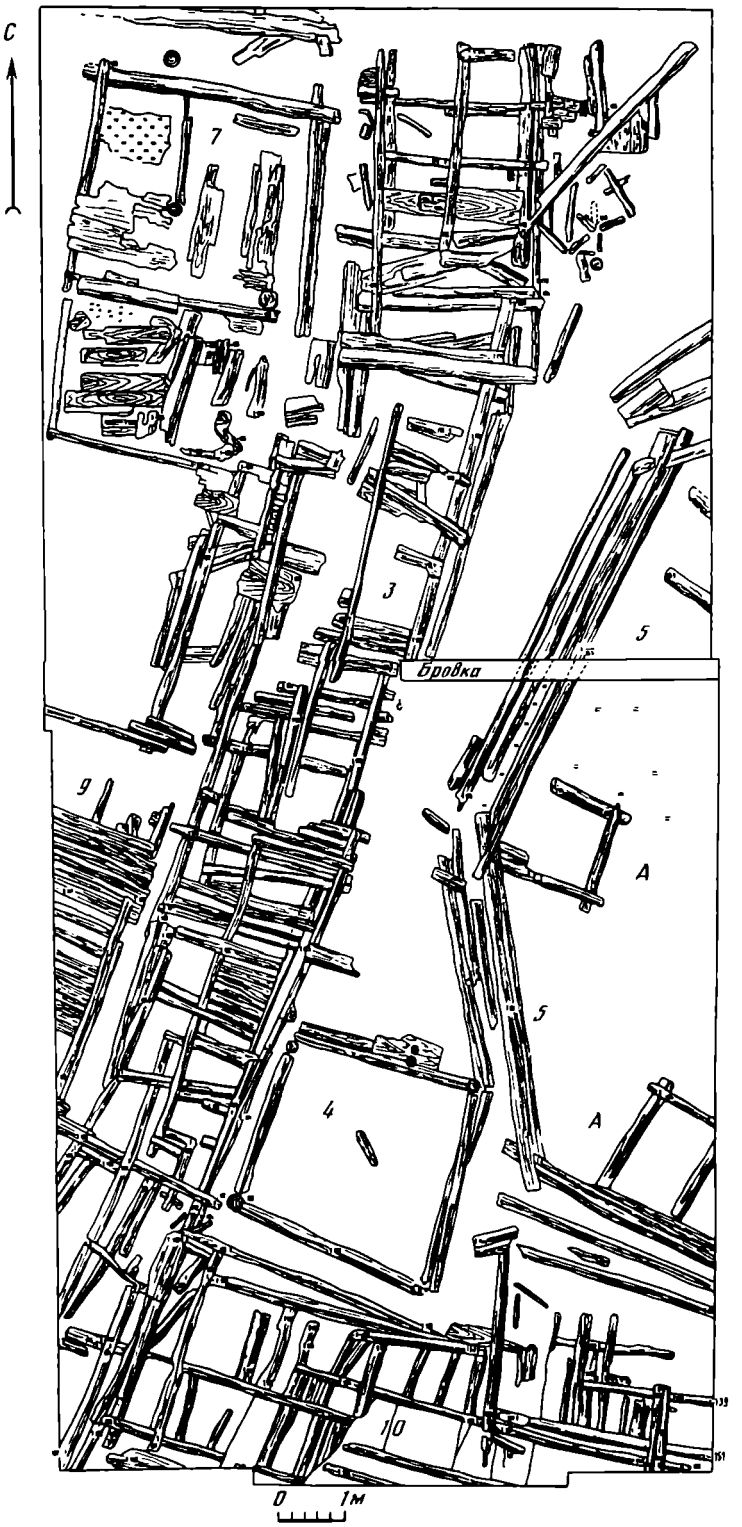


Рис. 6. План яруса А на раскопах XIII (северная часть чертежа) и XIV (южная его часть) (приблизительно 1360-е–1370-е годы) *3* и *10* – деревянные мостовые улиц 3 и 10; *4* – погреб XVI–XVII вв.; *5* – восьмиугольная церковь-донжон; *7* – дом – пятистенок; *9* – замощение хлева; *А* – следы церкви-донжона (более раннего)

долго он простоял), все его бревна сгнили и полностью сплющились. По некоторым данным можно думать, что, как и обычно, дом "зарос" культурным слоем на два венца. Дом XIV-17, сохранившийся, мы помним, на пять венцов были исключением (см.: Алексеев Л.В., 1995б, с. 145, рис. 13 и др.). Западнее слабо виднелись плохо выраженные остатки хозяйственных строений. Усадьба "Б" содержала остатки тоже очень плохого дерева. Можно понять, что ее планировка после пожара, в отличие от предыдущей усадьбы, сохранялась прежней. В центре высился возобновленный дом III-2 с большой печью в северном углу, которая занимала $^{2}/_{4}$ постройки. Дом был небольшой и квадратный в плане, западнее высились хозяйственные строения. В северной части этой усадьбы был, по-видимому, амбар с дощатым полом (III-30). Восточнее и севернее дома III-2 в усадьбе Б были еще хозяйственные постройки П-1 (хлев?). Въезд в усадьбу не прослеживался, от улицы 3 она отделялась частоколом и въезжали в нее, вероятно, в северной части раскопа II, но настаивать на этом нельзя.

С восточной стороны улицы 3 высилась обновленная после пожара 1359 г. церковь-донжон XIII-5б (рис. 6), а севернее, где ранее была усадьба "В", расчищен хлев I-1. Остальные постройки не сохранились.

Находок в ярусе А немного. Укажем бронзовый нательный крестик с ромбическим перекрестьем III.Б.7 (Алексеев Л.В., 1976, с. 47, рис. 2, *4*). Похожий был в коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (Ханенко Б.И. и В.Н., 1899, табл. 1, *32*), но перекрестье там квадратное, как и у крестика из Дрогочина (Авенариус Н.П., 1890, табл. II, *13*), так же как и у крестика, который отливался в литейной форме из Серенска, найденной в слое татарского нашествия, но сделана, по-видимому, во второй четверти XIII в. (Никольская Т.Н., 1981, табл. 49, *12*). На этом же уровне найден "ленточный" бронзовый браслет VI.Ж.7 обычный в северных курганах и известный на землях вятичей и кривичей в единичных случаях (Левашова В.П.,1967, с. 235). По В.П. Левашовой подобные браслеты относятся к XI–XIII вв., но в Новгороде они есть и в XIV в. (Левашова В.П., 1967, с. 235). Дата железного кресала II.Н.7 в форме "укороченного овала с внутренним выемом" относится Б.А. Колчиным ко времени XIII в. и более всего распространены в XIV–XV вв. (Колчин Б.А., 1982, с. 163, рис. 4), но главным образом, к XIV в. Отметим замки: два типа В (м.б. $В_1$) – V.3.7 и VIII.?.7 (вторая половина XII – начало XV в.) и тип Г – VI.Н.7 (конец XIII – середина XV в.). На этой глубине была найдена костяная пластина от колчана с художественным орнаментом VI.Б.7 (Алексеев Л.В., 1962, с. 198, рис. 1, *1*). Прямые аналогии неизвестны, близкие встречаются, например, в так называемой "чайхане" XIV в. у с. Наровчат в золотоордынском городе Мохше (Алихова А.Е., 1976, рис. 10, *1*). На этом же уровне найден второй горшочек с двумя ушками VI.И.7 того типа, который попадал сюда, как мы говорили, из южной Руси по Днепру (рис. 4, *1*). К этому же времени относится крестик с ромбическим средокрестьем XVI.Л.7 (рис. 5, *4*), датирующийся в Новгороде рубежом XIII–XIV вв. (Седова М.В., 1981, с. 54, рис. 16, *15*). Из этого слоя происходят два топора, один из которых, XIII.Е.7, по Б.А. Колчину "с симметричным лезвием в Новгороде датируется около середины XIII – начала XV в., а другой является как бы переходным к первому утяжеленному типу (с 1360-х годов, см.: Колчин Б.А., 1982, с. 163, рис. 4). Из бытовых предметов укажем железную дужку деревянного ведра диаметром 25 см. III.М.7. Наибольший процент бондарной посуды в Новгороде падает на XIV–XV вв. В Мстиславле на этом уровне найдены в остатки деревянного ведра XVII.$К_1$7 высотой 21 см при диаметре днища 25 см (сохранилось восемь клепок без ушков для ручки) (Колчин Б.А., 1968, с. 25, 27, рис. 7, табл. 11, *12*). Интересен большой крючок на крупную рыбу XIII.–.7 – очевидно, горожане рыболовством занимались и на Соже (р. Сож – в 10 км от города).

Не приходится сомневаться, что ярус А отложился в 1360–1370-х годах. Здесь дерево сохранилось весьма плохо, но ярус выделить еще возможно. Выше этого сделать нельзя, а на пятом штыке деревянные остатки вообще не вычленяются.

Надъярусные отложения детинца лежат непосредственно на ярусе А и имеют

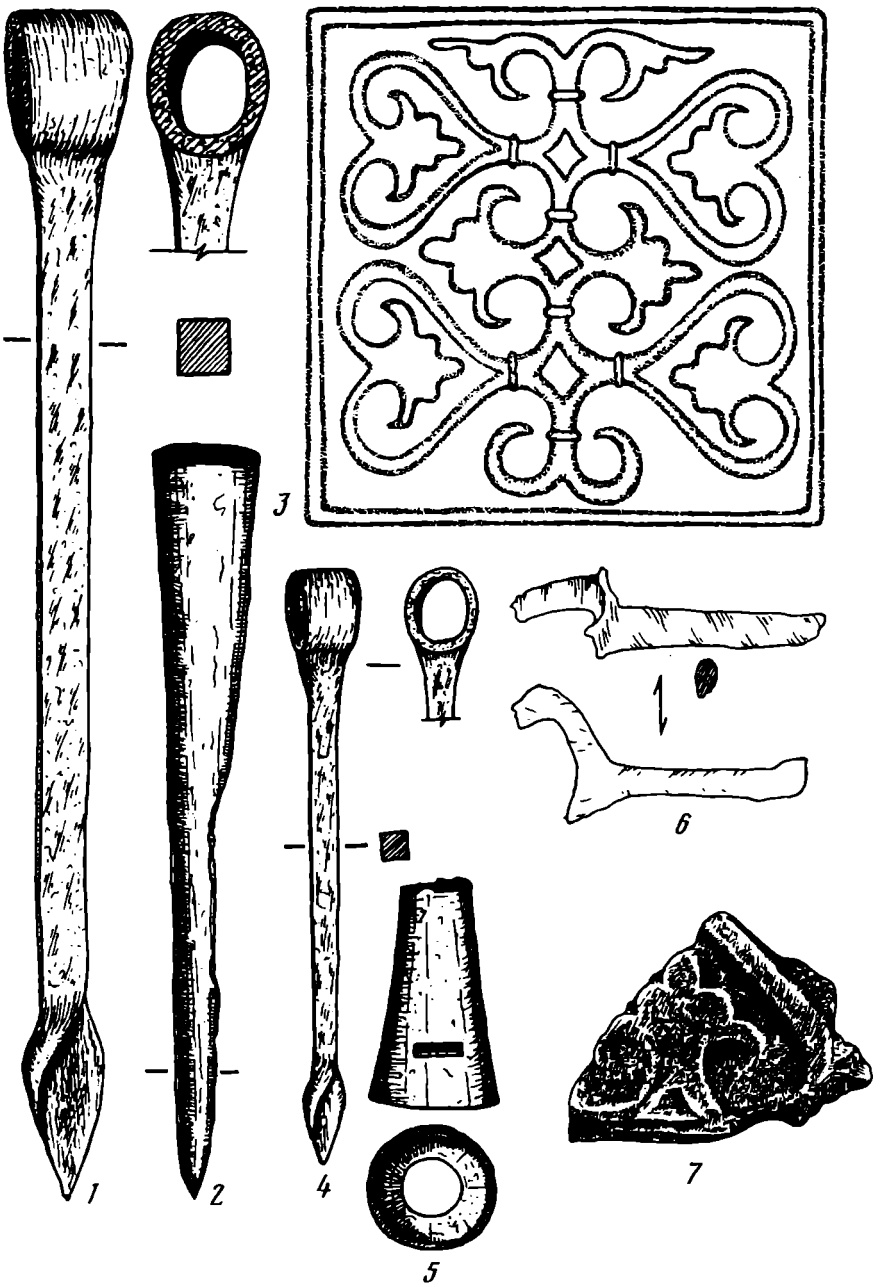


Рис. 7. Находки из поздних слоев детинца Мстиславля.
1, 4 – бурав стальной; *2* – вток копья железный; *3* – желтоглиняный изразец без поливы из шурфа в центре детинца; *5* – втулка стального копья-рогатины; *6* – бронзовая шпора с колесиком; *7* – изразец красноглиняный с зеленой поливой из подогородного слоя

общую мощность 80 см, что соответствует трем-шести штыкам. Как же здесь быть? Из наблюдений над самыми верхними культурными отложениями можно понять, что интенсивная жизнь на памятнике замерла в первой половине – середине XVII в., очевидно, после захвата и уничтожения крепости и ее населения войсками А.Н. Трубецкого в 1654 г. Неоднократные попытки восстановить крепость позднее не привела к интенсивной жизни в ее пределах. Зеленые поливные изразцы, обломки которых часто попадаются в верхних напластованиях у валов[2], относятся только к

[2] Встречаются и неполивные изразцы тех же форм. Один неполивной изразец оригинального рисунка найден в шурфе в центре детинца (рис. 7).

первой половине этого столетия. В черте города вне крепости изразцы обычно иного вида и датируются второй половиной XVII в. (Трусов О.А., 1988). Но четкого слоя XVII в., ни второй половины XVI в. на детинце нет. Все сметено огородниками.

Итак, наши 80 см, очевидно, отражают одно – полтора столетия: XV в. и в первую половину XVI в. Что мы знаем об этой эпохе по письменным документам и, в частности, о Мстиславле? Еще во второй половине XIV в., положив предел домогательствам Ордена (который окончательно был разбит в 1410 г.), Ольгерд и Кейстут вместе с другими Гедиминовичами собрали под свою власть всю Южную и Западную Русь, освободили ее от владычества татар, создали мощное литовско-русское государство – Великое княжество Литовское. Это тем легче было сделать, что Русь была ослаблена татарским владычеством. Однако основным элементом здесь была русская, а не польская культура, сын Кейстута Витовт первоначально был, как и многие другие местные князья, православным, вся деловая переписка шла здесь на русском языке. По смерти Ольгерда (1377) великим князем стал Ягайло Ольгердович (вскоре приказавший удавить своего дядю – Кейстута, 1382), Мстиславль в 1377 г. получил Лугвений Симеон Ольгердович. В 1386 г. благодаря женитьбе Ягайлы на польской королеве Ядвиге состоялось объединение Литвы и Польши. На торжества в Краков съехались все польские и литовские князья. Узнав о ситуации, Смоленский князь Святослав Иванович внезапно осадил Мстиславль. На помощь осажденным с пира ринулись все Ольгердовичи: Скиргайло, Корибут, Лугвений, а с ними и Витовт Кейстутович. "И съступишася подъ градомъ подъ Мстиславлемъ на полѣ на рѣкѣ на Вехрѣ, а людье, гражане, стояху на заборолехъ и з города зряху. И бысть их брань велия и падоша мертвии мнози на рѣцѣ на Вехрѣ. И посемь князи Ольгердовичи одолеша (...). И ту убиенъ бысть на Суимѣ князь великий Святославъ" (Никоновская летопись..., 1965б, с. 92). Лугвений вернул себе город, но врагом Руси он все-таки не стал: он был женат на дочери Дмитрия Донского, был православным, однако в 1389 г. он дал королю Ягайле присягу в верности[3]. Став великим литовским князем – пожизненным ленником короля (1392), Витовт Кейстутович (1350–1430) распространил владения "от моря и до моря", присоединил Смоленск (1395), и граница Литвы и Руси теперь проходила по р. Угре. По указу короля во всех землях началась усиленная католицизация населения. По смерти Витовта Ягайло превратил всех Ольгердовичей в простых наместников. Еще в 1413 г. все должности занимались лишь католиками (что вызывало возмущение народа, особенно в землях, близких к Руси, где был и Мстиславль).

Раскопки подтверждают, что время ныне было неспокойным: в город залетало много стрел. В слое, лежащем непосредственно на ярусе А (т.е. 1380-е гг.) найдены наконечники: Х.Щ.6 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 5, *3*) – тип близкий № 43 А.Ф. Медведева, IX – сер. XIII вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 30б, *39*). I.III.6 – тип 52, VIII–XIII вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 30, *48*); XVIII.Г.6 – монгольский срезень (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 5, *4*, *10*), тип 67, XIII–XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 28, *3*); два наконечника, найденные в одном месте – бронебойные III.3.6 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 6, *3*), тип 87, XIV в. (Медведев А.Ф., 1966, рис. 28, *6*); II.П.6 – арбалетный (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 5, *11*) – тип 14, XIII–XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с. 95); костяной наконечник стрелы XVI.V.6 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 5, 9). Исключительно уникальны шесть резных пластин колчана из кости, найденных на этом же уровне (квадрат VI.Ж) (см.: Алексеев Л.В., 1962, рис. 1, 2)[4]. Любопытна костяная пластина с циркульным орнаментом II.3.6 (рис. 5, *5*). Бытовые находки: глиняный ковш в виде птицы (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 8, *3*); оригинальное горло кувшина с особым малым отверстием внутри горла (Алексеев Л.В., 1976, рис. 3, *5*, *6*).

---

[3] ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, фонд 293, № 1, лист. I.

[4] Две пластины этого набора попали в более ранние слои, но в пределах того же квадрата: VI.Ж.7 и VI.Ж.9.

Важной находкой является монета с отчетливо видимой буквой *W* в части круга – монета Владислава Оппельна (1379–1396) I.Щ.6 (Gumowski M., 1960, S. 101, Tabl. XVI, *399*, *402*). Не приходится сомневаться, что стрелы, залетевшие на детинец Мстиславля в 1380-х гг., это стрелы осады города смоленским князем в 1386 г.

Вопрос о датировке верхних слоев непрост, так как дендрохронология неприменима и нужны иные соображения. Первоначальный уровень слоев нарастал на детинце по тем же законам, что и в других городах Руси – в среднем толщина слоя в 20 см отражала два десятилетия. Но в 1654 г. город почти прекратил существование, слой перестал нарастать, открыв путь кислороду в более нижние слои, что уничтожало все древесные остатки на глубину до 1–1,2 м. Образовались пустоты, напластования начали сплющиваться, и каждый штык теперь отражал гораздо большую временную величину. К тому же сверху образовались огороды и находки выбрасывались на глубину до 40 см (т.е. самые поздние).

Состав находок 3-5 штыков неоднороден, распределение их не лишено интереса. В пятом штыке мало вещей, не так много их и на третьем, но четвертый штык ими изобилует по всем раскопам. На пятом штыке почти нет предметов вооружения (исключение – бердыж П.К.5 поздней формы (?) без втулки, с острым основанием, забивавшимся в торец древка, он мог служить подпоркой ствольного оружия (рис. 5, 15; см.: Кирпичников А.Н., 1976, с. 23), а также костяная стрела XVI.Г.5), отметим стремя XV.Б.5, рис. 5,*16*. Остальные находки – бытовые: замки, ключи типа Д (конец XV – начало XVI в.) типа Е (середина XIV–XVII в.) – III.Н.5, III.Б.5; V.Е.5; V.Х.5; VI.3.5; XIV.3.5. В городе в это время занимались литьем (тигли V.Н.5; V.У.5; V.Ч.5, кусок оплавленной бронзы II.И.5). Здесь же, вероятно, уже делали изразцы – попадаются изразцы горшкового типа, появившиеся в этих землях в начале XIV в. (Паничева Л.Г., 1980, с. 54; Трусов О.А., 1988, с. 132). Если самые ранние горшковые изразцы высотой 24–25 см, то мстиславские (например, изразец II.Л.5, рис. 2, *6*) вдвое меньше, их устье шире дна, то и другое указывает на середину XIV в. (Трусов О.А., 1988, с. 133). Эти изразцы из более позднего слоя – того, когда печи были разрушены. Как известно, мстиславльских изразечников в 1665 г. патриарх Никон перевел в Иверский Валдайский монастырь (Алферова Г.В., 1969, с. 32). С того же уровня происходят два энколпиона (один из шурфа 1959 г.) (Алексеев Л.В., 1974, с. 215, № 25), подобный найден у построек XIII–XIV вв. на Белоозере (Голубева Л.А., 1960, с. 38, рис. 17, *3*) и IX.Р.5 (Алексеев Л.В., 1974, с. 215, рис. 2, *10*). Следы рыболовства: пять глиняных грузил VI.8.5 и по одному: VI.3.5; VI.Р.5. Отметим керамику: большая (50 см в высоту) красноглиняная корчага XIII.Ш.5 (по личному свидетельству Г.П. Смирновой, XIII–XIV вв., рис. 2, *7*); глиняная плошка II.3.5 (рис. 4, *7*, срез внизу позволил Г.П. Смирновой датировать концом XIV в.); две овальные крышки сосудов II.Н.5 (рис. 8, *9*) и II.3.5 (по Г.П. Смирновой – вторая половина XII–XIV вв.). Ею же датированы горшки V.Т.5 – XIII–XV вв.; V.П.5 – XIV–XV вв. Любопытны: глиняная головка куклы XIII.В.5 (рис. 5, *1*), бронзовый "мальтийский" крест III.А.5 (рис. 5, *3*), аналогию креста воспроизвели Б.И. и В.Н. Ханенко (1889, табл. VI, *73*). Примерно на этом уровне в раскопе VIII был найден серебряный дукат Сигизмунда I (1506–1548) с надписью и датой: "Sigismundus P. Rex, 1536" (Gumowski M., 1960, Tab. XIX).

Среди изобилия вещей на четвертом штыке особенно много предметов военного обихода: стрелы – VI.Т.4 веслообразная тип 66, XIII–XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 30, *63*); арбалетные – I.III.4 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 6, *2*) – тип 1, XII–XIII вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 31, *1*); II.Ш.4 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 5, *12*): тип XV, XII–XV вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 31, *29*); VI.Т.4, рис. 2, 4 – тип 8, вид. 2, XIV–XV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с. 91); VIII.-4, рис. 2, 3 (Медведев А.Ф., 1966, с. 95, табл. 31, *28*). Редчайшая находка – крюки спускового механизма арбалета VI.Т.4 (Алексеев Л.В., 1976, рис. 2, *7*, *8*; 1995б, рис. 6, *14*, *15*); две пластины панциря VI.Ц.4 (рис. 5, *18*, *19*), подобные – в усадьбе Онцифора Лукича в Новгороде (1343–1354)

(Медведев А.Ф., 1959, с. 131, рис. 5, *7*); шесть колечек кольчуги III.Г.4, две сулицы (зачистка профилей, рис. 8, *2*, *3*); втулка рогатины XVIII.Х.4 (рис. 7, *5*); осколки чугунных ядер I. Р.4; II.П.4; VI.Ф.4; большой вток V.П.4; шпоры с шипом II.Н.4 (тип 2, XII–XIII вв., Кирпичников А.Н., 1973, табл. XVIII, *5*, *6*); I.Ч.4 (тип тот же); шпора с колесиком (XIII в. – Кирпичников А.Н., 1973, табл. XXI, *2*); удила III.Д.4 и т.д. В заполнении погреба 1-40 1291 г. (Алексеев Л.В. 1995б, с. 73, 75, рис. 9) найдено два предмета XIV–XV вв.: стремя типа IXа – XII–XIII вв. (Кирпичников А.Н., 1973, с. 45, табл. XV, *12*; Алексеев Л.В., 1976, с. 47, рис. 2, *2*) и боевой топор с рукояткой-топорищем XVI–XVII вв. (датировка А.Н. Кирпичникова). Орудия труда: бурав стальной XVIII.Ж.4 (рис. 7, *1*) подобный происходит из Тушинского лагеря (1608–1610 гг.) (Никитин А.В., 1971, табл. 2, *16*), бурав более мелкий (рис. 7, *4*); литейная форма для отливки бусин V.Л.4 (Алексеев Л.В., 1976, рис. 2, *23*; 1980, рис. 26, *14*); тигли V.К.4 и V.Ч.4 (обломок), сошник V.У.4 (рис. 8, *8*). Бытовые предметы: замки и ключи к ним типа Г – V.П.4 (замок); III.Х.4; XIII.0,4 (ключи), – конец XIII – начало XV в.; тип Е (со второй половины XV в. – замки II.Ж.4; Ш.Н.4; V.Т.4; еще V.Т.4; ключи – I.Ш.4; XIII.В.4; железная булавка с кольцом III.Г.4 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 5, *18*). Среди многочисленных находок стекла отметим – часть бесцветного цилиндрического тонкостенного бокала с диаметром устья 80 мм XVIII.Б.4; дно бокала Ш.П.4 (аналогия – Щапова Ю.Л., 1963, рис. 5, *5*, *6*; Гуревич Ф.Д., 1981, рис. 48, *10*). Любопытно, что здесь же найден чернолощеный кувшин высотою 20 см, лощение которого произведено по всей поверхности и внутри, тесто сероглиняное (Алексеев Л.В., 1976, с. 48, рис. 3, *17*). По этим признакам сосуд "ранний" – вторая половина XVI в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 9, *6–9*). Подобный сосуд, но кумган, известен из дренажного колодца Зарядья в Москве конца XVI– начала XVII в. (Дубынин А.Ф., 1955, с. 72, рис. 20). Находки подобной посуды – нередкость в Мстиславле: на девятом штыке был найден провалившийся туда фрагмент лощеной сковороды (XVII в.). Чаще подобные сковороды имели три ножки (Левко О.Н., 1992, с. 34) (на нашем фрагменте они не видны). На глубине четвертого штыка встречено несколько обломков железных ручек деревянных бадеек, скрученных винтообразно (VI.Ч.4; VIII.4) и плоских (V.П.4; VI.Н.4); встречаются и "О"-образные кресала.

Подобного изобилия находок на третьем штыке нет. Сюда залетели четыре наконечника стрел: I.Е.3 (тип 40; Медведев А.Ф., 1966, табл. 30б, *36*, X–XIV вв.; Алексеев Л.В., 1993, с. 70, рис. 6, *5*); II.Ж.3. XIV в. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 26, *13*); V.У.3 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 6, *5*) – VIII–XIV вв. (Медведев 1966, табл. 36б, *35*); VI.Ф.3 – татарский срезень (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 6, *1*), XIII–XIV вв. Наконечник ножен меча III.Ф.3 (Алексеев Л.В., 1995б, рис. 6, *12*). Это редкая находка, к 1950-му г. в Восточной Европе их было известно всего около 20, данный тип – наиболее поздний, датировавшийся Г.Ф. Корзухиной XI–XII вв. (Корзухина Г.Ф., 1950, с. 68, табл. 1). Ныне они датируются XII – первой половиной XIII в. (Кирпичников А.Н., 1966, с. 25, рис. 3). Подобные найдены в слоях XII в. в Друцке, в Волковыске (Зверуго Я.Г., 1975, рис. 39, *9*, *11*). Снаряжение коня: уникальная почти сплошная подкова (рис. 8, *4*), именуемая в Европе "турецкой" (Archeologicke..., 1969, S. 821); удила (II.Ч.3); пряжка подпруги (II.Ч.3). **Бытовые вещи**: огромный замок типа Е (дата – с сер. XV в., см.: Алексеев Л.В., 1976, рис. 13, *16*); ключ замка Г – II.К.3, плитка пола с поливой цвета бордо и со скошенными краями, сероглиняная, побывавшая в пожаре VI.В.3; чашка ювелирных весов из бронзы диаметром 10 см III.Д.3 (рис. 8, *7*); железный светец V.3.3, каменный крестик I.П.3; чернолощеная миска с параллельными горизонтальными "каннелюрами" VI.–.3 (рис. 8, *10*); бронзовое ушко бадейки; костяная пластина с циркульным орнаментом.

Предметы огородного слоя (штыки 1 и 2); наконечники стрел – I.М.2, тип 44, вариант 2 – XI–XIV вв. и XVIII.Ш.1 – веслообразный, XIII–XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с. 67; Алексеев Л.В., 1995б, рис. 5, *2*; 6, *7*); оковка лопаты II.–.2 (рис. 8, *1*),

Рис. 8. Находки из раскопок мстиславльского детинца (верхние слои).
1 – железная оковка лопаты; *2–3* – железные наконечники сулиц; *4* – конская подкова "турецкого" типа; *5, 6* – железные кресала; *7* – бронзовая чашечка ювелирных весов; *8* – железный сошник; *9* – крышка глиняного сосуда; *10* – глиняная чернолещеная миска

часть бронзового крестика с крестообразными концами (тип: Алексеев Л.В., 1962, рис. 4, *2*, *3*), XIV в.; янтарный крестик III.А.2.

Нам ясно, что четвертый и частично третий штыки отражают какую-то беспокойную в военном отношении эпоху, когда город не горел, но вокруг него постоянно велись военные действия (а возможно, и в нем). Однако до самого последнего времени в его церкви-донжоне продолжали хоронить (рис. 9). Если нижний горизонт шестого штыка отлагался в 1380-е годы, то верх его соответствовал, по-видимому, первой

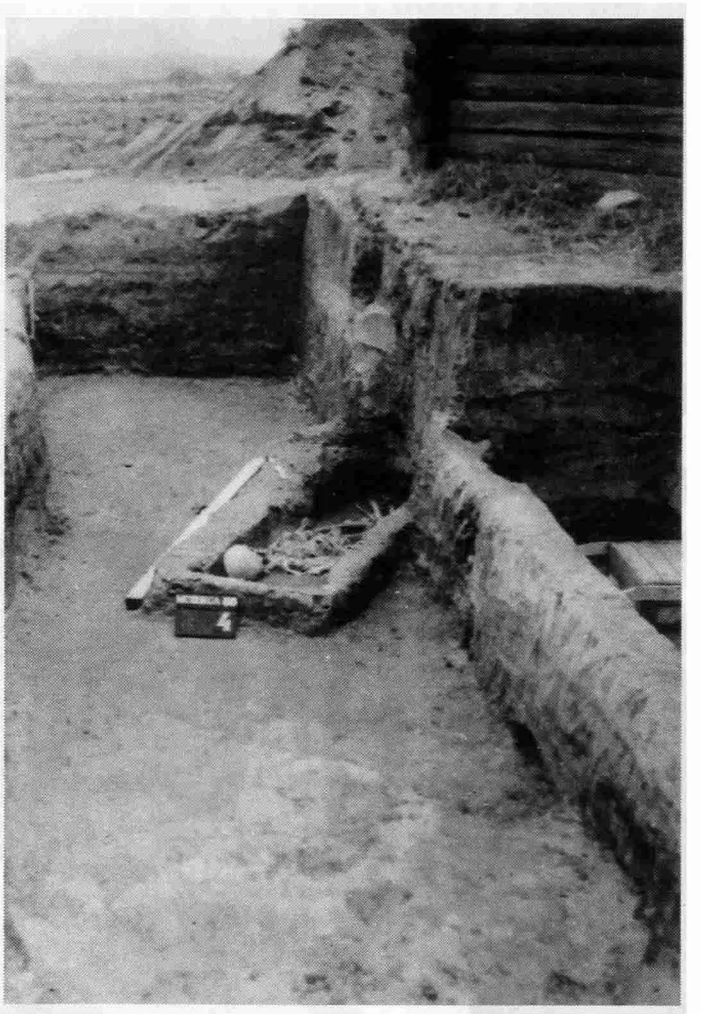


Рис. 9. Погребение внутри самой поздней церкви-донжона (XVI–XVII вв.)

половине XV в., пятый штык – приблизительно второй его половине, четвертый – первой половине XVI в., может быть его середине, а штык третий – второй половине XVI в. (от XVII в. эпизодически сохранились отдельные предметы – характерные неполивные и зеленые поливные изразцы (см. рис. 10) и т.д.

Письменные источники показывают, что первая половина XVI в. была временем неспокойным для Литвы. Василий III оканчивал дело объединения Руси, начатое его отцом Иваном III. К России теперь отходила значительная часть Смоленщины и Левобережной Украины. Но этого было мало, и послы еще Ивана при мирных переговорах 1503–1504 гг. требовали: "Ано не то одно наша отчина, кои городы и волости ныне за нами: и вся Русская земля – (...) з Божией волею, из старины, от наших прародителей наша отчина..." (Флоря Б.Н., 1978, с. 17). Вскоре разыгрались новые серьезные военные действия, где Мстиславль действительно начал играть крупную роль. В ночь на 20 августа 1506 г. умер Александр Казимирович, попытка Василия III быть избранным на королевский стол не удалась – был избран брат Александра – Сигизмунд Старый, он и сделался главным врагом русского самодержца. Василий III срочно укреплял рубежи. В марте 1507 г. война носила еще характер пограничных стычек: "из Мстиславля королевские люди" нападали на окрестности Брянска. Литовские воеводы сожгли также Чернигов. В отместку за эти набеги Василий III послал "из Северы" в июле на Литву князя Ф.П. Сицкого, а из Дорогобужа – князя И.М. Велятевского" (Зимин А.А., 1972, с. 84). 14 сентября 1507 г. "посылал

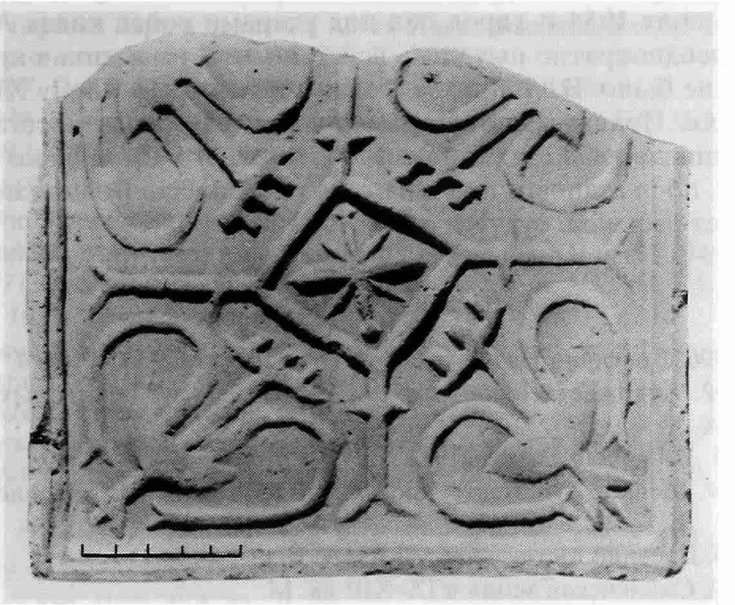


Рис. 10. Красноглиняный изразец без поливы из подогородного слоя шурфа в центре детинца (вторая половина XVI – первая половина XVII в.)

князь великий Василий Иванович всея Русии воеводъ своихъ, князя Василия Даниловича Холмскаго да Якова Захарьича къ Мстиславлю литовские земли воевати" (Никоновская летопись, 1965в, с. 6). Были сожжены только посады (Зимин А.А., 1972, с. 85). "Побыв под городомъ Аршею (Оршею русские войска *Л.А.*) пошли подъ Кричевъ и подо Мстиславль, да быв под теми городы и землю литовскую повоевав, да отписали к великому князю с рубежа..." (Разрядная книга..., 1966, с. 40). "И много в тот час замков подали великому князю московскому; то ест кн. Михайло Мъстиславский подался з городомъ своимъ Мстиславлем, князи Друцкия подалися з городомъ своим Друцкомъ" – резюмирует события Летопись Рачинского (Летописи..., 1980, с. 167). Несмотря на "миръ и вечное докончание", заключенное противниками в 1509 г., в 1514 г. Василий III берет Смоленск и двигается к Мстиславлю "на князя на Михаила на Мстиславского", который, очевидно, ему изменил. Михаил снова бьет ему челом, "чтобы государь, князь великий, пожаловал, взял его к себе в службу и с вотчиною" (Никоновская, 1965в, с. 20). Впрочем, в 1515 г. он изменил ему опять (Никоновская, 1965в, с. 23) и, конечно, Василий III велел "воеводам своим со всеми людьми итти на Литовскую землю ко Мстиславлю" (Разрядная книга, 1966, с. 56). В 1535 г. Елена Глинская (мать Ивана Грозного) посылает Василия Васильевича Шуйского "итти съ нарядомъ, съ пушками и пищалями, ко Мстиславлю и Мьстиславля доступати. (...) Король Жигимонтъ, послышав то, что воеводы великого князя под Мстиславлемъ (...) и послалъ за своими воеводами..." (Никоновская летопись, 1965в, с. 85). Шуйский "съ товарищи" пришли къ Мстиславлю и с нарядомъ, да посадъ изгонили и на посадъ многихъ людей поимали въ полонъ, а иныхъ сѣкли, а посадъ сожгли, а городъ Мстиславль отстояли..." (Никоновская летопись, 1956в, с. 87, 88). "Посадь пожгли и острогъ взяли" (Летописец..., 1965, с. 18).

Как видим, самые страшные в военном отношении годы падают в Мстиславле на первую половину XVI в. – на его начало, а затем на середину 1530-х годов. Это буйное время, очевидно, и отразило отложения культурного слоя на четвертом штыке (главным образом) и на третьем (в меньшей степени).

Такова гипотетическая схема соответствия истории города XV–XVI вв. и его культурных напластований. О второй половине XVI в. – первой половине XVII в.

можем судить лишь по письменным источникам. В Польскую войну царя Алексея Михайловича 22 июля 1954 г. город пал под ударами войск князя А.Н. Трубецкого. Его укрепления неоднократно пытались восстановить, но жизни в крепости, по-видимому, почти уже не было. В 1708 г., не желая оставлять ее Карлу XII, Петр Великий приказал ее сжечь. Правда, и потом замок пытались снова восстановить, но просуществовал он лишь до 1772 г. (Ткачев М.А., 1987, с. 143). Однако ничто из этого в наших раскопках, по указанным причинам, не отразилось. Возможно, это в какой-то степени разъясняет раскопки будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авенариус Н.П., 1890. Дрогичин Надбужский и его древности // МАР. № 4.

Алексеев Л.В., 1962. Художественные изделия косторезов из некоторых древних городов Белоруссии // СА. № 4.

Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля. М.

Алексеев Л.В., 1974. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель // СА. № 3.

Алексеев Л.В., 1976. Древний Мстиславль // КСИА. Вып. 146.

Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.

Алексеев Л.В., 1993. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле // РА. № 4.

Алексеев Л.В., 1995а. Древний Мстиславль в свете археологии // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 6. Минск.

Алексеев Л.В., 1995б. Мстиславльский детинец в XII–XIV вв. // РА. № 3.

Алихова А.Е., 1976. Постройки древнего города Мохша // СА. № 4.

Алферова Г.Ф., 1969. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследство. Вып. 18.

Арциховский А.В., Янин В.Л., 1978. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962–1976 гг. М.

Булычов Н.И., 1898 // Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.

Голубева Л.А., 1960. Белозерская экспедиция 1957 года // КСИИМК. Вып. 79.

Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. Киев.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978) // СА. № 3.

Дубынин А.Ф., 1955. Работы Московской экспедиции // КСИИМК. Вып. 57.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Засурцев П.И., 1967. Новгород, открытый археологами. М.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск. Минск.

Зимин А.А., 1972. Россия на пороге нового времени. М.

Ивановский Л.К., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. № 20.

Изборник 1076 года,1965. М.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Е1–36.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси. IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36.

Кирпичников А.Н., 1976. Военное дело на Руси. Л.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.

Колчин Б.А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Вып. Е1–55.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Корзухина Г.Ф., 1950. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. Т. XIII.

Левашова В.П., 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43.

Левко О.Н., 1992. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии. Минск.
Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича, 1965 // ПСРЛ. Т. XXIX.
Летописи белорусско-литовские, 1980 // РСРЛ. Т. XXXV.
Макарова Т.И., 1967. Поливная керамика древней Руси // САИ. Вып. Е 1–38.
Медведев А.Ф., 1959. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. № 2.
Медведев А.Ф., 1963. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. Вып. 117.
Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное орудие // САИ. Вып. Е1–36.
Московский летописец. Московский летописный свод конца XV века, 1949 // ПСРЛ. Т. XXV.
Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Е1–34.
Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.
Никоновская летопись, 1965а // ПСРЛ. Т. IX–X.
Никоновская летопись, 1965б // ПСРЛ. Т. XI–XII.
Никоновская летопись, 1965в // ПСРЛ. Т. XIII.
Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. М.
Паничева Л.Г., 1980. Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV–XVII вв. // КСИА. Вып. 160.
Панова Т.Д., 1983. Памятники московского Кремля в лицевом своде XVI в. // СА. № 4.
Пашуто В.Т., 1959. Образование Литовского государства. М.
Повесть временных лет, 1950. Т. 1. М.–Л.
Разрядная книга 1475–1598 гг., 1966. М.
Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
Ткачев М.А., 1987. Замки Белоруссии. Минск.
Трусов О.А., 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. Минск.
Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43.
Флоря Б.Н., 1978. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI–начале XVII в. М.
Ханенко Б.И. и В.Н., 1899. Древнерусские кресты и образки. Вып. 1. Киев.
Ханенко Б.И. и В.Н., 1900. Древнерусские кресты и образки. Вып. 2. Киев.
Шашкина Т.Б., Галибин А.К., 1986. Памятники древнерусского колокольного литья // СА. № 4.
Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
Щапова Ю.Л., 1963. Стеклянные изделия Новгорода // МИА. № 117.
Archeologicke rozhledy, 1969. Т. XXI. № 6.
Gumowski M., 1960. Handbuch der polnischen Numismatik. Graz.

Институт археологии РАН, Москва

L.V. ALEKSEEV

THE CITADEL OF MSTISLAVL' IN THE 14th–17th CENTURIES

Summary

The article represents a continuation of the author's earlier publications (Alekseev L.V., 1993, 1995) and deals with the upper cultural layers of the same site. After the fire-burnt horizon Д (1296-1307) in the superimposed layers four subsequent constructive horizons were outlined with regard to the remains of wooden constructions: horizon Г (1307-1325), horizon В (1325-1345), horizon Б (1345-1365), and horizon А (1360-1370-s). They are covered by cultural deposits with no wooden remains which were dated back to late 14th – the first half of the 16th centuries according to the artefacts found. The author succeeded to connect some layers with the historical events known from the chronicles. Thus, the burnt layer of 1359 represented the traces of the city's capture by Lithuanian prince Olgerd (horizon Б). The fourth layer (beginning from the surface) produced no wooden constructions, but has yielded abundant pieces of military equipment and characteristic houshold articles; it was undoubtedly connected with the

military actions of early 16th century in which Mstislavl' took the most active part, according to the chronicles. The observations concerning the citadel's plan available within the excavated area led the author to a conclusion that the city layout did not underwend any major changes in the course of time: two crossing streets with timber pavements were cleared up by the donjon-shape church. The households steadily occupied the dame spots, only the buildings were renovated. The abundant finds reflect the picture of the townsmen's everyday life in that far-off time. The citadel (detinets) was destroyed by the blow struck by Russian military leader A.N. Trubetskoy on June, 22, 1654. The debris layer is not represented, since ancient objects were extracted by the local population while cultivating vegetable gardens.

А.А. ПАНЧЕНКО, В.Б. ПАНЧЕНКО, А.А. СЕЛИН

ПОЧИТАЕМОЕ МЕСТО У ДЕРЕВНИ КАШЕЛЬКОВО: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Деревенские святыни – местночтимые камни, родники, деревья, каменные и деревянные кресты и т.п. – в последнее время нередко привлекают внимание отечественных исследователей (Александров А.А., 1983; Золотов Ю.М., 1981; Курбатов А.В., 1995; Макаров Н.А., Чернецов А.В., 1988; Панченко А.А., 1996; Шорин М.В., 1991 и др.). Однако в этих памятниках чаще всего видят "источники по изучению язычества", а не феномен русской народной культуры позднего средневековья и нового времени. Кроме того, декларированная некоторыми учеными "междисциплинарная" методика изучения местных святынь зачастую подменялась источниковедческой небрежностью и аналитической расхлябанностью. Между тем, именно продуманное обращение к данным различных дисциплин (археологии, этнографии, фольклористики и др.) могло бы пролить больше света на роль деревенских святынь в восточнославянской народной культуре. Более того, археологам-славистам, занимающимся проблемой святилищ, стоило бы обращать больше внимания на эти памятники, чем на эфемерные "следы язычества".

Археологические исследования культурного слоя около местных святынь Северо-Запада России (т.е. почитаемых камней, родников и т.п.) проводились довольно редко и не всегда приносили сколько-нибудь информативные результаты. Наиболее успешными в этом смысле следует признать раскопки Г.С. Лебедева (Лебедев Г.С., 1986, л. 2–8) близ камня "Пятница" у д. Конезерье (Ленинградская обл., Лужский р-н), выявившие два горизонта: темный с включениями угольков и слой светлой супеси. В последнем были открыты два яруса каменных вымосток. По мнению Г.С. Лебедева, временем сооружения нижнего яруса следует считать вторую четверть XVIII в. Среди находок, происходящих из обоих слоев, следует отметить фрагменты керамики разного времени, церковную утварь XIX – начала XX в., монеты (от начала XVIII в. до 70-х гг. XX в.). К самым ранним находкам относятся фрагменты лепных и раннегончарных сосудов. По словам Г.С. Лебедева, лепная керамика, найденная в нижнем и верхнем слоях, "аналогична керамике селища и городища". Раскопки М.В. Шорина близ камня "Елесина Богородица" у д. Ножкино (Новгородская обл., Хвойнинский р-н) принесли меньше материалов: здесь была обнаружена округлая каменная кладка со "входом" с юго-западной стороны. В слое лесного подзола, перекрывавшем кладку, исследователь обнаружил осколки тонкого стекла. Среди камней были найдены куски железистого шлака (Шорин М.В., 1986, л. 1–3). Однако и в том, и в другом случае соответствующие фольклорно-этнографические сведения были зафиксированы достаточно небрежно.

Археологические свидетельства почитания средневековых каменных крестов были открыты Е.А. и Т.В. Рябиниными при раскопках 1973 г. близ д. Войносолово (Ленинградская об., Кингисеппский р-н). Здесь находится скопление каменных крестов XIII–XIV вв. без эпиграфических знаков. "Некоторые из крестов частично возвышались над поверхностью земли. В районе скопления крестов был заложен раскоп площадью 2,6 × 3 м. После снятия дернового слоя было расчищено девять крестов, изготовленных из плитнякового камня. Кресты свалены в беспорядке вместе с булыжником и

© А.А. Панченко, В.Б. Панченко, А.А. Селин, 2000 г.

обломками плитняка". Здесь же было найдено значительное количество русских и западноевропейских монет XVIII–XIX вв., в частности – полушка Анны Иоановны (чекан 1740 г.), монеты Екатерины II, Николая I, Александра II; английского короля Георга III (1765 г.) (Рябинин Е.А., 1973; Рябинин Е.А., Рябинина Т.В., 1974, с. 30)[1].

Настоящая статья посвящена междисциплинарному изучению деревенской святыни у д. Кашельково (Новгородская обл. Батецкий р-н). Исследуя местный культ средневекового каменного креста, мы постарались более или менее полно зафиксировать все соответствующие данные: фольклорно-этнографические, археологические, историко-географические и составить, таким образом, последовательную картину этого культа.

Почитаемое место у д. Кашельково находится в урочище Щагин хутор в 1 км к юго-востоку от д. Кашельково и в 1,3 км к востоку от д. Крючково, на северной оконечности поля. Сюда ведет полевая дорога из д. Крючково (общей протяженностью около 1,5 км). Впервые сведения об этой святыне были собраны нами в 1992–1993 гг. В 1996 г. Верхнелужская археологическая экспедиция ИИМК РАН под руководством Н.И. Платоновой провела разведочные раскопки в почитаемом месте. Во время обследования 1996 г. здесь обнаружено небольшое средневековое селище (общая площадь культурного слоя до 200 м^2, мощность – 0,4–0,6 м). В центральной части селища находятся остатки почитаемого места, представляющие собой нераспаханный (хотя и частично поврежденный) участок поля размерами 4 × 10 м. На его поверхности были обнаружены фрагменты известняковой плиты, опознанные местными жителями как обломки почитаемого креста. Согласно сообщениям крестьян д. Крючково в 50 м к северу от него находился чтимый родник. Однако в настоящее время он иссяк (скорее всего – после прокладки мелиоративной канавы), и точно локализовать его не удалось.

Дважды в год, в праздник иконы Божьей матери, именуемой "Достойно есть" или "Милующей" (11 июня ст. ст., местное название "Достойна") и в день Воздвиженья Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября ст. ст., местное название "Звиженье") в почитаемое место ходил крестный ход из церкви с. Хреплё. В эти дни сюда собирались люди со всего прихода, священник совершал водосвятие, затем богомольцы возвращались в церковь. В день "Егория" (вмч. Георгия Победоносца – 23 апреля ст.ст.), после первого выгона скота в поле, здесь также совершалось водосвятие, освященной водой кропили скот. Но в последнем празднике участвовали лишь жители трех ближайших деревень – Хреплё, Крючково и Кашельково. В почитаемое место могли ходить и в обычные дни.

Кресту, стоявшему в часовне (надо сказать, что большинство местных жителей не считает его крестом и называет просто "камнем") приписывались чудесные свойства. Считалось, что он исцеляет глазные болезни (например, "курячью слепоту", "золотуху"); говорят, что он помогал тем, "кого трясло". Больные приносили в часовню полотенца ("завещание делали туда") и мылись водой из родника, предварительно облив ею крест ("ходили смывать этот камешек"). Существовал обычай: когда рождался ребенок, родители относили в часовню детскую рубашку, брали из родника воду и мыли ею новорожденного.

В окрестных деревнях распространен примечательный рассказ о священном кресте. Время действия крестьяне относят к давним временам; по словам информанта, это было на памяти "даже не моёво папы папы, не моёво дедушки, а видимо моёво прадедушки, наверно, а может быть и прапрадедушки". В двух деревнях мы записали два варианта этого текста[2]:

1. "Значит, вот туда на хутор... ⟨...⟩ было поле, и на этом поле был камень. Вот у этого камня были, так как бы сказать, типа как голова, вот вроде бы уши или вот что-то такое было. ⟨...⟩ И один мужчина, один старичок из деревни, значит, привез

---

[1] Пользуемся случаем выразить благодарность Е.А. Рябинину за предоставленную возможность непосредственно ознакомиться с материалами раскопок.

[2] Многоточия в фигурных скобках означают места, опущенные при публикации текста, многоточия без скобок – паузы в речи информанта.

этот камень вот в Крючково, в эту деревню. Привез – и в эту са́му, в каменку, в баню. ⟨...⟩ И отколол одно это вот как бы ухо, когда ставил. И ему приснился сон, что поставь этот камень на место, где его взял... ⟨...⟩ И вот у его заболело ухо, у него это ухо отвалилось. ⟨...⟩ А там был типа такого как вот колодец, вот самородок был этот самый, то место... ⟨...⟩. И потом этот камень этот свёл на место, этот камень туда поставили, на том месте сделали часовню".

2. "А ещё говорили, как я ма́ленька бы́ла, что этот крест старик взял, мужик – а раньше печки были эти, гумны-то, свои, риги назывались, сушили зерно. Он взял его и унёс домой. Поставил в эту, в печку, в ригу, значит, в чело́ – чтобы, когда затопишь, чтоб в эти окошки дым выходил. Ему приснилось, ему приснилось, значит так, что где ты взял, туда и свези, то тебе, значит, бу́де нехорошо. Он соскочил – как это я ..., я еще маленька была, но помню это – соскочил и сразу лощадь впрёг и свёз на место его, поставил опять, значит".

Этот суеверный рассказ можно условно определить как предание, хотя, как и во многих других случаях с памятниками несказочной прозы, здесь довольно сложно говорить о жанровой специфике. Необходимо отметить, что нам известны близкие народные рассказы о деревенских святынях. Один из них был зафиксирован в том же районе, в д. Черновицы, расположенной на 20 км юго-западнее д. Кашельково. Около деревни, на поле находился древнерусский курганно-жальничный могильник (раскопанные здесь курганы датированы XII–XIII вв.). "По рассказу стариков-старожилов в одном промежутке между курганами лежала большая плита без надписи и каких-либо знаков. Один крестьянин увез к себе на печь в ригу эту плиту, но к нему во сне явился мертвец и потребовал, чтобы он плиту обратно свез и положил обратно на то же место. Крестьянин так перепугался, что утром же выломал плиту из печки и отвез обратно" (Целепи Л.Н., (б.г.), л. 6). Другой рассказ относится к почитаемому каменному кресту, стоявшему в часовне д. Задейшино (Ленинградская обл., Лужский р-н): "... когда местный управляющий-иноверец приказал взять отсюда крест, разрубить его и бросить в озеро, то сильно захворал и ослеп. Когда его убедили возвратить крест на прежнее место, то он выздоровел" (Архив ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3 (1900–1902), л. 130; ср.: Историко-статистические сведения, 1885, с. 181). К тому же, сама структура этих рассказов достаточно типична для преданий и быличек о деревенских святынях, повествующих о поисках и обретении соответствующих правил коммуникации с сакральным миром в определенном пространственно-временном отрезке, "точке контакта". Первоначально священный персонаж (предмет) остается неузнанным, с ним поступают недолжным образом, что влечет за собой проявление чудесной силы и/или наказание святотатца. После святотатства, наказания и "искупления" место конфликта становится "святым" и доступным для больных и богомольцев, для всех, кто нуждается в соприкосновении с сакральной сферой. Способ коммуникации найден и зафиксирован в фольклорном тексте (Панченко А.А., 1996а, с. 18–20). С другой стороны, весьма показательны антропоморфические представления о почитамых крестах, проявляющиеся в вышеприведенных рассказах. Эта особенность вообще характерна для восточнославянского почитания каменных крестов. Корни ее, по-видимому, связаны с некоторыми чертами средневековой погребальной традиции (см.: Панченко А.А., 1996б).

Можно добавить, что в рассказе из д. Кашельково особенно подчеркивается безусловная сопряженность креста с конкретной пространственной точкой – "его" местом. "Святотатство", в частности, состоит в перемещении креста; равновесие восстанавливается после того, как он возвращен на место. Этот мотив типичен для рассказов о почитаемых крестах и "уходящих" иконах. Он демонстрирует очень характерную черту деревенской "мифологии ландшафта": упомянутый локус есть, собственно говоря, "точка контакта" сакрального и профанного миров. Последняя имеет жесткую пространственную приуроченность, и священный объект должен принадлежать ей.

Примечательно и то, как герой предания использует увезенный им "камень". Он не только употребляет крест с профанной (т.е. бытовой) целью, но и помещает его в

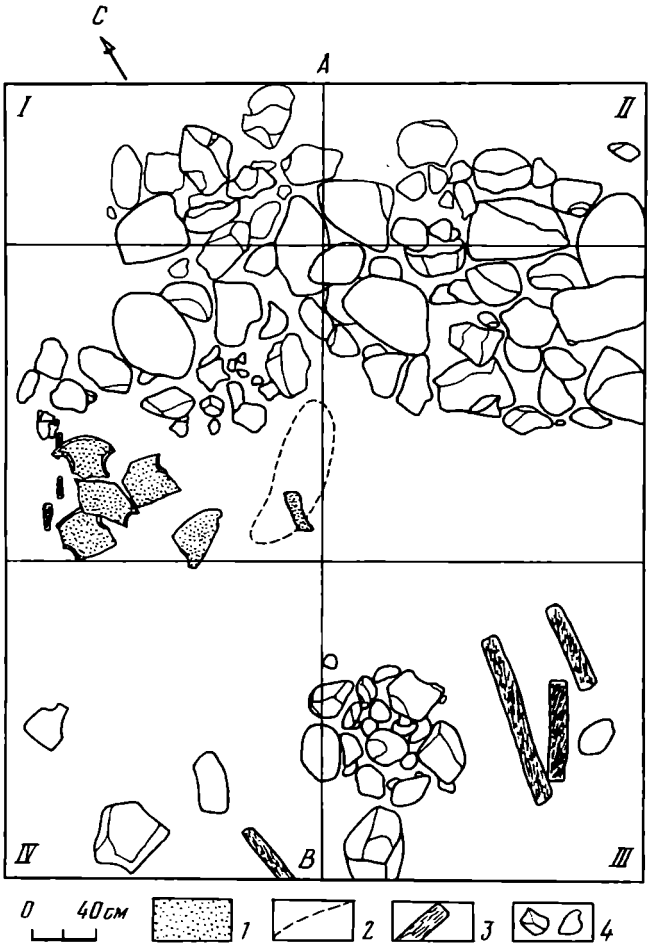


Рис. 1. Раскоп 1996 г. Верхняя часть каменной кладки.
1 – обломки каменного креста; *2* – область распространения обломков тканого изделия: *3* – остатки бревен: *4* – камни

ригу или в баню. Согласно наблюдениям исследователей, и та, и другая постройки служат местом обитания наиболее "опасным" из домашних духов – соответственно овиннику и баннику (см.: Зеленин Д.К., 1991, с. 76, 77, 284, 285; Максимов С.В., 1994, с. 44–53; Харузина В.Н., 1906 и др.). Поэтому и овин, и баня представляются наиболее "нечистыми" местами в обитаемом деревенском пространстве (см.: Успенский Б.А., 1982, с. 154; Зеленин Д.К., 1991, с. 76, 77, 295). В "Слове некоего Христолюбца" упоминается моление "огневе под овином" (Гальковский Н.М., 1913, с. 41), баню же Б.А. Успенский склонен считать "домашним храмом Волосу" (Успенский Б.А., 1982, с. 154), хотя в столь конкретной атрибуции с ним можно и не согласиться. Любопытно, что один из праздничных дней, в которые было запрещено топить ригу ("именины овина" или "именины овинника") приходился на Воздвиженье (Зеленин Д.К., 1991, с. 77), т.е. на праздник, справлявшийся в почитаемом месте у д. Кашельково.

Каковы же результаты археологических исследований в почитаемом месте. Нашими раскопками было открыто два горизонта культурного слоя (рис. 1–3). Первый принадлежал стоявшей здесь часовне. К этому горизонту относятся обломки почитаемого креста, остатки полуистлевших бревен (залегавшие практически в дерне), фрагменты жестяного конька и многочисленные гвозди крупного и квадратного сечения. В том же горизонте открыта дугообразная каменная кладка (высотой до 0,4 м и шириной около 1,5 м), вытянутая по линии запад–восток (рис. 1). Очевидно, это часть фундамента часовни. К нему же принадлежат две крупные каменные вымостки. Первая (овальной формы, 1,3 м × 0,7 м, толщиной около 0,2 м) была выявлена прямо под обломками

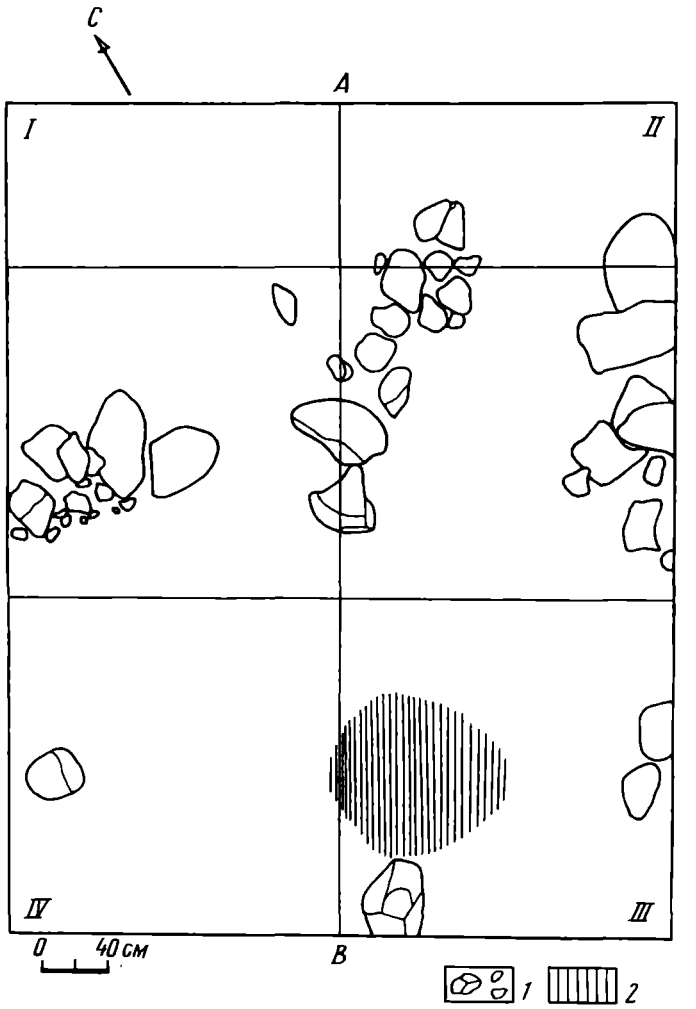


Рис. 2. Раскоп 1996 г. Нижняя часть каменной кладки.
1 – камни; *2* – пятно слабогумусированного суглинка серого цвета (яма № 1)

креста (рис. 2). Вторая (круглая, диаметром 0,9 м, толщиной около 0,25 м) находилась в 1,5 м к югу от первой (рис. 1). Рядом с обломками креста были обнаружены мелкие монеты (самая ранняя – 3 копейки 1869 г., самая поздняя – 5 копеек 1955 г.) и фрагменты тканого изделия. Нетрудно догадаться, что это – вотивные приношения кресту.

В основании второй кладки была выявлена яма, впущенная с уровня верхнего горизонта. В верхней части ее заполнения были найдены мелкие монеты (самая ранняя – 2 копейки 1811 г., самая поздняя – 3 копейки 1891 г.), а также обломки небольшого стеклянного сосуда с изображением Богородицы с Младенцем и надписью "Масло святаго града Іерусалима". Очевидно, что последний представлял собой паломническую реликвию. Так, в коллекции Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге хранятся подобные сосуды с надписями "Масло из лампады при раке препод. Серафима / Из Саровской пустыни", "Вода из стопы Божией Матери на горе Почаевской" и т.п. По-видимому, подобные реликвии изготавливались небольшими частными мастерскими. Их продавали паломникам около святынь, их же могли возить по деревням мелкие торговцы[3]. Точных аналогий найденному сосуду нам отыскать не удалось.

[3] Благодарим за консультацию научного сотрудника ГМИР О.А. Коробко.

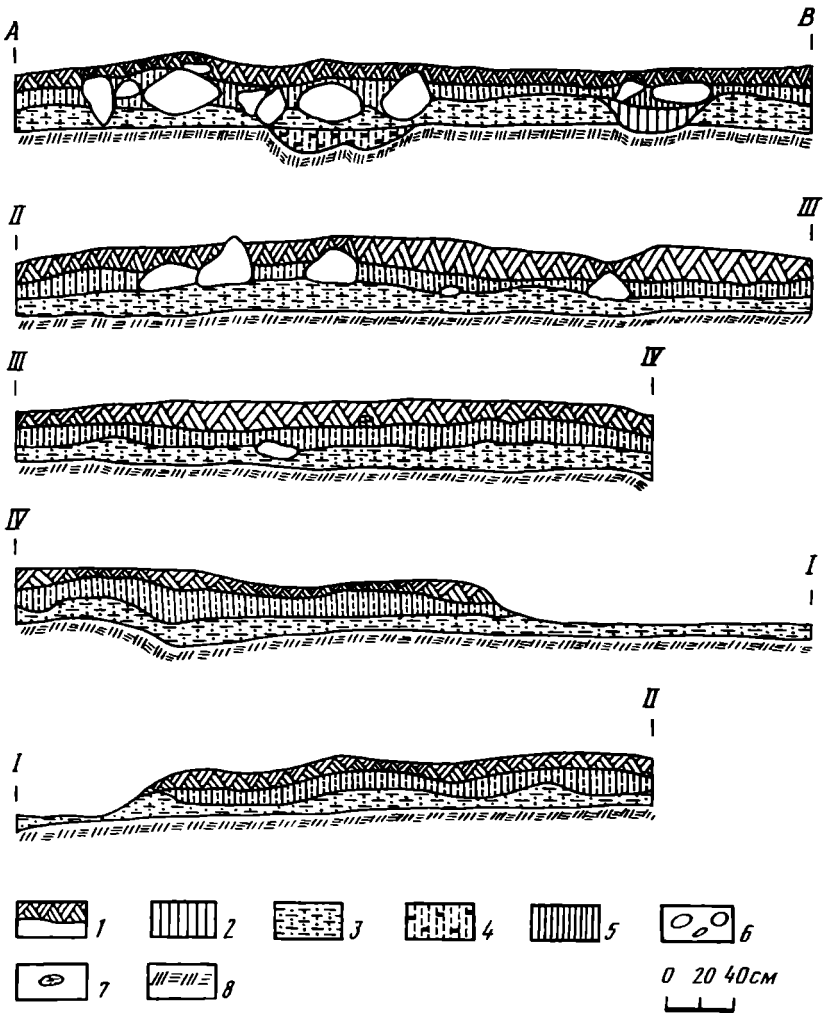


Рис. 3. Раскоп 1996 г. Разрезы.
1 – дерновый слой; 2 – слабогумусированный суглинок серого цвета (яма № 1); *3* – мешаный суглинок серо-желтого цвета; *4* – слабогумусированный суглинок темно-серого цвета с углистыми вкраплениями (яма № 2); *5* – сильногумусированный суглинок бурого цвета; *6* – камни; *7* – остатки бревен; *8* – материк

Второй горизонт представлял собой культурный слой сельского поселения эпохи позднего средневековья. К нему относилась небольшая яма, углубленная в материк. В ее заполнении (темно-серый слабогумусированный суглинок с угольками) были найдены мелкие камни и фрагменты гончарной керамики. Возможно, что это остатки небольшого очажка.

Кроме того, и в первом, и во втором горизонтах встречены железистые и стеклянистые шлаки, а также значительное количество фрагментов гончарных сосудов. Найденный керамический материал в основном укладывается в хронологические рамки второй половины XV – первой половины XVI в.[4].

Итак, результаты раскопок позволяют говорить о том, что на рубеже XV и XVI вв. в уроч. Щагин хутор существовало небольшое сельское поселение. Впоследствии (скорее всего – лишь в XIX в.) здесь начало функционировать почитаемое место, окончательно запустевшее в середине XX в. Пока что неясно, когда и откуда на небольшом поле, окруженном лесом и болотами, появился почитаемый известняковый

[4] Благодарим за консультацию научного сотрудника ИИМК РАН канд. ист. наук В.И. Кильдюшевского.

крест. Его удалось почти полностью восстановить из обнаруженных при раскопках обломков (рис. 4)[5]. По форме – это т.н. "крест в круге". На нем нет никаких знаков или надписей, однако по его краю проложен выпуклый ободок, что характерно для новгородских крестов (см.: Шляпкин И.А., 1906, табл. XXI–XXIV). Диаметр круга – 80 см, высота "ножки" – 10 см. Такие пропорции креста, а также отсутствие на его "ножке" шипа для установки в поднятый камень, позволяют усомниться в том, что первоначально он был намогильным. (Ближайший к уроч. Щагин хутор средневековый погребальный могильник XI–XIII/XIV вв. у погоста Хреплё, исследованный А.В. Арциховским (1936, с. 191–193), в 1929 г.).

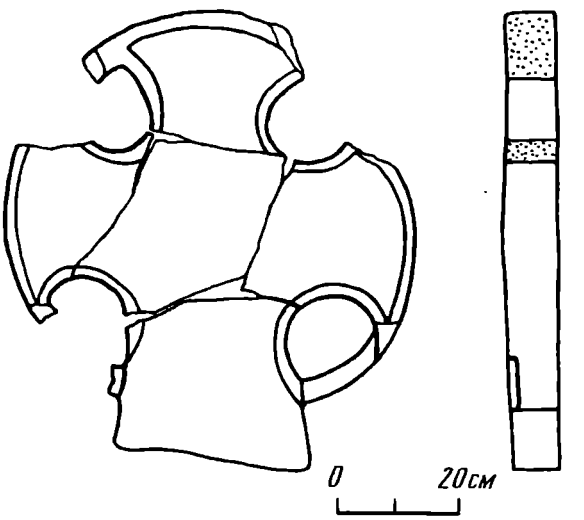


Рис. 4. Каменный крест

При этом надо отметить, что намогильные кресты такой формы – "в круге" – распространены именно в верхнем течении р. Луги и нижнем Пооредежье. Примечательно, что в начале нашего века многие из них были перенесены в местные часовни. В других сельских регионах Северо-Запада России кресты "в круге" встречаются достаточно редко. Таковы кресты в часовнях на о. Киллопа (Шляпкин И.А., 1906, табл. XXIII, рис. 358; Репников Н.И., 1931, с. 22 (№ 663) и в д. Еройла (Репников Н.И., 1931, с. 22 (№ 662) (соответственно западное и восточное Приладожье); Боровичский крест с изображением святых (Шляпкин И.А., 1906, табл. VI; Порфиридов Н.Г., 1963); два креста в д. Подборовье Вышневолоцкого у. "На одном из них выпуклые изображения распятия, Божией матери, Иоанна Богослова, вверху ангела и внизу двух воинов. На других крестах в середине выпуклое изображение креста... Местное предание утверждает, что один крест, составляющий предмет особенного почитания среди местного населения, в незапамятные времена сам прикатился в деревню" (Плетнёв В.А., 1903, с. 348 (№ 53)). Л.Е. Грушина, в своей работе "Каменные кресты Изборского края", упоминает "крест, концы которого соединены дугообразными шейками (типа новгородских крестов) в д. Залесье" (Грушина Л.Е., 1988, с. 76); очевидно, что здесь также имеется в виду "крест в круге".

В то же время, со второй половины XIV в. каменные кресты этого типа широко распространяются в самом Новгороде – в качестве закладных в стенах церквей (см.: Соленикова Е.В., 1996). Один из самых известных закладных крестов – крест архиепископа Алексея из Софийского собора (см.: Шляпкин И.А., 1906, с. 16, табл. XIII; Соленикова Е.В., 1996, с. 13). Эти памятники русской старины еще мало изучены, однако, на наш взгляд, их нельзя рассматривать только как декоративные элементы.

[5] В настоящее время крест отреставрирован и передан на кафедру археологии СПб ГУ.

Нет сомнения, что они имели определенное ритуальное и религиозно-мифологическое значение. За пределами ближайшей округи Новгорода закладные кресты "в круге" встречаются редко (см.: Белецкий В.Д., 1991, с. 67, № 180; Соленикова Е.В., 1996, с. 16, 20).

Итак, мы не можем с уверенностью говорить о том, был ли крест из уроч. Щагин хутор намогильным (т.е. перенесенным с могильника у с. Хреплё) или же закладным. Пропорции нашего креста дают некоторые основания для того, чтобы причислить его к последней группе. Однако и в этом случае остается непонятным, каким образом закладной крест "в круге" мог оказаться на поле в заболоченных верховьях р. Хрепёлки.

Попробуем дать историко-географический комментарий к вышеописанным фольклорно-этнографическим и археологическим данным. С точки зрения истории землевладения Успенский Хрепельский погост (к которому относится исследуемый нами памятник) (рис. 5) распадается на две части: первая, западная, до присоединения Новгорода к Москве принадлежала Новгородскому Софийскому дому и вместе с соседними Тесовской и некоторыми менее крупными волостями составляла обширный массив селений, находившийся во владении Новгородского владыки (Новгородские писцовые книги..., 1868, с. 147–154). Другая, восточная, часть, вместе с центром погоста – селом Хрепле и погостской церковью, была единственной большой вотчиной Аркажского монастыря в Водской пятине (Новгородские писцовые книги..., 1868, с. 144). Сохранность описаний этих двух территорий различна и обусловлена местными формами землевладения в первые годы московской администрации. Если волость новгородского архиепископа после конфискаций была роздана в поместья дворянам и детям боярским (Новгородские писцовые книги..., 1868, с. 147–154), то вотчина Аркажского монастыря перешла в дворцовое ведомство. В то же время, в сохранившейся к середине XIX в. писцовой книге Дмитрия Китаева 1500 г. описывались только оброчные, поместные, монастырские, церковные и своеземческие земли; дворцовые же волости описывались в других книгах, дошедших до нас во фрагментах (см.: Отрывок писцовой книги Водской пятины..., 1908). В частности, утеряно и описание Хрепельской дворцовой волости.

Западная часть Хрепельского погоста в 1500 г. насчитывала 24 селения. В первой половине XVI в. внутренняя колонизация этой территории продолжается; темпы ее, впрочем, несколько ослабевают; судя по всему, в это время здесь возникают лишь три селения. Одновременно с этим, около 1539/1540 г. в Успенском Хрепельском погосте появляется вторая церковь – храм во имя Рождества Богородицы в с. Радол, бывшем в свое время, вероятно, самым крупным селением "владычной" части погоста (Список..., 1539/40). Однако, как и многие другие сельские храмы, эта церковь не восстанавливалась после опричного разорения 1570-х гг. и Ливонской войны – уже в Дозорной книге 1612 г. нет даже упоминания о некогда существовавшей здесь церкви (Дозорная книга..., 1612 г.).

Первые сведения о восточной части погоста, составившей в XVI в. Хрепельскую дворцовую волость, мы можем почерпнуть лишь из писцовой книги Самсона Дмитриева и Елизарья Старого 1582 г. (Подлинная писцовая книга... 1582, л. 68–75 об., 456–461). В эти годы весь погост (как и большая часть земель Водской пятины) был разорен: лишь 14 селений (12 из них принадлежали к дворцовой волости) оставались в те годы жилыми (общее число селений – пустых и обитаемых – перечисленных в писцовой книге 1582 г. составляло 52 села и деревни). Вся эта волость (главным селением которой было село Хреплё, совпадающее с центром погоста), располагалась вне зоны раннего освоения, маркированной археологическими памятниками конца I – начала II тыс. н.э., в болотистой и заселенной местности. Это согласуется с общим наблюдением о структуре крупных земельных владений новгородской поры, имевших свой центр в зоне раннего освоения, а селения нижней иерархической ступени – в периферийной зоне.

Часть селений Хрепельского погоста в годы правления Бориса Федоровича Годунова восстанавливается: в дозорной книге 1612 г. мы отмечаем в этом погосте хотя

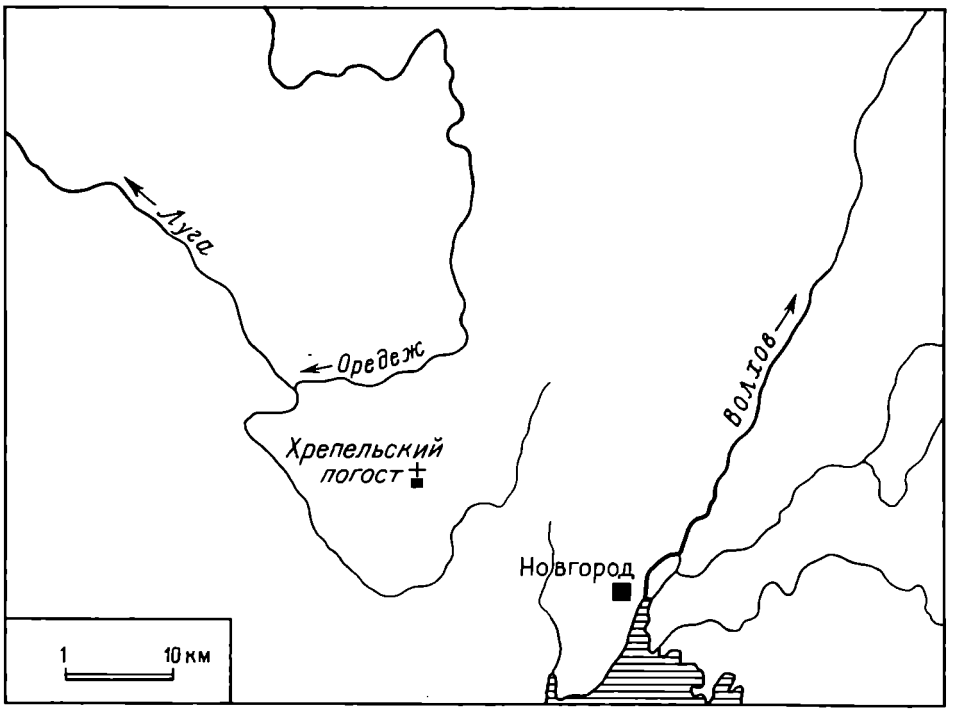


Рис. 5. Схематическое местоположение Хрепельского погоста

и не очень большое, но, по сравнению с более поздним временем, изрядное число деревень (Дозорная книга... 1612 г.). После Столбовского мира возобновление поселенческой системы идет с большим трудом: в Хрепельском погосте более не существует деления на "поместную" (бывш. "владычную") и "дворцовую" части; все здешние селения в XVII в. розданы дворянам и детям боярским. К концу XVIII в. на территории погоста насчитывается чуть больше десяти деревень. Новый всплеск поселенческой активности наблюдается здесь лишь в 20-х годах нашего столетия.

Локализация селений XV–XVII вв. представляет собой достаточно сложную методическую задачу. Основные принципы такой локализации для территории, охваченной Московским делопроизводством были выдвинуты в конце прошлого столетия тульской исследовательницей Е.Н. Щепкиной (1892) и петербургским археологом Н.Е. Бранденбургом (1896). В дальнейшем их положения получили развитие в трудах А.М. Андрияшева (1913; 1914) и М.В. Витова (1956; 1962; 1967; Витов М.В., Власова И.В., 1974). Эти принципы основаны на признании континуитета селений XV и XVIII вв., несмотря на катастрофические изменения в системе расселения в 10–20-е гг. XVII в., и использовании карт и планов Генерального межевания. Такой метод применен нами и для реконструкции территории Успенского Хрепельского погоста.

Наша реконструкция несколько осложняется тем, что рассматриваемые объекты находились на территории вотчины Аркажского монастыря, позднее – дворцовой волости. Таким образом, в нашем распоряжении достаточно мало письменных источников для соотнесения их с изучаемыми археологическими реалиями.

Выше было показано, что обнаруженное в 1996 г. сельское поселение относится примерно ко второй половине XV – середине XVI в. Рассматривая историю поселений Успенского Хрепельского погоста, можно заметить, что к этим хронологическим рамкам подходят лишь те деревни, которые в 1582 г. фигурируют как пустоши на территории дворцовой Хрепельской волости: пустошь Мохово, пустошь, что была деревня (далее – пчбд) Радыж, пчбд Щерково, пчбд Кошельково, пчбд Веределово, пчбд Ладега, пчбд ⟨...⟩, пчбд Витца, пчбд Язва. На то, что наше селение располагалось в "дворцовой" части Хрепельского погоста, указывает и его географическое положение – к востоку от погостского центра.

Местонахождение бывших деревень Кошельково и Вередело известно: одна из них существует ныне, другая исчезла сравнительно недавно. Существует сейчас и деревня Витца. По данным Генерального межевания локализованы деревни Язва, Ладега. Пока неизвестны лишь местоположения деревень Щерково, Мохово и Радыж.

С другой стороны, по данным Генерального межевания (Генеральный уездный план..., 1788 г.) примерно в месте исследованных нами объектов располагалась пустошь Голенищево, с которой соотносится сельцо Голенищево Хрепельской дворцовой волости 1582 г. и деревня Голенищево 1612 г. После 1612 г. д. Голенищево в источниках не известна.

Пока что мы затрудняемся окончательно идентифицировать исследованное нами поселение XV–XVI вв. Более поздний топоним "Щагин хутор" вроде бы вытеснил название деревни эпохи позднего средневековья. С другой стороны, характер селения Голенищево – сельцо (причем не владельческое – какие известны по исследованиям В.А. Бурова в Деревской пятине и могут представить из себя лишь помещичью усадьбу (Буров В.А., 1994, с. 40–42), а вотчинное) – сравнительно крупное поселение. Оно должно было бы оставить более представительный материал, относящийся к концу XVI – началу XVII в. Отметим, однако, что раскопанная нами площадь достаточно невелика, чтобы делать на этот счет окончательные выводы, а изменение границ и даже местоположения селения XVI в. является вполне вероятным и известным явлением.

История почитаемого места у д. Кашельково во многом остается неясной. Однако и те материалы, которыми мы сейчас располагаем, позволяют предполагать, что эта и подобные ей святыни были тесно связаны со многими сторонами повседневного религиозного обихода средневековой и новой Новгородчины. Мы надеемся, что наша статья хотя бы отчасти позволяет представить себе сложность процессов появления и функционирования деревенских святынь Северо-Запада России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров А.А., 1983. О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып. 175.

Андриашев А.М., 1913. Материалы для исторической географии Новгородской земли. Ч. 1. Списки селений. М.

Андриашев А.М., 1914. Материалы для исторической географии Новгородской земли. Ч. 2. Карты погостов. М.

Арциховский А.В., 1936. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле // СА. Т. 1.

Белецкий В.Д., 1991. Древний Псков. Каталог выставки. Л.

Бранденбург Н.Е., 1896. Старая Ладога. СПб.

Буров В.А., 1994. "А погост Жабна пуст..." М.

Витов М.В., 1956. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Т. 5. М.

Витов М.В., 1962. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М.

Витов М.В., 1967. Северорусская топонимия XV–XVIII вв. (к постановке топонимического источниковедения // ВЯ. № 4.

Витов М.В., Власова И.В., 1974. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М.

Гальковский Н.М., 1913. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. // Записки имп. МАИ. Т. XVIII.

Генеральный уездный план Новгородского уезда в 11 частях. 1788 г. // РГАДА. Ф. 135. 6. Оп. 1. № 3084–3094.

Грушина Л.Е., 1988. Каменные кресты Изборского края // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Краткие тез. докл. к науч.-практ. конф. Псков.

Дозорная книга Водской пятины. 1612 г. // ГАШ. АСПб ФИРИ РАН, м/ф 321 (без пагинации).

Зеленин Д.К., 1991. Восточнославянская этнография. М.

Золотов Ю.М., 1981. Остатки древнего святилища на р. Кимерше // Балто-славянские исследования. М., 1980.

Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии, 1885. Вып. X. СПб.
Курбатов А.В., 1995. Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.
Лебедев Г.С., 1986. Отчет о работах Лужского отряда СЗАЭ 1979 г. (с дополнениями 1983 г.) // Архив ИА РАН. Р–1. № 13891–13892.
Макаров Н.А., Чернецов А.В., 1988. К изучению культовых камней // СА. № 3.
Максимов С.В., 1994. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.
Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией, 1868. Т. 3. СПб.
Отрывок писцовой книги Водской пятины 1594–1505 гг., 1908. Киев.
Панченко А.А., 1996а. Деревенские святыни как фольклорно-этнографический источник. (По материалам Северо-Запада России). Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. СПб.
Панченко А.А., 1996б. Почитание каменных крестов на Северо-Западе России // Живая старина. № 3.
Плетнёв В.А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь.
Подлинная писцовая книга Воцкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подъячего С. Киселева. 1582 г. // РГАДА. Ф. 1209. № 958. Л. 68–75 об., 456–461.
Порфиридов Н.Г., 1963. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры. Каменный крест из Боровичей // Древнерусское искусство. М.
Репников Н.И., 1931. Жальники Новгородской земли // ИГАИМК. Т. IX. Вып. 5.
Рябинин Е.А., 1973. Отчет о полевых исследованиях Ижорского отряда // Архив ИА РАН. Р–1. № 5228, 5228а.
Рябинин Е.А., Рябинина Т.В., 1974. Работы Ижорского отряда // АО–1973.
Соленикова Е.В., 1996. Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. СПб.
Список с писцовой книги Водской пятины Григория Валуева. 1539/40 г. // РГАДА. Ф. 1209. № 17145. Л. 198.
Успенский Б.А., 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.
Харузина В.Н., 1906. К вопросу о почитании огня // ЭО. LXX–LXXI. № 3–4.
Целепи Л.Н., (б.г.). К археологической карте Петербургской губ. Восточная часть Лужского уезда. Водская пятина // Архив ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 7. Л. 6.
Шляпкин И.А., 1906. Древние русские кресты. I. Кресты новгородские, до XV в. неподвижные и нецерковной службы. СПб.
Шорин М.В., 1986. Отчет о работе Новгородской областной экспедиции музея-заповедника в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 11497.
Шорин М.В., 1991. Вопросы классификации и датировки культовых камней (по материалам Новгородской обл.) // КСИА. Вып. 205.
Щепкина Е.Н., 1892. Тульский уезд в XVII столетии. (Отт. из ЧОИДР). М.

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Филиал Института русской истории РАН, С.-Петербург

Санкт-Петербургский Государственный университет

A.A. PANCHENKO, V.B. PANCHENKO, A.A. SELIN

A SACRED PLACE NEAR KASHELKOVO VILLAGE: AN ATTEMPT OF INTERDISCIPLINARY INVESTIGATION

Summary

The article is devoted to the complex investigation of the history of a sacred place named Shchagin khutor, near Kashelkovo village, Batetsky district, Novgorod region. In the 19th–20th centuries a chapel existed there; a revered stone cross was preserved in it, morphologically it is ascribed to the type of Medieval crosses inscribed into a circle. The cross' proportions enable us to suppose that it did not represent a grave-cross, but a foundational one, i.e. designed for laying into a temple wall. Not far from the chapel a spring existed, its water was supposed to have healing properties. The mythological narrations and ritual activities connected with the revered place allow us to consider it a local sanctuary

characteristic of East Slavic folk culture. In 1996 reconnaissance and soundings were conducted at the sacred place, which revealed two cultural layers. The lower one was formed by a small rural settlement dated to the second half of the 15th – first half of the 16th centuries. Historical and geographical sources did not provide any reliable information as for its name. One cannot exclude that in that very place a small rural settlement of Golenishchevo, Khrepelskaya palace volost' was situated in the 16th century. But in that case a more representative material should have been obtained, its date falling within late 16th – early 17th centuries. The upper layer was connected with the chapel which occupied the area in the 19th–20th centuries. This deposit contained votive coins dated within 1811–1955 and some other evidences of the local sanctuary's reverence. The comparison of the archaeological finds and ethnographic data provides a possibility to reconstruct an adequate picture of the ritual activities connected with the revered stone cross. The results of the investigations conducted enable us to state that the interdisciplinary approach to the studies of rural sanctuaries, including parallel analyses of achaeological, historical and geographical, ethnographic and folklore evidences provides a reconstruction of more adequate picture of peasant religious outlook among the Eastern Slavs in late Middle Ages and Modern time.

Публикации

В.А. ЧИВИЛЕВ

КАМЕННЫЕ ТОПОРЫ И ДРУГИЕ СВЕРЛЕНЫЕ ОРУДИЯ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Изучение этой категории изделий на территории Восточной Европы уже длительное время привлекает внимание исследователей. Первая типологическая схема их была предложена В.А. Городцовым (1916, с. 7–25). Затем А.Я. Брюсов и М.П. Зимина обобщили сведения по каменным сверленым топорам-молоткам на территории европейской части СССР, но ими не были охвачены изделия Южнорусской степи-лесостепи (Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966, с. 27). Впоследствии рассмотрение данной категории изделий шло на основе отдельных территорий и локальных культур (Крайнов Д.А., 1972; Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976; Гадзяцкая О.С., 1976; Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976; Кореневский С.Н., 1990; Санжаров С.Н., 1992; Челяпов В.П., Иванов Д.А., 1995).

В этой связи территория Липецкой области интересна как территория диффузного взаимовлияния северных лесных и южных степных и лесостепных культур.

В настоящей работе автору удалось собрать информацию о 45 каменных сверленых топорах и их обломках. Использованы фонды Липецкого, Елецкого, Данковского, Лебедянского, Добровского и Чаплыгинского краеведческих музеев, Липецкого госпединститута, школьного музея с. Пушкино Добринского района Липецкой области.

Ряд предметов могут трактоваться как орудия труда, о чем свидетельствует их форма и размеры. Остальные принадлежат к боевому или парадному оружию. Наличие заготовок изделий практически во всех типах свидетельствует о местных традициях их изготовления.

В работе рассматриваются две категории орудий: сверленые и привязные. В категории сверленых орудий в свою очередь выделяется две группы предметов: орудия труда и оружие (боевое и парадное).

При разработке типологической схемы каменных сверленых боевых топоров мы придерживались типов, предложенных Санжаровым С.Н. (1992). В основу типологии сверленых орудий взяты следующие основные признаки: очертания en face, форма обуха и форма лезвия.

Выделяется пять ведущих типов сверленых боевых топоров: клиновидный, усеченно-ромбический, удлиненно-ромбический, обушковый и длиннолопастной.

Клиновидный тип представлен 13 находками (рис. 1, 2). Они характеризуются тем, что максимальная ширина изделия равна или немного превышает ширину обуха. Верхняя и нижняя поверхности уплощены (кроме одного предмета), сверлина зачастую смещена к обуху. На основе формы обуха выделяются два подтипа: А – топоры с подквадратным и Б – с подовальным обухом.

Подтип А. Топоры с подквадратным обухом – 10 предметов (рис. 1; 2, *3–6*). По наличию втулки данный подтип разделяется на два вида.

© В.А. Чивилев, 2000 г.

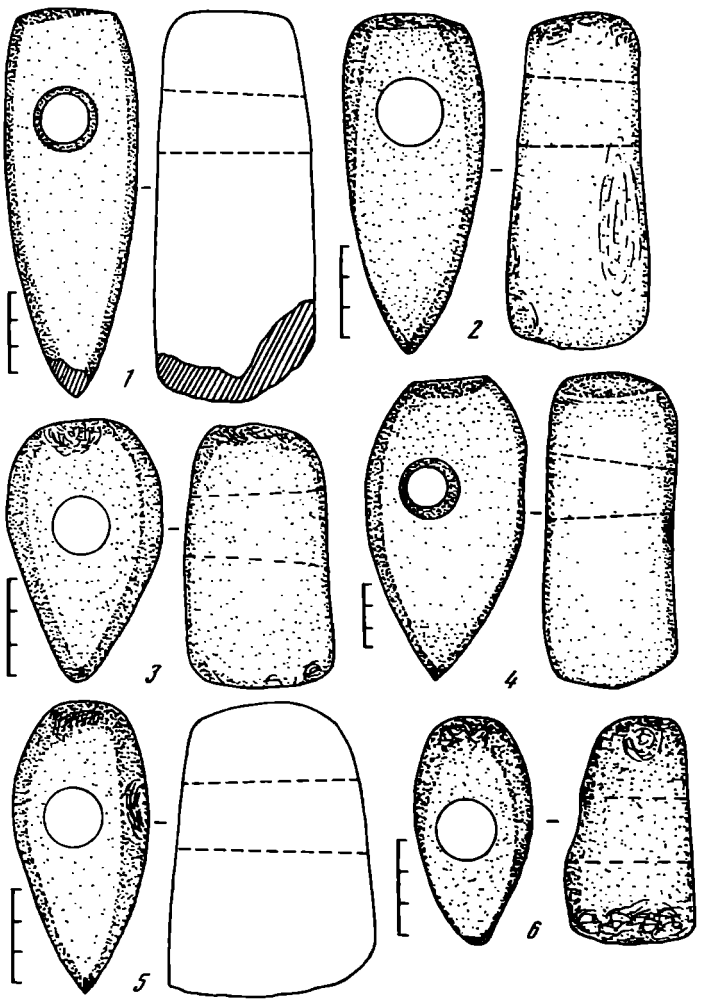


Рис. 1. Клиновидные топоры. *1* – г. Лебедянь; *2* – с. Богородицкое; *3* – Елецкий музей; *4* – с. Никольский Чамлык; *5* – с. Воскресеновка; *6* – Липецкий музей

1. Первый вид – семь топоров (рис. 1; 2, *3*). Верхняя и нижняя поверхности уплощены, корпус на всем протяжении сохраняет в сечении подпрямоугольные очертания и завершается прямоугольным, квадратным или трапециевидным обухом. Прямые аналогии этим топорам находятся повсеместно на всей территории распространения каменных боевых топоров. Так, заготовка с незавершенной сверлиной встречена на неолитическом поселении Кистрик на Северном Кавказе (Неолит..., 1996, с. 78, рис. 24, *6*). Данный вид соответствует типу 1 типологии О.С. Гадзяцкой (1976, с. 51, табл. XIX). Д.А. Крайнов отметил тяготение топоров этого типа к южным и юго-восточным районам фатьяновской территории (Крайнов Д.А., 1963; 1964). А.Я. Брюсов и М.П. Зимина зафиксировали около 800 мест находок клиновидных топоров (тип 2), сюда входят топоры также второй и третьей разновидностей (Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966, с. 24, табл. 2). Такие топоры встречены на территории Рязанской (Челяпов В.П., Иванов Д.А., 1995, с. 13, 19, рис. 1, *3*; 3, *4*), Воронежской (Прях-ин А.Д., Синюк А.Т., 1976, с. 85, 86, рис. 1, *1–6*, *8*) областей Украины и Донбасса (Санжаров С.Н., 1992, с. 161, 162, рис. 1). Широкие параллели данным орудиям имеются в катакомбных комплексах (Братченко С.Н., 1976, с. 54, рис. 26, *12*; Корнюшин Г.И., 1964, с. 184, рис. 6, 9, 13; Тощеев Г.Н., 1981, с. 66, рис. 2, 8, 11). О.Н. Бадер и А.Х. Халиков отметили наибольшую встречаемость подобных топоров у племен балановской культуры (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 60, карта 2).

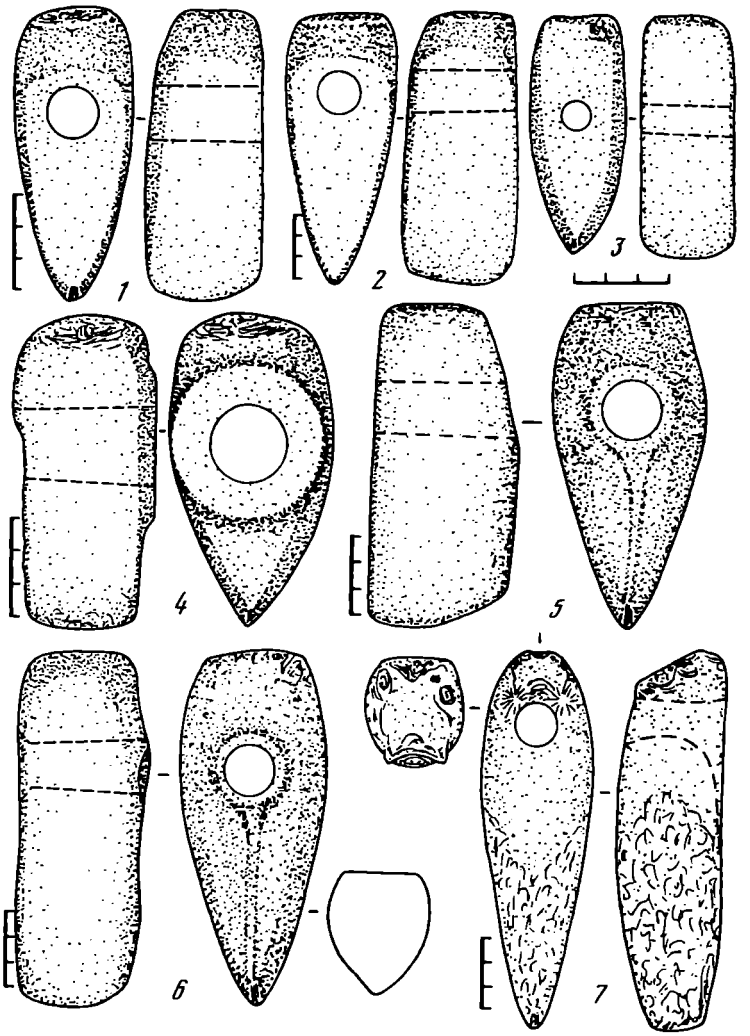


Рис. 2. Клиновидные топоры. *1* – с. Ясная поляна; *2* – с. Нечаевка; *3* – ур. Ендово; *4* – с. Ольховец; *5* – с. Долгуша; *6* – Елецкий музей; *7* – г. Елец

2. Три предмета (рис. 2, *4–6*). Имеют выступающую втулку вокруг сверлины. Сторона, противоположная втулке, уплощена и огранена. Два экземпляра имеют ребро от втулки к лезвию (рис. 2, *5*, *6*), у одного из них лезвие слегка скошено вниз (рис. 2, *5*). Профиль лезвийной части конусовидный. Третий топор имеет уплощенную поверхность у втулки (рис. 2, *4*). Аналогичное ему изделие найдено в Рязанской области (Челяпов В.П., Иванов Д.А., 1995, с. 20, рис. 4, *4*). По всей вероятности, этому топору близок тип 16б (по О.С. Гадзяцкой), двум другим – тип 16а (Гадзяцкая О.С., 1976, с. 56, табл. XXI). А также некоторые топоры второго типа (по А.Я. Брюсову и М.П. Зиминой) (Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966, с. 24, табл. 14). Вероятнее всего, появление втулки можно связать с продвижением племен балановской культуры на Среднюю Волгу (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 62, табл. 44, *8–10*, карта 3; Гадзяцкая О.С., 1976, с. 56).

Подтип Б. Клиновидные топоры с подовальным обухом – два предмета (рис. 2, *1*, *2*). Отличается от предыдущих тем, что уплощение верхней поверхности завершается сразу за сверлиной, обушковая часть скошена и закруглена. Завершается подовальным обухом. Еще один топор, происходящий с территории бывшего Задонского уезда, хранится в Воронежском музее (Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976, с. 85, 86, рис. 1, *7*). Похожий топор найден в окрестностях г. Мариуполь (Каталог..., 1993, с. 22,

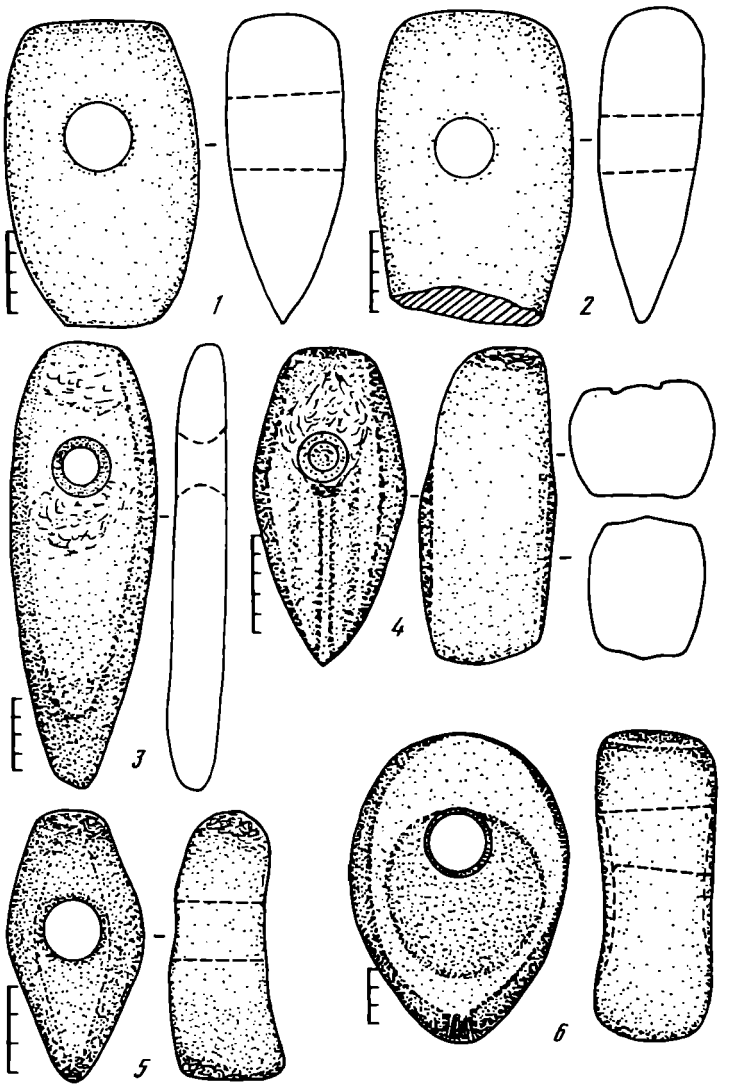


Рис. 3. Мотыги (*1–3*) молотовидный (*6*) и усеченно-ромбические топоры. *1* – с. Каменная Лубна; *2* – Лебедянский музей; *3* – ст. Урюпинская; *4* – с. Ленино; *5* – с. Бутырки; *6* – с. Двуречки

№ 61, рис. 13, *1*). К этой же разновидности, вероятно, близки топоры с округлым обухом (тип 2а по А.Я. Брюсову и М.П. Зиминой) (Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966, с. 24, табл. 2).

В данный подтип формально можно включать один топор (рис. 2, *7*), относимый нами к клиновидным, но имеющий ряд специфических особенностей: каплевидную форму, подовальное в сечении тулово, ограниченную зашлифованность поверхности, расширяющуюся и удлиняющуюся книзу сверлину, короткое лезвие, отсутствие обуха как рабочей поверхности, плавную изогнутость топора в профиль. Все это позволяет предположить нестандартность его изготовления и специфичность крепления на рукояти.

Этот тип топоров практически всеми исследователями рассматривается как наиболее древний (Городцов В.А., 1916, с. 9, 10; Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966, с. 24; Крайнов Д.А., 1972, с. 41; Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 60; Санжаров С.Н., 1992, с. 162) и общий для всех культур с каменными сверленными топорами. Усложнение клиновидной формы втулкой происходит у племен балановской культуры и появление подобных топоров на территории Липецкой области, по всей видимости, связано с влиянием этих племен.

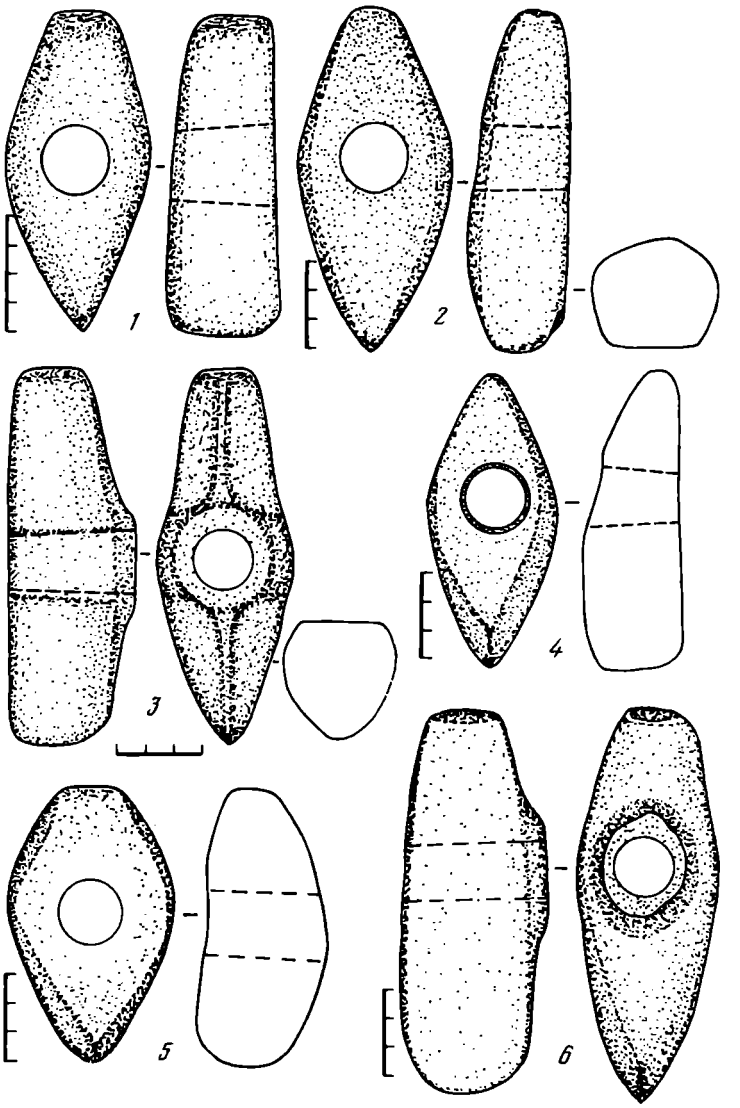


Рис. 4. Усеченно-ромбические (*1*, *2*, *4–6*) и удлиненно-ромбические (*3*) топоры. *1* – с. Хитрово; *2* – р. Воронеж; *3* – с. Ясная Поляна; *4* – с/х Павловский; *5* – с. Курапово; *6* – с. Пушкино

Усеченно-ромбический тип представлен девятью предметами (рис. 3, *4*, *5*; 4, *1*, *2*, *4–6*; 5, *1*, *3*). Отличительными особенностями изделий этого типа являются подромбическая форма и постепенное ровное сужение тулова от максимальной ширины у проушного отверстия к обушку. При этом обух не выражен, а обушковая часть тулова имеет в сечении подпрямоугольную форму. Преобладает уплощенная ограненная форма верхней и нижней поверхностей, причем верхняя слегка закруглена.

Данная форма изделий встречается повсеместно на всей территории распространения боевых топоров: на поселениях воронежской культуры Малое Боршевское, Архангельское (Пряхин А.Д., 1982, рис. 34, *5*; 35, *20*), катакомбной культуры – у г. Славяногорска (Санжаров С.Н., 1992, с. 163, рис. 3, *2*). В погребениях катакомбной (Качалова Н.К., 1974, с. 20, табл. 13, *1*; Санжаров С.Н., 1992, с. 163, рис. 3, *1*; Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1991, с. 72, 73, рис. 15, *3*), среднеднепровской культуры (Качалова Н.К., 1974, с. 14, табл. 3, *4*, *7*, *8*). При случайных находках в Донбассе найдено 11 экземпляров этого типа топоров (Санжаров С.Н., 1992, с. 163–167, рис. 3, *2*; 4, *1–3*, *5*, *6*; Каталог..., 1993, с. 24–26, № 82, 86–88, 102, 103, рис. 17, *1*; 18, *1–3*, 21, *1*, *2*). Значительное количество топоров этого типа хранится в Воронеж-

ском музее (Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976, с. 91, 92, рис. 3). Широко распространен этот тип и в лесной зоне, у племен фатьяновской (Гадзяцкая О.С., 1976, с. 51, табл. XIX, XXXIII) и балановской (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 61–63, табл. 42, 44, карта 5) культур.

У изделия из с. Бутырки (рис. 3, *5*) нет выделенных граней перехода от слегка скругленных поверхностей к бокам. Топор слегка изогнут в профиль, лезвие слегка изогнуто и оттянуто книзу. Аналогичный топор найден у с. Забара в погребении среднеднепровской культуры (Качалова Н.К., 1974, с. 16, табл. 4, *5*). В погребениях катакомбной культуры у с. Горожено (Шарафутдинова І.Н., 1980, с. 60–70) и у с. Заморожное (Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1991, с. 61–73, рис. 7, *4*) обнаружены топоры, аналогичные по форме, но имеющие сложное орнаментальное оформление.

Уплощенные и ограненные поверхности заготовки из с. Ленино (рис. 3, *4*) имеют выступающее ребро в лезвийной части. Поверхности между ребром и гранями топора углублены и напоминают желобки. Подобное оформление поверхностей, но с продолжением в обушковой части, имеет топор, найденный близ с. Зеленки (Качалова Н.К., 1974, с. 21, табл. 15, *3*). Этот элемент встречается на экземплярах с Донбасса (Каталог..., 1993, с. 25, рис. 17, *4*; Санжаров С.Н., 1992, с. 164, рис. 3, *5*) и Центрального Предкавказья (кабардино-пятигорский тип) (Кореневский С.Н., 1990, с. 60–62, рис. 49).

В этот же тип нами включен обломок лезвийной части топора из Липецкого музея (рис. 5, *3*) имеющий оформление верхней и нижней поверхностей, соответствующее данному типу. Аналогичный топор найден у сел Покровское и Павлополь (Качалова Н.К., 1974, с. 20, табл. 13, *1*; Санжаров С.Н., 1992, с. 163, рис. 3, *1*, *3*).

Наблюдаются следующие признаки, характерные для культур лесной и степной зон. Это топоры с прямым профилем, уплощенными и ограненными верхней и нижней поверхностями (с горбатой спинкой у балановцев). Прямое лезвие и редкие элементы украшений в виде ребра, наличие втулки характерны для памятников лесных культур. А уплощенная, но слегка округлая и не имеющая огранки верхняя поверхность, легкая изогнутость в профиль, небольшое закругленное, слегка оттянутое вниз лезвие, сложное желобчатое оформление поверхностей – являются особенностями степных и лесостепных культур.

Удлиненно-ромбический тип представлен двумя предметами (рис. 4, *3*; 5, *2*). От усеченно-ромбических они отличаются удлиненной усеченно-ромбической формой с выраженной усеченно-конической обушковой частью, постепенно сужающейся к обушку. Сверлина расположена по центру изделия. Подобный топор встречен у с. Яновка (Качалова Н.К., 1974, с. 21, табл. 15, *2*).

Экземпляр из с. Ясная Поляна имеет уплощенную верхнюю поверхность, втулку вокруг сверлины и ребро от втулки в лезвийной и обушковой частях тулова. Максимальная ширина топора выделена валиком напротив сверлины от уплощенной верхней поверхности до втулки. На этом топоре совмещаются различные технологические детали: втулка, характерная для лесных культур – фатьяновской (Гадзяцкая О.С., 1976, с. 56, табл. XXI; XXIX, *4*, *5*) и балановской (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 62, табл. 44, *7–10*, карта 3) и встречаемая также на территории Рязанской области (Челяпов В.П., Иванов Д.А., 1995, с. 20, рис. 4, *4*), и выделение максимальной ширины, характерное для Донбасской группы топоров (Санжаров С.Н., 1992, с. 171, 172, рис. 6, *8*; 7, *2*, *3*; 8, *1*; 9, *1*), топоров кабардино-пятигорского типа и их аналогов на территории Украины (Нечитайло А.Л., 1991, с. 91, рис. 36).

Заготовка из Липецкого краеведческого музея (рис. 5, *2*) имеет плоскую ограненную нижнюю часть. Грани и выступающее ребро на верхней части образуют желобки. В центре топора ребро с двух сторон огибает овальное углубление под сверлину. В профиле топор слегка изогнут. Мы уже рассматривали подобное оформление поверхности при анализе усеченно-ромбических топоров, следует сказать лишь то, что продолжение желобков и на обушковую часть встречается на экземпляре из с. Зеленки (Качалова Н.К., 1974, с. 21, табл. 15, *3*). У северо-кавказских же топоров

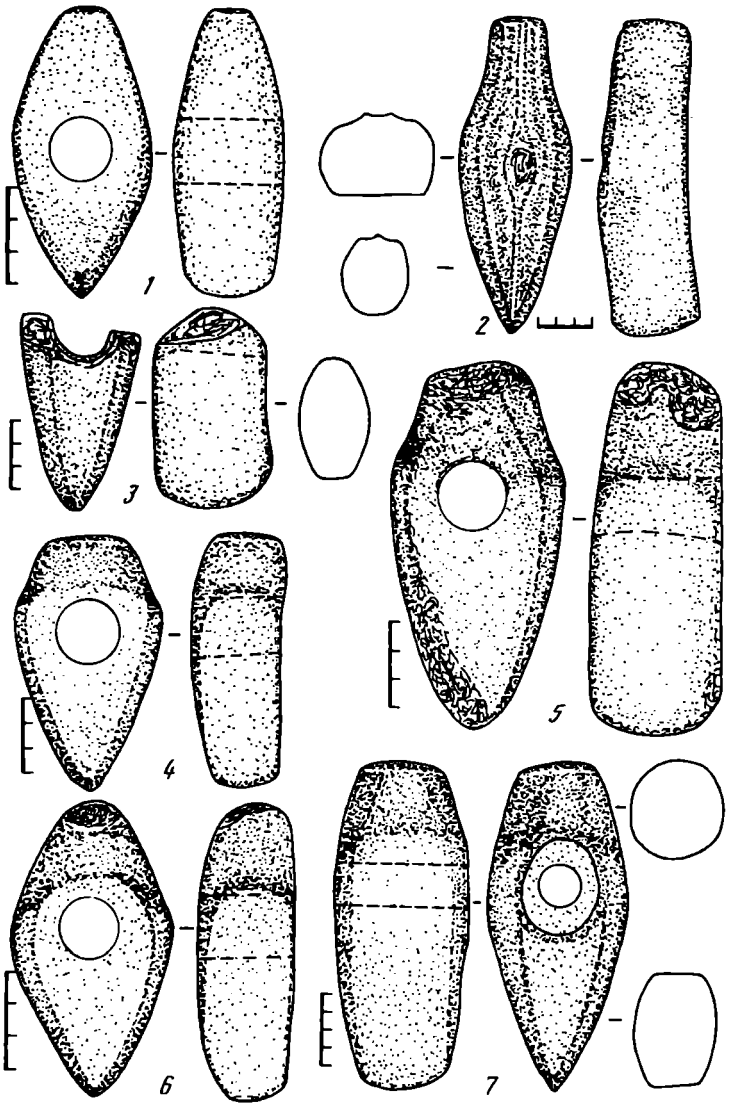


Рис. 5. Усеченно-ромбические (*1*, *3*), удлиненно-ромбические (*2*) и обушковые топоры (*4–7*). *1* – ур. Ендово; *2*, *3* – Липецкий музей; *4* – с. Большие Хомуты; *5* – г. Елец; *6* – с. Ясная Поляна; *7* – с. Излегощи

сложная огранка наблюдается только в лезвийной части (Кореневский С.Н., 1990, с. 60–62, рис. 49).

Обушковый тип представлен девятью изделиями (рис. 5, *4–7*; 6, *1–4*, *6*). Объединяет изделия с выделенным цилиндрическим обушком На основании длины обушка представляется возможным выделить три подтипа: А – среднеобушковый, Б – короткообушковый и В – длиннообушковый.

Подтип А: среднеобушковые – четыре предмета (рис. 5, *4–7*). Имеют средней длины обушок, уплощенную верхнюю и нижнюю поверхности, заканчивающиеся непосредственно за сверлиной, смещенной от центра к обушку, и характерные "плечики" при переходе от подпрямоугольного тулова к подовальному обуху, которые отсутствуют у единственного экземпляра – массивного топора из с. Излегощи, имеющего несимметричную втулку (рис. 5, *7*). Такие "плечики" характерны для памятников катакомбной культуры (Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1991, с. 67, рис. 9, *5*), топоров Воронежского музея (Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976, с. 87, 88, рис. II, *1–5*), донбасских топоров (Санжаров С.Н., 1992, с. 160–170, рис. 3, *5*; 4, *4*; 6, *6*, *7*; Каталог..., 1993, с. 22, 25, 29, рис. 12, *2*, *3*; 17, *4*; 24, *6*). Аналогичный топор найден у с. Корсунь

Киевской губернии (Качалова Н.К., 1974, с. 21, табл. 17, *2*). Такой переход от корпуса к обуху наиболее ярко представлен и на топорах кабардино-пятигорского типа (Кореневский С.Н., 1990, с. 60–62, рис. 49, 50).

Подтип Б: короткообушковые (рис. 6, *2*, *3*). Включает две массивные заготовки, слегка изогнутые в профиль, с широким лезвием.

Экземпляр из с. Большие Хомяки Добровского района (рис. 6, *2*) имеет уплощенную и ограненную верхнюю поверхность и ограненную, с ребром посередине нижнюю. Лезвие удлинено и оттянуто вниз, тулово имеет выделяющееся максимальное расширение напротив предполагаемой сверлины ближе к задней части топора. Обушковая часть несколько заужена по сравнению с грибовидно расширяющимся обухом. Сочетание таких признаков имеет аналогии на Донбассе в погребениях катакомбной (Санжаров С.Н., 1992, с. 171, рис. 6, *8*; 7, *4*) и среднеднепровской (Качалова Н.К., 1974, с. 14, табл. 1, *7*) культур. Похожий тип, но имеющий небольшое лезвие и закругленную верхнюю поверхность, выделен О.С. Гадзяцкой в отдельный тип 14 (Гадзяцкая О.С., 1976, с. 56, табл. XXI).

Изделие из Липецкого краеведческого музея (рис. 6, *3*) имеет плоскую ограненную нижнюю поверхность, уплощенную верхнюю, короткий овальный обух, отделенный от тулова "плечиками".

Подтип В: длиннообушковые (рис. 6, *1*, *4*, *6*). Два небольших изделия и один обломок лезвийной части со сверлиной, смещенной к центру. Нижняя часть уплощена, причем у экземпляра из с. Афанасьево уплощение плавно переходит в цилиндрическую обушковую часть. На верхней поверхности в лезвийной части топора находится ребро, причем у экземпляра из Ельца оно с огранкой образует две плоскости, а у топора из с. Афанасьево верхняя поверхность закруглена и лезвийная часть в разрезе имеет форму конуса. Топор из Ельца плавно изогнут в профиль, лезвие закруглено и оттянуто вниз и назад.

В этот подтип можно включить обломок лезвийной части из с. Ярлуково (рис. 6, *1*), имеющий широкое, удлиненное и оттянутое вниз лезвие с сильно сработанной и выщербленной рабочей поверхностью, едва выступающие бока, уплощенные двускатные верхнюю и нижнюю поверхности. Изделие плавно изогнуто в профиль, имеет отверстие, расположенное, судя по короткой лезвийной части, по центру изделия. Аналогичный тип топора встречен в с. Гребени Киевской губернии (Качалова Н.К., 1974, с. 21, табл. 18, *2*). Длиннообушковые топоры с двускатной огранкой поверхностей представлены среди топоров Донбасса (Санжаров С.Н., 1992, с. 162–173, рис. 5, *2*, *4*; 6, *8*; 7, *6*; 8, *1*; 9, *1*; Каталог..., 1993, стр. 27, 28, рис. 22, *1*, *2*; 23, *1*). Двускатная огранка поверхностей при слабо выступающих боках, цилиндрический обух, изгиб корпуса в профиль, "плечики" при переходе от лезвийной части к обуху имеются на топорах кабардино-пятигорского типа (Кореневский С.Н., 1990, с. 60–62; рис. 49; Нечитайло А.Л., 1991, с. 91, рис. 36). Топоры этого типа встречены также на памятниках катакомбной культуры Университетское 2 (Пряхин А.Д., 1982, с. 28, рис. 4, *6*) и Власовский могильник (Синюк А.Т., 1989, рис. 10, *1*) на Среднем Дону, в собрании топоров Воронежского краеведческого музея (Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976, с. 89, рис. II, *13*, *14*).

Длиннолопастной тип (рис. 6, *5*) представлен заготовкой, имеющей длинное лезвие, плоскую верхнюю поверхность, выгнутую уплощенную нижнюю поверхность и невыраженный обух. Встречены на памятнике срубной культуры у с. Ярлуково. Этот тип топоров характерен для культур лесной зоны. Он встречается на территории балановской культуры (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 65). О.С. Гадзяцкая выделила его в группу 10 и охарактеризовала как определяющий тип для верхневолжской ватьяновской группы (Гадзяцкая О.С., 1976, с. 55, табл. XX). На нашей территории представляет, вероятно, заимствованную у носителей фатьяновской культуры традицию их изготовления.

Группа орудий труда включает два типа изделия: мотыги и молотовидное орудие.

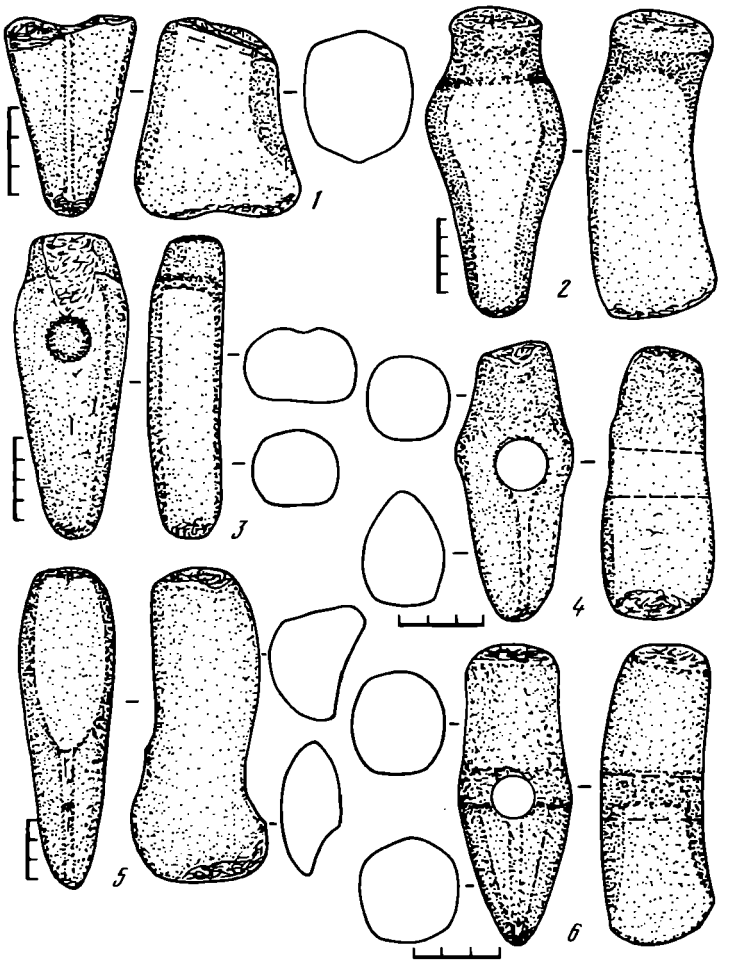


Рис. 6. Обушковые (*1–4, 6*) и лопастной (*5*) топоры. *1, 5* – с. Ярлуково; *2* – с. Большие Хомяки; *3* – Липецкий музей; *4* – с. Афанасьево; *6* – с/х "Прогресс"

Орудия типа мотыг – три экземпляра (рис. 3, *1–3*) отличаются тем, что ширина изделия en face значительно превышает ширину в профиль. Уплощенность лезвия en face и конусовидность в профиль позволяет говорить об использовании данных орудий в качестве мотыг (Пряхин А.Д., 1982, с. 149). Практически идентичный имеющимся предмет встречен вместе с катакомбной керамикой у ст. Графская Воронежской области (Пряхин А.Д., 1982, с. 149, рис. 44, *1*), в коллекции Воронежского музея (Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976, с. 94, рис. IV, *12*), на Донбассе (Кравец Д.П., 1993, с. 179, рис. 1, *1*; Каталог..., 1993, с. 30, рис. 27, *4*). Сюда же включено орудие, хранящееся в Липецком музее, но найденное на берегу р. Хопер (рис. 3, *3*).

Молотовидное орудие представлено одним изделием (рис. 3, *6*). Имеет закругленные лезвийную и обушковую части, уплощенность и огранку верхней и нижней поверхностей и желобки с обеих сторон, слегка смещенные к лезвию, ширина en face значительно превосходит ширину в профиль. По характеру сработанности можно предположить использование орудия в качестве кузнечного молота. Подобный тип изделий представлен в работе А.Я. Брюсова и М.П. Зиминой (тип 6) (Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966, с. 27, табл. 6; 19). Он присутствует на территории южнорусских степей (Санжаров С.Н., 1992, с. 162, 163, рис. 2). О.Н. Бадер и А.Х. Халиков отмечают наибольшую встречаемость топоров этого типа в лесной зоне (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 60).

Категория привязных топоров (рис. 7, *1–3*) включает в себя два предмета. Они характеризуются крупной массивной клиновидной или прямоугольной формой en face,

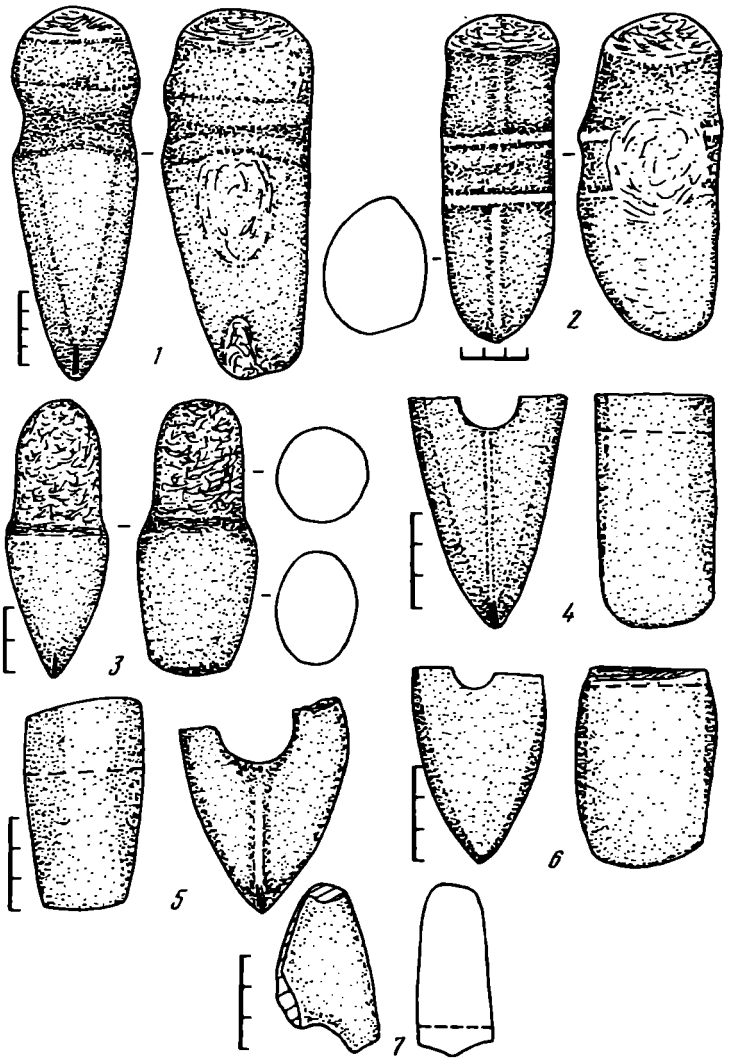


Рис. 7. Привязные топоры (*1–2*), черешковый топорик из Липецкого музея (*3*) и обломки топоров (*4–7*). *1* – с. Двуречки; *2* – с. Хрущево-Подлесное; *4* – ур. Ендово; *5* – Лебедянский музей; *6* – с. Паршиновка; *7* – г. Лебедянь

суживающейся и закругленной у лезвия; наличием суженного, выделенного выступающими валиками перехвата, залощенного до блеска участка поверхности на одном из боков, на самом перехвате или рядом с ним. Максимальная высота изделий в профиль у перехвата, плавно понижается к обуху и к невысокому полукруглому слегка скошенному вниз лезвию; имеют округлый выпуклый обух; спрямленную и уплощенную нижнюю поверхность.

Экземпляр из с. Хрущево-Подлесное (рис. 7, *2*), кроме того, имеет ребро на верхней поверхности в обушковой и лезвийной частях, уплощенную и ограненную нижнюю поверхность с овальной выемкой, что предполагает двойную систему упора снизу и сбоку. У экземпляра из с. Двуречки (рис. 7, *1*) уплощен и огранен участок верхней поверхности в лезвийной части у перехвата.

Аналогии этому типу топоров имеются в ареале памятников балановской культуры (бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 65), на Донбассе (Каталог..., 1993, с. 29, 31–33, № 133, 134, 150–166, рис. 25, *2*, *3*; 29, *2–4*; 30–33; 34, *1*), где они интерпретируются как горнорудные орудия.

Из общей типологии выбивается небольшой (длиной 9 см) черешковый топорик из

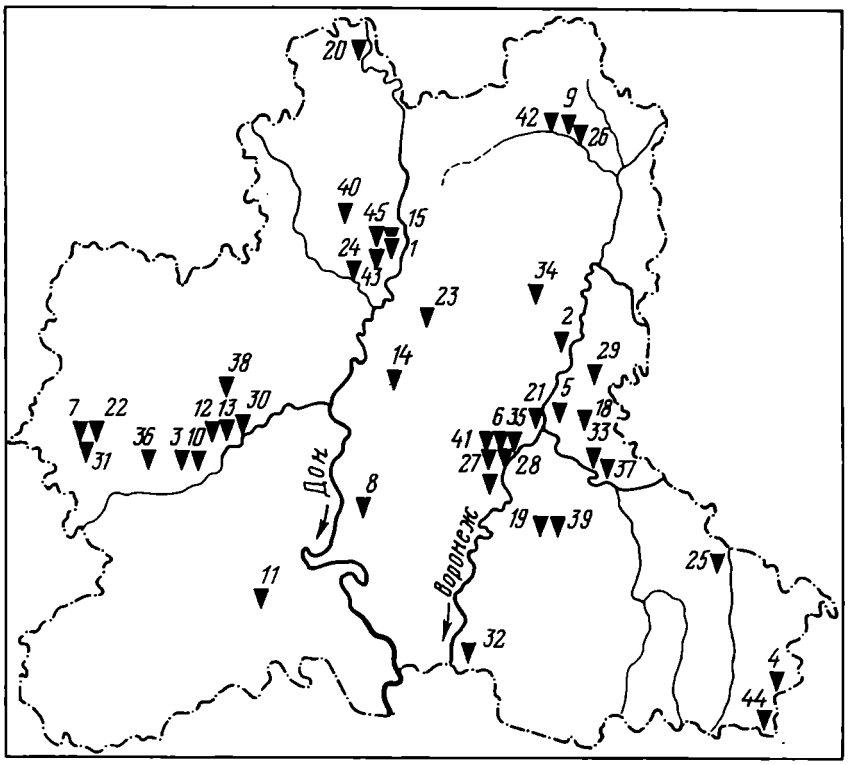


Рис. 8. Карта распространения находок на территории Липецкой области.
1, 45 – г. Лебедянь; *2* – с. Богородицкое; *3, 12* – Елецкий музей; *4* – с. Никольский Чамлык; *5* – с. Воскресеновка; *6, 27, 28, 35, 41* – Липецкий музей; *7, 22, 31* – Ясная Поляна; *8* – с. Нечаевка; *9, 26, 42* – ур. Ендово; *10* – с. Ольховец; *11* – с. Долгуша; *13, 30* – г. Елец; *14* – с. Каменная Лубна; *15, 43* – Лебедянский музей; *17* – с. Ленино; *18* – с. Бутырки; *19, 39* – с. Двуречки; *20* – с. Хитрово; *21* – р. Воронеж; *23* – с/х Павловский; *24* – с. Курапово; *25* – с. Пушкино; *29* – с. Большие Хомуты; *32* – с. Излегощи; *33, 37* – с. Ярлуково; *34* – с. Большие Хомяки; *36* – с. Афанасьево; *38* – с/х "Прогресс"; *40* – с. Хрущево-Подлесное; *44* – с. Паршиновка

Липецкого краеведческого музея (рис. 7, *3*). Наиболее близкие аналогии ему имеются на памятниках балановской культуры (Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976, с. 65, 66).

Кроме того, из разных мест происходят еще три обломка лезвийных частей каменных сверленых топоров (рис. 7, *4–6*) и один обломок обушковой части (рис. 7, *7*), которые затруднительно отнести к какому-либо типу.

Приведенный выше типологический анализ позволяет разработать классификацию каменных топоров Липецкой области. На фоне общих типов, присутствующих на всей территории распространения каменных сверленых боевых топоров, выделяются следующие признаки, характеризующие северные лесные и южные степные и лесостепные культуры.

Для степных культур характерны: легкая изогнутость в профиль в сочетании с закругленным, слегка оттянутым вниз лезвием; сложное желобчатое оформление поверхностей; двускатная огранка лезвийной части при слабо выступающих боках; "плечики" при переходе от подпрямоугольного тулова к подовальному обуху; выделенное максимальное расширение топора напротив сверлины.

Для лесных культур более характерны клиновидный, молотковидный, длиннолопастной типы, черешковый топор. На топорах Липецкой области присутствуют следующие признаки, характерные для лесных культур: наличие втулки; прямой в профиль корпус; уплощенные поверхности и выпуклая спинка у усеченно-ромбических топоров. Причем среди лесных культур отмечается преобладание подобных изделий в культуре балановских племен.

Таким образом, фиксация этих признаков на изделиях Липецкой области позволяет маркировать территорию взаимовлияния культур леса и степи в пределах очерченных нами современных административных границ (рис. 8).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976. Памятники балановской культуры // САИ. В1-25.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966. Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР // САИ. Вып. В4-4.

Гадзяцкая О.С., 1976. Памятники фатьяновской культуры ивано-горьковской группы // САИ. В1-21.

Городцов В.А., 1916. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М. Каталог случайных находок из археологического собрания Донецкой области, 1993 // Археологический альманах № 1. Донецк.

Качалова Н.К., 1974. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. М.

Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века центрального Предкавказья. М.

Корнюшин Г.И., 1964. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте) // Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.

Кравец Д.П., 1993. Несколько находок эпохи средней бронзы из Донбасса // Донецкий археологический сборник. Вып. 4. Донецк.

Крайнов Д.А., 1963. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. Вып. В1-19.

Крайнов Д.А., 1964. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа // САИ. Вып. В1-20.

Крайнов Д.А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.

Неолит Северной Евразии, 1996. М.

Нечитайло А.Л., 1991. Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.

Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1991. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной культуры // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев.

Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного подонья. Воронеж.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976. Коллекция каменных шлифованных орудий Воронежского краеведческого музея // Из истории центрально-черноземного края // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 157. Воронеж.

Санжаров С.Н., 1992. Каменные сверленые топоры – молотки Донбасса // РА. № 3.

Синюк А.Т., 1989. Погребения ямной и катакомбной культур первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Тощеев Г.Н., 1981. О памятниках катакомбной культуры территории Северо-Западного Причерноморья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Челяпов В.П., Иванов Д.А., 1995. Находки каменных топоров на территории Рязанской области // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань.

Шарафутдинов І.Н., 1980. Орнаментовані сокири-молотки з катакомбных поховань на Інгули // Археологія. Вип. 33.

Государственная дирекция
по охране культурного наследия
Липецкой области, Липецк

V.A. CHIVILEV

STONE AXES AND OTHER PERFORATED TOOLS ON THE UPPER DON RIVER

Summary

In the article the author analyzes the information on 45 stone axes and other tools collected from the territory of Lipetsk region. Two categories of the tools are considered: perforated and attached ones. The typology of perforated axes is based on the following indications: shape *en face*, butt and cutting edge forms. The category of perforated axes includes two groups – common and ceremonial weapons on the one hand, and tools, on the other hand. Five leading types of perforated axes are outlined: wedge-shaped, truncated rhomboid, elongated thomboid, with hammer knob, and elongated ones. In their turn wedge-shaped axes are divided into two subtypes – with oval-shaped butt and with square-shaped butt. The axes with hammer knob are divided according to the butt length into three subtypes – with long, middle, and short butt. The tools group comprises two types of artefacts: hammer-like ones and hoes.

Д. ЭРДЭНЭБААТАР, Ю.С. ХУДЯКОВ

НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ШЛЕМОВ В ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛАХ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

Важное место в комплексе вооружения древних кочевников степного пояса Евразии принадлежало бронзовым шлемам. Появление металлических боевых наголовий в составе средств защиты номадов стало возможным в результате совершенствования технологии бронзового литья. Оно существенно повлияло на развитие военного искусства в кочевом мире. В древности бронзовые шлемы высоко ценились, поэтому их находки в памятниках культур бронзового и раннего железного веков достаточно редки. Практически каждая из таких находок становилась объектом исследования отечественных и зарубежных специалистов, археологов и оружиеведов. В трудах исследователей рассматривались вопросы типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности бронзовых шлемов, проблемы происхождения, технологии изготовления и роли боевых наголовий в военном деле древних номадов. Находки бронзовых шлемов "кубанского типа" с территории Восточной Европы наиболее детально проанализированы в обобщающих работах Е.В. Черненко, Л.К. Галаниной и М.В. Горелика (Черненко Е.В., 1968, с. 77–81; Галанина Л.К., 1985, с. 169–183; Горелик М.В., 1993, с. 168–173). По данным специалистов, в Причерноморье и на северном Кавказе обнаружено 18 бронзовых шлемов, из которых более половины происходит из закрытых комплексов, относящихся к раннескифскому времени. Бронзовые шлемы, обнаруженные на территории Средней Азии, анализировались в работах Е.Е. Кузьминой (1958, с. 122), Б.А. Литвинского (1972, с. 127, 128), М.В. Горелика (1987, с. 121–125) и других исследователей. В Средней Азии найдено два бронзовых шлема, относящихся к культуре саков. Предположительно эти находки отнесены М.В. Гореликом к VI–V вв. до н.э. (Горелик М.В., 1993, с. 169). Серия бронзовых шлемов обнаружена в северном Китае. Большинство из них происходит из раскопок памятников "северных кочевых варваров", соотносимых с племенами дунху, жунов или предков сюнну (Комиссаров С.А., 1988, с. 78, 79, 91; Варенов А.В., 1994, с. 86–93). По данным А.В. Варенова, эти шлемы должны датироваться X–IX вв. до н.э. (Варенов А.В., 1994, с. 91).

До недавнего времени с территории Центральной Азии, из Верхнего Прииртышья, была известна только одна случайная находка бронзового шлема "кубанского типа", которая неоднократно привлекала внимание исследователей. Большинство специалистов относит эту находку к майэмирской культуре раннескифского времени, к VIII–VI вв. до н.э. (Грязнов М.П., 1947, рис. 5; Суразаков А.С., 1979, с. 189). По мнению М.В. Горелика, данный шлем относится к сакской культуре. Подобные шлемы бытовали до конца I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют изображения воинов в шлемах на навершии из "Сибирской коллекции" (Горелик М.В., 1987, с. 123).

В связи с большой редкостью находок бронзовых шлемов в культурах древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии, несомненный интерес должны представлять два шлема, обнаруженные в ходе раскопок плиточных могил в 1992 и 1994 гг. на территории Северной Монголии. Раскопки проводились силами Селенгинской экспедиции Института истории АН Монголии под руководством Д. Эрдэнэбаатара, в ходе исследования разновременных археологических памятников в зоне

© Д. Эрдэнэбаатар, Ю.С. Худяков, 2000 г.

проектируемого водохранилища в долине р. Эгин-гол, вытекающей из оз. Хубсугул и впадающей с северной, левой стороны в р. Селенгу. Результаты раскопок введены в научный оборот в статьях и диссертациях Д. Эрдэнэбаатара на монгольском языке (Эрдэнэбаатар Д., 1992; 1994; 1997, зур. 1–4). Однако археологам, не владеющим монгольским языком, эти находки остаются практически не известными. Их публикация на русском языке сделает данные материалы доступными для изучения более широкому кругу специалистов.

В 1992 г. бронзовый шлем был обнаружен в процессе раскопок плиточной могилы № 3 на памятнике Эмгент Хошуу. Данный памятник расположен на левом берегу р. Эгин-гол, в неширокой остепненной долине, по которой пролегло сухое русло ручья Бэлсэгийн-гол, у южного склона горы Эмгэнт Хошуу. Могильник состоит из 10 плиточных могил, компактно расположенных у подножья скалистого склона горы. Они представляют собой прямоугольные в плане ограды из вертикально врытых, но покосившихся от времени массивных каменных плит. У некоторых оград с восточной стороны установлены вертикальные стелы – "сторожевые камни" (Гришин Ю.С., 1981, с. 159, 160). На площади могильника установлено 4 вертикальных каменных стелы, не связанных с определенными могилами.

Могила № 3 была одной из самых крупных в могильнике. Она была обнесена прямоугольной оградой из вертикально врытых каменных плит. Площадь ограды 6,5 × 4,5 м^2, высота стен ограды 0,1 м. Ограда ориентирована стенами по сторонам света, длинной осью по линии запад-восток с небольшим отклонением. Пространство внутри ограды и вокруг стен заполнено каменными плитами, образующими пологую каменную насыпь. При разборке насыпи, среди камней найден фрагмент керамики красноватого цвета и нижняя челюсть лошади.

Внутри ограды находилась могильная яма овальной формы, площадью 2,8 × 0,8 м^2. Яма ориентирована длинной осью по линии запад-восток. С западной стороны сохранилось перекрытие из массивных каменных плит, положенных поперек ямы. В восточной части ямы перекрытие нарушено. Могильная яма заполнена мелкими каменными плитами. В западной части ямы каменное заполнение располагалось по всей ее площади до дна на глубине 0,8 м от поверхности насыпи. В восточной части ямы заполнение было нарушено грабительским лазом, заполненным землей и каменными плитами. Однако на дне ямы, в ее восточной части были обнаружены два позвонка и астрагал овцы, несколько фрагментов тулова лепного сосуда, бронзовая сферическая бляшка-"пуговка" с перекладиной на тыльной стороне, просверленная подвеска из зеленоватого камня. Бронзовый шлем находился у северной стенки могильной ямы, частично в небольшом углублении в стенке ямы. Он лежал лицевой частью вверх, был ориентирован куполом на запад, наушами на восток (рис. 1, *1, 2;* 2, *1–4;* 3, *1*).

В 1994 г. второй бронзовый шлем был обнаружен при раскопках плиточной могилы № 1 в могильнике Холтост Нуга. Могильник расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Эгин-гол, в небольшой лощине, у подножья возвышенности. Он состоял из 10 округлых каменных выкладок и плиточных могил, расположенных вдоль террасы, у подножья склона возвышенности.

Могила № 1 представляла собой ограду прямоугольной формы из вертикально врытых каменных плит. Площадь ограды 6,5 × 4,5 м^2, высота стен ограды 0,2 м. Ограда ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Внутри ограды и вокруг стен находились каменные плиты, образующие пологую каменную насыпь. Под насыпью, в центральной части ограды, находилась могильная яма овальной формы, площадью 2,3 × 0,7 м^2, глубиной 0,8 м. Яма ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Она была заполнена камнями и землей. В заполнении могилы найдены позвонок овцы и челюсть лошади. На дне могилы, в ее восточной части, у юго-восточной стенки был найден бронзовый шлем. Он лежал куполом вниз, наушами вверх. Никаких других находок на дне могильной ямы не было обнаружено (рис. 1, *3*; 3, *2*).

По своим конструктивным особенностям плиточные могилы на памятниках Эмгэнт

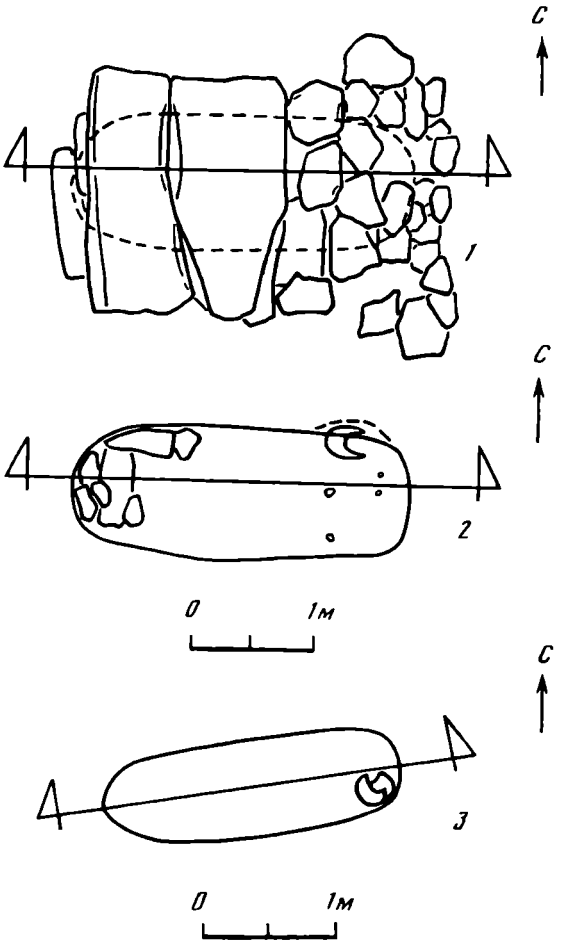


Рис. 1. Плиточные могилы из северной Монголии.
1 – могильник Эмгэнт Хошуу, мог. № 3, перекрытие;
2 – Эгмэнт Хощуу, мог. № 3, кенотаф, *3* – могильник Холтост Нуга, мог. № 1, кенотаф

Хошуу и Холтост Нуга, в которых были обнаружены бронзовые шлемы, относятся к одному из распространенных типов надмогильных сооружений погребальных памятников культуры плиточных могил (Коновалов П.Б., Данилов С.В., 1988, с. 29–32; Цыбиктаров А.Д., 1988, с. 40–59).

Наличие перекрытия из массивных плит над могильной ямой в раскопанной плиточной могиле № 3 на могильнике Эмгэнт Хошуу является типичной конструктивной особенностью для данной категории памятников (Цыбиктаров А.Д., 1988, с. 53). В обеих раскопанных могилах на памятниках Эмгэнт Хошуу и Холтост Нуга отсутствовали кости погребенных. Вероятнее всего, это кенотафы, так как при ограблении часть костей скелетов должна была остаться в могиле или грабительском лазе. Однако обращает на себя внимание то, что в значительной части раскопанных в предшествующие десятилетия плиточных могил не было остатков захоронений (Цыбиктаров А.Д., 1989, с. 6). Кости животных, нижние челюсти лошадей, позвонки и астрагалы овцы найдены в насыпи, в заполнении и на дне могильной ямы. Нахождение позвонков и астрагалов овец на дне могильной ямы в могиле № 3 на памятнике Эмгэнт Хошуу является нетипичным для погребальной обрядности населения культуры плиточных могил. По мнению А.Д. Цыбиктарова, у населения данной культуры не было обычая сопровождать умерших мясной пищей, а кости животных, обнаруженные в насыпи, относятся к тризне (Цыбиктаров А.Д., 1989, с. 6).

В составе сопроводительного инвентаря в могиле № 3 из Эмгэнт Хошуу оказались фрагменты разбитого сосуда, бляшка-пуговица, подвеска и бронзовый шлем, в могиле

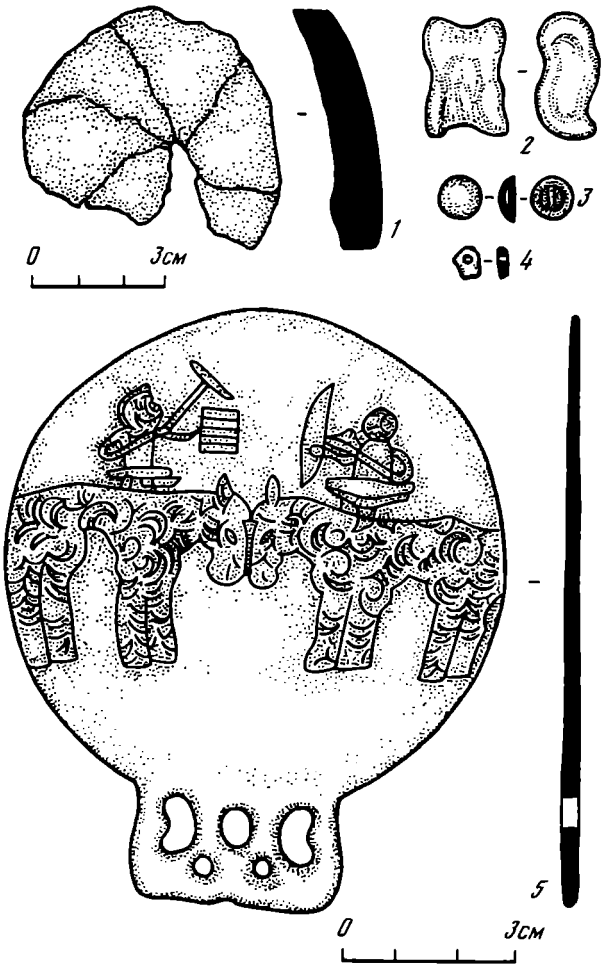


Рис. 2. Находки из могилы № 3 могильника Эмгэнт Хошуу и Дундгобийского аймака; *1* – фрагмент сосуда, *2* – астрагал (кость) *3* – бляшка-пуговица (бронза), *4* – подвеска (камень), *5* – зеркало (бронза)

№ 1 из могильника Холтост Нуга находился только бронзовый шлем. В обоих случаях состав инвентаря достаточно необычен. Вероятно, он соответствует принципу парцеллярности захоронения – "часть вместо целого". Судя по нарушению перекрытия, нахождению костей животных в заполнении могильной ямы, частичному нарушению однородного заполнения, обе могилы были потревожены грабителями. Однако массивные бронзовые шлемы, представляющие большую ценность для употребления по своему прямому назначению или для переплавки, оказались нетронутыми. Вероятно, грабители, пробив шурф в центральной части могилы и не обнаружив погребения и ценных вещей, не стали выбирать заполнение ямы полностью и не заметили шлемов.

Вопросы хронологии исследованных памятников со шлемами представляют определенную сложность ввиду отсутствия находок вещей с непродолжительным периодом бытования. Бронзовые сферические бляшки-пуговицы и каменные подвески бытовали в течение длительного хронологического периода в культурах бронзового и раннего железного века в Центральной Азии (Дашибалов Б.Б., 1995, с. 83; Новгородова Э.А., 1989, с. 238–248; Гришин Ю.С., 1981, с. 129–136; Членова Н.Л., 1992, с. 248–252).

Д. Эрдэнэбаатар отнес плиточные могилы с находками шлемов из памятников Эмгэнэт Хошуу и Холтост Нуга к IX–VII вв. до н.э., опираясь на результаты радиокарбонового анализа образцов человеческих костей из других могил, исследованных в этих могильниках, которые были проведены в лаборатории г. Лиона в 1994 г. (Эрдэнэбаатар Д., 1997). По данным А.Д. Цыбиктарова, серия радиоуглеродных дат,

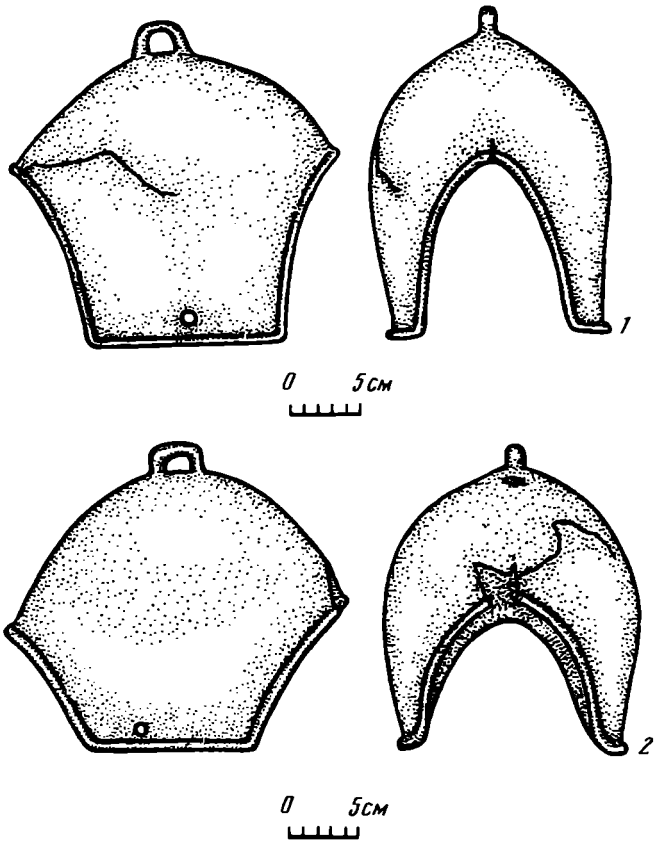


Рис. 3. Бронзовые шлемы: *1* – Эмгэнт Хошуу, мог. № 3; *2* – Холтост Нуга, мог. № 1

полученных в результате анализа образцов из плиточных могил Забайкалья и Монголии, относится к хронологическому диапазону от XIII до конца VII в. до н.э. (Цыбиктаров А.Д., 1989, с. 13). Однако из плиточных могил Прибайкалья получены радиоуглеродные датировки в ином хронологическом диапазоне, от VIII до III вв. до н.э. (Харинский А.В. и др., 1995, с. 76). Поэтому при определении хронологии шлемов из плиточных могил северной Монголии необходимо учитывать близкие по форме находки из памятников на территории северного Китая и характерные особенности в развитии военного дела древних кочевников.

Оба шлема, найденные в плиточных могилах северной Монголии относятся к одному типу – сферических. Ряд исследователей предлагает именовать их касками, благодаря конструкции, плотно облегающей голову, в отличие от островерхих шлемов (Варенов А.В., 1994, с. 87; Горелик М.В., 1993, с. 168). Шлемы из плиточных могил цельнолитые, массивные, со сферическим куполом, плотно облегающим голову и широкими, массивными наушами, образующими полукруглые вырезы с передней, лицевой и задней, затылочной части шлема. У шлема из Эмгэнт Хошуу оба выреза одинаковой величины и строго симметричны. У шлема из Холтост Нуга задний вырез ниже переднего на 2 см. Вдоль нижней кромки вырезов и наушей проходит невысокий выделенный валик. На теменной части шлемов имеется массивная прямоугольная петля, ориентированная по направлению от переднего к заднему вырезу. В нижней части наушей, рядом с выступающим валиком имеются небольшие округлые отверстия. У шлема из Эмгэнт Хошуу отверстия располагаются посредине наушей, у шлема из Холтолст Нуга они несколько смещены в сторону заднего выреза (рис. 3, *1*, *2*; 4).

Оба шлема близки по размерам. Высота шлема с петлей из могилы № 3–22 см, длина – 22 см, ширина 16 см, высота вырезов – 12 см, ширина валика – 5 мм. Высота шлема из могилы № 1 – 21,5 см, длина – 24,4 см, ширина – 18 см, высота переднего

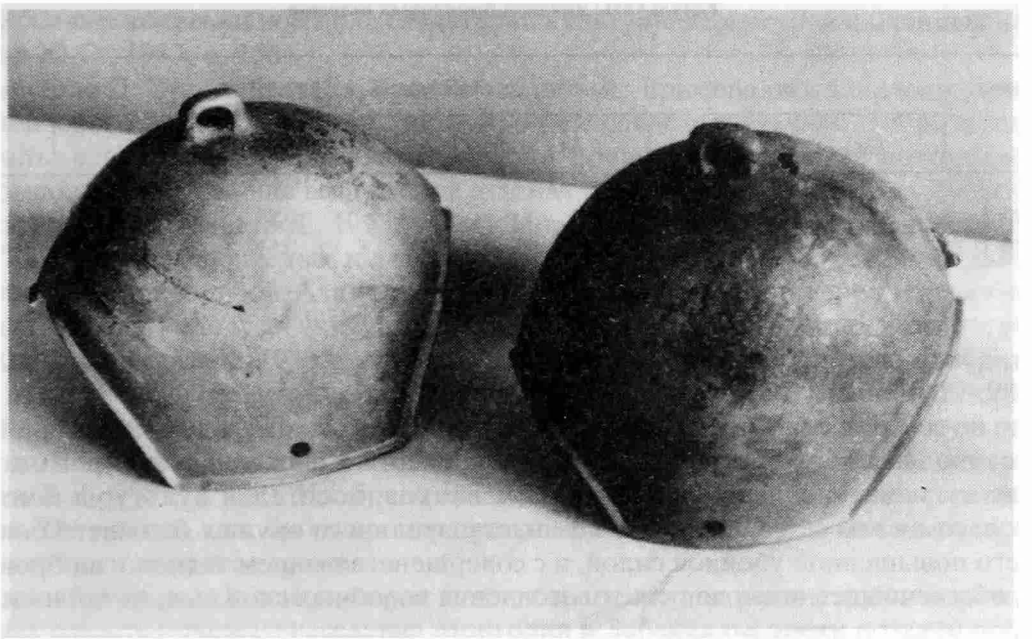


Рис. 4. Бронзовые шлемы из плиточных могил Северной Монголии

выреза – 10,5 см, высота заднего выреза – 8,5 см, ширина валика – 6 мм. Однако стенки первого шлема тоньше, чем второго, поэтому их вес различается почти вдвое. Вес шлема из могилы № 3 – 1 кг, вес шлема из могилы № 1 – 1,85 кг. Различаются они и по составу металла. Согласно анализу, проведенному к.х.н. С. Бурмана, в лаборатории Химического института АН Монголии, состав сплава шлема из могилы № 3 на 84,4% состоит из меди и на 9,54% из олова, а шлема из могилы № 1 на 86,5% – из меди и на 9,02% – из олова. Примеси других металлов, мышьяка, цинка, свинца, железа и кремния в обоих сплавах составляют от 1 до сотой доли % (таблица).

Оба шлема сохранились очень хорошо. У шлема из могилы № 3 имеются трещины на дуге переднего выреза и на правом науше и вмятина на левом науше, у шлема из могилы № 1 повреждена часть валика со стороны переднего выреза, имеется трещина на левом науше и отверстие в теменной части. В памятниках культуры плиточных могил бронзовые шлемы обнаружены впервые[1].

Однако близкие по конструкции шлемы неоднократно находили в памятниках культур позднего бронзового века на территории северного Китая. Эти находки подробно исследованы А.В. Вареновым (Варенов А.В., 1994, с. 86–92). Среди приведенных им находок, наибольшее сходство со шлемами из плиточных могил северной Монголии имеет случайно найденный бронзовый шлем из Внутренней Монголии из г. Чифэна (Варенов А.В., 1994, рис. 5, *2*). У чифэнского шлема совершенно аналогичный купол, науши, петля, валик и отверстия в наушах, как и у северомонгольских шлемов. Определенные сходные черты в конструкции наблюдаются между северомонгольскими шлемами и находками из Люлихэ, Гаохуна, Синцунь, Наньшаньгэнь, Мэйлихэ, Шилишань (Варенов А.В., 1994, рис. 2, *1*; 3, *1*, *2*; 4; 5, *1*; 6). Отличия касаются некоторых конструктивных деталей и пропорций шлемов. Впрочем, А.В. Варенов относит северокитайские находки к четырем разным этапам эволюции бронзовых шлемов (Варенов А.В., 1994, с. 89, 90), которые он датирует X–IX вв. до н.э. По его мнению, в пользу таких датировок свидетельствуют эпиграфические данные. Для некоторых памятников на территории Северного Китая, в которых обнаружены бронзовые шлемы, получены радиоуглеродные даты в диапазоне XII–X вв. до н.э. Китайские ученые связывают эти памятники с культурами "северных варваров" – шань-

[1] По сведениям С.В. Алкина, еще один шлем хранится в Читинском музее.

Результаты анализа бронзовых шлемов

Шлем	Состав, %						
	Cu	Sn	As	Zn	Pb	Fe	Si
мог. № 3	84,04	9,54	1	0,005	0,83	0,37	1
мог. № 1	88,5	9,02	1	0,03	0,52	0,28	1

жунов, дунху или протосюнну (Варенов А.В., 1994, с. 86–91; Комиссаров С.А., 1988, с. 88, 89, 91; Миняев С.С., 1987, с. 144).

Судя по северокитайским аналогиям, шлемы из плиточных могил Северной Монголии с наибольшей долей вероятности можно отнести к эпохе поздней бронзы. Их появление в арсенале защитных средств кочевников, носителей культуры плиточных могил, несомненно связано с развитием наступательного оружия ближнего боя, обладающего повышенной убойной силой, и с совершенствованием технологии бронзового литья, обеспечившей возможность изготовления подобных сложных, металлоемких изделий.

А.В. Варенов полагает, что подобные шлемы возникли "в среде, где было в ходу рубящее оружие, например, типа карасукских мечей, встречаемых в Забайкалье" (Варенов А.В., 1984, с. 47). С ним согласен С.А. Комиссаров, который считает, что для защиты от ударов использовались и бронзовые щиты "при фехтовании с противником, вооруженным мечом" (Комиссаров С.А., 1987, с. 51).

Обнаруженные в Забайкалье бронзовые мечи имеют очень узкое шипастое перекрестье, округлые или овальную в сечении рукоять с рифленой насечкой при подходе к перекрестью, на верхней, изогнутой части рукояти имеется навершие в виде головы барана и металлическая петля. Клинки мечей прямые, ромбические в сечении, плавно сужающиеся к острию, по их продольной оси с обеих сторон проходит нервюра (Гришин Ю.С., 1981, с. 176; Коновалов П.Б. и др., 1995, с. 59).

Мечи с подобной конструкцией клинка, перекрестья и рукояти не были предназначены для фехтования и нанесения рубящих ударов. Это одна из самых ранних форм мечей, по сути дела кинжалов с удлиненным клинком, приспособленных для нанесения исключительно колющих ударов в ближнем и рукопашном бою. Некоторые исследователи даже сомневаются в их боевом назначении, считая такие мечи "ритуальным" оружием (Коновалов П.Б. и др., 1995, с. 59). Естественно, что их распространение в комплексе вооружения воинов-кочевников позднего бронзового века в Центральной Азии не могло стимулировать развитие металлических шлемов, а скорее иных средств защиты корпуса, например, защитных поясов или щитов.

Металлический шлем был предназначен для защиты головы воина от ударов рубящим оружием типа боевого топора, чекана или клевца. В центральноазиатском регионе боевые топоры, изготовленные из камня с применением шлифования и сверления, получили распространение еще в эпоху ранней бронзы (Цыб С.В., 1981, с. 9). В развитом бронзовом веке появляется металлическое рубящее оружие ближнего боя, кельты, проушные и вислообушные топоры (Худяков Ю.С., 1995, с. 73, 83; Молодин В.И., Худяков Ю.С., 1998, с. 39).

В результате длительной эволюции рубящее оружие ближнего боя в эпоху развитой бронзы было значительно усовершенствовано и приспособлено к тактике ведения колесничного боя, когда стали применяться чеканы или клевцы. Вероятно, повышенная убойная сила этого высокоэффективного оружия ближнего боя должна была стимулировать поиски адекватных средств защиты, что привело к созданию металлических шлемов. Все находки бронзовых шлемов обнаружены в памятниках культур позднего бронзового века на периферии центральноазиатского региона, что возможно, связано с необходимостью для носителей этих культур противостоять военному

натиску боевых колесниц номадов, создателей культуры херексуров и оленных камней (Худяков Ю.С., 1987, с. 156).

По мнению Д. Эрдэнэбаатара, бронзовые шлемы применялись кочевниками позднего бронзового века достаточно широко, о чем свидетельствуют изобразительные материалы с территории Монголии, рисунки воинов в шлемах на петроглифах и гравированные изображения всадников в шлемах на бронзовом зеркале из Дундгобийского аймака (Эрдэнэбаатар Д., 1997, зур. 4). Интерпретация "грибообразных головных уборов" в качестве бронзовых шлемов у антропоморфных персонажей на выбитых петроглифах Центральной Азии представляет несомненный интерес и заслуживает внимания. Однако следует учитывать, что с культурой плиточных могил связаны иные, красочные рисунки "селенгинского типа", на которых подобные изображения отсутствуют (Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1970, с. 139). Бронзовое зеркало с боковой петлей и рисунками противостоящих лошадей, тела которых покрыты резным орнаментом, находит аналогии в памятниках культур скифского времени Саяно-Алтая (Кубарев В.Д., 1991, с. 102). Изображения всадников выполнены не так уверенно, как лошадей. Возможно, они были процарапаны на уже готовом изделии в процессе его использования в скифское время.

Находки бронзовых шлемов имеют важное значение для реконструкции комплекса защитных средств кочевого населения Монголии и Забайкалья эпохи поздней бронзы и позволяют включить их в единый ареал распространения боевых наголовий этого периода, охватывающий восточные районы Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варенов А.В., 1984. Иньские шлемы и проблемы боевого оголовья // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. № 14. Вып. 3. Новосибирск.

Варенов А.В., 1994. Бронзовые шлемы на границе чжоуского Китая и их "кубанские" аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-восточного Китая. Новосибирск.

Галанина Л.К., 1985. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения. Л.

Горелик М.В., 1987. Сакский доспех // Центральна; Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.

Горелик М.В., 1993. Оружие древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. н.э. М.

Гришин Ю.С., 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.

Грязнов М.П., 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. 18.

Дашибалов Б.Б., 1995. Плиточные могилы острова Ольхон // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ.

Комиссаров С.А., 1987. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

Комиссаров С.А., 1988. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск.

Коновалов П.Б., Данилов С.В., 1988. К изучению плиточных могил Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ.

Коновалов П.Б., Данилов С.В., Именохоев Н.В., 1995. Бронзовый меч из села Петропавловка (р. Джида, Бурятия) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.

Кузьмина Е.Е., 1958. Бронзовый шлем из Самарканда // СА. № 4.

Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники "Крыши мира". М.

Минаев С.С., 1987. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. Ч. 2. Кемерово.

Молодин В.И., Худяков Ю.С., 1998. Комплекс вооружения населения Западной и Южной Сибири в развитом бронзовом веке // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции. СПб.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.

Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.

Суразаков А.С., 1979. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В., 1995. Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ.

Худяков Ю.С., 1987. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1995. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Цыб С.В., 1981. Каменные "боевые" топоры Западной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Цыбиктаров А.Д., 1988. О конструкции погребальных сооружений культуры плиточных могил // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ.

Цыбиктаров А.Д., 1989. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев.

Членова Н.Л., 1992 Культура плиточных могил // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Эрдэнэбаатар Д., 1992. Асгатыт дөрвөлжи булш // Археологийн судлал. Т. III. Ф. 4. Улаанбаатар.

Эрдэнэбаатар Д., 1994. Эгийн голд явуулсан археологийн (Хурэл зэвсгийн уе) // Археологийн судлал. Т. XI. Ф. 4. Улаанбаатар.

Эрдэнэбаатар Д., 1997. Сэлэнгэ мөрний сав дахь хурэл ба томор зэвсгийн туруу уеийн дурсгал. Улаанбаатар.

Институт истории АН Монголии,
Улан-Батор
Институт истории и этнографии СО РАН
Новосибирск

D. ERDENBAATAR, Yu.S. KHUDYAKOV

THE FINDS OF BRONZE HELMETS FROM CIST GRAVES OF NORTHERN MONGOLIA

Summary

The finds originating form the excavations of the stone cist graves at the sites of Emgent Hoshuu and Holtost Nuga in Northern Mongolia are analyzed. The authors present a description of the cists and two bronze helmets discovered there. The helmets are described in detailes, and the analogies to the finds are pointed out among the antiquities of the Bronze Age cultures of Northern China. The authors raise the question of the protective armour origin in nomadic cultures in Central Asia during the period of the Late Bronze Age. A supposition is put forward that the development of the officient striking heavy weapons of high effeciency designed to hand-to-hand combat had caused the emergence of protective armour, and bronze helmets in particular.

Н.Л. ЧЛЕНОВА

ЗНАЧЕНИЕ НАХОДОК БРОНЗОВЫХ ШЛЕМОВ И МЕДАЛЕВИДНОГО ЗЕРКАЛА ИЗ МОНГОЛИИ

Статья Д. Эрдэнэбаатара и Ю.С. Худякова "Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии", публикуемая в настоящем номере журнала, не только вводит в научный оборот новый материал – два шлема из плиточных могил Монголии (ранее этот материал был опубликован на монгольском языке, известном лишь небольшому числу археологов), она также необычайно важна в двух отношениях: датировка плиточных могил Монголии и датировка бронзовых шлемов типа кубанских и очень близких им северокитайских, поскольку один из этих шлемов был найден в плиточной могиле в комплексе с датированной вещью.

К сожалению, авторы статьи привели лишь датировки плиточных могил по C_{14} из Северной Монголии (IX–VII вв. до н.э., даты получены в лаборатории г. Лиона – Эрдэнэбаатар Д., 1997), из Забайкалья (XIII – конец VII в. до н.э. – Цыбиктаров А.Д., 1989, с. 13) и Прибайкалья (VIII–III вв. до н.э. – Харинский А.В. и др., 1995, с. 76). Такой разброс дат по C_{14} заставил авторов статьи отказаться от них и обратиться к датам шлемов из Северного Китая, которые А.В. Варенов датирует X–IX вв. до н.э., опираясь опять-таки на даты по C_{14} из Китая – XII–X вв. до н.э. и на эпиграфические данные (Варенов А.В., 1994, с. 89, 90). Авторы статьи приводят мнение китайских ученых, а также А.В. Варенова (1994) и С.А. Комиссарова (1988) о том, что найденные в Северном Китае могилы с такими шлемами принадлежали не китайцам, а "северным варварам", и считают, что шлемы из плиточных могил Северной Монголии относятся "к эпохе поздней бронзы" (Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С., 2000). Но признание того, что даже северокитайские памятники со шлемами, близкими к "кубанским", оставлены "северными варварами", заставляет датировать их вещами, относящимися к культурам степного пояса Евразии, а там такие шлемы известны только в эпоху раннего железа. В плиточных же могилах Северной Монголии, о которой идет речь в статье Д. Эрдэнэбаатара и Ю.С. Худякова, вообще никаких китайских вещей не найдено. Там найдена полушарная бляшка (плиточная могила № 3 могильника Эмгент Хашуу на р. Эгин-гол, левом притоке р. Селенги).

Полушарные бляшки-пуговицы действительно, как пишут Д. Эрдэнэбаатар и Ю.С. Худяков, встречаются в погребениях и бронзового, и раннего железного веков. Однако они различаются размерами и деталями в разные эпохи. Такие маленькие бляшки (диаметром около 1 см) с перемычкой на обороте характерны для поздних периодов тагарской культуры V–IV и даже III в. до н.э. и позже (см., например, такую бляшку из могилы 23-а могильника Калы (Кузьмин Н.Ю., 1988, рис. 14, *28*).

Что же касается найденных в этих плиточных могилах бронзовых литых шлемов, то они действительно очень близки к шлемам, найденным как в Северном Китае и Внутренней Монголии, так и к шлемам типа "кубанских", сосредоточенным главным образом в европейской части СССР – 17 экз. (более всего – на Северном Кавказе), четко датированных VII – началом VI в. до н.э. по прекрасным инвентарям Келермесских курганов и у ст-цы Крымской (Рабинович Б.З., 1941, с. 110; Черненко Е.В., 1968, с. 80, 81; Галанина Л.К., 1985; 1997, с. 114; Горелик М.В., 1993, с. 168, 169). Далее на восток известны еще три шлема: один из Самарканда (Кузьмина Е.Е., 1958),

© Н.Л. Членова, 2000 г.

один из Кысмычи (Семиречье; Копылов И.И., 1955) и один с Верхнего Иртыша, близ Горного Алтая; М.П. Грязнов включил его в майэмирскую культуру и датировал VII–VI вв. до н.э. (Грязнов М.П., 1947). Самаркандский шлем Е.Е. Кузьмина датировала VI–V вв. до н.э., исходя из того, что он украшен волнистой линией и запятой на макушке, характерными для культуры саков. Обсуждать детали этого декора, как и его дату, здесь нет места, но во всяком случае этот шлем относится к скифской эпохе, как и шлем из Семиречья. Шлем из Кысмычи автор находки И.И. Копылов датировал даже VI–IV вв. до н.э., против чего решительно возражал Е.В. Черненко (1968, с. 80, 81), утверждая на основании дат келермесских шлемов, что после VI в. до н.э. такие шлемы не использовались. Однако если считать вслед за Е.Е. Кузьминой (1958) и Л.К. Галаниной (1985; 1997, с. 116), что существовало по крайней мере два независимых центра производства таких шлемов – один на Кавказе, другой в Средней Азии, причем оба центра восходят к Ближнему Востоку, в том числе к Ирану эпохи как IX–VIII вв. до н.э. (Хасанлу, Амлаш), так и ахеменидской (Горелик М.В., 1993, с. 167, табл. LXII, *5, 6, 16, 20*), то дата самаркандского, кысмычинского и верхнеиртышского шлемов может быть и позже VI в. до н.э. Заметим, что расстояние между местами находок верхнеиртышского и северомонгольских шлемов составляет по прямой порядка 1260 км, а расстояние между местами находок северомонгольских и северокитайских шлемов по прямой – порядка 1552 км, т.е. монгольские шлемы располагаются примерно на середине между верхнеиртышскими и северокитайскими, однако есть и промежуточные между северомонгольскими и северокитайскими – шлемы из Внутренней Монголии и Ордоса. Таким образом, шлемы "кубанского" типа распространены на гигантской территории от Северо-Западного Кавказа до окрестностей Пекина, с большими промежутками: между Чечней и Самаркандом и между Верхним Иртышом и Северной Монголией. Поражает их очень большое сходство на этой территории, на что уже приходилось обращать внимание (Членова Н.Л., 1993а, с. 62, 63, рис. 9). М.В. Горелик (1993, с. 171, 172), доверяя датам китайских шлемов этого типа, предложенным А.В. Вареновым (в свою очередь опиравшегося на даты китайских археологов, полученные главным образом по C_{14}, – XI–VI/V вв. до н.э.), предположил, что общим источником для шлемов Прикубанья и Северного Китая явились культуры "киммерийско-карасукской общности", где они, впрочем, оказались случайностью, "не имевшей ни значения, ни последствий", но в культурах "киммерийско-карасукской общности" не найдено ни одного шлема "кубанского" типа, что и не позволяет согласиться с М.В. Гореликом.

А.В. Варенов (1984, с. 43, 44; 1994, с. 92), признавая "отсутствие иньских (более ранних китайских. – *Н.Ч.*) традиций" в чжоусских шлемах (столь похожих на кубанские. – *Н.Ч.*), расположил все шлемы эпохи чжоу в единый ряд (по размерам шлема, главным образом по высоте), который называет "эволюционным", и представленные в этом ряду шлемы (16 экз. датирует от XI–X до конца VIII в. до н.э. Однако все представленные в работе А.В. Варенова (1994, рис. 1–7) шлемы столь близки по форме (почти неразличимы), что невозможно представить себе, что этот тип шлема бытовал 300 или 400 или еще больше лет без изменений. Различные размеры шлемов могли быть вызваны не хронологическими, а, например, антропологическими причинами: разными размерами головы воинов, носивших их. Большинство китайских шлемов рассматриваемого типа в отличие от кубанских не имеют вырезов над глазами, но встречаются шлемы и с такими вырезами (Варенов А.В., 1984, рис. 3; 5, *1, 2*). Последние, неотличимые от кубанских, поставлены А.В. Вареновым (1994, рис. 9, *5, 6*) не в конце, а в середине его "эволюционного" ряда, при этом он предполагает, что кубанские шлемы происходят от китайских, "тем более что ряд особенностей культуры верхнего слоя Сяцзядянь позволяет предполагать ее влияние на становление культур скифского типа" (Варенов А.В., 1984, с. 45).

Даты комплексов, где найдены в Китае шлемы, столь похожие на кубанские (рис. 1), получены главным образом на основании радиокарбонного анализа; они и в других регионах далеко не всегда соответствуют археологическим датировкам. Что

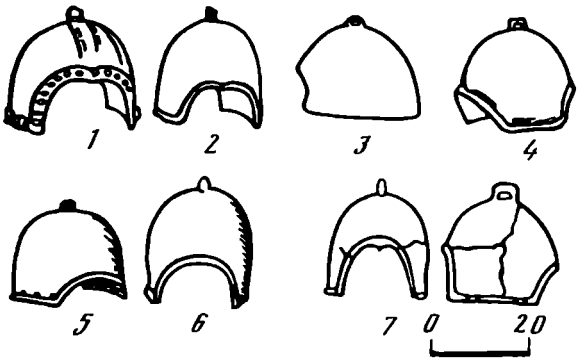


Рис. 1. Литые бронзовые шлемы из Внутренней Монголии и Северного Китая, сходные с "кубанскими". По С.А. Комиссарову, 1988

же касается датировок памятников северо-восточной периферии древнекитайских царств, то "самый факт реальности существования в этих местах регулярной системы уделов до VI–V вв. до н.э. остается весьма проблематичным... Даты комплексов Байфу, Наньшаньгэнь, Люлихэ, Мэйхэ и др. (тех, где найдены шлемы, столь близкие к кубанским. – *Н.Ч.*) очень приблизительны, требуют жесткого обоснования, и строить на отдельных вещах из этих памятников типологические ряды и далеко идущие историко-культурные выводы по меньшей мере преждевременно: основы трансевразийской хронологии они не могут поколебать" (Кожин П.М., 1996, с. 73). Вполне соглашаясь с этим мнением и исходя из того, что перечисленные китайские комплексы со шлемами оставлены "северными варварами", и шлемы столь близки кубанским, я считаю также, что их следует датировать на основе "трансевразийской хронологии", т.е. что эти шлемы не могут быть древнее кубанских – VII–VI вв. до н.э., а могут быть и более поздними. Это еще раз подтверждает дату плиточных могил – скифская эпоха (и следующая за ней гуннская), о чем уже приходилось писать (Членова Н.Л., 1992).

Медалевидные зеркала встречаются в степях Евразии в V–III вв. до н.э. Такие зеркала известны в плиточных могилах Забайкалья (могильники Оловянная и Саянтуй; Членова Н.Л., 1992, табл. 102, *24, 25*), в могильнике Улангом в Северной Монголии (могилы № 1, 33, 36, 43; Novgorodova E.A., Volkov V.V., 1982; Членова Н.Л., 1993б, рис. 2, *6*; 5, *9*; 9, *5, 5а*), в Туве (могильники Туран IV, кург. 128; Туран V, кург. 132 – см.: Полторацкая В.Н., 1966, рис. 7, *3, 4*; 8, *10*; Саглы-Бажи II, Даган-Тэли I, Мажалык-Ховузу I – см.: Грач А.Д., 1980, рис. 36, *1, 3, 5*; 60, *3*; 113, *2*; могильник Аймырлыг – см.: Мандельштам А.М., 1983, рис. 2, *11, 12*; 1992, табл. 76, *12, 19*), их очень много на юге Горного Алтая в курганах пазырыкского типа (Юстыд I, кург. 1; Юстыд XII, кург. 3, 16, 19; Юстыд XXII, кург. 1; Джолин II, кург. 1 – см.: Кубарев В.Д., 1991, табл. V, *10, 11*; XXI, *4, 5*; XXXIV, *4*; XXXVIII, *27*; XLV, *21*; L, *15, 16*; LXIV, *4, 8*; Барбургазы I, кург. 8, 11, 22, 25, 26, 30; Малталу IV, кург. 3, 13, 16, 18, 20, 22, 24, 25 – см.: Кубарев В.Д., 1992, табл. XIII, *3*; XV, *5*; XXV, *9*; XXX, *34*; XXXI, *18*; XXXVI, *23*; XLII, *6*; LIV, *15–18*; LIX, *7*; LXIII, *2*; LXVI, *3*; LXVII, *6*; LXVIII, *1*; LXX, 9) (рис. 2, *1, 2*).

В тагарской культуре медалевидных зеркал мало и встречаются они в памятниках сарагашенского или даже тесинского типа (например, из кург. 4 могильника Медведка на юге Минусинской котловины (Боковенко Н.А. и др., 1983, рис. 2, *6*), могильник Толстый мыс V, кург. 1 на севере Минусинской котловины (Курочкин Г.Н., 1988, рис. 15, *11, 12*).

Западнее такое зеркало найдено в Центральном Казахстане, в кург. 10 могильника Карамурун I (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 360, рис. 51, *2*), а еще западнее их уже нет. Дата всех приведенных зеркал – в пределах V–III вв. до н.э., т.е. они относятся ко второй половине скифской эпохи.

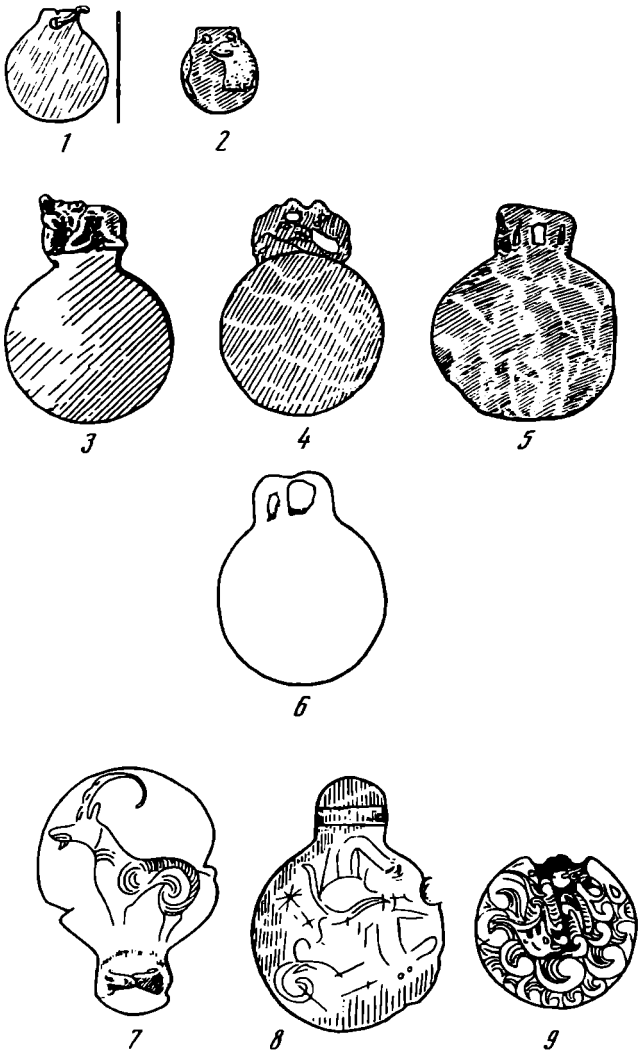


Рис. 2. Медалевидные зеркала из Горного Алтая (*1, 2, 4, 5, 8, 9*), Тувы (*3, 7*) и Забайкалья (*6*).
1, 2 – простые медалевидные зеркала (*1* – могильник Малталу; *2* – могильник Барбургазы I. По В.Д. Кубареву, 1992); *3–6* – этапы деградации фигурки животного на ручках медалевидных зеркал (*3* – могильник Аймырлыг. По А.М. Мандельштаму, 1983; *4* – могильник Малталу IV. По В.Д. Кубареву, 1992; *5* – могильник Бике. По В.Д. Кубареву и др., 1990; *6* – могильник Саянтуй. По Г.П. Сосновскому, 1941); *7–9* – зеркала с гравировкой (*7* – могильник Аймырлыг. По А.М. Мандельштаму, 1983; *8, 9* – могильник Юстыд XII. По В.Д. Кубареву, 1991). *1–9* – бронза. Масштабы изображений различны

От всех приведенных в качестве параллелей зеркал зеркало из Дундгобийского аймака отличается крупными размерами (диаметр его 11,2 см, что чуть ли не в 2 раза больше медалевидных зеркал, приведенных выше), а также тем, что в ручке 5 отверстий, расположенных таким образом, что можно думать, что ручка представляет собой две деградировавшие фигурки каких-то стоящих животных, обращенных мордами друг к другу. Больше всего такая ручка напоминает ручку зеркала из могилы № 91 у с. Саянтуй в Забайкалье, где прорези в ручке позволяют говорить, что это деградировавшая фигурка одного животного (рис. 2, *6*) (Сосновский Г.П., 1941, рис. 13, *6*; Членова Н.Л., 1992, табл. 102, *25*), а также ручку зеркала из кург. № 5 в урочище Бике на р. Катуни (Горный Алтай), в которой еще можно различить деградирующую фигурку одного стоящего животного (лошади (?) – см.: Кубарев В.Д. и др., 1990, рис. 116 *3*) (рис. 2, *5*). Несколько дальше (типологически) ручка медалевидного зеркала из кург. 13 могильника Саглы-Бажи II в Юго-Западной Туве, которая представляет собой вполне отчетливые фигурки двух борющихся кошачьих хищников

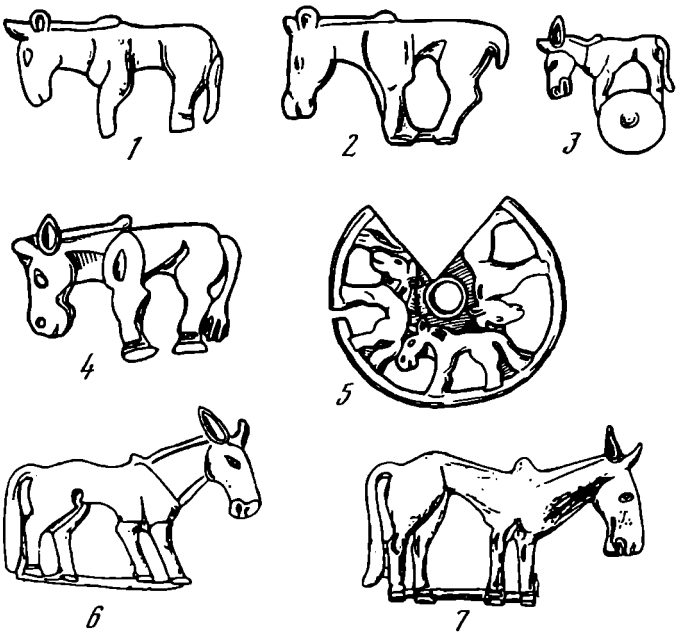


Рис. 3. Изображения лошадей степных пород в искусстве Сибири скифской эпохи. *1* – Малая Иня, кург. 3, раскопки А.В. Адрианова, 1896; *2* – д. Колмакова. ММ; *3* – Минусинский край. ММ; *4* – Жертвенное место Лысая Гора, раскопки С.К. Кузнецова, 1891–1892. ГЭ; *5* – с. Шушь. ММ; *6* – Минусинский край. ГИМ; *7* – д. Биря. ММ. *4* – Томская обл., остальное Минусинская котловина.
1–7 – бронза (по рис. Н.Л. Членовой). *5* – развертка ворворки, остальное – бляшки. Масштабы изображений различны

(Грач А.Д., 1980, рис. 36. *1*). Дополнительную дату для датировки рассматриваемого зеркала из Дундгобийского аймака Монголии дают изображенные на оборотной стороне его диска две местные степные лошадки, стоящие мордами друг к другу. Иконографически такие лошадки ближе всего к тагарской бляшке-лошадке из кург. 3 могильника Малая Иня, относящегося к сарагашенскому типу тагарских памятников (V–IV вв. до н.э.; раскопки А.В. Адрианова 1896 г. – см. наш рис. 3, *1*; Членова Н.Л., 1981, рис. 2, *1*), а также к тем, что изображены на бронзовой ворворке из с. Шушь в Минусинской котловине (рис. 3, *5*; Членова Н.Л., 1981, рис. 2, *9*), и к бляшке из святилища Лысая гора на р. Яя в современной Томской обл. (рис. 3, *4*; Членова Н.Л., 1981, рис. 2, *14*).

В меньшей степени они похожи на тагарские бляшки-лошадки из д. Биря (рис. 3, *7*; ММ, инв. № 9107) и из неизвестного места в Минусинской котловине (рис. 3, *6*; ГИМ): последние отличаются тем, что у них изображены губы и ноздри, грива – "султанчиком", а на спине – небольшой выступ-горб. Наконец, от всех перечисленных изображений сибирских лошадей лошади с зеркала из Дундгобийского аймака отличаются отсутствием хвостов (они не поместились на зеркале) и тем, что туловища их и ноги сплошь украшены криволинейным орнаментом, напоминающим пазырыкский, что еще раз указывает на V–IV вв. до н.э.

Гравировки на обратной стороне бронзовых зеркал встречаются в восточной части "скифского мира" от Приаралья (Уйгарак, кург. 21, VII–VI вв. до н.э.; Вишневская О.А., 1973, табл. VI, *4*) до Горного Алтая (рис. 2, *8, 9*) (Юстыд XII, кург. 16, пазырыкская эпоха: Кубарев В.Д., 1991, рис. XXXVIII, *27*) и Тувы (могильник Мажалык-Ховузу I, кург. 2; Грач А.Д., 1980, рис. 113, *2*; могильник Аймырлыг; Мандельштам А.Н., 1992, табл. 78, *20, 27*; все относятся к V–III вв. до н.э.) (рис. 2, *7*). Все они изображают животных в "скифском зверином стиле" и, поскольку найдены в могилах, нет сомнений в том, что гравировки синхронны зеркалам, а не нанесены позже находчиками. Что же касается зеркала из Дундгобийского аймака, то это случайная

находка. И форма зеркала, и изображенные на нем фигуры лошадей относятся, как было показано выше, к скифской эпохе, скорее всего к V–III вв. до н.э. Но возникает сомнение, к этой ли эпохе относятся изображенные на них всадники. Это сомнение возникло и у Д. Эрдэнэбаатара и Ю.С. Худякова (см. статью в настоящем номере журнала). Они пишут, что "изображения всадников выполнены не так уверенно, как лошадей. Возможно, они были процарапаны на уже готовом изделии в процессе его использования в скифское время". Можно добавить и еще некоторые аргументы в пользу более позднего изображения всадников, чем лошадей. Во-первых, в "скифском" искусстве (в широком понимании этого термина) в VII–III вв. до н.э. изображения людей очень редки, а всадников – тем более. Во-вторых, левый всадник изображен без ног, а у правого нога непропорционально коротка и он как бы стоит на лошади, а не сидит. Видимо, фигуры людей вначале не предполагалось изображать, тела лошадей сплошь покрыли орнаментом, а пририсованным позже людям ноги уже некуда было поместить. В-третьих, на мордах лошадей не изображена узда. Все этого говорит о том, что всадники действительно были пририсованы позже. Но вот с тем, что на головах всадников изображены "грибообразные головные уборы", обозначающие шлемы, как пишут Д. Эрдэнэбаатар и Ю.С. Худяков, согласиться трудно. У правого всадника – вообще круглая голова безо всякого шлема, а у левого от макушки к затылку идет какой-то гребень (?), но что это такое, сказать трудно. Нужно иметь очень богатое воображение, чтобы увидеть тут шлем.

Таким образом, связать шлемы из плиточных могил в Северной Монголии с изображенными на зеркале якобы шлемами из Южной Монголии напрямую не удается. Но зеркало относится, как и шлемы, к скифской эпохе и по стилю близко зеркалу культуры плиточных могил, что помогает их датировать скифской эпохой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боковенко Н.А., Седых В.Н., Красниенко С.В., 1983. Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л.

Варенов А.В., 1984. Иньские шлемы и проблемы боевого оголовья эпохи поздней бронзы // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Вып. 3. Новосибирск.

Варенов А.В., 1994. Бронзовые шлемы на границах чжоуского Китая и их "кубанские" аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи по материалам Уйгарака. М.

Галанина Л.К., 1985. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. "Царские" погребения раннескифской эпохи. М.

Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока. М.

Грач А.Д., 1980. Древние конечники в центре Азии. М.

Грязнов М.П, 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII.

Кожин П.М., 1996. Хронология доциньских памятников Китая и центральноазиатские датировки // Древность: историческое знание и специфика источника. Тез. докл. конф., посвящ. памяти Эдвина Арвидовича Грантовского. М.

Комиссаров С.А., 1988. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск.

Копылов И.И., 1955. Находка скифского шлема в Семиречье // Ученые записки Алма-Атинского гос. пединститута. Т. XIV. Серия общественно-политическая. Алма-Ата.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск.

Кузьмин Н.Ю., 1988. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л.

Кузьмина Е.Е., 1958. Бронзовый шлем из Самарканда // СА. № 4.

Курочкин Г.Н., 1988. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л.

Мандельштам А.М., 1983. Исследования на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л.

Мандельштам А.М., 1992. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Маргулан А.Х., Оразбаев А.М., Кадырбаев М.К., 1966. Древние культуры Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Полторацкая В.Н., 1966. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С.А. Теплоухова) // АСГЭ. Вып. 8.

Рабинович Б.З., 1941. Шлемы скифского периода // Тр. ОИПК ГЭ. Вып. I.

Сосновский Г.П., 1941. Плиточные могилы Забайкалья // Тр. ОИПК ГЭ. Вып. I.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В., 1995. Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Новосибирск.

Цыбиктаров А.Д., 1989. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев.

Членова Н.Л., 1981. Тагарские лошади // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.

Членова Н.Л., 1992. Культура плиточных могил // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Членова Н.Л., 1993а. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах "скифского мира" // ПАВ. № 7. СПб.

Членова Н.Л., 1993б. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // ПАВ. № 4.

Эрдэнэбаатар Д., 1997. Сэлэнгэ морний сав дахь хурал ба томор зэвсгийн туруу уеийн дурсгал. Уланбаатар.

Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С., 2000. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // СА. № 2.

Novgorodova E.A., Volkov V.V., 1982. Ulangom-ein Gräberfeld der Skythischen Zeit aus der Mongolei // Novgorodova E.A., Volkov V.V., Korenevskij S.N., Mamonova N.N. Ulangom. Ein skythenzeitliches Gräberfeld in der Mongolei. Wiesbaden.

Институт археологии РАН, Москва

N.L. CHLENOVA

THE FINDS OF BRONZE HELMETS AND MEDAL-SHAPED MIRROR IN MONGOLIA AND THEIR SIGNIFICANCE

Summary

The author analyses some finds from the territory of Mongolia. Two bronze helmets were discovered in Northern Mongolia in the Selenga river basin, originating from stone cist burials. A medal-shaped mirror made of the same material was found in Southern Mongolia. These artefacts are published by D. Erdenbaater and Yu.S. Khudyakov in the article concerning the finds from Northern Mongolia. Unlike these scholars, the author of the present publication proves the dating of the helmets and mirror in question to the Scythian epoch. Consequently, stone cist burials' dating to that or even later period is confirmed.

М.Ю. ТРЕЙСТЕР

К НАХОДКАМ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ РИМСКОГО ВОЕННОГО КОСТЮМА И КОНСКОЙ СБРУИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Металлические детали римского военного костюма и конской сбруи – чрезвычайно редкая категория находок в Северном Причерноморье. В этой связи каждая новая вводимая в научный оборот находка проливает дополнительный свет на проблему римского военного присутствия в этом регионе античного мира и контакты государств Северного Понта с Римской империей (см. работы последних десятилетий: Цветаева Г.А., 1979; Кадеев В.И., 1979, с. 55–76; 1981; Шелов Д.Б., 1981, с. 40–58; Фролова Н.А., 1982; Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 99–124; Sarnowski T., 1988; Виноградов Ю.Г., 1990, с. 27–32; 1992, с. 130–139; Сон Н.А., 1993, с. 12–41; Зубар В.М., 1988; 1994). Археологические памятники, отражающие римское военное присутствие в Северном Причерноморье, лишь в последнее время стали предметом пристального наблюдения, при этом были опубликованы главным образом находки оружия, прежде всего костяных бутеролей мечей из Тиры (Черненко Е.В. и др., 1989, с. 250–252; Gold der Steppe..., 1991, N 167; Сон Н.О., Назаров В.В., 1993, с. 120, 121, рис. 1, 2; Vinogradov Ju.G., Nazarov V.V., 1994, S. 104–106, Abb. 1, 2, 3) и Ольвии (Gold der Steppe..., 1991, N 168; Сон Н.О., Назаров В.В., 1993, с. 121, 122, рис. 3, 4; Vinogradov Ju.G., Nazarov V.V., 1994, S. 104, 105, Abb. 1, *1*), а также доспеха (шлемы и их детали) из святилища на перевале Гурзуфское седло (Зубарь В.М., 1993, с. 66–70; Treister M.Yu., 1994, p. 96, 97, fig. 3) из Прикубанья (Raev B.A. et al., 1991, p. 491, 492, N 11; Treister M.Yu., 1994, p. 94, 95, fig. 1, taf. 1b) и Сочи (Сударев Н.И., 1991, с. 143–145; Treister M.Yu., 1994, p. 95, 96, fig. 2). Редкие находки бронзовых деталей военного костюма привлекли мое внимание в связи с двумя находками из Пантикапея – щитка пряжки портупеи меча, цингулума, середины I в. н.э. (Трейстер М.Ю., 1993, с. 54, рис. 2, *3, 4*; с. 56–58; Treister M.Yu., 1993; 1994, p. 91–93, taf. 1a; 1995, p. 162–165, fig. 1, 3, 4) и поясной накладки II–III вв н.э.[1] (Трейстер М.Ю., 1993, с. 59, 73, рис. 3, *7*; Treister M.Yu., 1994, p. 98, 99, fig. 4, *7*; 1995, p. 180, 181). В настоящее время повилась возможность пополнить этот список еще одной находкой с территории Боспорского царства, а также находками из Херсонеса, Тиры и Прикубанья.

Начнем с находки из Тиры, которая была опубликована (Клейман И.Б., Сон Н.А., 1983, с. 54, 55, рис. 5) и справедливо атрибутирована издателями как украшение конской сбруи провинциально-римского типа. Между тем приведенные в публикации параллели (по одной с территории Румынии и Венгрии) явно недостаточны. Бляха из Тиры имеет абсолютную аналогию, возможно отлитую в той же форме, происходящую из Беминга (Oldenstein J., 1976, Taf. 69, *902*). Чрезвычайно близкая находка происходит из Дура-Европос (Frisch T.G., Toll N.P., 1959, pl. I, *2*). Бляхи этого же типа, выполненные в той же технике и отличающиеся подобным стилем исполнения (см. ниже), происходят также из кастелля Цугмантель в Таунусе (конец II – первая половина III в. н.э.) (Oldenstein J., 1976, Taf. 87, 1131; Junkelmann M., 1992, S. 84,

[1] К отмеченным мною аналогиям накладки из Пантикапея, из Карнунта следует добавить, что сюжет – охота собаки на птицу – перекликается также с ажурными изображениями на ручках ножей с территории Бельгии и Люксембурга (Faider-Feytmans G., 1979, № 256–258, pl. 102).

© М.Ю. Трейстер, 2000 г.

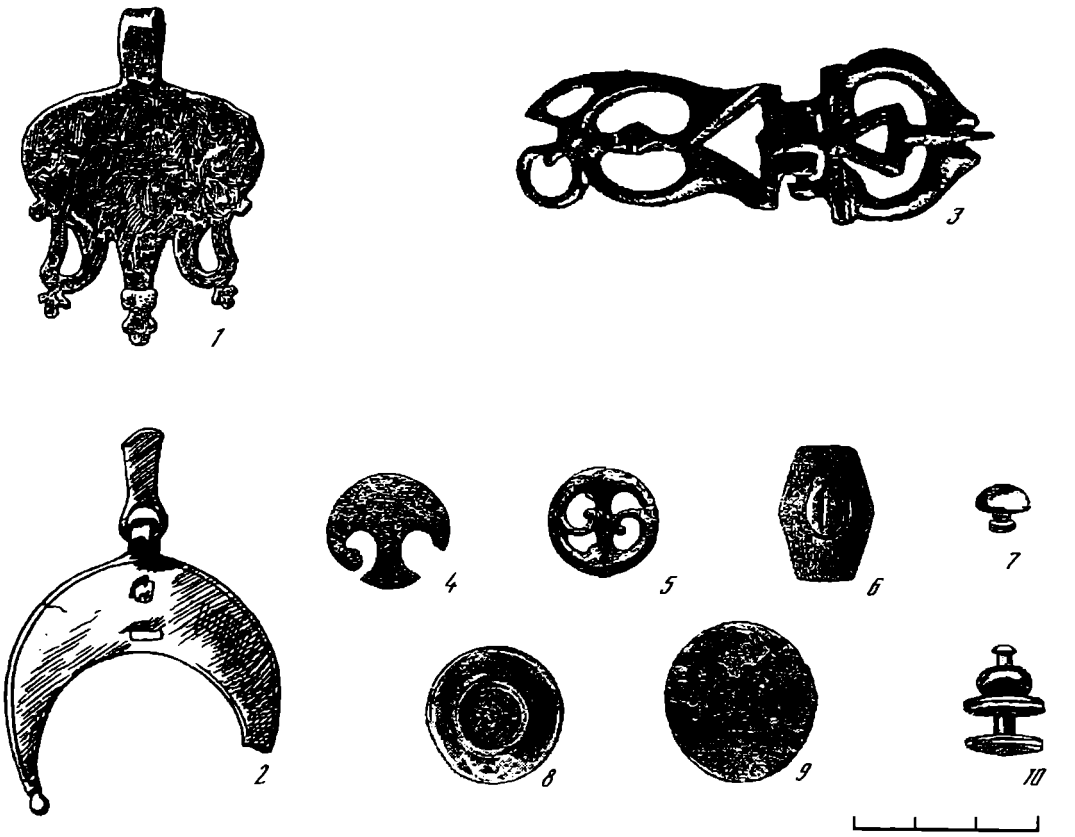


Рис. 1. Металлические детали римского военного костюма и конской сбруи из Северного Причерноморья: *1* – Херсонес, раскопки некрополя 1908 г.; *2* – курган 42 у ст. Усть-Лабинской, раскопки 1902 г.; *3* – Херсонес, могила № 528, раскопки 1894 г.; *4–10* – Херсонес, могила № 492, раскопки 1894 г.

Abb. 95; Carnuntum..., 1992, S. 186), Дура-Европос (Frisch T.G., Toll N.P., 1949, pl. I, *1*, *3*) и из Нижнего Подунавья (Simion G., 1995, p. 221, 223, fig. 5, *5*).

Один из памятников (рис. 1, *1*), хоть и был уже давно опубликован, никогда ранее не рассматривался в данном контексте. Речь идет о найденном в насыпи некрополя Херсонеса бронзовом предмете. Он был обнаружен в 1908 г., когда Н.И. Репников (1927, с. 149) производил раскопки в ограде "верхнего скотного двора, к северо-западу от стены 20 куртины и башни Зенона". Среди находок из меди упоминается и воспроизводится "пластинчатая подвеска" (ОАК за 1908 г., 1912, с. 105, рис. 117; Репников Н.И., 1927, с. 184, рис. 50).

Рассматриваемый предмет является подвеской конской сбруи, судя по форме, довольно характерной для римской кавалерии I в. н.э. (см., например: Bishop M.C., Coulston J.C., 1989, p. 38, fig. 26, *8*). Подобные подвески, названные в литературе из-за трехчастного членения их нижней части Dreiblattanhänger или trifid pendants, богато украшенные серебряной инкрустацией и чернением, происходят из Доорверта на Нижнем Рейне и Ксантена. Указанные подвески подвешивались к фаларам. Находки надежно датируются серединой I в. н.э. (Bishop M.C., 1987, p. 118, fig. 5, *4*; Junkelmann M., 1992, S. 78, 80, Abb. 85, 86, 88, 90). Подобная же подвеска найдена в раннеримском лагере Хофхайм в Таунусе (Ritterling E., 1913, Taf. XII, *37*).

Впрочем, известны и более скромные изделия из бронзы этого типа, например подвески из Сервиана (Лангедок) (Depeyrot G., et al., 1986, p. 156, fig. 55b, *7*) или из Саутварка в Юго-Восточной Англии (Hammerson M., Sheldon H., 1987, p. 169, pl. 2), со-

поставимые с подвеской из Херсонеса. Находка из Саутварка происходит с участка, где было раскопано каменное здание с двориком с деревянными столбами, построенное, судя по данным дендрохронологии, в 74 г. н.э. Там же была найдена монета Нерона с надчеканкой Вителлия 69 г. н.э. (Hammerson M., Sheldon H., 1987, p. 171, 172). Характерно, что такие подвески не включены в каталог находок II–III в. н.э. из Верхнегерманского лимеса, составленный Ю. Олденштайном (Oldenstein J., 1976).

Рассмотренные подвески, возможно, являются развитием типа лунницы с дополнительной центральной подвеской, как предполагает М. Бишоп (Bishop M.C., 1987, p. 118, 119, fig. 6). Интересно, что и лунулы с дополнительной центральной подвеской происходят главным образом из римских лагерей Нижнего Рейна (Хальтерн, Асцибургиум, Майнц, Вехтен) и Южной Англии (Дорчестер). Единственная находка из Паннонии (Аквинкум) связывается с передвижением на Дунай римских легионов, стоявших на Рейне на рубеже I–II вв. н.э. (Szimai K., 1994, S. 407–409, Abb. 4–6). Впрочем, подобная подвеска происходит и из кастелля Карнунта (Stiglitz H., 1987, S. 215, Taf. 5, *2*). Известны лунницы с отверстиями для центральной подвески из памятников II–III вв. по Верхнегерманскому и Рецийскому лимесам (Oldenstein J., 1976, Taf. 44, *438, 441*` 45, *442, 445, 446, 449*). В Северном Причерноморье мне известна лишь одна находка такой фрагментированной бронзовой лунницы с прямоугольным отверстием (рис. 1, *2*) (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 70, табл. 46, *433*) – она происходит из погребения в кургане 41 у станицы Усть-Лабинской в Прикубанье (раск. 1902 г.), которое надежно датируется по бронзовому ситечку-цедилке типа Eggers 160 (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 69, табл. 47, *430*) концом II – первой половиной III в. н.э. (см.: Guguev V., Treister M., 1992, p. 247, note 4). Находку в сарматском погребении в Прикубанье можно считать трофеем, захваченным в бою с римской кавалерией[2].

Рассматриваемая находка из Херсонеса приобретает особую важность, если мы попытаемся вписать ее в известные данные о присутствии римских войск в Херсонесе. Хронологически херсонесская подвеска вполне соответствует пребыванию в Таврике римских войск под командованием Тиберия Плавтия Сильвана, которое имело место скорее всего между 63 и 66 гг. н.э. (Зубар В.М., 1988, с. 19–27; 1994, с. 26–29). Можно предположить, что в состав армии Т. Плавтия Сильвана входили солдаты морской пехоты с кораблей Равеннской эскадры (Зубар В.М., 1988, с. 22, 23; 1994, с. 27). Однако что мы знаем об участии в военных действиях всадников, причем переведенных с территории нижнего Рейна или Британии, на что с наибольшей вероятностью указывает рассматриваемая нами подвеска? Более или менее достоверно участие в составе экспедиции Т. Плавтия Сильвана солдат VIII Августова легиона (Sarnowski T., 1988, s. 29), который с начала I в. н.э. базировался в Иллирии, судя по надгробиям солдат и ветеранов из Аквилеи, Эмоны, Вирунума, Целеи и Поетовио (Oldenstein-Pferdehirt B., 1984, S. 397–399, Abb. 2), причем, судя по одному из надгробий

---

[2] В связи с находкой из Усть-Лабинской нельзя не обратить внимание еще на один памятник из раскопок "Золотого кладбища", который связывается с римским военным снаряжением, а именно бронзовое литое навершие в виде головы кабана с инкрустированными зеленым стеклом глазами, на деревянном древке (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 34, прим. 9; *58*, табл. 29, *269*), происходящее из богатого воинского погребения конца I–II в. н.э. кургана 15 у ст. Тифлисской (раск. 1902 г.) (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 37, 40, прим. 10). Вслед за В.В. Кропоткиным (1970, с. 124) И.И. Гущина и И.П. Засецкая (1994, с. 40) считают навершие "знаком римского штандарта", а погребенного относят "к воинам, имевшим отношение к римской армии". Из контекста следует, что авторы относят воина, погребенного у ст. Тифлисской, скорее к союзникам римлян, одному из вождей военного объединения, "созданного Римом из местных варварских племен" на правобережье Кубани. В пользу этого свидетельствует и набор дорогой бронзовой и серебряной посуды римского происхождения в погребении. Проблема заключается в следующем. Штандарты с навершиями римская кавалерия стала употреблять не ранее Антониновской эпохи. Анализ сообщения Арриана (Techne Taktike 35. 1–6) и изображений подобных штандартов свидетельствует о том, что римляне заимствовали их скорее всего у даков или сарматов, при этом они всегда украшались головой волка или змеи и имели подвижное тулово из органических материалов (см.: Coulston J.C.N., 1991, p. 101–114). Таким образом, хотя навершие из Тифлисской несомненно служило штандартом, нет никаких оснований рассматривать его как штандарт римской кавалерии.

из Вирунума (CIL III 4858), один из умерших братьев был всадником в VIII легионе. Вопрос об участии VIII легиона в британском походе Клавдия 43 г., возможность которого предполагалась некоторыми исследователями, остается открытым; на уровне сегодняшних данных нет решающих аргументов ни за, ни против этой гипотезы (Oldenstein-Pferdehirt B., 1984, S. 398–400). Однако в 45 г. легион уже был частью мезийских войск, в пользу чего однозначно свидетельствует надпись Квинта Корнелия Валериана (CIL II 3272). Наиболее вероятно, что до 69 г. легион базировался в Новы (Oldenstein-Pferdehirt B., 1984, S. 400 ff.).

Некоторыми исследователями предполагается, что в последней трети I в. н.э. римские войска были выведены из Таврики в Подунавье для усиления Мезийской армии и какие-либо источники, которые можно было бы убедительно связать с присутствием римского гарнизона в Херсонесе, как считает В.М. Зубарь (1994, с. 29), в это время отсутствуют. Тем не менее тот же В.М. Зубарь (1994, с. 29) не исключает возможности присутствия римских войск в Крыму в 80-е годы, комментируя гипотезу А.М. Гилевич (1965, с. 106, 107) о связи Прибрежненского клада монет с военной экспедицией римлян. Другие ученые, например В.И. Кадеев (1981, с. 24), полагают, что в правление Домициана римские войска не были выведены из Таврики, что, по его мнению, подтверждается находками римских монет в Херсонесе и Хараксе (ср.: Зубарь В.М., 1994, с. 29). В дальнейшем пребывание римского гарнизона в Херсонесе фиксируется для достаточно короткого времени после окончания Дакийских войн Траяна и организации провинции Дакия (Зубарь В.М., 1994, с. 34–37) вплоть до 30-х годов II в., когда в Херсонесе находилась вексилляция, состоявшая из солдат I Италийского легиона, II Луцензиевой и III Галльской когорт, однако публикуемая подвеска из Херсонеса едва ли может относиться к этому периоду. Заметим, что строительные остатки, которые ассоциируются с деятельностью римского гарнизона в Херсонесе, датируются временем не ранее середины II в. (Зубарь В.М., 1994, с. 44–49).

В 1894 г. в могиле № 528 некрополя Херсонеса была найдена бронзовая пряжка с ажурным щитком (рис. 1, *3*), воспроизведенная в ОАК (Отчет..., 1896, с. 74, рис. 107), имеющая практически точную аналогию пряжке со щитком II в. н.э. из Ньюстед, форта у вала Адриана в Англии (Bishop M.C., Coulston J.C., 1989, p. 46, 47, fig. 35, *4*). Характерно, что пряжки с подобными щитками не зафиксированы Ю. Олденштайном с территории лимеса в Верхней Германии и Реции II–III вв. (Oldenstein J., 1976).

Целый комплект деталей поясного набора был обнаружен в "земляной гробнице" № 492 некрополя в том же 1894 г. В могиле были найдены "фибула бронзовая большая; пряжка бронзовая поясная, поврежденная, и 24 бронзовые пуговки-запонки разной формы и величины, украшавшие, по-видимому, пояс" (Отчет..., 1896, с. 68). К сожалению, ни фибула, ни пряжка не были воспроизведены в отчете, а из 24 найденных бляшек помещены лишь 7 (рис. 1, *4–10*) (Отчет..., 1896, с. 68, рис. 94–100), однако и этих рисунков достаточно для определенных сопоставлений.

Пельтовидные бляшки (рис. 1, *4*) (тип einfache Peltenbeschläge – Oldenstein J., 1976, S. 178–182; Отчет..., 1896, с. 68, рис. 94–99 слева вверху) имеют многочисленные параллели второй половины II–III вв. н.э. по лимесу в Верхней Германии и Реции, в том числе в Нидербибере, Хольцхаузене, Цугмантеле, Заальбурге (Oldenstein J., 1976, Taf. 53, *622–639*), а также на территории совр. Франции и Англии (Boucher S., 1971, N 855, 856; Oldenstein J., 1976, S. 179, Anm. 591, 592; Lloyd-Morgan G., 1987, p. 90, pl. IIIa). Такие бляшки использовались и для украшения конской сбруи (Palágyi S., 1995, S. 405, Abb. 3. *10*).

Ажурная бляшка с вертикальной поперечиной и двумя спиральными завитками (рис. 1, *5*) (тип Doppelte Peltenbeschläge – Oldenstein J., 1976, S. 185, 186; Отчет..., 1896, с. 68, рис. 94–99 справа вверху) находит точные параллели в Заальбурге (Oldenstein J., 1976, Taf. 55, *674*), Дура-Европос (Frisch T.G., Toll N.P., 1949, pl. XVI, *152*). Подобная бляха, но значительно большего размера, происходит из Мариенфельса (Oldenstein J., 1976, Taf. 90, *1165*).

Шестиугольная бляшка с изображением vulva (рис. 1, *6*) (Отчет..., 1896, с. 68, рис. 94–99 в центре) имеет точные аналогии в Заальбурге (Oldenstein, J., 1976, Taf. 34, *269, 270*). Ю. Олденштайн отмечает, что подобные бляшки крайне редки за пределами Галлии и Германии (известна находка в кастелле Бучиуме в Дакии[3]), перечисляя находки в Ниймегене, Хеддернхайме, Майнце, Новезие и т.д. (Boucher S., 1971, N 867). Они появились не ранее середины II в. и получили наибольшее распространение в следующем столетии (Oldenstein J., 1976, S. 137–139).

Заклепки с полусферической верхней частью изображенной на рис. 94–99 (в центре внизу) (рис. 1, *7*) (Отчет..., 1896, с. 68) встречаются в воинских погребениях второй половины II–III вв. н.э. на Рейне и Дунае (Oldenstein J., 1976, S. 169), например в некрополе Регенсбурга (von Schnurbein S., 1977, Taf. 91, *7*; 166, *20, 21*), в Заальбурге (Oldenstein J., 1976, Taf. 46, *487*), Уршпринге (Oldenstein J., 1976, Taf. 46, *486*), Цугмантеле (Oldenstein J., 1976, Taf. 46, *488*), Фельдберге (Oldenstein J., 1976, Taf. 46, *489*).

Круглая бляха с концентрическим валиком (рис. 1, *8*) (Отчет..., 1896, с. 68, рис. 94–99, справа снизу) имеет параллели в находках из Рюкингена (Oldenstein J., 1976, Taf. 85, *1120*), Цугмантеля (Oldenstein J., 1976, Taf. 86, *1122*), с территории Галлии (Boucher S., 1971, N 835).

Бляшки типа круглой (рис. 1, *9*) и заклепки с профилированной головкой (рис. 1, *10*), пожалуй, относятся к довольно распространенным типам, однако проведенный выше анализ показал, что поясной набор из погребения № 492 некрополя Херсонеса (раск. 1894 г.) скорее всего попал в Таврику с воином, перед тем несшим службу на лимесе в Галлии или Германии, и случилось это никак не раньше середины II в., а скорее всего в III в. н.э. Известно, что около середины II в. в Херсонес были введены солдаты V Македонского легиона. Впоследствии после их постепенного вывода охрана Херсонеса осуществлялась силами I Италийского легиона, а с конца II в. – XI Клавдиева легиона, в оперативном подчинении которых находились солдаты вспомогательных когорт (I Киликийской и I Бракаров) (Зубарь В.М., 1994, с. 57). В.М. Зубарь (1994, с. 89, 90) на основании находки в Херсонесе фибулы типа, распространенного в области Верхнегерманского и Рецийского лимесов, а также на территории Норика и Паннонии, уже высказывал предположение о том, что "в составе римского гарнизона Херсонеса наряду с фракийцами проходили службу уроженцы Западных провинций или же солдаты, которые там служили до перевода в Таврику". Проведенный выше анализ деталей поясного набора из погребений херсонесского некрополя является весомым подтверждением высказанной гипотезы. Особое внимание привлекает ажурная пряжка из погребения 528 (1894 г.) некрополя Херсонеса, имеющая британскую параллель. Возможность появления на берегах Северного Понта солдата или офицера, служившего перед тем в Британии, косвенно подтверждается недавней атрибуцией бронзовых изделий с эмалью из горгиппийского склепа первой половины III в. н.э. (Шедевры..., 1987, № 268, 269; The Treasures..., 1991, N 189, 190; Treister M.Yu., 1993, p. 799, fig. 13) как выполненных в эмальерных мастерских Британии II в., причем не исключено, что в первой половине столетия (Künzl E., 1995, S. 46). В этой связи нельзя не обратить внимание на украшенную эмалями ажурную бронзовую бляху, образованную четырьмя пельтовидными элементами, происходящую из Керчи и хранящуюся в Оксфорде (Henry F., 1933, p. 121, fig. 31; Трейстер М.Ю., 1992, с. 91, рис. 17; Treister M.Yu., 1993, p. 798, p. 800, fig. 12), которую обошел своим вниманием Э. Кюнцль. Орнаментальная схема бляхи находит соответствие в бронзовых ажурных бляхах конца II – первой половины III в. н.э. из Вайсенбурга, Штраубинга, Цугмантеля (Oldenstein J., 1976, Taf. 88, 89, *1144, 1145, 1150*). По мнению Ольденштайна (Oldenstein J., 1976, S. 237–239), эти бляхи могли использоваться как детали и солдатского костюма, и конской сбруи. Второе предположение кажется более уместным в случае с

[3] К этому списку необходимо добавить две недавно опубликованные находики из Ромулы в Дакии и Верхней Мезии (Petculescu L., 1995, p. 410, 411, fig. 2, *1, 2*).

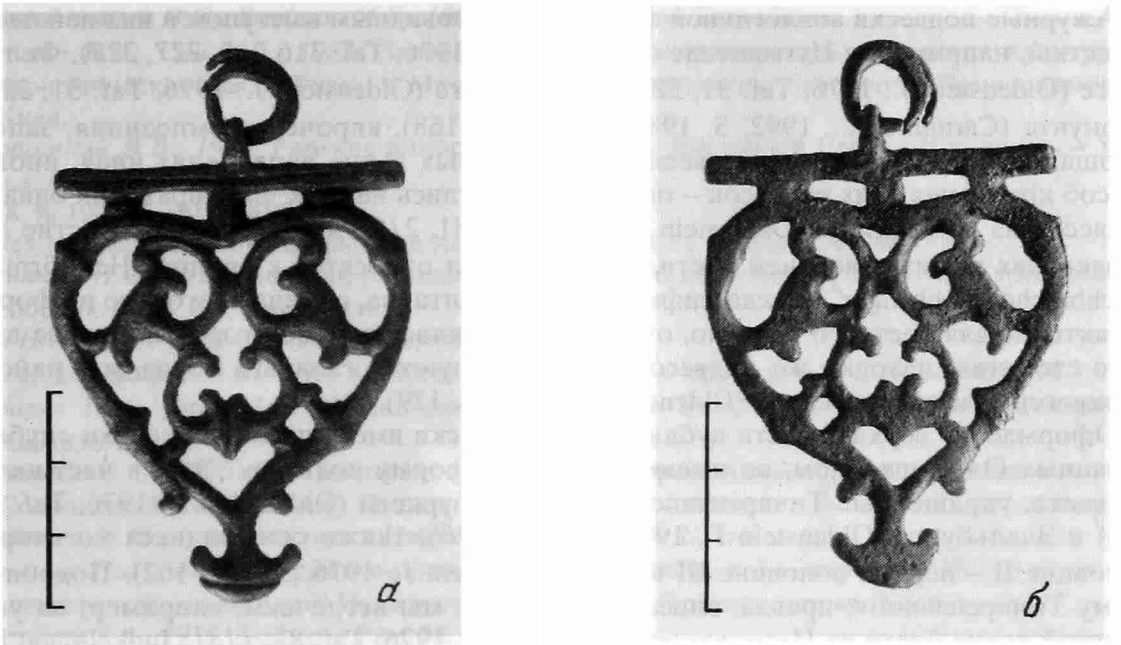


Рис. 2. Бронзовая подвеска, случайная находка у дер. Михайловки, Восточный Крым, коллекция Г.А. Аслияна, Москва

бляхой из Керчи, которую можно рассматривать как деталь парадной конской сбруи[4], вероятно, изготовленную также в британских мастерских (ср. с орнаментацией патеры с эмалью первой половины II в. н.э. из Римского-Германского Музея Майнца – Künzl E., 1995, S. 42, 43, 46, Abb. 4, 5).

Публикуемая ниже еще одна находка хранится в коллекции Г.А. Аслияна в Москве и, по словам владельца, была найдена на городище у дер. Михайловка под Керчью.

Ажурная литая бронзовая подвеска[5] (рис. 2, *а*, *б*) имеет сердцевидную форму с пельтовидным выступом внизу. В верхней части имеется прямоугольное основание, декорированное с лицевой стороны неглубокой горизонтальной канавкой с выступающим в перпендикулярной плоскости кольцом, образованным неправильной формы выступом с круглым отверстием, смещенным к его верхней части. В отверстие продето кольцо с сомкнутыми концами, свернутое из расширяющейся в верхней части пластины; конец кольца раздвоен.

Сама сердцевидная подвеска отлита вместе с основанием, с которым она соединена тремя вертикальными перемычками: более длинной центральной и короткими по бокам. Внешний контур пластины украшен симметрично расположенными утолщениями, двумя завитками и пельтовидным выступом в нижней части. Центральная часть подвески образована тремя соприкасающимися завитками, два из которых включают в себя пельтовидные элементы, а один образован двумя полукругами, расширяющимися в месте соприкосновения.

Элементы подвески выпуклые и профилированные с лицевой стороны; оборотная сторона подвески уплощенная, неровная.

Подобные подвески служили для украшения конской узды. Как отмечает М. Юнкельман (Junkelmann M., 1992, S. 86), в конце II–III вв. н.э. получили распространение ажурные подвески, часто украшенные возрожденными кельтскими мотивами, в частности так называемым Trompetenmotiv. Подобные же подвески украшали портупейные ремни (Bishop M.C., Coulston J.C., 1989, p. 51–53). Образцом такой подвески с ажурным украшением в указанном выше стиле является и публикуемая нами.

---

[4] О бронзовых с эмалью деталях конской сбруи см.: Künzl E., 1995, S. 42.

[5] Общая высота с кольцом для подвешивания 7,3 см (без кольца – 6,25 см). Длина верхней планки 4,76 см. Максимальная ширина подвески 4,93 см. Толщина макс. 0,4 см. Размеры кольца 1,3 × 1,2 см.

Ажурные подвески аналогичной формы с пельтовидным выступом в нижней части известны, например, в Цугмантеле (Oldenstein J., 1976, Taf. 316 *219*, *227*, *228*), Фельдберге (Oldenstein J., 1976, Taf. 31, *226*), Штраубинге (Oldenstein J., 1976, Taf. 31, *225*), Карнунте (Carnuntum..., 1992, S. 198, 199, N 164–168), впрочем, композиция, заполняющая внутреннюю часть подвески, на указанных выше параллелях иная, иной и способ крепления этих подвесок – они либо крепились на двух шарнирах, как одна из подвесок из Цугмантеля (Oldenstein J., 1976, Taf. 31, *219*), либо имеют отверстие для продевания ремня в верхней части. Эти подвески относятся к группе "Herzförmige durchbrochene Anhänger", по классификации Олденштайна, отмечавшего, что их форма характерна для третьего века, но, очевидно, появилась еще во второй половине второго столетия, находки же подвесок концентрируются главным образом в районе Верхнегерманских кастеллей (Oldenstein J., 1976, S. 129).

Оформление верхней части публикуемой подвески имеет параллели среди опубликованных Олденштайном, но имеющих другую форму подвесок. Это, в частности, подвески, украшенные Trompetenmotiv, из Остербуркена (Oldenstein J., 1976, Taf. 43, *428*) и Заальбурга (Oldenstein J., 1976, Taf. 43, *430*), также относящиеся ко второй половине II – первой половине III в. н.э. (Oldenstein J., 1976, S. 161, 162). Подобную схему Trompetenmotiv, правда, вписанного в круг, мы встречаем, например, на упомянутой выше бляхе из Цугмантеля (Oldenstein J., 1976, Taf. 87, *1131*; Junkelmann M., 1992, S. 84, Abb. 95; Carnuntum..., 1992, S. 186). Ажурные поясные накладки с подобными мотивами происходят, например, из погребения VIII/10 в Клостенбурге под Веной, которое датируется по инвентарю первой половиной III в. н.э. (Neugebauer J.-W., Grünewald M., 1975, S. 152, 153, Taf. 13, *3*). Подобные накладки известны также в Карнунте и Нижней Австрии (Miyscha-Märheim H., 1957, S. 49, 51, Abb. 2, *1*; 4; Stiglitz H.,1987, Taf. 6, *8*). Другой характерной формой блях с ажурным украшением в виде Trompetenmotiv являются прямоугольные, известные из Интерциссы (Intercissa, 1957, Taf. XLVII, *13*), Регенсбурга (von Schnurbein S., 1977, S. 88, 89, Abb. 13a, Taf. 82, *8*; 91, *13*; 166, *18*, *19*) конца II – первой половины III в. н.э. Рассматриваемые мотивы использовались также для фибул, например, из Карнунта (Carnuntum Jahrbuch 1986 [1987], S. 270, Abb. 30, *1*) и Лауриака (Jobst W., 1975, S. 120 f., gruppe 46b–c).

Как видно, указанные выше памятники с Trompetenmotiv образуют хронологическую единую группу – все они происходят из комплексов второй половины II – первой половины III в. н.э. Большинство их происходит из районов рейнского и дунайского лимесов, а также из Англии[6], а распространение этих мотивов связывается с возрождением латенских мотивов (von Schnurbein S., 1977, S. 88). С этими областями, как я попытался показать, и связаны скорее всего бляхи с Trompetenmotiv из Тиры, Херсонеса и окрестностей Керчи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Ю.Г., 1990. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М.

Виноградов Ю.Г., 1992. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. № 3.

Гилевич А.М., 1965. Прибрежненский клад римских монет // НЭ. Т. 5.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Зубарь В.М., 1988. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. Вип. 63.

Зубарь В.М., 1993. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Таврриці // Археологія. № 1.

Зубарь В.М., 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев.

Кадеев В.И., 1979. Херсонес, Боспор и Рим // ВДИ. № 2.

Кадеев В.И., 1981. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. Харьков.

[6] Кроме того, рассматриваемые изделия хорошо представлены в Дура-Европос (Frisch T.G., Toll N.P., 1949).

Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985. Древний город Тира. Киев.
Клейман И.Б., Сон Н.А., 1983. Западнопонтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тиры // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев.
Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н.э. – V в. н.э. // САИ. Вып. Д1-27.
ОАК за 1908 г., 1912. СПб.
Отчет г. Заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г., 1896. // ОАК за 1894 г.
Репников Н.И., 1927. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г. // Херсонесский сборник. Вып. 2. Севастополь.
Сон Н.А., 1993. Тира римского времени. Киев.
Сон Н.А., Назаров В.В., 1993. Знахідки римськоі зброї в тірі та Ольвії // Археологія. № 1.
Сударев Н.И., 1991. Две находки римского времени из г. Сочи // Древности Северного Кавказа. М.
Трейстер М.Ю., 1992. Бронзолитейное ремесло Боспора // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 10. М.
Трейстер М.Ю., 1993. Римляне в Пантикапее // ВДИ. № 2.
Фролова Н.А., 1982. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в.н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.
Цветаева Г.А., 1979. Боспор и Рим. М.
Черненко Е.В., Зубарь В.М., Сон Н.А., 1989. Бутероль из Тиры // СА. № 2.
Шедевры древнего искусства Кубани, 1987. М.
Шелов Д.Б., 1981. Римляне в Северном Причерноморье во II в.н.э. // ВДИ. № 2.
Bishop M.C., 1987. The Evolution of Certain Features // Acta Congress Nottingham.
Bishop M.C., Coulston J.C., 1989. Roman Military Equipment. London.
Boucher S., 1971. Vienne. Bronzes Antiques. Paris.
Garnuntum. Das Erbe Roms an der Donau. Katalog der Ausstellung des Archäologischen Museum Carnuntium in Bad Deutsch Altenburg, 1992.
Coulston J.C.N., 1991. The 'Draco' Standard // Journal of Roman Military Equipment Studies. № 2.
Depeyrot G., Feugere M., Gauthier P., 1986. Prospections dans la moyenne et basse Vallée de l'Hérault: monnaies et petits objets // Archéologie en Languedoc. N 4.
Faider-Feytmans G., 1979. Les bronzes romains de Belgique. Mainz.
Frisch T.G., Toll N.P., 1949. The Bronze Objects (The Excavations at Dura-Europos. Final Reports. Pt. IV. Fasc. 1).New Haven. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine, 1991. Schleswig.
Guguev V., Trejster M., 1992. Une oenochóe de bronze a scènes mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la région de Rostov // RA. Fasc. 2.
Hammerson M., Sheldon H., 1987. Evidence for the Roman Army in Southwark // Acta Congress Nottingham.
Henry F., 1933. Les émailleurs d'occident // Préhistoire. T. 2. Intercissa. 1957. Budapest.
Jobst W., 1975. Die römische Fibeln aus Lauriacum. Linz.
Junkelmann M., 1992. Die Reiter Roms. Teil III: Zubehör, Reitweise, Bewaffnung. Mainz.
Künzl E., 1995. Gro formatige Emailobjekte der römischen Kaiserzeit // Acta Congress Nijmegen.
Lloyd-Morgan G., 1987. Professor Robert Newstead and Finds of Roman Military Metalwork from Chester // Acta Congress Nottingham.
Mitscha-Märheim H. 1957. Völkerwanderungszeitliche Gräber aus Mannersdorf am Leithagebirge // ArchA. Bd. 22.
Neugebauer J.-W., Grünewald M., 1975. Weitere römische Grabfunde aus Klosterneuburg, P.B. Wien-Umgebund // Römisches Österreich. Jg. 3.
Oldenstein J., 1976. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten der obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Ber. RGK. Jg. 57.
Oldenstein-Pferdehirt B., 1984. Die Geschichte der Legio VIII Augusta // JbRGZM. Jg. 31.
Palágyi S., 1995. Ein neuer Pferdergeschirrfund aus Pannonien und Möglichkeit seiner Rekonstruktion // Acta Congress Nijmegen.
Petculescu L., 1995. Bronze Miniature Weapons and Armour in the Equipment of Roman Soldiers from Dacia in the Second and Third Centuries AD // Acta Congress Nijmegen.

Raev B.A., Simonenko A.V., Treister M.Yu., 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // JbRGZM. Jg. 38.

Ritterling E., 1913. Das frührömische Lager bei Hofheim in Traunus. Wiesbaden.

Sarnowski T., 1988. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na pólnochem wybrzezu Morza Czarnego. Warszawa.

Von Schurbein S., 1977. Das römische Gräberfeld von Regensburg // Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. Reihe A. Bd. 31. Kallmünz.

Simion G., 1995. Méthodes de datation et de localisatition des centres de production des bronzes romains découverts dans la régeion du Bas-Danube // Acta Congress Nijmegen.

Stiglitz H., 1987. Auxiliarkastell Carnuntum // Garnuntum Jahrbuch. 1987. Wien.

Szirmai K., 1994. Eine Pferdegeschirr-Gattung mit Lunulaverzierung aus Aquincum // Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18–22. Juli 1988 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemburg. Bd. 45). Stuttgart.

The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia, 1991. Tokyo.

Treister M.Yu., 1993. The Celts in the North Pontic Area: a reassesment // Antiquity. V. 67. N 257.

Treister M.Yu., 1994. Roman Military Equipment in the Kingdom of Bosporus // Kongressbericht Marburg.

Treister M.Yu., 1995. The Romans in Pantikapaion // ACSS. V. 2. N 2.

Treister M.Yu., 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // Colloquia Pontica I. New Studies on the Black Sea Littoral. Oxford.

Vinogradov Ju.G., Nazarow V.V., 1994. Römische Besatzunfstruppen in Olbia Pontica im 1. bis. 3. Jh. und ihre Bewaffnung // Kongressbericht Marburg.

M.Yu. TREISTER

THE FINDS OF DETAILES OF ROMAN MILITARY COSTUME AND HORSE-HARNESS IN NORTH PONTIC AREA

Summary

In the article the detailes of military costume and horse-harness of the types used by the Roman troops are regarded. The finds originate from North Pontic area, namely, Tyra, Chersones, and the territory of Bosporan kingdom and the Kuban' river basin. Having analyzed the artetacts, the author came to a conclusion that the earliest samples had occured there as early as mid Ist century A.D., and should be connected with Roman military expeditions to Bosporus and South-Western Tauria. Much more numerous are the fons dated to mid 2nd – the first half of the 3rd centuries A.D. known from Tyra, Chersones, and Bosporus. They may be associated with residence there of Roman garrisons which included soldiers and officers once having served in Britain, Germania and Recium. The artefacts in question could be left by military men of North Pontic origin as well. The crescent plaque found in the burial at Zolotoye kladbishche in the Kuban' basin should be regarded as a trophy captured in the course of the battles with the Romans.

Н.Г. АРТЕМЬЕВА, А.Л. ИВЛИЕВ

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ УССУРИЙСКА

Горные городища, исследуемые на территории Приморья, являются одним из основных археологических источников для изучения культуры и хозяйства средневекового населения юга Дальнего Востока. Более 40 лет исследования этих памятников позволили реконструировать многие элементы материальной и духовной культуры чжурчжэней XII–XIII вв. Горные городища в Причерноморье отражают расцвет градостроительства и значительно более высокий по сравнению с ранними памятниками уровень экономики и культуры. Ответить на вопрос, с какими конкретно историческими событиями они связаны, каковы исторические причины этого явления, возможно путем изучения вновь обнаруженных на этих памятниках эпиграфических материалов. Две такие эпиграфические находки – бронзового диска – эталона веса и печати – были сделаны в 1995 году во время раскопок на Краснояровском городище.

Городище расположено на высоком утесе правого берега р. Раздольной, в 5 км южнее г. Уссурийска. Это самое крупное по площади (180 га) на территории Приморья городище (рис. 1). Как и на всех горных городищах, на Краснояровском внутренняя топография подчинена рельефу местности. В восточной стороне памятника находится горный распадок, условно делящий городище на две части. В юго-восточной стороне располагался "внутренний" город, в котором находились административные здания колоннадной конструкции под черепичной крышей. В северо-восточной стороне, которая практически полностью занята деревенской застройкой, огородами и строящимися коттеджами, в прошлом наблюдались два обвалованных участка, площадью в 1,2 и 1 га, к югу от которых идет пологий склон, когда-то застроенный жилищами. Террасовидные площадки от последних до сих пор прослеживаются среди современных огородов.

По дну распадка, делящего городище на две части, протекает ручей. В том месте, где он берет начало, образовался мысовидный участок земли, все время подмываемый дождевыми водами. Заложенный в этом месте раскол дал интересную находку – бронзовую эталонную гирю в форме диска. Стратиграфия раскопа: 10 см слой дерна, затем 60–80 см оранжево-серого суглинка с прослойкой в 10–15 см сильно пережженного углистого слоя с золистыми вкраплениями, который как бы языком навис над материком, не доходя до последнего. Материк – плотная, вязкая оранжевая глина. Находка была обнаружена в углистом слое, на глубине в 60 см от дневной поверхности. Рядом с ней были найдены бронзовый намеренный хомуток и четырехугольная бронзовая рамка неизвестного назначения. Следов каких-либо сооружений в этом месте не обнаружено. Так как из-за постоянных подмывов земля здесь сильно смещается, вполне возможно, что гиря вместе с углистым слоем сползла с верхней площадки. В 15 м от места находки печати ниже по склону были раскопаны остатки жилища № 4.

Бронзовый диск литой, его лицевая и оборотная стороны, а также гурт выпуклы. Диаметр диска 104 мм, наибольшая толщина 31,5 мм, масса 17 755 г. Следует отметить, что часть диска по краю отбита еще в древности, поэтому его современная масса должна быть значительно ниже первоначальной. Декор и надписи нанесены гравировкой. Линии орнамента образуются из слияния многочисленных точечек – следов отдельных ударов пунсона. Иероглифические же надписи, также как и на

© Н.Г. Артемьева, А.Л. Ивлиев, 2000 г.

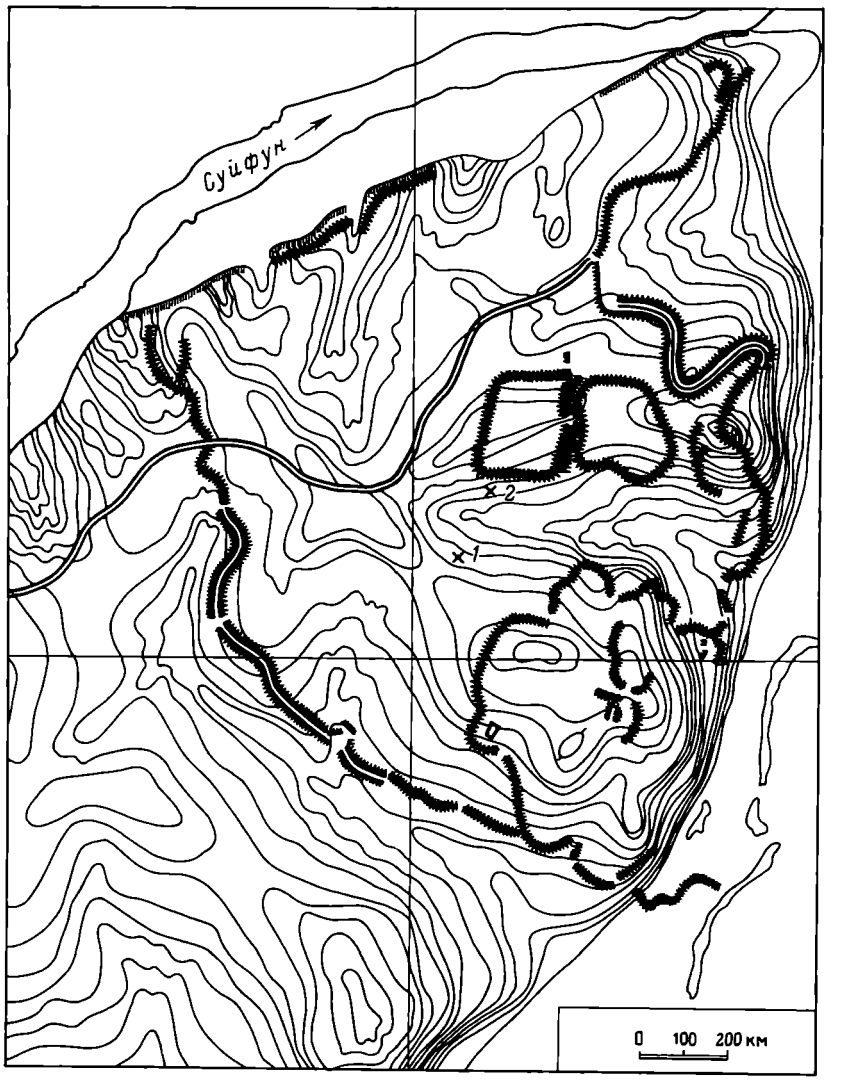


Рис. 1. План Красноярского городища. *1* – местонахождение бронзового диска; *2* – местонахождение бронзовой печати

печати, чеканены штихелем так, что каждая черта иероглифа наносилась сразу одним ударом. На лицевой и оборотной сторонах диска изображение помещено в круге, ограниченном сплошной линией. В его нижней части имеется цветок лотоса, а в верхней – перевернутый лотосовый лист. Справа и слева декоративную рамку образуют спиральные завитки растительного орнамента, так называемый "жимолостный узор" (кит. жэньдунвэнь), отделенный парой вертикальных линий от надписи в центре. На гурте помещена непрерывная гирлянда из чередующихся листьев и цветов лотоса, соединенных извивающимся стеблем (рис. 2). Надпись на диске за исключением 13-го и 18-го знаков оборотной стороны сделана китайскими иероглифами, сохранилась довольно хорошо, не просматривается только знак "и" – "один" на лицевой стороне, который легко восстанавливается по надписям на найденных ранее двух- и трехцзиневых дисках. Надпись на лицевой стороне выполнена в четыре вертикальные строки, которые читаются справа налево:

"Тун цюэ да сяо и
ши ци цзянь и фу цюань
чжун сань цзинь
ди цзы хао" (рис. 3, *1*)

Рис. 2. Бронзовый диск: *а* – лицевая сторона; *б* – оборотная сторона; *в* – гурт

Четвертая строка несколько ниже других, на уровне второго знака третьей строки. Надпись на оборотной стороне также выполнена в четыре вертикальные строки:

"да тун ци нянь сань юэ жи
цзянь цзао гуань сун чан
□ цзо тоу вэй шань
ну □" (рис. 3, *2*)

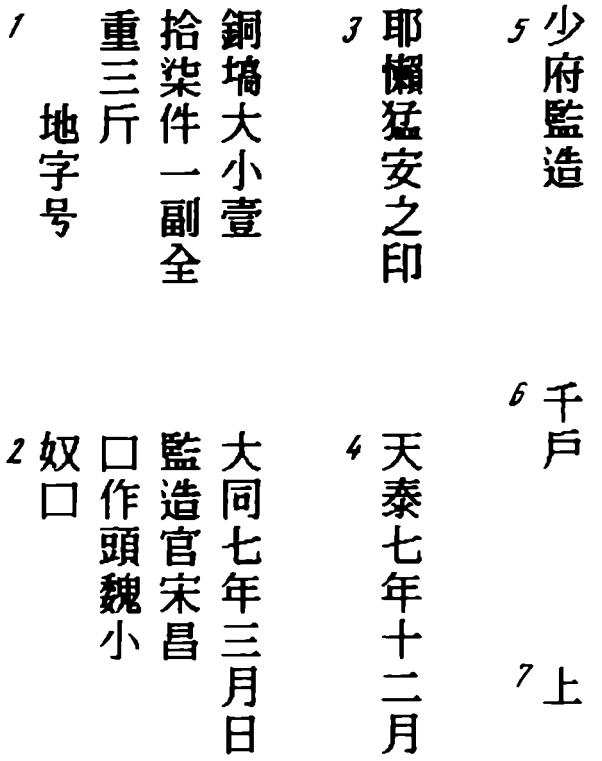


Рис. 3. Иероглифические надписи на диске и печати

В целом надпись можно перевести: [лицевая сторона] "Бронзовые эталоны разных величин, 17 штук в полном комплекте. Вес три цзиня. Регистрационный номер – /знак/ 'ди'"; [оборотная сторона] "В день третьего месяца седьмого года периода правления Да-тун, наблюдавший за изготовлением чиновник Сун Чан □, производитель работ Вэй Шаньну □". Стоящий за именами чиновника и производителя работ некитайский знак является чжурчжэньским подписным знаком соответствующего лица, как это наблюдается на цзиньских серебряных слитках, бумажных ассигнациях и регистрационных надписях на бронзовых зеркалах.

Подобные бронзовые диски – эталоны веса в 1,5 и 10 цяней, а также в 2 и 3 цзиня находили и ранее в Приморье и Северо-Восточном Китае. Общая сводка этих находок содержится в опубликованной несколько лет назад статье о бронзовых дисках одного из авторов этой работы (Ивлиев А.Л., 1990). Отметим только, что в той статье было дано ошибочное толкование цифры "17" в надписях на двух- и трехцзиневых дисках, как показателя соотношения между ляном и цзинем в чжурчжэньской системе весов. Тогда при сравнении весов различных эталонных дисков не был учтен различный процент окиси в объеме и, соответственно массе больших и малых дисков. Так, при толщине слоя окиси в 0,5 мм он составит 5% объема трехцзиневого диска и 47,5%, то есть, гораздо более значительную часть объема диска в 1 цянь, а окись значительно изменяет первоначальный вес диска. На самом деле, диски выполнены в традиционной на Дальнем Востоке системе, где один цзинь равен 16 лянам, а число "17" с последующим словом "цзянь" – "штука" указывает на количество эталонов в наборе.

Указанная в надписи дата – третий месяц седьмого года правления Да-тун – скорее всего, относится к 1230 г. Во многих странах Восточной Азии летоисчисление велось по годам правления императора или короля. Годы правления обозначались особым девизом – "няньхао", который обычно длился в течение всего правления монарха, но иногда, в связи с экстренными событиями в масштабах всей страны – победой в войне, неурожаями и стихийными бедствиями и т.п. – заменялся другим. Девиз правления Да-тун, который можно перевести как "Полная гармония", "Великое единение", согласно

исследованиям последних лет, известен как второй (после Тянь-тай) девиз правления чжурчжэньского полководца Пусяня Ваньну, основавшего в 1215 году государство Восточное Ся (по другой версии Дунчжэнь – "Восточное [чжур]чжэнь"). Предыдущий девиз правления Тянь-тай соответствует 1215–1223 годам, затем он был заменен на девиз Да-тун, длившийся 10 лет до пленения Пусяня Ваньну монголами. В ходе войн с монголами и восставшими против чжурчжэньской империи Цзинь киданями, Пусянь Ваньну потерпел ряд поражений на юге Маньчжурии и вместе со 100-тысячным войском совершил переход на восток в район цзиньских губерний Хэлань, Сюйпинь и Хулигай (район Восточной Маньчжурии, северной части Корейского полуострова и Приморья), где возглавляемое им государство продолжало независимое существование до 1233 года, когда монгольские войска, пройдя через Корё, осадили Южную столицу Восточного Ся, взяли ее штурмом и пленили Пусяня Ваньну. В дальнейшем на протяжении около шести десятков лет это государство было вассальным монголам владением. Вероятно, в этот последний период своего существования оно лишилось большей части своей территории, непосредственно включенной в территориально-административную систему монгольской империи Юань (Ивлиев А.Л., 1993).

Данный диск полностью идентичен ранее найденному в районе Уссурийска трехцзиневому диску, в настоящее время хранящемуся в государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Различие между ними заключается только в разном распределении знаков по строкам надписи оборотной стороны. Судя по общему регистрационному номеру – иероглифу "земля" ("ди") и дате изготовления, найденный на Краснояровском городище трехцзиневый диск составляет единый набор с двухцзиниевыми дисками из Пуциловки и Уссурийска и дисками в 1, 5 и 10 цяней Шайгинского городища, а также с десятицяневым диском и городища на Известковой сопке. Таким образом, найден эпиграфический памятник, позволяющий утверждать о существовании Краснояровского городища во времена государства Восточное Ся. Сделанная в тот же сезон 1995 года вторая эпиграфическая находка – бронзовая печать – предоставила еще более интересные сведения об этом памятнике.

Печать была найдена у подножья склона сопки, в 100–120 м южнее обвалованных участков, рядом с поворотом современной дороги, на огородной вспашке, поблизости находилось большое количество фрагментов керамики и каменных плит от покрытия дымоходных каналов кана. Рядом с местом обнаружения печати был заложен раскоп, стратиграфия которого довольно проста: слой дерна толщиной 10 см; 20–30 см темного суглинка, под которым находился материк – оранжевая глина. Здесь было зачищено наземное, квадратное в плане жилище площадью 36 м^2, входом ориентированное на восток. Внутри жилища располагался трехсекционный, трехканальный кан с двумя очагами. С южной стороны от постройки находилась площадка, служившая, скорее всего, хозяйственным двором. Несомненно, что печать происходит из культурного слоя городища, но была ли она вывернута вспашкой именно из этого жилища, доказать невозможно, так как весьма вероятно, что чуть южнее хозяйственного двора находилась еще одна постройка.

Бронзовая печать квадратной формы со стороной 72 мм, толщиной 12 мм. В центральной части есть ручка трапециевидной формы высотой 31 мм, шириной наверху 26 мм, внизу – 31 мм и толщиной наверху 9 мм, внизу – 12 мм (рис. 4).

Надпись на клише печати выполнена рельефными линиями, состоит из расположенных двумя вертикальными строками шести китайских иероглифов, заключенных в квадратную рамку. Текст клише выполнен, в основном, восьмислойным чжуанем, только один иероглиф ("лань") сделан в 11 слоев. В углублениях клише сохранились следы красной краски, использовавшейся для оттискивания печати на бумаге. Текст клише читается: "Елань мэнъань-чжи инь" (рис. 3, *3*), что переводится как "Печать Еланьского мэнъаня".

На оборотной стороне печати двумя вертикальными строками, расположенными справа и слева от ручки, зубильцем выбита надпись, сделанная почерком кайшу – широко употребляемым до настоящего времени стилем письма. Правая строка состоит из

семи знаков: "Тянь тай ци нянь ши эр юэ" (рис. 3, *4*), левая – из четырех: "Шао фу цзянь цзао" (рис. 3, *5*). В целом, текст этих двух строк переводится: "Изготовлено ведомством Шаофуцзянь в двенадцатый месяц седьмого года Тянь-тай".

На боковой грани, левее выбитой на обратной стороне печати строки "Шао фу цзянь цзао", в противоположном ей направлении, есть вертикальная строка, повторяющая почерком кайшу текст клише печати. Сохранность этой надписи довольно плохая, различимы иероглифы "е", "лань", "чжи", "инь". На месте, где должны быть знаки "мэн" и "ань", остались следы, скорее всего, соответствующие знакам "цянь ху" (рис. 3, *6*) – "тысяча дворов" – "начальник тысячедворки", что примерно соответствует переводу на китайский язык чжурчжэньского звания "мэнъань". Подобная замена "мэнъань" на "цяньху" в дублирующей клише боковой надписи на печати встречалась и ранее. Она есть на найденной в уезде Цзютай провинции Цзилинь печати мэнъаня Шуцзибо 2-го года Чжэнь-ю (1214) империи Цзинь (Цзин Ай, 1991, с. 111, № 216).

На верхней плоскости ручки выбит иероглиф "шан" (рис. 3, *7*) – "верх", указывающий на правильное положение клише печати при ее оттискивании. Надпись на обороте печати содержит дату ее изготовления и название выпустившего ее органа.

Дата на печати обозначена следующим образом: "в двенадцатый месяц седьмого года Тянь-тай". Упомянутый выше девиз Тянь-тай, который примерно можно перевести как "Небесное благоденствие", известен как девиз правления чжурчжэньского полководца Пусяня Ваньну, правителя государства Восточное Ся. 7-й год Тянь-тай соответствует 1221 году, точнее, началу 1222 году, так как 12-й месяц восточного календаря приходится на начало следующего года европейского календаря. Это первая эпиграфическая находка, датированная девизом Тянь-тай в Приморье. Ранее в Приморье были найдены бронзовые диски-эталоны веса, печать и железная чашечка весов, надписи на которых содержали только девиз Да-тун (Ивлиев А.Л., 1993).

Ведомство Шаофуцзянь. В надписи на обратной стороне печати указан изготовивший ее орган – ведомство Шаофуцзянь. Согласно "Цзинь ши", в чжурчжэньской империи Цзинь такое ведомство относилось к внутреннему управлению императорского двора и "ведало всеми государственными ремесленными и строительными делами". В составе придворного ведомства Шаофуцзянь упоминается канцелярия Вэньсышу, занимавшаяся, в частности, и изготовлением печатей для всех внутренних и внешних ведомств (Цзинь ши, цз. 56. Описание чинов (Байгуань чжи), ч. 2, с. 7053). Судя по надписям на печатях Восточного Ся, ведомство Шаофуцзянь было и в этом государстве, во многом повторившем административную систему чжурчжэньской империи Цзинь.

Анализ материалов каталога Цзин Ая "Собрание чиновничьих печатей эпохи Цзинь" показывает, что в империи Цзинь ведомство Шаофуцзянь изготовляло печати очень ограниченный период времени – с 1156 по 1170 гг. В дальнейшем, до последних годов империи этим занималось Министерство церемоний (Либу) (Цзин Ай, 1991, с. 253). Подобная ситуация наблюдалась и в Восточном Ся, где выпуском печатей занимались в разное время и Шаофуцзянь, и Министерство церемоний. Первым из них были изготовлены две печати в 7-м году Тянь-тай (1221), три в 9-м (1223) и две – во втором году Да-тун (1225). Начиная с 4-го года Да-тун (1227) все печати имеют указание на изготовление их Министерством церемоний (две в 1227, по одной в 1229, 1230, 1231 и две в 1233 г.). Материалы взяты из каталога Цзин Ая с добавлением двух печатей из Приморья). Изготовленная в 7-м году Тянь-тай (начало 1222 г.) печать из Краснояровского городища как раз попадает в период изготовления печатей ведомством Шаофуцзянь государства Восточное Ся.

Еланьский мэнъань. Текст клише печати – "Печать Еланьского мэнъаня" указывает на то, что печать принадлежала начальнику чжурчжэньской военно-административной единицы мэнъань – тысячедвоки. Такие военно-административные единицы – мэнъань и более мелкая моукэ – восходили к родо-племенному строю чжурчжэней в доимперский период и сохранялись в империи Цзинь, вписавшись в ее административную систему в качестве основных территориально-административных единиц для

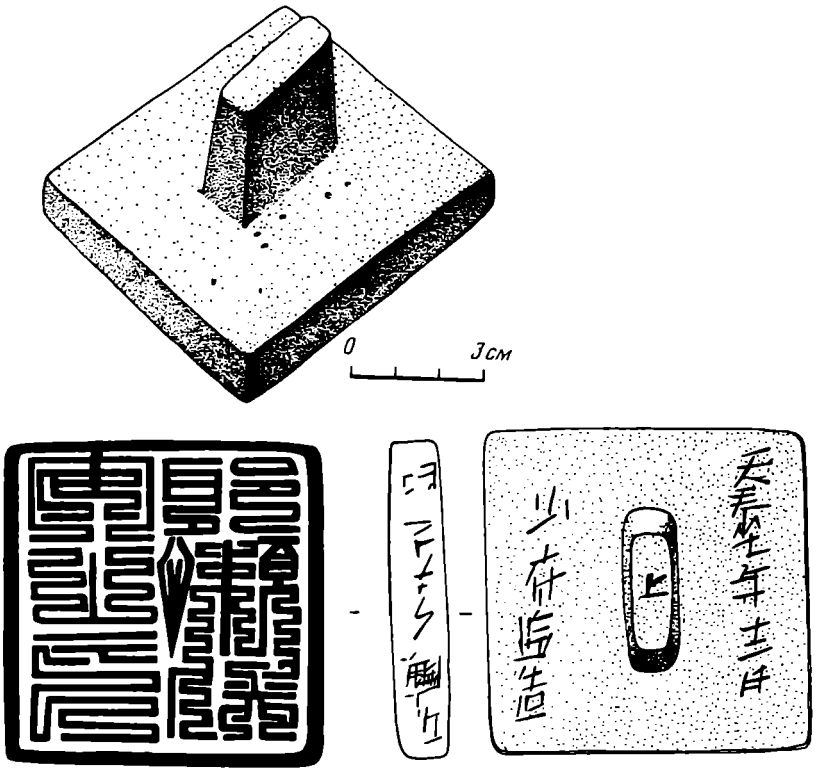


Рис. 4. Бронзовая печать

чжурчжэньского населения империи (Воробьев М.В., 1975, с. 130, 131). Судя по находкам печатей Восточного Ся с указанием на ряд мэнъань и моукэ, они имелись и в этом государстве. Особый интерес здесь вызывает упоминание топонима Елань в тексте клише печати. Согласно "Цзинь ши" (цз. 24, 70) в местности Елань обитало племя еланьских Ваньянь, вождь которых Эсыкуй (Ваньянь Чжун) в 1124 году переселился со всем племенем в Сюйпинь, где земли более подходили для занятий земледелием. Сейчас место переселения еланьских Ваньянь надежно идентифицируется с современным городом Уссурийском, на территории которого обнаружены остатки мавзолейного комплекса Ваньянь Чжуна (Ларичев В.Е., 1966; 1974; Линь Юнь, 1992). Согласно "Цзинь ши" (цз. 24) местность Елань находилась в 1000 ли на восток от Сюйпинь, то есть, примерно в 500 км на восток от Уссурийска в районе побережья Японского моря. Таким образом, печать дает эпиграфическое свидетельство существования топонима Елань в Приморье, в то же время, находка печати Еланьского мэнъаня на территории Краснояровского городища поднимает вопрос о местонахождении данной военно-административной единицы. Дело в том, что, как правило, цзиньские и восточно-сяские печати округов, уездов, мэнъань и моукэ обнаруживаются в местах нахождения этих территориально-административных единиц. В качестве примеров можно привести находки печати округа Гучжоу в районе г. Муданьцзян, печати гоудангунши губернии Южной столицы Восточного Ся (Цзин Ай, 1991, с. 232, № 516), печатей цзиньских губерний Пуюй (Цзин Ай, 1991, с. 17, № 034) и Хулигай (Цзин Ай, 1991, с. 17, № 035). В связи с этим можно предполагать, что Еланьский мэнъань должен был в 1222 году находиться в районе Краснояровского городища. В данном случае имеется и письменное свидетельство, позволяющее рассматривать приведенное выше предположение в качестве исторического факта. Среди скудных записей "Цзинь ши", касающихся этой губернии, сообщается: "Елань и Субинь отстоят друг от друга на 1000 ли, в 11-м году Да-дин император Шицзун для того, чтобы обитающим в Субини [Еланьским Ваньянь] нельзя было забыть своих корней, повелел называть управляемый его родственниками Еланьскими Ваньянь мэнъань Еланьским мэнъанем" (Цз. 24, раздел "Губерния

Сюйпинь"). Таким образом, упомянутый на печати Еланьский мэнъань существовал под таким названием в районе современного Уссурийска с 1171 года (11 года Да-дин) на протяжении свыше пятидесяти лет, а фактически входившие в этот мэнъань еланьские чжурчжэни жили здесь около ста лет со времени переселения Ваньянь Чжуна. Найденная в этот раз печать является материальным подтверждением летописных сведений.

К настоящему времени на основании письменных и эпиграфических источников известно о существовании в Восточном Ся трех столиц: Верхней, Южной и Северной. О местонахождении Северной столицы пока ничего не известно. Южная столица отождествляется с горным городищем Чэнцзышань, расположенным близ города Яньцзи на юго-востоке провинции Цзилинь. Местонахожение главной – Верхней столицы – города Кайюань – пока вызывает большие споры, хотя большинство занимающихся этим вопросом китайских исследователей доказывают, что она находилась южнее города Уссурийска на Краснояровском городище, то есть, как раз там, где найдены рассматриваемые в этой статье предметы. Конечно, эти находки не могут быть неоспоримыми доказательствами такой идентификации, хотя и бронзовый диск, и особенно печать существенно дополняют имевшиеся до настоящего времени сведения о средневековой исторической географии Приморья и датировке одного из крупнейших на его территории памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воробьев М.В., 1975. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М.

Ивлиев А.Л., 1990. Новые материалы о средневековых бронзовых дисках из Приморья // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока. Владивосток.

Ивлиев А.Л., 1993. Изучение государства Восточной Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий (Доклады V сессии научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока). Владивосток.

Ларичев В.Е., 1966. Тайна каменной черепахи. Новосибирск.

Ларичев В.Е., 1974. Навершие памятника князю Золотой империи (Уссурийск, Приморье) // Бронзовый и железный век Сибири. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск.

Линь Юнь, 1992. Ваньянь чжун шэнъдао бэй цзай као (Повторное исследование стелы Ваньянь Чжуна) // Бэй фан вэньу. № 4. На китайском языке.

Цзинь Ай, 1991. Цзиньдай гуань инь цзи (Собрание чиновничьих печатей эпохи Цзинь). Пекин. На китайском языке.

Цзинь ши (История династии Цзинь). Сост. Токто и др. (б.г.) // Эршиу ши (24 династийные истории). Т. 9. Шанхай гуцзи чубаньшэ. Шанхай. на китайском языке.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток

N.G. ARTEMYEVA, A.L. IVLIEV

NEW EPIGRAPHIC FINDS FROM USSURIYSK

Summary

In the article new epigraphic finds from Krasnoyarovskoye fortified settlement in Primorye are analyzed. These are bronze disc-shaped weight and bronze seal. The artefacts are ascribed to the 12th – 13th centuries, that is to the period of Churche empire. Deciphering of hierogliphic insriptions made on the weight and seal has provided the possibility to link the artefacts with certain historical events which took place in the territory of Primorye. The situation is closely connected with the reasons of flourishing hillforts' construction in this region. Those fortified settlements emerged during the period of existence of Churche state of East Hsya, when its founder Pusiang Vannu had his residence there. The seal provides the evidence of existence of "Yelan" toponyme in Primorye and contributes new information to Medieval geography of the territory in question. Thus it is possible to identify Krasnoyarovskoye fortified settlement with the Upper capital – the ancient city of Kaiyuang.

Археологические фонды музеев

К. ЛОРР

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЭРНСТА ШАНТРА (МУЗЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ, СЕН-ЖЕРМЕН-ЭН-ЛЭ, ФРАНЦИЯ)

Вполне естественно, что поступление в недавно созданный Музей национальных древностей (Musee des Antiquites Nationales – MAN) в Сен-Жермен-эн-Лэ (Франция)[1] довольно однородной коллекции, состоящей из предметов малоизвестных в научном мире того времени северокавказских древностей может вызвать вполне законное удивление. Тем не менее это обстоятельство было неслучайным: с первых дней существования музея в его экспозиции был предусмотрен зал, где в наиболее общих чертах представлены материалы, связанные с историей тех или иных человеческих обществ в различные периоды своего развития. Выделение этих эпох осуществлялось на основе достигнутого этими обществами уровня технического совершенства. В частности, в 1867 г. здесь экспонировались археологические материалы из Дании, переданные Наполеону III королем Фредериком VII. Причем экспонаты были подобраны и классифицированы согласно системе относительной хронологии "трех веков", разработанной директором Датского национального музея К.-Ю. Томсеном.

Научные исследования этого времени были направлены на выделение и изучение новых этнических групп в отдаленных районах европейского материка. Они велись в обстановке политического и интеллектуального подъема, ставшего основой сотрудничества между учеными Западной Европы и России, "которые были зачинателями научных исследований, развернувшихся на Кавказе на протяжении всего XIX века" (Chantre E., 1885, t. I, p. XXI).

Вместе с тем в период формирования основных направлений изучения доисторического периода внимание европейских путешественников привлекала и природа отдаленных регионов. Интерес к достопримечательностям труднодоступных уголков Западной Азии в немалой степени был вызван результатами поездки, предпринятой в 1833 г. Дюбуа де Монпере, по Кавказу, к черкассам и абхазам, в Колхиду, Грузию, в Армению и в Крым[2].

В 70–80-е гг. археологические достопримечательности и антропология этого региона стали объектом научных штудий не только русских ученых, но и их коллег из Франции и Германии. Важно, что эти исследования во многом опирались на знания о более изученных археологических культурах. Вслед за первыми раскопками Ф. Бай-

---

Перевод с французского А.А. Малышева.

[1] Музей кельтских и галло-римских древностей был основан согласно императорскому декрету от 8 марта 1862 г. Подписал его император Наполеон III, который проявлял живой интерес к истории и археологии. В частности, благодаря его поддержке были осуществлены раскопки известного по описаниям Гая Юлия Цезаря галльского городища Алезия.

[2] Результаты его странствий были опубликованы в 6 томах с атласом, в Париже (Montpereux de D., 1839–1843).

© К. Лорр, 2000 г.

ерна или работами Я.И. Смирнова, новый импульс доисторическим исследованиям в России был задан конгрессом и антропологической выставкой в Москве в 1879 г.

Заместитель директора Музея естественных наук в Лионе был приглашен для участия в работе конгресса и получил от Министерства народного образования бесплатную командировку "с целью ведения исследований в области антропологии, в Казани, на Кавказе, в Крыму и в Турции[3]. Э. Шантр (род. 1843) занимал этот пост в Лионском музее с 1875 г., с тех пор как он принял участие в реорганизации этого учреждения в 1871 г. (рис. 1). Его собственные работы в области происхождения металлургии, в особенности исследования по эпохам металла в долине Роны (Франция), стали прологом раскопок, предпринятых им в окрестностях Тифлиса (ныне Тбилиси) в Грузии совместно с Ф. Байерном, который уже провел успешные археологические исследования на некрополях Мариенфельд, Сартачало и Редкин Лагерь. Сообщение о первой экспедиционной поездке в этот регион было опубликовано в Лионе в 1881 г. под названием "Recherches paléoethologiques dans la Russie méridionale et specialement au Caucase et en Crimée" (Палеоэтнические исследования на юге России в особенности на Кавказе и в Крыму).

В ноябре 1880 г. Э. Шантр решает расширить "исследования в Южной Армении, прежде чем вернуться на Кавказ" (Chantre E., 1885, t. 1, p. XXXII). На этот раз его ходатайство о новой экспедиции имело успех: поездка должна была состояться, хотя и не без определенных трудностей, будущей весной. В частности, министерское распоряжение от 29 марта 1881 г. предписывало ему проведение "антропологической и зоологической экспедиции в регионы, граничащие с Каспийским морем и горой Арарат", и предоставляла ему на покрытие расходов сумму в 10 000 франков[4]. В письме, информирующем Э. Шантра о предстоящей поездке, специально оговаривалось, что "археология не должна более оставаться второстепенным направлением".

Материалы, хранящиеся в Национальных архивах, свидетельствуют о том, что археолог-антрополог должен был буквально отвоевать во властных структурах разрешение на эту поездку. В частности, в письме от 24 февраля 1881 г.[5], он дал "дополнительные разъяснения, которые затребовала Комиссия по поездкам на основании его требования об организации экспедиции в Закавказье". Здесь же мы находим письма поддержки, данные известными учеными того времени: натуралиста и антрополога Жана Катрефажа де Бре, а также почетного директора Французской школы в Афинах Эмиля Бюрнуфа. Последний принял живое участие в судьбе проекта поездки, которая была направлена на "приближение к решению одной из самых значительных проблем примитивной истории, а именно происхождения и распространения металлургии".

В заявке на поездку Э. Шантр уточняет, что "он должен произвести новые раскопки на многочисленных некрополях, курганах, пещерах и озерах в окрестностях Тифлиса, Еревана и Баку", что "особое внимание должно будет уделено долине реки Куры и прежде всего окрестностям озера Гокча" и что он "намерен начать исследования возле г. Арарат, если это ему позволит местное население". Указывая на необходимость использования услуг переводчика на протяжении всей экспедиции[6], ученый отмечает, что он "лично намерен потратить на эту поездку две тысячи франков и что город Лион [ему] предоставляет почти равную сумму". Обосновывая важность значительной финансовой поддержки, ученый подчеркивает, что он будет "счастлив доставить в наши национальные музеи коллекции, значительность которых

---

[3] По решению министра народного образования от 8 августа 1879 г. и при поддержке доктора Лорте – директора Музея естественной истории в Лионе (Archives nationales $F^{17}/2946^{c}$, дело Э. Шантра, поездка на Кавказ).

[4] Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$, дело Э. Шантра, поездка на Кавказ.

[5] Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$, дело Э. Шантра, поездка на Кавказ.

[6] Более подробно об этом он высказался в ответе на возражения А. Бертрана, тогда директора Музея национальных древностей Сен-Жермен-эн-Лэ, в своем сообщении от 2 февраля 1880 г. по поводу проекта поездки (Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$).

Рис. 1. Эрнест Шантр

будет во многом зависеть от сумм, которые [он] будет иметь [sic!] в своем распоряжении"[7].

В июле 1881 г. в письме, адресованном, по-видимому, Ксавье Шарму[8], Э. Шантр сообщает о том, что ему "уже удалось собрать три интересные коллекции по антропологии и зоологии" и что он "сделал более трех сотен [sic!] фотографий", прежде чем "отправить 10 ящиков с антропологическими и зоологическими материалами на имя господина Министра [народного образования]"[9]. Из-за неблагоприятной санитарной обстановки в регионе он был вынужден изменить свой маршрут, о чем месяцем позже он сообщил министру народного образования. В итоге в Армению он попал через Северную Месопотамию и Западный Курдистан, сделав несколько остановок в Сирии (Алеппо), в Турции, в Урфе и в Биреджике, побывал в Диярбакыре и в районе озера Ван[10]. От озера Ван ему удалось добраться до южных отрогов горы Арарат, и после пребывания, благодаря поддержке русских властей, без каких-либо препятствий в этой отдаленной части Курдистана он пересек границу между Ыгдыром и Ереваном, затем прибыл в Тифлис (Тбилиси), где "нашел древние свидетельства и предпринял раскопки некрополей, которые были осмотрены им мельком во время первой поездки"[11].

---

[7] В то время разделение археологических находок во французских музеях еще не регулировалось как в наши дни законом.

[8] Директор секретариата и глава финансового отдела зарубежных миссий министерства народного образования, руководитель зарубежных миссий в эту эпоху.

[9] Письмо было послано из Тифлиса 3 июня 1881 г. (Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$).

[10] Откуда он присылал некоторые археологические находки, хранящиеся ныне в Музее национальных древностей в Сен-Жермен-эн-Лэ, № 26 573-26 580, записано в инвентарных книгах MAN в 1881 г.

[11] Рукописное письмо послано из Тифлиса 15 июля 1881 г. (Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$).

В том же письме он сообщил, что уже послал во Францию 10 ящиков с этнографическими и зоологическими коллекциями, а также с археологическими и антропологическими фотографиями и надеется отправить новую посылку, включающую материалы раскопок "на доисторических некрополях Осетии и Кахетии".

По прибытии в июле в Кобан (Северная Осетия) Э. Шантр сделал все, чтобы привлечь к сотрудничеству Ф. Байерна и полковника К.И. Ольшевского, от которых получал очень важные консультации, позволившие ему "вести систематические раскопки", о которых он не имел представления во время его поездки в 1879 г.[12] В частности, в новом сообщении в Министерство народного образования он с воодушевлением сообщил, что "результаты превзошли все [его] ожидания" и что он "очень счастлив"[13], так как "в некрополе Верхний Кобан, он смог открыть 10 очень интересных и богатых могил", которые "были сооружены из необработанных плит" и содержали "погребальный инвентарь и в некоторых случаях также прекрасно сохранившиеся человеческие скелеты". Автор настаивал на факте, что "этот некрополь (...), по всей видимости, должен быть связан с доисторической археологией не только Кавказа, но и всего Запада, совсем новых и очень важных горизонтов [sic!]". В течение всей поездки археологические исследования сменяли геологические, зоологические или антропологические. В частности, вместе с Ф. Байерном он вновь осмотрел обширный некрополь в Мцхете (Грузия), где, как и в Мариенфельде, в 1879 г. он провел раскопки.

В публикации Э. Шантра сообщается, что в 1879 г. владельцы земли, на которой находился Кобанский могильник, оказывали помощь ученым, проявлявшим интерес к их исследованиям[14]. Ими было открыто "...более 500 гробниц, из которых были получены не менее 20 тысяч находок, рассеянных в настоящее время в разных государственных и личных коллекциях. Основные – это собрания Национального музея в Сен-Жермен-эн-Лэ, Императорского музея в Вене, музея в Тифлисе, Лионского музея, Государственного Исторического музея в Москве, коллекции полковника К.И. Ольшевского во Владикавказе, графа А.С. Уварова, генерала А.В. Комарова в Тифлисе и профессора Р.В. Вирхова в Берлине" (Chantre E., 1885, t. II, p. 14).

В могильнике, расположенном поблизости от аула Верхний Кобан, площадью 2 га, Э. Шантр раскопал большую траншею, в которой было обнаружено 22 захоронения. Два из этих захоронений позволили ему детально изучить особенности погребальных сооружений, а также состав погребального инвентаря. Археолог подчеркнул полное отсутствие следов кремации. Захоронения либо в каменных ящиках из больших грубо обработанных плит, либо в скоплении крупных камней неправильной формы, совершались на протяжении длительного времени лишь индивидуально. Поэтому в публикациях, которые появились по его возвращении во Францию, а также в своих корреспонденциях Э. Шантр отмечал тот факт, что погребальный инвентарь был найден на его первоначальном месте (in situ) (Chantre E., 1882, p. 241–265, pl.9)[15].

Археологический материал, происходящий в основном из раскопок Э. Шантра на Кавказе, различными путями поступал в Музей национальных древностей. Значительная часть из доставленных во Францию материалов была приобретена в ноябре 1882 г.[16] Между тем как в марте, так и в июне того же года большая часть находок из

---

[12] Несмотря ни на что он смог изучить уже собранные его коллегами предметы, которые хранились в частных коллекциях или в музее Тифлиса. В целом об обстоятельствах обнаружения памятника и какого рода интерес он мог вызвать сообщается в его исследовании (Chantre E., 1885, t. II, p. 13, 14, 18–23).

[13] Письмо, отправленное из Тифлиса 10 августа 1881 г. (Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$).

[14] О раскопках российских ученых см.: Уварова П.С., 1900.

[15] См. также письмо из Лиона, адресованное Габриэлю Мортилье от 24 марта 1882 г. (MAN, библиотека, переписка Э. Шантра).

[16] Инвентарные номера 27110–27226 и 27258–27270. Предложение о приобретении исходило от консультативного комитета дирекции Национальных музеев (заседание от 9 ноября) и касалось набора в 1060 предметов: письмо директора Национальных музеев к заместителю государственного секретаря по изящным искусствам от 22 ноября 1882 г. и решение министерства от 30 ноября 1882 г., свидетельствующие о

некрополя Верхний Кобан была передана в музей исследователем безвозмездно. Возможно, что дорогостоящим приобретением в ноябре администрация стремилась выразить свое расположение по отношению к дарителю. Самой последней, 20 марта 1883 г., была зарегистрирована другая коллекция с Кавказа (Transcaucasie), которая "была получена непосредственно из Трокадеро"[17]. В общем числе инвентарных номеров археологических материалов, привезенных с Кавказа Э. Шантром и приобретенных Музеем национальных древностей, число номеров, под которыми указаны предметы, происходящие с Кобанского могильника, равняется 250[18].

Хотя Э. Шантр неоднократно подчеркивает свое стремление создать объективное научное исследование, он в полной мере отдает дань методологической традиции своей эпохи. В частности, следуя представлениям его коллег[19], не умеющих ни "видеть", ни "интерпретировать" другие следы человеческого присутствия кроме некрополей, ученый считал, что целесообразно изучать лишь погребальные памятники доисторических культур Западной Азии. Однако то обстоятельство, что исследователь стремился зафиксировать увиденное уже в полевых условиях, а впоследствии как можно быстрее опубликовать открытое им, может и сейчас послужить серьезным основанием для дальнейшего плодотворного изучения этих коллекций (рис. 2, 3).

Следует отметить, что имеющаяся информация об этих материалах впоследствии была дополнена и опубликована в изданиях, в которых были использованы некоторые составляющие этой археологической коллекции (см. в особенности: Archeologie comparee, 1989, p. 73–92; Avant les Scythes, 1979, p. 162–201). В настоящее время обработка и классификация погребального инвентаря Кобанского могильника с целью восстановления состава комплексов ведется в системе MAN. Определенные шаги в этом направлении были предприняты во время подготовки выставки в 1979 г. (например, см: женское захоронение в могиле № 9 (Chantre E., 1882, p. 25, 26) и мужское захоронение в могиле № 12 (Chantre E., 1882, p. 27, 28).

Некоторая часть коллекции Э. Шантра была, вероятно, "забыта" в лаборатории реставрации и слепков музея и поэтому не была внесена в списки до 1894 и 1896 гг.[20] Речь идет о керамических вазах из Армении, в основном с памятника Редкин Лагерь. Типологическая интерпретация этих вещей до сопоставления материалов этих первых раскопок с данными об исследовании других коллекций подобного происхождения, но хранящихся в других центрах Франции, нами еще не предпринималась. Вышеуказанные обстоятельства имеют отношение и к исследованиям, которые велись Э. Шантром в Армении в рамках его последней официальной поездки в район Кавказа в конце 1889 – начале 1890 гг. Уже в апреле 1889 г. Ж. де. Катрефаж получает ответ на свое ходатайство от министра народного образования, в котором указывается на "необходимость поддержать без промедления прошение господина Шантра об организации миссии и ассигновании 20 000 франков для поездки в Армению в целях продолжения исследований древних и современных народов Западной Азии"[21]. Несмотря на поддержку Ж. де Катрефажа и других ученых, например А. Бертрана, напомнившего министру, что благодаря его работам "на Кавказе были собраны очень интересные и

приобретении коллекции Э. Шантра (Archives nationales, F[21]/4443). Список объектов прилагается к финансовой части этого досье: Archives centrales des Musées nationaux, MM 1882/1.

[17] Записки на полях инвентарных книг музея: речь идет об этнографическом музее, основанном в 1878 г. и расположенном в древнем дворце Трокадеро в Париже. Указанные предметы не были привезены из новой поездки, в которой участвовал и А. Мортилье в 1883 г., но, насколько это удалось выяснить по инвентарным книгам MAN, входили в состав находок 1881 г.

[18] Некоторым номерам зачастую соответствуют большие группы предметов, общее число этих предметов исчисляется многими сотнями.

[19] Мы имеем в виду, например, Жака де Моргана, которым по сути дела было заложено основание археологической коллекции по Армении, русскому Талышу (ныне Азербайджан) и иранскому Талышу в департаменте сравнительной археологии MAN.

[20] Инвентарные номера MAN: № 34 228-34 235 и 35 364-35 394.

[21] Письмо от 2 апреля 1889 г. (Archives nationales, F[17]/2946[c]).

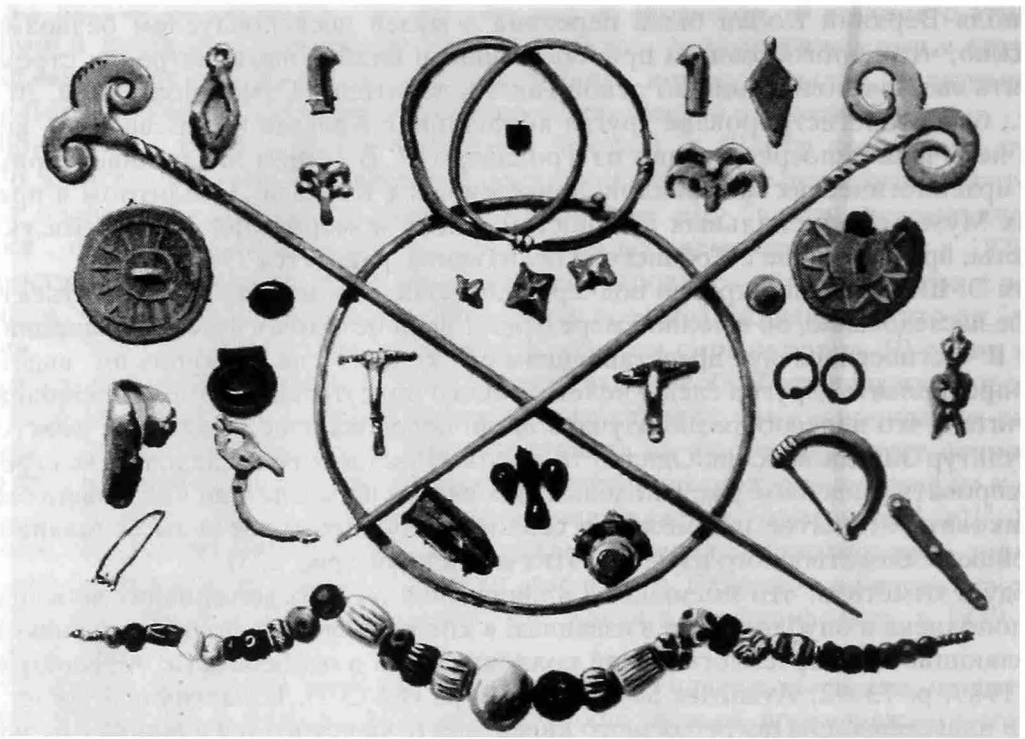


Рис. 2. Страница из альбома Э. Шантра, хранящегося в Музее национальных древностей (акварель)

крайне важные археологические коллекции, что находятся ныне на учете в музее в Сен-Жермене", Э. Шантр субсидированной французскими властями экспедиции не получил[22]. Тем не менее, в своем ответе министру, он недвусмысленно заявляет, что "не отказывается (...) от своего проекта (...) и что намеревается вернуться на Кавказ через несколько недель на срок как минимум год со специальной целью продолжить этнологические и антропологические исследования (...), начатые в 1879 г. и продолжающиеся в 1881 и 1883 гг."[23]. Упорство ученого было вознаграждено подписанием постановления от 20 ноября 1889 г., поручающего ему с женой "экспедицию на Кавказ и соседние с ним провинции турецкой Азии с целью продолжения его этнологических и антропологических исследований"[24].

Полностью осознавая, что его исследования не могут претендовать на всеобъемлющий характер, Э. Шантр, несмотря ни на что был одним из первых, кто систематически применял сравнительное исследование археологических материалов, основанное на предварительном определении культурного облика[25]. Именно это обстоятельство позволило ему, с одной стороны, обнаружить ближневосточные влияния в наиболее общем смысле (в особенности ассирийский мир) и, с другой, отметить присутствие предметов определенных типов[26], многочисленность которых позволяет выделить характерные черты кобанской культуры раннего железного века Кавказа[27]. Эти наблю-

[22] Письмо поддержки А. Бертрана, директора Музея национальных древностей, которое имеет следующее примечание: "К великому нашему сожалению, государственный кредит никоим образом не позволяет нам содействовать исследованиям, в которых заинтересован Э. Шантр" (Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$).

[23] Письмо от 10 ноября 1889 г., в котором он помимо прочего просит, чтобы его жена была полностью признана как его сотрудница на период этой командировки (Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$).

[24] Archives nationales, $F^{17}/2946^{c}$.

[25] О методах его работы см.: Chantre E., 1885, t. II, p. 7–10.

[26] Тесные научные взаимоотношения, которые, по-видимому, поддерживал Э. Шантр со своими русскими коллегами и коллекционерами, сыграли значительную роль при создании корпуса справочного материала.

[27] Этот термин употреблен им в: Chantre E., 1885, t. II, p. 7.

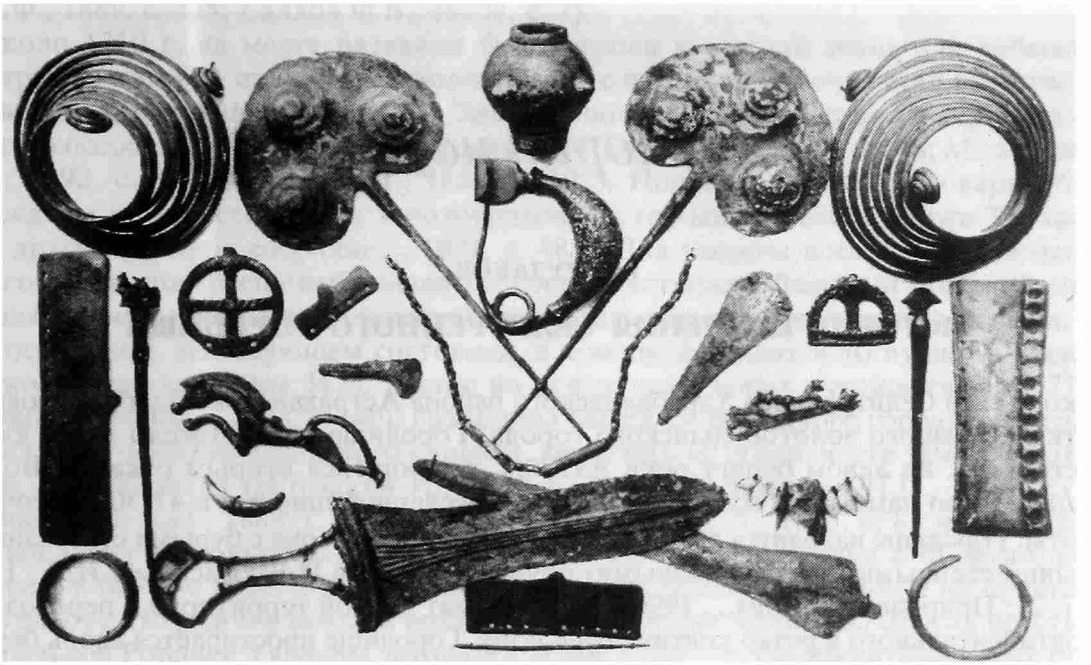


Рис. 3. Страница из альбома Э. Шантра с вещами из Кобани (таблица сравнений)

дения получили развитие в позднейших работах по этой теме (Andre-Leicknam B., Mohen J.-P., 1978, p. 321).

Несмотря на все сложности, возникающие при введении в современный научный оборот подобных материалов, следует отметить, что коллекции Музея национальных древностей в Сен-Жермен-эн-Лэ, некогда собранные Э. Шантром, важны, ибо они предоставляют в распоряжение современных исследователей большой объем сравнительного материала, представляющий собой вариации форм предметов одного и того же типа. Хочется пожелать, чтобы вещи из этой коллекции и сегодня находились в фокусе научных исследований, являясь источником новых типологических и интерпретационных разработок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Т. VIII.

Andre-Leicknam B., Mohen J.-P., 1978. Voyages archéologiques au Caucase à la fin du XIXe siècle // La revue du Louvre et des musées de France. № 5/6.

Archéologie comparée: Catalogue sommaire illustré des collections du musée des antiquités nationales de Saint-Germain-en-Laye, 1989 // Europe orientale, Asie, Océanie, Amérique. T. 2. Paris.

Avant les Scythes: préhistoire de l'art en U.R.S.S. Catalogue d'exposition, 1979. (Paris. Grand Palais. 6 février – 30 avril 1979). Paris.

Chantre E., 1882. La necropole de Koban en Osséthie (Caucase) // Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme. XVIIIe année. 2e serie. T. XIII. Juin.

Chantre E., 1885. Période préhistorique // Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. I, II. Paris; Lyon.

Montpereux de D., 1839–1843. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée. T. 1–6. Paris.

Музей национальных древностей,
Сен-Жермен-эн-Лэ

История науки

В.Г. РУДАКОВ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Около села Селитренного Харабалинского района Астраханской области находятся остатки огромного золотоордынского города. Городище расположено в 120 км от г. Астрахани, на левом берегу реки Ахтубы, являющейся вторым рукавом Волги. Расположению памятника соответствует 47°10′ северной широты и 47°30′ восточной долготы. Городище находится в полупустынной природной зоне с бурыми супесчаными пустынно-степными (полупустынными) почвами (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 5, 7, 21; Природа и история..., 1996, с. 51). Климат данной территории – переходный от континентального к резко континентальному. Городище простирается вдоль берега Ахтубы примерно на 13 км и вглубь степи примерно на 3 км, не считая растянувшихся на десятки километров пригородов (Спицын А.А., 1895, с. 82; Баллод Ф.В., 1923а, с. 31). Современное село Селитренное также построено на развалинах города. Памятник расположен на надпойменной террасе. Здешние почвы отличаются засоленностью. В этом районе разбросано множество небольших соленых озер (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 10, 19; Природа и история..., 1996, с. 51, 63). Территория городища пересекается цепями бэровских бугров[1], имеющими единую ориентацию по линии юго-запад – северо-восток (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 19; Природа и история..., 1996, с. 30, 31). На расстоянии 15–20 км на северо-восток от Ахтубы начинаются Рын-пески – составная часть Волго-Уральской пустыни.

Изучение городища имеет давнюю историю. Этот гигантский и уникальный археологический памятник еще с XVIII в. привлекал внимание многих путешественников и ученых. Цель данной работы – рассмотрение истории археологического изучения Селитренного городища.

Монументальные постройки золотоордынских городищ, во множестве разбросанные по всему Нижнему Поволжью, оставались нетронутыми до конца XVI в. Но в 1588 г. царем Федором Иоановичем было велено ломать "мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город" Астрахань (Егоров В.Л., 1985, с. 117). В это время были разрушены почти все наземные сооружения ордынских городищ, расположенных в нижнем течении Ахтубы и в дельте Волги, в том числе и руины города, получившего позднее в научной литературе наименование – Селитренное городище. Прочный, прекрасного обжига золотоордынский кирпич, именуемый в народе "мамайским", свозился для строительства астраханского кремля, собора и других сооружений (Паллас П.С., 1788, с. 145; Рыбушкин М.С., 1848, с. 20, 21; Григорьев В.В., 1876, с. 280, 281; Малиновский К.Н., 1888, с. 81, 88; Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986, с. 235). Для "городового дела" с городища вывозилась даже известь (Кобеко Д.Ф., 1889, с. 274–276). Разрушение построек города продолжалось и в следующем столетии. Например, в 1631 г. для строительства второй астраханской крепости – Белого города воеводами было "велено кирпич брать на Ахтубе, и ханскую мечеть и дом ханский ломать, чтобы было

[1] Так названы бугры по имени академика К.М. Бэра, впервые описавшего эти формы рельефа в 1856 г. (Природа и история..., 1996, с. 30).

© В.Г. Рудаков, 2000 г.

на построение довольно, как белого камня, так и железа от Ахтубы" (Кобеко Д.Ф., 1889, с. 275; Баллод Ф.В., 1923а, с. 7).

Около 1710 г. на месте развалин был устроен казенный завод для добывания селитры, из которой изготовляли порох. Завод с поселком рабочих стал известен под названием "Селитренного городка". Здешняя почва с обилием солей и строительной извести способствовала образованию селитры (Паллас П.С., 1788, с. 146; Малиновский К.Н., 1892, с. 8; Загоскин Н.П., 1884, с. 192). Подобные же селитроварни были учреждены и на месте других золотоордынских городищ: Увека, Хаджи-Тархана и ряда других (Полное собрание..., 1821, с. 485). Для защиты поселка от калмыцких набегов была построена небольшая крепость с четырьмя башнями и стеной, окруженная валом и рвом, внутри которой находилась церковь и селитренный завод. Эту крепость в еще действующем состоянии, с командой солдат и 10 пушками видел и кратко описал академик И.П. Фальк во время его ученых путешествий в 1770 г. (Полное собрание..., 1824, с. 140). Развалины башен Селитренного городка, построенных из битого золотоордынского кирпича, виднелись на поверхности земли вплоть до конца XIX столетия (Потоцкий И., 1828, с. 252, 253; Загоскин Н.П., 1884, с. 187; Малиновский К.Н., 1888, с. 78; 1892, с. 6–9; Спицын А.А., 1895, с. 83 и др.). Селитренный завод несколько раз переходил из казны в частные руки и обратно, пока, наконец, в 60–70-е годы XVIII в. окончательно не пришел в упадок и не прекратил свою работу. Но рядом с заводом возникло одноименное селение из беглых крестьян с центральной России и Украины, которое к концу XIX столетия насчитывало уже более трех тысяч жителей (Паллас П.С., 1788, с. 146; Полное собрание..., 1824, с. 140, 141; Малиновский К.Н., 1892, с. 8; Энциклопедический словарь..., 1900, т. 29, с. 362, 363). Жители села в поисках кладов и с целью добычи кирпича для постройки своих домов и хозяйственных сооружений продолжали разрушать городище. В конце XVIII – начале XIX вв. добыча кирпича из развалин для строительства и продажи "носила характер вполне организованного промысла: этот кирпич целыми судами направлялся в Астрахань" (Загоскин Н.П., 1884, с. 190).

Но, в этом же XVIII столетии начинается научное изучение памятника, которое, однако, в течение длительного периода ограничивалось, в основном, посещением и описанием руин различными путешественниками и исследователями. Первым в этом деле был выдающийся ученый и государственный деятель В.Н. Татищев. В 1741 г. он был назначен начальником Калмыцкой комиссии и направлен русским правительством на Нижнюю Волгу для улаживания междоусобицы, вспыхнувшей между калмыками. Селитренный городок он выбрал в качестве своей ставки, где и пробыл с 22 октября до 2 декабря[2] (Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986, с. 232, 233). Описание городища содержится в двух его письмах, направленных из Селитренного городка в Академию наук. Они были обнаружены и затем опубликованы В.Л. Егоровым и А.Н. Юхтом в 1986 г. В.Н. Татищев осмотрел не только развалины собственно городища, но и поднимался вверх по течению Ахтубы, и отметил, что на протяжении 35 верст повсюду "строения каменные были, как лежасчие груды кирпича свидетельствуют" (Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986, с. 238). Ему еще удалось застать городище в значительно лучшем состоянии, чем оно дошло до наших дней. Он мог наблюдать микрорельеф города, который к нашему времени почти полностью утрачен. Поэтому эти письма являются ценным источником. В.Н. Татищев отметил границы города в ширину, т.е. вглубь степи (от 3 до 5 верст)[3], вал и ров, керамические водопроводные трубы; собрал коллекцию монет, майоликовых плиток и фрагментов мозаик, стекол и т.д. От него мы впервые узнаем, что рядом с поселком находились могилы мусульманского святого и его брата. Поэтому местные татары (ногайцы – В.Р.) называли эту местность "Джигит аджи" (Джигит-Хаджи) и ежегодно ходили сюда на поклонение (Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986, с. 235, 238). Авторы статьи высоко

[2] Даты до 1918 г. даны по старому стилю.

[3] 1 верста = 1,080 км; после указа 1835 г. – 1,0668 км.

оценили научную добросовестность В.Н. Татищева, который, не имея веских доказательств, не спешил приурочивать столицу Золотой Орды – Сарай к руинам Селитренного городка (Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986, с. 235).

В конце XVIII в. Академия наук организовала несколько научных экспедиций (две астраханские и три оренбургские) для всестороннего описания Российской империи (Гусева Т.В., 1975, с. 74). Целый ряд ученых оставили описания золотоордынских городищ, которые в большом количестве были разбросаны по степным районам России и погибали на их глазах (см.: Паллас П.С., 1788, с. 44, 108, 109, 149, 204, 205, 303–306; Полное собрание..., 1821, с. 474; 1824, с. 96, 97, 123, 126, 127 и др.). Из них двое побывали в Селитренном городке и оставили описание виденных ими развалин.

Первым в 1770 г. осмотрел развалины академик И.П. Фальк (Полное собрание..., 1824, с. II, пред., с. 207). Он отметил остатки большого (14 × 8 саж.)[4] здания, украшенного мозаикой, которые считал руинами мечети, и многочисленные "каменные фундаменты" малой площади – вероятно, остатки мавзолеев и подземных склепов, столь характерных для Селитренного городища (Полное собрание..., 1824, с. 139, 140).

Вторым в 1772 г. посетил урочище Джигит-Хаджи П.С. Паллас – выходец из Германии, человек, наделенный энциклопедическими знаниями в самых различных отраслях науки[5] (Энциклопедический словарь..., 1897, т. 22а, с. 641, 642). Он, в частности, подробно описал руины большого богато украшенного мавзолея со склепами – единственного более или менее сохранившегося к тому времени на поверхности земли золотоордынского сооружения (Паллас П.С., 1788, с. 143–145).

Краткое описание городища оставил, побывавший здесь летом 1797 г., граф И. Потоцкий (1828, с. 252–254).

Только в середине XIX в. правительство обратило внимание на древности России. Министерство внутренних дел России поручило М.С. Рыбушкину – казанскому краеведу и директору народных училищ – провести раскопки курганов[6] в Астраханской губернии. М.С. Рыбушкин в апреле 1836 г. близ с. Селитренного раскопал более двадцати "курганов" на месте крепости XVIII в., где были обнаружены остатки стен и полов из жженого кирпича, архитектурный декор, керамика и монеты (Леопольдов А.Ф., 1837, с. 131, 132, прим.). В 5 км от этого места на протоке Ашулук он вскрыл еще одно кирпичное здание и ниже по течению – захоронения мусульманского могильника. Предполагалось в следующем году продолжить раскопки в большем объеме, но они по неизвестным причинам так и не состоялись. На каком уровне проводились исследования нам неизвестно, так как результаты этих первых на Селитренном городище раскопок не были по-настоящему опубликованы (они известны нам только в краткой передаче А.Ф. Леопольдова), но нетрудно предположить, что они мало чем напоминали научные (Леопольдов А.Ф., 1837, с. 131, 132, прим.).

В то время значительно больший интерес для ученых и просвещенной общественности представляли такие же грандиозные по площади развалины татарского городища, именуемого в народе "Царевы Пады", т.е. – "Царские развалины" (другие варианты: Царев Пад, Царев под). Они находятся также на левом берегу Ахтубы, но уже в верхнем ее течении, недалеко от Волгограда. На месте развалин в 1805 г. возникла слободка Царевка, переименованная в 1836 г. в город Царев (Энциклопедический словарь..., 1903, т. 37а, с. 801). В XVIII – начале XIX вв. некоторые путешественники и исследователи также оставили описания этого памятника золотоордынской эпохи (см.: Паллас П.С., 1788, с. 304–306; Воейков, 1824, с. 19–26; Полное собрание..., 1824, с. 126, 127; Леопольдов А.Ф., 1839, с. 97–102; Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986, с. 238). Развалины города находились относительно далеко от Астрахани, поэтому первоначально гораздо менее пострадали от выборки кирпича. Здесь, по-видимому, еще на рубеже XVI–XVII вв. видны были руины многочисленных

---

[4] 1 сажень = 2,1336 м.

[5] Он создал более 170 трудов.

[6] В то время курганами часто называли холмы, образовавшиеся от развалин кирпичных и сырцовых сооружений.

кирпичных построек, как это следует из описаний в Книге Большому Чертежу (1950, с. 143, 182, прим.), но к концу XVIII в. городище было уже основательно разрушено и изрыто. Даже в начале XIX в. здесь повсюду были видны холмы, под которыми скрывались руины зданий, а многие сооружения выступали на поверхности земли; до сегодняшнего дня хорошо сохранился микрорельеф города. Многие считали Царевские развалины остатками столицы Золотой Орды – города Сарая (Паллас П.С., 1788, с. 205; Воейков, 1824, с. 19; Леопольдов А.Ф., 1839, с. 97, 100, 101 и др.)[7].

Все эти обстоятельства послужили причиной тому, что правительство заинтересовалось городищем и поручило полковнику А.В. Трещенко провести здесь научные раскопки. Это были первые в России крупномасштабные археологические исследования, которые велись с 1843 г. по 1851 г. Раскопки щедро финансировались и проводились первые четыре года тщательно и на довольно высоком научном уровне (естественно по меркам того времени, когда русская археология находилась в зачаточном состоянии) (О работах А.В. Терещенко см.: Гусева Т.В., 1975, с. 76–79; 1985, с. 6–14 и публикации самого А.В. Терещенко).

Раскопки дали необыкновенно богатый материал. Достаточно сказать, что одних монет было найдено более 25 тыс. экз. (Гусева Т.В., 1985, с. 7, 8). Пред всей научной общественностью предстали развалины поистине царского города с остатками роскошной, богатейшей культуры (см.: Терещенко А.В., 1853, с. 89–95; Якубовский А.Ю., 1931, с. 28–48; 1932, с. 17–49; Гусева Т.В., 1985). Это еще более убедило исследователей и общественность в том, что в Цареве находятся развалины столицы – Сарая (Григорьев В.В., 1876, с. 321; Энциклопедический словарь..., 1903, т. 37а, с. 801).

Селитренное же городище, микрорельеф которого сохранился значительно хуже, оставалось как бы в тени. И хотя оно в течение всего XIX столетия было в поле зрения многих историков, которые приурочивали к нему Сарай или "Старый"[8] Сарай – первоначальную столицу (см.: Осмоловский И., 1846; Брун Ф.К., 1878; Кобеко Д.Ф., 1889 и др.), но археологическое изучение города долгое время не велось. Лишь в 1851 г. здесь побывал член-корр. Ученого комитета Министерства государственных имуществ И. Шеньян. Он нашел здесь "обломок стены с частью карниза, украшенный разноцветными арабесками" (мозаикой – В.Р) и написал небольшое исследование о нем (Шеньян И., 1852, с. 119, 120). В этом же году, городище посетил А.В. Терещенко, который, однако, не оставил описаний памятника (Терещенко А.В., 1853, с. 100, 101).

Лишь в 1875 г. здесь проездом оказался историк Н.П. Загоскин. Несмотря на кратковременность пребывания, он успел сделать немало. Он описал виденные им руины, в частности, развалины башни Селитренного городка, сохранившейся на высоту до 6 м, которую принял за последний остаток "древнего города" (Загоскин Н.П., 1884, с. 187). Также Н.П. Загоскин собрал коллекцию архитектурного декора, керамики, монет и пр. (Загоскин Н.П., 1884, с. 189, 190). Особо он отметил процесс быстрого разрушения памятника от рук крестьян, добывающих кирпич и, небезуспешно, занимающихся кладоискательством (Загоскин Н.П., 1884, с. 188, 189). Видя это, он заявлял: "Если на сохранение и исследование этих древностей не будет обращено должного внимания – то, не будучи пророком, можно предсказать близость того времени", когда "остатки старины исчезнут бесследно и без пользы для науки" (Загоскин Н.П., 1884, с. 191). Заканчивая свой доклад на IV Археологическом съезде, проходившем в Казани в 1884 г., он выразил "надежды на то, что важные в научном отношении остатки Селитренного городка.... будут, наконец, спасены от **систематического варварского уничтожения и расхищения** (здесь и далее выделено мною. – *В.Р.*), сокрытых под ним археологических сокровищ и войдут в увеличивающийся с каждым годом круг исследований молодой науки русской археологии" (Загоскин Н.П., 1884, с. 193). К сожале-

---

[7] В данной статье вопрос о местонахождении города Сарая не рассматривается.

[8] Слово поставлено в кавычки, так как в источниках ни разу не встречается название этого города с эпитетом "старый". Термин "Старый Сарай" условно принят в исторической литературе для отличия первой столицы Золотой Орды от второй столицы – Нового Сарая (хотя, на мой взгляд, теория о двух Сараях не является доказанной).

нию, вопрос о необходимости охраны и изучения памятника даже не стал обсуждаться на съезде.

В октябре 1874 г. в Астрахани прошло Учредительное собрание Петровского общества исследователей Астраханского края (ПОИАК), мысль о создании которого была высказана еще в 1872 г. в честь посещения Петром Великим Астрахани и в ознаменование 200-летия со дня его рождения (Протоколы..., 1888, с. 3, 4, 133–136; Отчет Петровского общества..., 1889, с. 3–8). Столь уникальный памятник, как городище Селитренное, к тому же, считающийся многими историками остатками столицы Золотой Орды, естественно, не мог не привлечь внимания Общества. Один из членов Общества К.Н. Малиновский решил осмотреть городище. Дважды, в июле 1887 г. и в июле 1888 г. он посетил село Селитренное, и по поводу поездок составил подробные отчеты, сделав доклады по ним на заседаниях Петровского общества (Отчет Петровского общества..., 1889, с. 21; 1890, с. 8; 1891, с. 21–24).

К.Н. Малиновский не только осмотрел городище, собрал значительную коллекцию древних вещей, частью приносимых и продаваемых местными жителями, но и проводил раскопки в различных местах. Он не имел никакого представления, как вести археологические раскопки, поэтому его работы, проводимые при помощи сельчан, не имели ничего общего с истинно научными раскопками и мало чем отличались от "разрытий" крестьян с целью добычи кирпича (Малиновский К.Н., 1888, с. 78–82; 1892, с. 10–16).

Уже в результате первого доклада К.Н. Малиновского на заседании Петровского общества было решено обратиться в Московское археологическое общество (МАО) с просьбой сообщить "узаконения" по поводу проведения правильных раскопок и обработки добытого материала; просить Московское археологическое общество обратить "свое просвещенное внимание на Селитряное городище как на одно из замечательных, но до сего времени еще не разработанных научным образом урочищ Астраханского края"; и просить МАО или самим провести исследования памятника или же помочь в этом ПОИАК указаниями и средствами (Протоколы..., 1888, с. 64, 65; Отчет Петровского общества..., 1889, с. 21, 22). А после вторичной поездки К.Н. Малиновского в с. Селитренное Совет Общества даже отослал реферат отчета в МАО с просьбой зачитать его на VIII Археологическом съезде, состоявшемся в Москве в январе 1889 г. (Отчет Петровского общества..., 1891, с. 10).

По просьбе Петровского общества для исследования местности Шареный бугор (в 7–8 верстах выше Астрахани), где находились остатки старой, татарской Астрахани и для осмотра других золотоордынских городищ Нижнего Поволжья летом 1893 г. был направлен член Археологической комиссии, один из крупнейших русских археологов А.А. Спицын (Отчет Археологической комиссии..., 1895, с. 28, 29). Он провел исследования нескольких городищ, в том числе и Селитренного. А.А. Спицын провел археологические разведки во многих районах городища (Спицын А.А., 1895), раскопал несколько сооружений, сделав их описания и, частично, схематические планы.

К.Н. Малиновский и А.А. Спицын отмечали быстрое разрушение памятника местными жителями в поисках кладов и кирпича. Осенью, по окончании полевых работ, крестьяне отправлялись на поиски остатков зданий, – для многих это стало настоящим промыслом (Малиновский К.Н., 1888, с. 80, 81; Спицын А.А., 1895, с. 85). От монументальных зданий оставались, как правило, лишь кирпичные полы, да и то из-за того, что крестьянам было лень снимать грунт на больших площадях; к тому же кирпичи в полу часто были битые (Спицын А.А., 1895, с. 86). Из этого кирпича были построены фундаменты домов, кухни, печи и хозяйственные постройки в селе. Золотоордынские изразцы шли на украшение жилищ. В селе в любое время за очень низкую цену и в каком угодно количестве можно было приобрести кирпич. Много его шло на продажу в Астрахань, Царицын и в соседние села (Малиновский К.Н., 1888, с. 81; Спицын А.А., 1895, с. 85). Один крестьянин с увлечением рассказывал А.А. Спицыну, что ему удалось напасть на здание из трех комнат, одна из которых была украшена изразцами, а другая росписью по штукатурке; оттуда он добыл до 60 тысяч (!) кирпичей (Спицын

А.А., 1895, с. 86). Кочующие близ Селитренного калмыки и казахи также раскапывали руины городища для продажи кирпича местным жителям (Малиновский К.Н., 1892, с. 10, 11).

Нельзя сказать, что не предпринималось никаких мер для спасения памятника. Еще в 1827 г. Министерство внутренних дел по Высочайшему повелению приказало местным властям предоставить сведения "об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные" (Малиновский К.Н., 1892, с. 6). Астраханское Губернское Правление предписывало Енотаевскому земскому суду "строжайше воспретить" разрушать остатки "ханского замка с Белой мечетью" и четырех башен у с. Селитренного и снять планы и фасады с них уездному землемеру. Но, убедившись в том, что от дворца и мечети остались только ямы и груды щебня, а башни являются поздними постройками, астраханские власти в значительной степени потеряли интерес к городищу, и памятник продолжал разрушаться, как и прежде (Малиновский К.Н., 1892, с. 6–8). В 1889 г. К.Н. Малиновский был на приеме у самого губернатора с ходатайством "о воспрещении жителям села Селитряного разрушать остатки старины..." (Отчет Петровского общества..., 1891, с. 10). Но и после этого городище продолжало уничтожаться местным населением.

На основании отчета А.А. Спицына Археологическая комиссия учла, что "для будущих исследований развалины Сарая в с. Селитренном обещают, по-видимому, еще многое, хотя, кажется, не мер, чтобы остановить эксплуатацию развалин со стороны местного населения" (Отчет Археологической комиссии..., 1895, с. 30). Но после этого памятник был забыт еще на 30 лет. Правда в конце 90-х годов его посетил Ф. Сурин, исследовавший пред этим Царевское городище, но он не оставил даже описаний городища (Сурин Ф., 1896).

После Октябрьской революции 1917 г. в стране пробуждается большой интерес к национальной истории народов России. Многие историки, археологи посвящают себя изучению золотоордынской культуры, являющейся неотъемлемой и весомой частью истории целого ряда народов, в первую очередь – тюркских: казахов, ногайцев, татар, башкир, узбеков и др. (см.: Бороздин И., 1927, с. 59–61). Большую роль в этом сыграл неутомимый исследователь, латыш по национальности, Ф.В. Баллод. В 1919–1920-е годы он провел широкие археологические исследования в Нижнем Поволжье, несмотря на нищету, голод и еще не прекратившиеся в этом регионе военные действия (Баллод Ф.В., 1923б). Интересно отметить, что его первой специализацией в науке являлась история и культура Древнего Египта.

После работ на Царевском городище летом 1922 г. Ф.В. Баллод летом того же года организует экспедицию в с. Селитренное на деньги, выделенные правительством Татарской республики (Баллод Ф.В., 1923а, с. 14–30). Об итогах исследований он написал подробный отчет в своей книге "Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды".

За три недели он провел очень большую и плодотворную работу. Это были первые действительно научные раскопки городища, когда впервые был снят его план. Ф.В. Баллод условно разбил город на семь районов, дав им социальную характеристику. Наладил с помощью пастухов и детей порайонное собирание монет (всего было найдено 2300 монет). Провел классификацию находок: нумизматики, керамики, архитектурного декора и т.д., сделал чертежи планов и разрезов всех девяти исследованных им объектов. Он изучил подземный купольный склеп и колодец золотоордынского времени в селе, раскопал несколько жилых сооружений (в том числе и два богатых дома), мавзолей (?), горны и захоронения (Баллод Ф.В., 1923а, с. 30–61). Причем, вскрытые сооружения не разрушались и, с целью сохранения, засыпались (Баллод Ф.В., 1923а, с. 31). Интересный способ он применял при раскопках: сначала с нескольких сторон прорывал траншеи к заинтересовавшему его холмику для определения внешних стен, и только затем приступал к вскрытию объекта по всей площади.

Конечно же, последующие раскопки выявили ряд его ошибок. Он дал поспешную и

упрощенную характеристику районов. Например, район между буграми Кучугуры и Красный, он определил как торговый и ремесленный (Баллод Ф.В., 1923а, с. 39, 43, 44). Как показывают современные исследования, в действительности картина была сложнее. На первом этапе, здесь, наряду с различным ремесленным производством, существовали как богатые аристократические усадьбы, так и кварталы бедноты. Затем район варваризируется и на последнем этапе постепенно превращается в кладбище с мавзолеями (Федоров-Давыдов Г.А., 1984, с. 85, 86; 1994, с. 25; Fédorov-Davydov G.A., 1985, p. 167–170). Такая социальная акцентированность Ф.В. Баллода объясняется общей направленностью исторической науки после победы Октябрьской революции 1917 г. на изучение социально-экономического аспекта. Время правления хана Джанибека (1341–1357 гг.) он посчитал периодом упадка города, опираясь на относительно небольшое количество монет этого хана по сравнению со значительно большим количеством монет эпохи хана Узбека и ханов времен "великой замятни" (Баллод Ф.В., 1923а, с. 42, 60). Однако анализ монет, найденных за 30 с лишним лет работы Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ) на этом памятнике, показывает явное преобладание монет именно периода царствования Джанибека.

Летом 1928 г. экспедиция саратовского археолога П.С. Рыкова совершила обследования вдоль левого берега Ахтубы, в том числе и на Селитренном городище (Рыков П.С., 1928, с. 131, 132). За один день посещения памятника его экспедиция частью собрала, частью получила в дар от местного жителя 820 (!) монет, которые впоследствии были обработаны А.А. Кротковым (Кротков А.А., 1930, с. 3). В 1931 г. П.С. Рыков продолжил исследования городища. В частности, он раскопал несколько мавзолеев и жилое здание (Рыков П.С., 1932, с. 106). Но наибольший интерес представляют остатки двух примыкавших друг к другу сооружений, которые были раскопаны не полностью. Первое здание с гробницами, на мой взгляд, являлось остатками нескольких, пристроенных друг к другу и вытянутых в один ряд, мавзолеев, а другое – с базами колонн – руинами соборной мечети (Рыков П.С., 1932, с. 107, 108).

В 1937 г. вышла в свет книга "Золотая Орда" крупного историка-востоковеда и археолога А.Ю. Якубовского и академика Б.Д. Грекова, написавшего главу о русских княжествах (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1937). Насколько актуальна и интересна была эта тема, говорит тот факт, что впоследствии книга выдержала еще два более расширенных и дополненных издания. Второе издание было удостоено сталинской премии (Памяти А.Ю. Якубовского..., 1954, с. 305). К сожалению, репрессии против крымских татар в 1944 г. сделали тему истории Золотой Орды полузапретной. Сознательно был "забыт" золотоордынский период в этногенезе казанских татар (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 3, пред.). Естественно, что в этих обстоятельствах, все связанное со средневековыми татарами и Золотой Ордой получает негативный оттенок, чего не наблюдалось в дореволюционной исторической науке.

В конце 50-х годов А.П. Смирнову и, тогда еще начинающему историку, археологу Г.А. Федорову-Давыдову удалось доказать необходимость систематического изучения золотоордынских памятников. Эта проблема была ими освещена в совместной статье "Задачи археологического изучения Золотой Орды", напечатанной в 1959 г. в журнале "Советская археология" (Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А., 1959). К тому времени уже давно господствовала теория о том, что существовало две столицы Улуса Джучи – "Старый" Сарай, основанный ханом Бату и располагавшийся на месте Селитренного городища, и Новый Сарай, основанный позже ханом Узбеком и находившийся на месте Царевского городища. Еще в начале века эта гипотеза получила поддержку и дальнейшую разработку Ф.В. Баллодом и А.Ю. Якубовским (см.: Баллод Ф.В., 1923а, с. 5–11; 1923б, с. 93, 94; Якубовский А.Ю., 1931, с. 5–8). Теорию о двух Сараях воспринял и окончательно доработал Г.А. Федоров-Давыдов (1964, с. 270, 271). С этого времени данная гипотеза считается окончательно доказанной и полностью господствующей (Гусева Т.В., 1975, с. 86).

В 1959 г. приступила к работе Поволжская археологическая экспедиция, что явилось началом нового, важного этапа в развитии золотоордынской археологии (Федо-

ров-Давыдов Г.А., 1994, с. 3, пред.). Первоначально, в 1959–1968 гг. основное внимание уделялось изучению Царевского городища (предполагаемого Нового Сарая). Лишь в 1965 г. Поволжская археологическая экспедиция приступила к раскопкам Селитренного городища (предполагаемого "Старого" Сарая). В этом году небольшой отряд под руководством Л.Л. Галкина провел разведки и сбор подъемного материала с целью определения приблизительной территории городища и его топографии. Также был заложен первый шурф – раскоп № 1 (Галкин Л.Л., 1966). В последующие сезоны масштабы раскопок были увеличены. С 1969 г. это городище стало *основным памятником*, исследовавшимся экспедицией[9]. Причем к 1972 г. прекратились работы на Царевском городище, а в 1974 г. и на Водяном городище близ г. Волгограда (раскопки на этом городище начались в 1967 г.)[10]. С этого времени основное внимание в изучении золотоордынских памятников Нижнего Поволжья уделялось именно Селитренному городищу. В 60–80-е годы велись ежегодные, широкомасштабные, планомерные раскопки со всесторонней обработкой археологического материала[11]. Площадь некоторых раскопов превышала 1000 м^2. Одновременно велись раскопки на разных участках городища (Федоров-Давыдов Г.А., 1984; см. соответствующие статьи в выпусках "Археологических открытий" 1966–1971, 1975–1989, 1993–1995 гг.). Вскрыто более 20000 м^2 площади городища (для сравнения: на Царевском городище вскрыто более 10000 м^2) (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 26, 30). Надо отметить, что раскопки велись, в основном, в одном районе – на территории между Красным бугром и Кучугурами. Это делалось с целью более полно изучить данный район, реконструируя его историческую топографию.

К.В. Шишкиным была сделана попытка расшифровать результаты аэрофотосъемки части территории городища, сделанной для сельскохозяйственных целей. Исследователь пользовался методикой, пригодной для Средней Азии, где очень часто прекрасно сохраняется микрорельеф городищ. Поэтому траншеи, оставшиеся от выборки кирпича из стен зданий, он принимал за следы сохранившихся стен.

Целый ряд специалистов изучали материал, каждый в своей области научных знаний и интересов: Г.А. Федоров-Давыдов, Н.М. Булатов, Н.Н. Бусятская, И.С. Вайнер, И.В. Волков, Л.Л. Галкин, Т.В. Гусева, В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев, Э.Д. Зиливинская, Н.В. Малиновская, А.Г. Мухамадиев, Л.М. Носкова, М.Д. Полубояринова, Л.Л. Савченкова, Л.Т. Яблонский и др. Кроме того Поволжская археологическая экспедиция вела археологическое изучение кочевнических курганов в Черноярском и Енотаевском районах Астраханской области (см. соответствующие статьи в выпусках "Археологических открытий" 1972–1988 гг.). В эти годы общее руководство Поволжской археологической экспедицией осуществляли: сначала – А.П. Смирнов, затем с 1973 г. Г.А. Федоров-Давыдов (с 1982 г. совместно с В.В. Дворниченко) (Федоров-Давыдов Г.А., 1984, с. 83). Много для изучения Селитренного городища сделали В.Л. Егоров и Н.М. Булатов, в течение многих лет возглавлявшие археологические отряды на этом памятнике.

Плодотворная работа Поволжской экспедиции за 40 лет дала богатейший археологический материал, окончательно опрокинув старые представления о Золотой Орде как о государстве преимущественно кочевом с малочисленными городами, слаборазвитой торговлей и ремеслом. Материал с Селитренного городища послужил основой для классификации всех типов золотоордынской керамики, архитектурного декора, жилищ и т.д. Л.Т. Яблонским были изучены погребения Сарая, ставшие одной из основ

---

[9] В статье не ставится целью рассматривать хронологию раскопок. Краткие ежегодные отчеты о них имеются в выпусках "Археологических открытий". Обобщающее описание и анализ основных объектов, раскопанных Поволжской археологической экспедицией даны в статье Г.А. Федорова-Давыдова "Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья" и в его книге "Золотоордынские города Поволжья".

[10] На Царевом городище раскопки возобновились в 1994 г., а на Водянском в 1989 г.

[11] Раскопки не проводились только в 1972–1974 гг. в связи с разразившейся в этих краях эпидемией холеры.

для классификации погребального обряда и погребальных сооружений мусульманских некрополей и для выделения антропологических типов населения золотоордынских городов (Федоров-Давыдов Г.А., 1984, с. 90–92).

Но с начала 90-х годов, в связи с общим экономическим кризисом в стране и недальновидной политикой правительства в области науки и культуры, раскопки стали проводиться нерегулярно и в значительно меньших масштабах.

Несмотря на то что с Селитренного городища материал гораздо более богатый и разнообразный, чем с Царевского городища, с публикациями первому явно не повезло. На Царевском городище были раскопаны в основном жилые усадьбы, и материалы этих работ полностью опубликованы в археологических сборниках: "Поволжье в средние века" за 1970 г., "Города Поволжья в средние века" за 1974 г., "Средневековые памятники Поволжья" за 1976 г. и в номерах журнала "Советская археология" (см.: Федоров-Давыдов Г.А., 1964; 1966; 1970 и др.). На Селитренном же городище, помимо частично раскопанных четырех богатых аристократических усадеб, исследованы: рядовые жилища, несколько мавзолеев, многочисленные погребения, три бани, соборная мечеть, медресе или ханака (странноприимный дом), ремесленные мастерские, в том числе большая гончарная мастерская-кархана, и т.д. С 1995 г. экспедиция Э.Д. Зиливинской начала раскопки пятой по счету богатой усадьбы. Однако, по сравнению с такими широкомасштабными исследованиями, материалы раскопок этих объектов почти не опубликованы; исключением являются лишь две статьи (см.: Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989; Зиливинская Э.Д., 1989) и четыре небольших публикации (см.: Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1972; Булатов Н.М., 1978; Галкин Л.Л., 1984; Зиливинская Э.Д., 1994). Правда, обобщающие итоги исследований Селитренного городища имеются в статьях Г.А. Федорова-Давыдова о золотоордынских городах Поволжья, в том числе и на иностранных языках (см.: Федоров-Давыдов Г.А., 1974; 1984; Fédorov-Davydov G.A., 1985 и др.) и в его книге "Золотоордынские города Поволжья".

Необходимо сказать о состоянии Селитренного городища в настоящее время. **Памятник находится в ужасающем положении.** Территория городища, особенно та, которая прилегает к селу, изрыта карьерами или превращена в мусорные свалки. Село в последнее время растет, наступая на городище. Новая улица на северной окраине деревни проходит прямо по кирпичным кладкам древних стен. В последние годы резко усилилось кладоискательство. Грабители целыми группами приезжают в Селитренное из различных городов страны и, используя металлоискатели, проходят по территории городища, выбирая различные металлические изделия, в основном монеты. Нередко они по несколько недель живут в деревне, нанося огромный вред городищу этой преступной деятельностью.

В советское время из-за существовавших планов расширения и развития сел и городов, а также из-за других административных препонов невозможно было всю территорию памятника отнести к охраняемой зоне. В итоге, под охраной находится лишь **небольшая часть городища** к западу от села, тогда как огромная территория к востоку и северу от населенного пункта не вошла в охранную зону и продолжает разрушаться местными жителями. Хотя все исследователи, бывшие на городище до начала работ Поволжской археологической экспедиции, писали о развалинах, как к западу, так к северу и к востоку от с. Селитренного. В частности, К.Н. Малиновский и А.А. Спицын отмечали, что городище простирается на восток до бугра "Татарское кладбище", который находится в 8–9 верстах (!) от села (Малиновский К.Н., 1888, с. 78; 1892, с. 11, 16; Спицын А.А., 1895, с. 84). Россыпи керамики и битого кирпича, а местами и выходящие на дневную поверхность кирпичные стенки я видел на Змеиных буграх в 3–4 км к западу от с. Селитренного и на протяжении 3,5–4 км к востоку, северо-востоку и юго-востоку от села во время своих наблюдений на городище в 1997 и 1998 гг.

Но и охранная зона *существует только на бумаге*. В действительности нет и намека на какие-либо охранные мероприятия. Отсутствуют даже элементарные охран-

ные знаки. В начале 90-х годов прямо по территории городища была проложена новая дорога, в результате чего было разрушено более 130(!) различных древних помещений. И подобные примеры можно приводить в большом количестве. Остается только удивляться, что столь уникальный, богатый памятник – остатки роскошного, столичного города – продолжает разрушаться даже в конце XX в.

Подводя итог хотелось бы отметить: несмотря на то, что Селитренное городище привлекало внимание ученых начиная еще с XVIII в., но, как это не странно, его систематическое археологическое изучение началось лишь во второй половине XX столетия. Исследование городища в XVIII–XIX вв. ограничивалось, как правило, краткими описаниями памятника некоторыми исследователями (исключением являются лишь раскопки М.С. Рыбушкина и А.А. Спицына). В начале и в середине нашего столетия археологическое изучение городища тоже почти не велось (исключения – раскопки Ф.В. Баллода и П.С. Рыкова). По-настоящему археологическое изучение памятника с планомерными и широкомасштабными раскопками началось лишь с 1965 г. Именно исследования Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ) дали богатый материал и представление о сложной социальной, экономической и культурной жизни города Сарая.

Селитренное городище требует дальнейшего изучения, проведения археологических раскопок и всесторонней обработки материалов. Не менее важной задачей является надлежащая охрана памятника и увеличение охранной зоны *в несколько раз*. Тем более, что до сих пор неизвестно, где находятся районы XIII – начала XIV вв., неясно также, где располагались жилые кварталы XV в. Если бы имелись финансовые средства, а, главное, заинтересованность местной власти и общественности, то на территории памятника можно было бы (и давно необходимо было бы) создать историко-археологический музей-заповедник, как это делается во всех цивилизованных государствах, с которых мы так любим брать пример.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баллод Ф.В., 1923а. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды: (результаты археологических работ летом 1922 г.). Казань.

Баллод Ф.В., 1923б. Приволжские Помпеи: (опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М.; Пг.

Бороздин И., 1927. Столица Золотой Орды // Тридцать дней. № 1.

Брун Ф.К., 1878. О резиденции ханов Золотой Орды до времен Джанибека I // Труды III Археологического съезда, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. 1. Киев.

Булатов Н.М., 1978. О трех гончарных печах Селитренного городища // СА. № 1.

Воейков, 1824. Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды (из дорожных записок) // Новости литературы. Июль.

Галкин Л.Л., 1984. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. № 2.

Галкин Л.Л., 1966. Работы на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области. Описание городища у села Селитренного Астраханской области // Дополнение к отчету Г.А. Федорова-Давыдова за 1965 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 3131. М.

Гмелин С.Г., 1777. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. СПб.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1937. Золотая Орда. Л.

Григорьев В.В., 1876. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Россия и Азия (сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом). СПб.

Гусева Т.В., 1975. История изучения Нового Сарая // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 6.

Гусева Т.В., 1985. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид. Горький.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА. № 1.

Загоскин Н.П., 1884. Селитренный городок Астраханской губернии, Енотаевского уезда // Тр. IV АС. Т. 1. Казань.

Зиливинская Э.Д., 1989. Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Зиливинская Э.Д., 1994. Жилые постройки Сарая по материалам раскопок 1984 г. // Историко-археологическое изучение Поволжья (межвузовский сборник). Йошкар-Ола.

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене (К 30-му Международному геологическому конгрессу. Пекин, Китай. 1996 г.). М.

Книга Большому Чертежу, 1950. М.; Л.

Кобеко Д.Ф., 1889. К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды и Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 4. Вып. 3–4. СПб.

Кротков А.А., 1930. Два собрания джучидских монет // Тр. Нижневолжского об-ва краеведения. Вып. 37а. Саратов.

Леопольдов А.Ф., 1837. Ахтубинские развалины // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 24. СПб.

Леопольдов А.Ф., 1839. Историко-статистическое описание Заволжского края Саратовской губернии. 1837 г. // Материалы для статистики Российской империи. СПб.

Малиновский К.Н., 1888. Поездка в с. Селитренное Астраханской губернии Енотаевского уезда // Протоколы Петровского общества исследователей Астраханского края с 4.10. 1874 г. по 31.12.1887 г. Астрахань.

Малиновский К.Н., 1892. Отчет о поездке в село Селитренное (Княжевской волости, Енотаевского уезда), летом 1888 года члена Общества К.Н. Малиновского // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1972. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. М.

Осмоловский М., 1846. Исследование о месте Сарая, столицы Кипчака, или Золотой Орды // Северная пчела. № 80–81.

Отчет Археологической комиссии за 1893 г., 1895. СПб.

Отчеты Петровского общества исследователей Астраханского края: за 1886–1887 гг., 1889; за 1888 г., 1890; за 1889 г., 1891. Астрахань.

Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 2. СПб.

Памяти А.Ю. Якубовского (некролог), 1954 // СА. Вып. XIX.

Полное собрание ученых путешествий по России, 1821. Т. 3. (Записки путешествия ак. И.И. Лепехина). СПб.

Полное собрание ученых путешествий по России, 1824. Т. 6. (Записки путешествия ак. И.П. Фалька). СПб.

Потоцкий И., 1828. Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Северный архив. Ч. 31. СПб.

Природа и история Астраханского края, 1996. Астрахань.

Протоколы Петровского общества исследователей Астраханского края за 1874–1887 гг., 1888. Астрахань.

Рыбушкин М.С., 1848. Записки об Астрахани. М.

Рыков П.С., 1928. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Т. 3. Саратов.

Рыков П.С., 1932. Музейные материалы по изучению феодального города // Советский музей. № 4.

Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А., 1959. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. № 4.

Спицын А.А., 1895. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 г. на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 год. СПб.

Сурин Ф., 1896. Поездки к бывшим волжским столицам и развалинам близ г. Царева и с. Селитренного (История Кипчакской или Золотой Орды и монгольского ига в России). Казань.

Терещенко А.В., 1853. Окончательное исследование местности Сарая, с очерком следов Дешт-Кипчакского царства // Ученые записки Императорской Академии наук по I и 3 отделениям. Т. 3. Вып. 1. СПб.

Федоров-Давыдов Г.А., 1964. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. № 1.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Новый Сарай по раскопкам в 1963–1964 гг. // СА. № 2.

Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., 1974. Три средневековых нижневолжских города // ВИ. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Шеньян И., 1852. О составе мозаичных арабесок у татар Золотой Орды // Записки Императорского археологического общества. Т. 4. (Приложения). СПб.

Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А., 1897, т. 22а, 1900, т. 29; 1903, т. 37а. СПб.

Якубовский А.Ю., 1931. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Известия ГАИМК. Т. 8. Вып. 2–3.

Якубовский А.Ю., 1932. Феодализм на Востоке: столица Золотой Орды – Сарай-Берке (исторический очерк к выставке в зале 31). Л.

Fédorov-Davydov G.A., 1985. La Volga: vestiges des temps passes // Fouilles et recherches archeologiques en URSS. Moscou.

Государственный Исторический музей,
Москва

Критика и библиография

В.Л. ЯНИН, П.Г. ГАЙДУКОВ. АКТОВЫЕ ПЕЧАТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ X–XV вв. Т. III. ПЕЧАТИ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 503 с., илл., рез. на англ. и франц. яз.

Почти три десятилетия прошло со времени публикации первых двух томов Корпуса древнерусских булл (Янин В.Л., 1970). Увидевший тогда свет фундаментальный труд В.Л. Янина подытожил и завершил процесс формирования отечественной сфрагистики как научной дисциплины. Но одновременно он стал важнейшей вехой в развитии источниковедения истории средневековой Руси. В нем и в подготовивших его появление других работах того же автора сфрагистические материалы были не только систематизированы и атрибуированы, но и были рассмотрены в широком историческом контексте, а именно как официальные атрибуты конкретных институтов власти, светской (княжеской и республиканской) или церковной. Таким образом по отдельным разрядам булл стало возможным восстановить картину эволюции соответствующих политико-административных структур и их исполнительных органов.

Кроме того, результаты атрибуций актовых печатей дали ценную дополнительную информацию для работы с другими категориями славяно-русских древностей – памятниками археологии, нумизматики, изобразительного и декоративно-прикладного искусства и др. К примеру, надежно атрибуированные буллы превратились в один из наиболее точных индикаторов для датировки археологических комплексов. А типологическая взаимосвязь древнейших русских актовых печатей и монет служит, как известно, важным параметром при установлении их относительной и абсолютной хронологии.

Двухтомный Корпус, созданный В.Л. Яниным, сразу же стал настольной книгой для археологов и музейных работников как справочник-определитель. И одновременно он стимулировал дальнейшие исследования в области древнерусской сфрагистики и смежных научных дисциплин. Правда, тщательнейшая и поистине виртуозная проработка всего доступного к тому времени сфрагистического материала, произведенная В.Л. Яниным, оставляла не так уж много простора для исследовательского поиска другим специалистам.

Надо отметить, что темпы пополнения фонда древнерусских булл в 1970-х и последующих годах, к счастью, превзошли все, даже самые оптимистические, ожидания. При раскопках и сборах подъемного археологического материала в различных центрах Древней Руси было найдено много моливдовулов, как уже известных, так и иных типов. Особенно многочисленными такого рода находки, как и прежде, оказались в Новгороде – главной сфрагистической сокровищнице России. Все они учитывались и обрабатывались возглавлявшим все это время Новгородскую археологическую экспедицию В.Л. Яниным. Отдельные наиболее интересные экземпляры оперативно публиковались им (ср., например: Янин В.Л., 1978а, с. 14–24; 1978б, с. 47–56; 1994а, с. 8–10; 1994б, с. 5–18). С увеличением числа находок в раскапываемых городских слоях Новгорода выявилась примечательная их особенность: этот сфрагистический материал вполне идентичен тому, какой происходит из сборов на Городище – загородной резиденции новгородских князей, где несколько столетий располагалось постоянное архивохранилище, от погибших документов которого дошли до нас многочисленные буллы.

Многие отечественные археологи и историки-краеведы, а также коллекционеры-любители передавали В.Л. Янину всю необходимую информацию об обнаруживаемых ими древнерусских актовых печатях. И только часть этих материалов сразу же публиковалась раскопщиками или находчиками, чаще всего с помощью специалистов в области сфрагистики. Таковы находки из Киева, Чернигова, Житомира, Пскова, Корелы, Старой Ладоги,

© А.А. Молчанов. 2000 г.

Суздаля, Белоозера, Торжка, Дубны и т.д. (ср.: Ивакин Г.Ю., 1981, с. 403–414; Коваленко В.П., Молчанов А.А., 1993, с. 208–216; Молчанов А.А., 1984, с. 260–263; Колосова И.О., 1996, с. 69–89; Сакса А.И., Янин В.Л., 1996, с. 187–194; Белецкий С.В., Петренко В.П., 1994, с. 184–283; Седова М.В., 1985, с. 357–362; Макаров Н.А., Чернецов А.В., 1988, с. 230–241; Гайдуков П.Г., Малыгин П.Д., 1989, с. 240–256; Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990, с. 233–246).

В некоторых случаях возникали из небытия давно (и, казалось, навсегда) утраченные экземпляры и даже целые подборки, с которыми когда-то уже работали исследователи: наиболее интересной здесь следует признать группу древнерусских моливдовулов и пломб, полученных нами в августе 1985 г. для просмотра от В.М. Кима (Ростов Ярославский) через руководителя Ростовской археологической экспедиции ИА АН СССР А.Е. Леонтьева и вскоре уступленных владельцем Государственному Историческому музею (Молчанов А.А., Колызин А.М., 1996, с. 45, прим. 1).

В общей сложности за период с 1970 по 1996 г. в распоряжении автора первых двух томов Корпуса оказалось, помимо прежних 1542, еще 1130 экземпляров булл. Результаты осмысления академиком В.Л. Яниным, крупнейшим специалистом по истории средневековой Руси и ее древностям, всей совокупности наличного сфрагистического материала представлены в исследовательской части рецензируемого издания (с. 11–110). Здесь со всей очевидностью продемонстрировано, насколько автору исследования удалось опять продвинуть вперед отечественную сфрагистику.

Вполне закономерно порядок подачи вводимого в научный оборот материала следует выработанной ранее классификации. Поочередно рассматриваются группы булл и одиночные экземпляры, как входящие в ту или иную уже известную категорию, так и принадлежащие к вновь выявленным разрядам. При этом уточняются некоторые предложенные прежде атрибуции, что проливает новый свет на функционирование ряда институтов власти в Древней Руси. В том же ракурсе рассматриваются и впервые включаемые в Корпус памятники.

Всего несколько образцов прибавилось к разряду княжеских печатей архаической традиции. Но среди них оказалось два уникальных. В 1994 г. при раскопках в Новгороде была найдена булла Ярослава Мудрого, несущая на себе погрудные изображения князя в остроконечном шлеме и его небесного покровителя св. Георгия. Согласно весьма убедительной версии В.Л. Янина, она использована для скрепления некоего документа скорее всего в 1019 г. Типологически близкая ей печать с погрудными изображениями князя в венце и св. Петра – происходит из раскопок середины 1930-х годов в Вышгороде под Киевом. Долгое время недоступная исследователям, теперь она отнесена В.Л. Яниным киевскому князю Святополку Окаянному (1015–1019 гг.).

Давно известные княжеские буллы архаической традиции, принадлежавшие сыновьям Ярослава Мудрого – Изяславу Ярославичу (периода его киевского княжения, т.е. 1054–1078 гг.) и Святославу Ярославичу (сидел в 1054–1073 гг. в Чернигове, а в 1073–1076 гг. в Киеве), пополнились новыми экземплярами от разных вариантов матриц. Произошедшая при этом корректировка статистических данных еще раз подтвердила справедливость сделанного в свое время В.Л. Яниным вывода о широком распространении практики составления актов с официальным заверением их вислыми печатями лишь при Ярославичах, т.е. где-то с середины XI в. и никак не ранее.

Появление новых экземпляров булл с патрональными изображениями святых и греческими строчными надписями, относимых к числу княжеских, дало хороший повод для перепроверки ранее предложенных определений, получивших в ряде случаев дополнительное подтверждение. Атрибуцию обрели и две впервые издаваемые печати, отнесенные В.Л. Яниным князьям Ярославу-Панкратию Святославичу Муромскому (1097–1129 гг.) и Давиду Святославичу Черниговскому (умер в 1123 г.)

Ощутимое приращение получил разряд булл, связанных с церковными иерархами Руси XI – первой трети XIII в. К числу достаточно надежно определенных сфрагистических атрибутов власти киевских митрополитов присоединены теперь моливдовулы, несущие имена Иоанна II Доброго (1077–1089 гг.), Иоанна III (1089–1090 гг.), Никиты (1121–1126 гг.) и Иоанна IV (1164–1166 гг.). Пополнился список владычных печатей, вышедших и из других центров домонгольской Руси. Из данной группы памятников сфрагистики особенно интересны буллы новгородского епископа Ивана Попьяна (1110–1130 гг.), смоленского епископа Лазаря (1200-е – 1210-е гг.) и ростовского архиепископа Леонтия (1165–1183 гг.).

С 338 до 561 экземпляра поднялось теперь количество известных печатей новгородских князей XII – первой трети XIII в. с патрональными изображениями двух святых. Однако новых вариантов сочетания патрональных изображений при этом не появилось, что,

впрочем, и неудивительно, ибо практически весь список занимавших стол в Новгороде указанного периода уже нашел четкие соответствия в сфрагистическом материале по предложенной В.Л. Яниным классификации. Поскольку такие буллы изначально относились к наиболее многочисленному разряду, репрезентативность его отдельных составляющих оказалась обеспеченной уже к моменту выхода в свет первых двух томов Корпуса. Последующее обширное пополнение данного разряда, как видно, лишь подтвердило правильность принятой классификационной схемы.

Второй по численности разряд булл домонгольского времени -- печати с изображением княжеской тамги (на одной стороне) и святого (на другой стороне) – стали предметом длительной дискуссии в отечественной науке. К началу 1970-х годов эта дискуссия практически зашла в тупик (Янин В.Л., 1970, т. I, с. 137–146). Ясно стало лишь то, что такие буллы не были сугубо княжескими, поскольку патрональные изображения святых на них указывают явно на имена каких-то иных властных лиц.

Происхождение большинства моливдовулов данного разряда из Новгорода позволило выдвинуть гипотезу о принадлежности их тамошнему институту так называемого "смесного суда", т.е. совместного посадничье-княжеского (гражданского и иного) делопроизводства (Молчанов А.А., 1974, с. 19–32; 1980, с. 213–219; 1985, с. 66–83). Судя по молчаливому игнорированию этой гипотезы В.Л. Яниным, она не встречает у него сочувствия. Единственный перспективный путь в работе с буллами данного разряда он видит в достижении детальной классификации княжеских тамг (с. 55). Но, как известно, сама такая классификация находится еще в стадии разработки и в свою очередь во многом зависит от интерпретации сфрагистических материалов (Молчанов А.А., 1997а, с. 104–117). В.Л. Янин констатирует пополнение данного разряда булл 32 экземплярами, но по-прежнему, как и 30 лет назад, не усматривает реальных возможностей для конкретного истолкования всей этой обильной серии памятников (с. 57). Заметим попутно, что отнесение сюда же печати из Белоозера, опубликованной Н.А. Макаровым и А.В. Чернецовым (1988, с. 231, № 1, рис. 2, *1*), можно принять лишь как условное, ибо якоревидная фигура на ней не имеет ничего общего с тамгами Рюриковичей.

Почти вдвое, со 139 до 275 экземпляров, возросла численность в Корпусе другого разряда – печатей новгородских князей XIII – первой трети XIV в. Более трети этого прироста (47 экз.) дали буллы Александра Ярославича Невского. Большинство из них относится к подтипу с патрональным изображением св. Александра на коне. Напомним, что именно с таких булл начинается закрепление сюжетной композиции святого или светского всадника в древнерусской сфрагистической традиции, а со временем "ездец" превратился в наследственную эмблему у потомков Александра Невского, княживших в Новгороде и Москве и регулярно помещавших его на своих печатях и монетах (Молчанов А.А., 1997б, с. 3–8).

Аналогичная картина наблюдается со следующим по хронологии разрядом – новгородскими княжескими печатями второй трети XIV – XV в.: было известно 64 экз., прибавилось 57 экз.

Совершенно новый разряд булл выявлен В.Л. Яниным в результате исследования сфрагистических памятников второй трети XIV – начала XV в. различного происхождения – от сохранившихся при подлинных документах до ископаемых (из новгородских и иных находок). Сюда вошли моливдовулы князей, состоявших на службе у Новгородской республики и получавших в кормление ее отдельные города (Ладогу, Орехов, Корелу, Копорье и другие) с прилегающими территориями. К числу таких кормленщиков, оставивших свой след в памятниках сфрагистики, относятся: три представителя литовского великокняжеского дома – Наримонт-Глеб Гедиминович с сыновьями Александром и Патрикием; двое из рода белозерских князей – Роман Михайлович и его сын Василий Сугорский; а также Федор Юрьевич, сын последнего смоленского князя Юрия Святославича.

Перегруппировка известного прежде и добавившегося за последнее время материала позволила В.Л. Янину иначе очертить круг сфрагистических памятников, относимых к атрибутам деятельности в Новгороде последней четверти XIII – первой половины XV в. княжеских чиновников, а именно наместников и тиунов.

В разряде именных печатей новгородских архиепископов теперь заполнилась лакуна: были выявлены, причем сразу в трех вариантах, моливдовулы владыки Спиридона (1229–1249 гг.). Сильно изменилась реконструируемая картина бытования булл владычных наместников, назначавшихся в последней четверти XIII – первой трети XV в. в некоторые региональные центры Новгородской феодальной республики (Ладогу, Торжок, Корелу и др.).

На новом материале уточнена В.Л. Яниным типологическая эволюция и хронология именных печатей, употреблявшихся в середине XIV – XV в. новгородскими посадниками и тысяцкими. Особый, пока крайне немногочисленный, разряд составили четыре моливдовула XV в., несущие имена купеческих старост Великого Новгорода. Зато принадлежность другого, представленного весьма обильно (на сегодня – далеко за 200 экз.), разряда, который прежде предлагалось связывать с только что упомянутыми должностными лицами, теперь видится В.Л. Янину иначе. По нынешней версии исследователя, здесь фигурируют моливдовулы новгородских республиканских и великокняжеских тиунов (с. 95–100).

Последними рассмотрены в исследовании две группы печатей второй половины XIII–XIV в. Среди них В.Л. Яниным опознаются моливдовулы, принадлежавшие некоторым литовским князьям, занимавшим столы в Пскове и Полоцке, а также аргировулы Рюриковичей из смоленского княжеского дома, сохранившиеся при подлинных документах. Следует отметить, что число известных разновидностей булл Довмонта Псковского (1266–1299 гг.) выросло теперь до трех. Однако основная масса сфрагистического материала из Пскова, в силу ряда обстоятельств, не вошла в Корпус (Янин В.Л., 1970, т. I, с. 8,9). Лишь часть псковских булл стала предметом отдельных исследований и сводных публикаций (Янин В.Л., 1960, с. 238–261; Белецкий С.В., 1994а,б).

Подробный каталог всех включенных в рецензируемый том сфрагистических памятников вместе с В.Л. Яниным составлял П.Г. Гайдуков. Каталожное описание сопровождается прорисями легенд и оттиснутых матричных композиций в целом, а также фототаблицами с увеличенными воспроизведениями печатей.

Итак, третий том Корпуса древнерусских булл подводит итоги накопления данного материала в отечественной науке и снабжает новой ценной информацией на сей счет всех заинтересованных специалистов. И, кажется, есть надежда, что поступление подобных данных теперь перестанет быть сугубо спорадическим. Во всяком случае, сразу же вслед за рецензируемым томом вышло дополнение к нему, содержащее сведения о 124 буллах, зарегистрированных в 1997 г. (Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. с. 338–357). Очень хотелось бы, чтобы такое оперативное информирование осуществлялось регулярно и впредь.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

А.А. Молчанов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белецкий С.В., 1994а. Сфрагистика средневекового Пскова. Вып. I–II. СПб.

Белецкий С.В., 1994б. Сфрагистика Пскова XIV–XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.

Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // СА. № 3.

Белецкий С.В., Петренко В.П., 1994. Печати и пломбы из Старой Ладоги. Свод // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Гайдуков П.Г., Малыгин П.Д., 1989. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. М.

Ивакин Г.Ю., 1981. Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. Киев.

Коваленко В.П., Молчанов А.А., 1993. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // РА. № 4.

Колосова И.О., 1996. Памятники сфрагистики // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков.

Макаров Н.А., Чернецов А.В., 1988. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.

Молчанов А.А., 1974. Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. Вып. IV. М.

Молчанов А.А., 1980. О четырех новгородских посадничьих печатях XII в. // ВИД. Т. XII.

Молчанов А.А., 1984. Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира // СА. № 1.

Молчанов А.А., 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. Т. XVI.

Молчанов А.А., 1997а. Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя

четверть века их изучения // Нумизматический сборник (Московского Нумизматического общества). № 5. М.
Молчанов А.А., 1997б. Предыстория московского герба // МАРС. № 1.
Молчанов А.А., Колызин А.М., 1996. Печать Дмитрия Донского из Новгорода // Нумизматический сборник (Московского Нумизматического общества). № 4. М.
Сакса А.И., Янин В.Л., 1996. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород.
Седова М.В., 1985. Актовая княжеская печать из Суздаля // "Слово о полку Игореве" и его время. М.
Янин В.Л., 1960. Вислые печати Пскова // СА. № 3.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. I–II. М.
Янин В.Л., 1978а. Князья Копорские // ВМУ. История. № 6.
Янин В.Л., 1978б. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна (1110–1130 гг.) // ВИД. Т. IX.
Янин В.Л., 1994а. В Новгороде найдена свинцовая печать Ярослава Мудрого // Историческая генеалогия. Вып. 3. Екатеринбург; Париж.
Янин В.Л., 1994б. Моливдовулы ростовского епископа Леонтия // ВИД. Т. XXV.
Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦА 80–90-х гг. XX в. ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ (часть 1)

В 1987 г. в серии "Археология СССР" вышел том "Финно-угры и балты в эпоху средневековья", который подвел итог деятельности исследователей в изучении средневековой археологии финно-угров на конец 80-х годов XX в. После выхода в свет этого тома многое изменилось в археологии, в том числе и финно-угорской. В первую очередь, значительно сократилась социальная востребованность науки, но, несмотря на все сложности истекшего десятилетия, можно с уверенностью констатировать факт, что в средневековой археологии Поволжья и Приуралья в последнее десятилетие наблюдается заметное оживление. Сокращение объемов полевых исследований, происходящее с 1990 г., существенно не отразилось на количестве и качестве публикуемых работ. Значительный архив полевых материалов и коллекции, накопленный в большинстве регионов России, особенно в 70–80-х гг., является солидной базой для научных обобщений и сегодня. Проведение международных конференций, симпозиумов, проблемных совещаний на территории России, более активное участие российских исследователей в аналогичных мероприятиях за рубежом позволили ученым познакомиться с новыми методиками исследования и апробировать свои гипотезы на международном уровне. Это способствовало постановке новых проблем и внесению корректив в, казалось бы, устоявшиеся взгляды на некоторые из них. Расширилось использование информационных технологий в гуманитарных исследованиях. Поэтому не случайно возросло количество публикаций: серий тематических сборников, отдельных монографий, посвященных наиболее актуальным вопросам. Круг охваченных в них проблем очень широк, поэтому трудно сделать их всесторонний историографический анализ в одной статье. По этой причине авторы ограничились лишь кратким библиографическим обзором работ, определяющих основные направления деятельности ведущих школ Поволжья и Приуралья в области средневековой археологии.

Уже на протяжении не одного десятилетия значительной активностью отличаются исследования ижевских ученых. Здесь сложилось два крупных научных центра археологов: Уд НИИ ИЯЛ УрО РАН и Уд ГУ. Первый занимается, в основном, изучением этногенеза, этнической истории и культуры удмуртов, второй – древней и средневековой историей населения Вятской земли и Верхней Камы.

Средневековые материалы, полученные Вятско-Камской экспедицией Уд ГУ, обобщены Р.Д. Голдиной и В.А. Кананиным в монографии "Средневековые памятники верховьев

© Т.Б. Никитина, Ю.А. Зеленеев, 2000 г.

Камы" (1989). Эта книга вносит существенный вклад в разработку вопросов, связанных с этногенезом древних народностей Прикамья. Объектом исследования являются памятники ломоватовской и родановской культур, расположенных в слабоизученном регионе на границе Пермской, Кировской областей и Удмуртии, в верхнем течении р. Камы. Археологи относят население верховьев Камы к зюздинской (верхнекамской) племенной группе коми-пермяков (Голдина Р.Д., 1977, с. 45, 46; Оборин В.А., 1970, с. 28, 29), а лингвисты к зюздинскому, или верхнекамскому, наречию коми-пермяцкого языка, обособляя его от основного массива коми-пермяков (Баталова Р.М., 1975, с. 5, 6). Монография содержит анализ материалов 91 памятника VI–XIV вв. Хорошая проработка вещевых комплексов и использование современных методов исследования позволили выделить хронологические группы, свидетельствующие о преемственности в истории местного населения.

Обобщению материалов неволинской культуры посвящена работа Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго (1990). На основе 14 могильников IV–IX вв., расположенных в Сылвенско-Иренском Поречье, определен период существования неволинских памятников с конца IV по первую половину IX вв. и проведено культурно-стратиграфическое разделение комплексов на пять последовательных хронологических стадий: бродовская (конец IV–V вв.), верхсаинская (VI в.), бартымская (конец VI–VII вв.), неволинская (конец VII–VIII вв.), сухоложская (конец VIII – первая половина IX в.).

Отличительной чертой исследований археологов Уд ГУ является хорошая проработка датировок. Подтверждением этому является появление межвузовского сборника научных трудов "Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы" (Ижевск, 1995). Название сборника является визитной карточкой данного издания и в полной мере отражает его суть и направленность. Помещенные в него статьи охватывают период с I в. н.э. до XVIII в. Территория рассматриваемых памятников достаточно широка: бассейн Вятки, верхнее и среднее Прикамье, Венгрия.

В работе Р.Д. Голдиной типологически, планиграфически и культурно-стратиграфически проанализированы поломские (Мыдлань-Шай, – Весьякар) и, прежде всего, Варнинский могильники и выделены 4 хронологические стадии: 1-я (гыркесшурская) – VI в., 2-я (варнинская) – конец VI–VII вв., 3-я (весьякарская) – конец VII–VIII вв., 4-я (мыдланьшайская) – конец VIII – начало IX вв. (Голдина Р.Д., 1995). По мнению автора, они являются последовательным развитием поломской культуры, которая в дальнейшем трансформируется в чепецкую. Датировки, приведенные исследователем, позволяют признать правильность выводов В.Ф. Генинга в дискуссии между ним и В.Б. Ковалевской о поломской культуре (Генинг В.Ф., 1958; 1962, с. 5–111; Ковалевская В.Б., 1969, с. 84–91).

Значительный интерес представляет статья Н.А. Лещинской. Тщательно проработанный материал из 17 могильников I–XI вв. позволил автору выявить 10 самостоятельных хронологических групп средневековых древностей бассейна р. Вятки. Работа исследователя затруднена тем, что эти памятники имели разную культурную принадлежность, поэтому отдельные признаки могли объясняться этнокультурными, а не хронологическими различиями. Но тем не менее хронологическое обоснование автором каждой из групп не вызывает возражений (Лещинская Н.А., 1995).

Статьи Т.А. Лаптевой и С.Р. Волкова посвящены типологии отдельных категорий вещевого инвентаря. В первой работе прослежена линия развития одного украшения – эполетообразной застежки – в широком хронологическом диапазоне с III в. до н.э. до начала VII в. н.э. Положительной стороной типологии, представленной автором статьи, является многосторонний охват признаков. Ею учитываются не только форма и декоративные особенности, но и технологические традиции (Лаптева Т.А., 1995). На основе тщательной классификации железных наконечников стрел, проведенной С.Р. Волковым (1995), обозначены особенности в изготовлении и распространении этих изделий в различных (ломоватовской, поломской и неволинской) культурах.

В 1996 г. Р.Д. Голдина выпустила книгу, в которой популярно рассказывает об исследованиях археологических памятников Прикамья. Увлекательное описание экспедиций, романтика научного поиска и популярное изложение некоторых вопросов древней и средневековой истории Прикамья делают книгу полезной для школьников, учителей, студентов, а также для всех, кому интересна история родного края (Голдина Р.Д., 1996).

Особой активностью в последнее десятилетие отличается работа Уд НИИ ИЯЛ УрО РАН. В 1992 г. опубликовано исследование М.Г. Ивановой "Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв." Монография посвящена обобщению ранее малоизвестных могильников по среднему течению р. Чепцы и по ее притокам. Большая часть их изучена в 1970–80-е годы экспедицией Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН под непосредственным руко-

водством автора книги. В нее включены также материалы работ предшественников. Основу исследования составляет Кузьминский могильник, на котором вскрыто 274 комплекса. Автор попытался на фоне восточноевропейских и восточно-финских древностей выявить особенности чепецких материалов. Для этого были использованы различные категории археологических источников: погребальный обряд, оружие, бытовой инвентарь, украшения и прочие элементы костюма. На основе анализа погребального обряда исследователь делает вполне обоснованный вывод о его единстве с восточно-финскими традициями, при этом отмечая, что обряд северных удмуртов чрезвычайно близок к ритуалу соседних пермских финнов и марийцев. Отмечая отдельные особенности в инвентаре, в частности, в оружии и орудиях труда, автор подчеркивает, что основная масса его имеет общеевропейский облик, что объясняется "общими тенденциями развития технологических приемов изготовления и выработки максимально рациональных форм в результате устойчивых контактов чепецкого населения с соседями". Для выявления особенностей культуры и этнодифференцирующих признаков более выразительными оказались костюмный комплекс, особенно украшения, и керамический материал. Выявив комплекс местных изделий и на их основе составив достаточно полную характеристику культуры средневекового населения р. Чепцы, автор логично полагает, что своеобразие этой культуре придают и привозные изделия, в частности, бусы и шелковые ткани, рубчатые перстни, крестовключенные подвески и т.д. При изучении вопроса контактов чепецкого населения отмечены его устойчивые связи с древнерусскими, северо-западными землями и булгарскими торговыми центрами.

Предлагаемая хронология освоения бассейна р. Чепцы основана на скрупулезном анализе материала и вызывает доверие. Материалы Кузьминского могильника подтверждают непрерывную преемственность ранних комплексов с поздними. Надеемся, что число наиболее полно исследованных памятников со временем увеличится и тогда эта гипотеза будет превращена в стройную систему доказательств и получит дальнейшее подтверждение.

Вторая монография М.Г. Ивановой "Истоки удмуртского народа", вышедшая в 1994 г., адресована учащейся молодежи и рекомендована Министерством народного образования Удмуртской республики в качестве учебного пособия.

Книга имеет очень четкую, продуманную структуру. Во введении М.Г. Иванова определяет место удмуртов среди народов уральской языковой семьи, основные этапы изучения этнической истории удмуртского народа, приводит данные об антропологическом типе удмуртов, сведения об этнонимах удмуртов и названиях их территориальных групп. Рассмотрение этнической истории начинается в разделе"Финно-угры в Прикамье. Древнейшие корни удмуртской культуры" со времени появления человека в эпоху мезолита на территории Удмуртии. Привлекая данные лингвистических исследований, М.Г. Иванова показывает, каким образом проходила дифференциация финно-язычного населения в Прикамье в VIII–VI тыс. до н.э. Раскрывая картину исторических событий II в. до н.э. – V в. н.э., автор не стала отягощать внимание читателя дискуссионными вопросами, а постаралась проследить общее направление развития финно-пермских народов в Вятско-Камском междуречье, постепенно подходя к собственно удмуртской истории. В разделе "Этнические процессы в Прикамье в эпоху раннего средневековья. Древние удмурты V–IX вв." М.Г. Иванова первоначально дает широкую историческую картину событий, проходивших в Евразии в первой половине – середине I тыс. н.э., стремясь показать читателю значение внешних воздействий на формирование народов Прикамья. Исследователь выделяет три группы археологических памятников раннего средневековья, имевшие отношение к удмуртскому этносу: 1) памятники прикамской Удмуртии, 2) вятские памятники, 3) памятники бассейна р. Чепцы. Автор пишет, что население, оставившее все три группы памятников раннего средневековья, приняло прямое участие в формировании удмуртов. Но при чтении текста складывается впечатление, что основную роль при этом играл этнос, расселявшийся в бассейне р. Чепцы, а праудмуртская принадлежность двух других групп памятников недостаточно обоснована.

Наиболее крупным по объему и важным по значению является раздел "Удмурты в начале II тыс. н.э." Автор пытается проследить преемственность культур удмуртов X–XIII вв. от более ранних памятников. Достаточно убедительно показана смена поломской культуры на чепецкую. Подробно рассмотрены все стороны жизнедеятельности чепецких удмуртов X–XIII вв. Не подлежат сомнению временные границы этого периода – X–XIII вв. Зарытием наиболее крупных кладов во второй половине IX – начале X вв.: Кестымского, Лесагуртского, Богдановского, по мнению автора, определена ранняя дата чепецкой культуры. Стоит добавить, что они, вероятно, связаны с событиями военно-политического характера. Такое явление, как известно, чаще всего происходит в период военных потря-

сений. Прекращение функционирования большинства удмуртских поселений и могильников в XIII в. сменяется "темным пятном" XIII–XV вв. в истории удмуртского народа, связанным с отсутствием полноценных источников. Аналогичное явление наблюдаются и у марийцев. Причины могли быть связаны с монгольским нашествием в Восточную Европу.

Заслуживает внимания тезис автора о том, что вхождение в состав Русского государства привело к этнической консолидации удмуртской народности. Нахождение в составе развитого крупного государства оказывает благоприятное воздействие на этнос, при отсутствии острых межнациональных противоречий. Аналогичные этнические процессы проходили и у марийцев во второй половине XVI–XVII вв. и у мордвы в составе Золотой Орды в XIII–XIV вв.

Положительному восприятию книги способствуют хорошие иллюстрации и отличная полиграфия.

В монографическом исследовании Н.И. Шутовой на основе фундаментальной источниковой базы подробно описан погребальный обряд и инвентарь удмуртских могильников XVI – первой половины XIX вв. Автор классифицирует орудия труда, украшения, бытовые вещи. Много внимания уделено вопросам хронологии и трансформации языческого погребального обряда, дана демографическая характеристика удмуртского населения. Н.И. Шутова также определила место удмуртских могильников среди синхронных памятников Поволжья и Приуралья. С использованием письменных и этнографических данных рассмотрены вопросы этнокультурной истории удмуртов в XVI–XIX вв. (Шутова Н.И., 1992).

За период, охваченный в предлагаемом читателю обзоре, Уд НИИ ИЯЛ УрО РАН выпущено несколько тематических сборников, посвященных проблемам этногенеза и средневековой истории удмуртского народа.

Сборник научных трудов "Новые исследования по этногенезу удмуртов" (Ижевск, 1989) подготовлен Уд НИИ ИЯЛ УрО РАН с участием сотрудников ИА РАН, ИЭ РАН, Института общей генетики АН. Большинство работ посвящены вопросам формирования и развития северных удмуртов. Положительной стороной издания является тот факт, что в него включены статьи, представляющие различные и часто противоположные научные направления. Поэтому дискуссия, развернутая на страницах сборника, представляет интерес.

Одна группа статей представляет точку зрения о происхождении удмуртов на основе верхнекамских культур. М.Г. Иванова выделяет в истории северных удмуртов 4 этапа: V–IX вв., конец IX – начало XIII вв., XIII–XV вв., XVI–XVII вв. и на основе солидной источниковой базы дает достаточно полную характеристику первых двух этапов, определяя отличительные признаки каждого из них (Иванова М.Г., 1989). По ее мнению, ранняя история удмуртов связана с ломоватовско-поломским и позднеазелинским населением при участии угорского компонента, а последующее развитие проходило в постоянном контакте с соседними племенами. Прочные контакты удмуртского населения с болгарами и русскими способствовали взаимному обогащению культур всех народов, но они не изменили "общего пермского характера культуры". Близкую научную направленность несет статья В.А. Семенова, посвященная ранним стадиям (до IX в.) этногенеза удмуртов. Не отрицая определенной роли угорского влияния, автор полагает, что основным ядром поломского населения были местные пермоязычные переселенцы, потомки пьяноборских и гляденовских племен. Переселение поломского населения на Вятку, Нижнюю Каму, Среднюю Волгу в IX в., а затем уход части вятского населения на Кильмезь и Чепцу способствовали началу формирования единой удмуртской народности (Семенов В.А., 1989).

На основе анализа погребального ритуала поздних удмуртских могильников Н.И. Шутова доказывает преемственность непрерывной традиции в обрядности удмуртов от поломской, чепецкой, мазунинской, азелинской, бахмутинской и чияликской культур. Различия между северными и южными удмуртами, по ее мнению, обусловлены преимущественно разной направленностью этнокультурных связей (Шутова Н.И., 1989).

Противоположная точка зрения на поломскую культуру изложена в статьях Е.П. Казакова и А.Х. Халикова. Е.П. Казаков на основе распространения керамики со штампо-веревочной орнаментацией отстаивает угорскую природу поломской культуры (Казаков Е.П., 1989), а А.Х. Халиков предполагает, что носители ломоватовско-поломской культуры были тюркоязычными племенами (Халиков А.Х., 1989). По его мнению, постпьяноборские племена в этногенезе удмуртов прямого участия не принимали, "этническая история предков удмуртского народа развивалась значительно севернее и северо-западнее Нижнего Прикамья на гляденовской и постгляденовской основе в тесной связи с другими пермскими народами".

Достоинством сборника является включение в него статей ученых других специально-

стей. В научный оборот, кроме новых археологических материалов, вводятся антропологические, биохимические, иммунологические, физиологические, дерматологические и гематологические данные. Родство удмуртов, с одной стороны, южным коми, а с другой стороны, близость по рыжеволосости хантам (Дубов А.И., 1989), по дерматоглифическим показателям – как волго-камской, так и южно-сибирской и уральской расам (Долинова Н.А., 1989), присутствие древнеуральского расового компонента в составе современных удмуртов (Давыдова Г.М., 1989), наличие некоторой монголоидной примеси на фоне европеоидного статуса при антропологическом изучении удмуртов (Шнейдер Ю.В. и др., 1989) свидетельствуют о сложных процессах этногенеза удмуртов.

Очень продуктивным для работы Уд НИИ ИЯЛ УрО РАН был 1991 г., когда вышли в свет сразу два сборника по средневековой тематике.

Первый из них "Материалы по погребальному обряду удмуртов" (Ижевск, 1991) подготовлен по результатам новых исследований по изучению средневекового прикамского населения, принимавшего участие в формировании удмуртской народности. В нем помещены публикации отдельных памятников IX–XIII вв. (Иванов А.Г., 1991; Иванова М.Г., 1991а) и XVI–XVIII вв. (Иванова М.Г., 1991б; Рыкушина Г.В., 1991), вводящие в научный оборот ранее неизвестные археологические источники. Ряд статей представляют достаточно полное обобщение погребальной обрядности в различные хронологические периоды, начиная с эпохи раннего железного века (Арматынская О.В., 1991; Останина Т.И., 1991; Семенов В.А., 1991; Иванова М.Г., 1991а; Шутова Н.И., 1991а) до XIX в. включительно (Шутова Н.И., 1991б). Такой удачный подбор статей позволил авторскому коллективу показать развитие погребального обряда в динамике, проследить преемственность в развитии культуры и найти истоки многих традиций.

Сборник статей "Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы" (Ижевск, 1991) подготовлен по материалам симпозиума, посвященного 90-летию со дня рождения выдающегося археолога А.П. Смирнова, одного из основоположников археологических школ в Поволжье и Приуралье. Конференция проходила в июне 1989 г. в г. Ижевске. В сборник вошли статьи, посвященные средневековой археологии вятского, прикамского и уральского населения, многие из этих статей подготовлены коллегами и учениками А.П. Смирнова.

Публикации одного из уникальных памятников финно-угорского средневековья посвящен сборник статей "Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв." (Ижевск, 1995). Многостороннее рассмотрение материалов этого памятника и его окрестностей: планиграфии и стратиграфии (Иванова М.Г., 1995; Иванов А.Г., 1995; Алексеев В.А. и др., 1995), керамического производства (Кокорина Н.А., 1995; Иванова Т.В., 1995), ремесленных и хозяйственных традиций (Арматынская О.В., 1995 а, б; Богаткина О.Г., 1995 а, б) свидетельствует о том, что Иднакар, расположенный в центре чепецких земель, является по своему историческому значению одним из крупнейших городищ в Прикамье, выполняющего роль аграрно-ремесленного, военно-оборонительного и общественно-административного центра средневековой эпохи. Особого внимания заслуживают наблюдения М.Г. Ивановой о том, что это городище соответствует двухчастной структуре древнерусских городов, состоящих из укрепленного детинца и прилегающего к нему торгово-ремесленного посада. Аналогичной структуры среди средневековых древностей финно-угорского населения пока неизвестно.

Используя богатые археологические и этнографические материалы по истории и культуре древнего населения Прикамья, коллектив специалистов Уд НИИ ИЯЛ УрО РАН подготовил научно-популярные очерки "Древние мастера Прикамья", (Ижевск, 1994), повествующие о производственных традициях прикамского населения в различные эпохи, среди которых основное место отводится средневековому периоду. Книга рассчитана на школьников и любителей старины, поэтому написана сочным языком, доступным для восприятия любого читателя, снабжена удивительными по сюжету и исполнению иллюстрациями (художник О.В. Арматынская).

Интересным явлением в области популяризации археологических знаний явилась книга М.Г. Ивановой "Городище Иднакар" (Ижевск, 1988), изданная на удмуртском языке.

Отделом археологии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН продолжается производство серийного издания "Материалы по археологии Европейского Северо-Востока". За предлагаемый читателю период вышло четыре выпуска из этой серии. В сборниках содержится материал по археологии различных эпох, начиная с палеолита и завершая периодом заселения края русскими. Во всех изданиях средневековый период занимает значительное место. Статьи имеют различную направленность: здесь возможно найти публикации, вводящие в научный

оборот новейшие полевые материалы; исследования, направленные на обобщение и систематизацию материала, а также на решение проблем этнической истории. Особо пристальное внимание уделяется изучению вопросов взаимодействия культур и народов.

12-й выпуск этого издания (1993) имеет название "Взаимодействие культур северного Приуралья в древности и средневековье". Средневековый период представлен шестью статьями. Работа А.М. Мурыгина и С.М. Плюснина (1993) содержит публикацию материалов поселения Ядмас I в бассейне средней Мезени. Тщательно проработанная типология керамики позволила авторам датировать поселение V–VII вв. и выделить несколько хронологических этапов в существовании памятника. В статье Л.П. Хлобыстина, В.В. Питулько, А.К. Станюковича (1993) опубликованы материалы поселения Вайгач, имеющие важное значение для решения слабоизученных вопросов древней истории Европейского Северо-Востока. Приведенные данные подтверждают факт прихода в конце I тыс. н.э. на эту территорию самодийских племен, оставивших определенный след в культуре местного населения.

Несколько статей посвящено проблеме контактов перми вычегодской с Древней Русью. Всесторонний анализ широкого круга источников по древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока проведен в работе Э.А. Савельевой (1993). Материалы Жигановского поселения XII – начала XIV вв., оставленного вычегодскими пермянами (Савельева Э.А. и др., 1993) и древнерусского Пожегского городища XI–XIV вв. (Савельева Э.А., Павлова Н.А., 1993) раскрывают вероятные направления торговых связей средневекового населения Европейского Северо-Востока.

Сборник завершается исследованием Л.А. Голубевой (1993), в котором автор анализирует сюжетные композиции на рукоятках кресал конца IX – середины XI вв. с огромной территории от Приобья до Скандинавии и объясняет семантику зооморфных и антропоморфных сюжетов.

В выпуске 14-м "Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье" (Сыктывкар, 1995) помещены доклады, прочитанные на Международной научной конференции, посвященной памяти видного археолога В.Ф. Генинга.

В очередном 15-м выпуске материалов по археологии Европейского Северо-Востока "Северное Приуралье в эпоху камня и металла" (Сыктывкар, 1998) почти половину книги занимает информация по эпохе средневековья.

К.С. Королев вводит в научный оборот результаты раскопок 1990–1991 гг. поселения Угдым IV развитой поры ванвиздинской культуры VII–IX вв. (Королев К.С., 1998). А.М. Мурыгин публикует материалы поселения Ошчой I на Мезени (Мурыгин А.М., 1998). Из-за смешанности керамического комплекса автор воздерживается от преждевременной однозначной этнокультурной интерпретации памятника, но дает достаточно определенную датировку X–XI вв. Затруднена этнокультурная атрибуция жертвенного памятника Лек-Ижман, исследованного археологической экспедицией Сыктывкарского ГУ на р. Ижма. Этот культовый памятник XIII–XIV вв. типа охотничьего святилища является уникальным явлением в финно-угорских древностях.

Э.А. Савельева знакомит научный мир с ранее открытыми Вычегодским археологическим отрядом КФ АН СССР, но неопубликованными Вильгортским и Чернутьевским могильниками и Чернутьевским поселением в долинах рек Вашки и Мезени (Савельева Э.А., 1998), а А.В. Бирюков вводит в научный оборот открытый еще в 1951 г. Кельчиюрский клад железных предметов XV в. (Бирюков А.В., 1998). В статьях "Лоемское поселение" (Савельева Э.А., Кленов М.В., 1998) и "Векшорский могильник" (Савельева Э.А., Игушев А.Р., 1998) опубликованы материалы памятников XIII–XIV вв., а в статье Н.Н. Чесноковой, А.Р. Игушева, А.Л. Багина – первые результаты археологических исследований Владычного городка XV–XVII вв. у д. Устьвым (Чеснокова Н.Н. и др., 1998).

Средневековые материалы Печерского Приуралья с середины I тыс. н.э. до начала II тыс. н.э. обобщены в монографии А.М. Мурыгина (1992). Автор всесторонне характеризует население культуры "субарктического типа" и бичевницкой культуры, особенности их взаимных связей и характер контактов с другими племенами Камско-Вычегодского края. В связи с последним обстоятельством значительный интерес представляют носители керамики тип Шойнаты, показывающей культурное своеобразие населения вычегодской тайги на переходном этапе от гляденовской к ванвиздинской культуре. Автор подчеркивает главную особенность этнокультурных контактов на Вычегде и Печоре в эпоху средневековья во взаимодействии этносов с различным хозяйственным укладом и уровнем производительных сил. Процесс взаимодействия носителей местных и пришлых этнокультурных традиций на Вычегде завершился интеграцией в общий хозяйственно-культурный комплекс, археологически фиксируемый в Западном Притиманье по памятникам ванвиздинской культуры

второй половины I тыс. н.э. Во второй половине I тыс. н.э. материальная культура Печорского Приуралья имела смешанный облик. Исследователь считает, что носители разных по происхождению культурных традиций формировались здесь в едином "археологическом пространстве". А.М. Мурыгин делает попытку связать археологические культуры с носителями этнонимов "юрга", "печора", "сииртя". Для решения вопросов привлечены различные категории археологических источников: поселения, жертвенные места, отдельные находки. Для подтверждения своих выводов автор удачно использует письменные и фольклорные свидетельства.

Важным событием в изучении коми-зырян явилось фундаментальное издание "Археологии Республики Коми" (М., 1997), подготовленное коллективом археологов Коми научного центра УрО РАН. Монография очень сложная во времени (от палеолита – до XV в. н.э.), по содержанию и объему – 756 страниц. Средневековый период рассмотрен в 6-й части, состоящей из четырех глав.

Учитывая многолетний опыт археологических работ на территории Республики Коми, авторский коллектив учел практически все полученные предшественниками материалы, указав имена всех исследователей независимо от их вклада в разработку той или иной проблемы. Освещение средневекового периода начинается с ванвиздинской культуры VI–X вв. н.э., занимающей юго-западные районы современной территории Республики Коми (бассейн рек Вычегды, Мезени, Вашки и озера Тимонского кряжа). Глава подготовлена К.С. Королевым, А.М. Мурыгиным, Э.А. Савельевой. Накопленные за многие годы (особенно в последние три десятилетия) материалы дали возможность авторскому коллективу выделить этапы развития культуры. В этническом аспекте в исследовании обосновывается гипотеза Э.А. Савельевой о том, что в эпоху раннего средневековья в Прикамье и бассейне Вычегды на основе гляденовской культуры при участии пришлых западносибирских групп населения формируются две общности – ломоватовско-неволинская и ванвиздинская, отражающие процесс разделения прокоми общности на прокоми-пермяцкую и прокоми-зырянскую. Далее в работе дается анализ погребального обряда, материальных комплексов могильников и поселений: керамики, украшений и культовых предметов, бытового инвентаря, а также краткий очерк хозяйственной деятельности с присваивающим (охота, рыболовство) и производящим (металлургия, скотоводство) хозяйством.

Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы обобщены А.М. Мурыгиным. Анализ новых материалов и источников позволил А.М. Мурыгину обосновать концепцию становления и развития раннесредневековых культур региона, в которой аргументированно поставлен вопрос о существовании здесь во второй половине I тыс. н.э. общности, подразделяющейся на две основных варианта – лесной и тундровый, соответствующих археологическим памятникам типа Бичевник и культуре "субарктического" типа. Приведенные в разделе богатые материалы разнохарактерных и разновременных памятников иллюстрируют сложную этнокультурную ситуацию в регионе.

Следующий этап в историческом развитии народов Европейского Северо-Востока представлен разделом – Пермь вычегодская (XI–XIV вв. н.э.), которая известна в русских летописях под названием "пермь". Авторы этой главы – Э.А. Савельева, Т.В. Истомина, К.С. Королев. Знакомство с историей Перми вычегодской начинается с анализа письменных источников, содержащих разнообразные, иногда противоречивые, сведения об этом крае или отдельных событиях. Археологические источники уточняют сведения древних авторов. Материальная и духовная культура перми вычегодской нашла свое отражение в вымской культуре, охватывающей бассейн среднего течения Вычегды и прибрежных участков притоков Выми и Сысолы, состоящей из четырех локальных вариантов. Наиболее изученным в археологическом отношении является бассейн р. Выми, являющийся важным центром формирования коми-зырян. Здесь находилось наиболее крупное территориально-племенное объединение перми вычегодской, генетически восходящей к ванвиздинской культуре. Эта преемственность прослеживается не только в общности территории, но в большей степени в погребальной обрядности, посуде, и отдельных типах украшений. Особенности погребального обряда, богатые наборы хозяйственного инвентаря, культовых предметов и вооружения, всевозможные ювелирные украшения местного производства и предметы импорта позволили авторам раздела реконструировать хозяйственный уклад, сочетающий присваивающие и производящие отрасли хозяйства, общественные и семейные отношения, материальную и духовную культуру, характер связей с ближними и дальними соседями: Древней Русью, Волжской Булгарией, прибалтийско-финскими народами.

Следующая глава посвящена древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв.). Включение региона в социально-политическую структуру Древнерусского, а

позднее Русского централизованного государства, явилось важным событием в социально-экономической и политической истории древних предков коми-зырян. Систематическое изучение археологических памятников перми-вычегодской позволило установить наиболее ранние свидетельства торговых связей с Северо-Западной Русью через Новгород. Многочисленные находки древнерусского импорта (керамики, ключей и замков, весов, некоторых типов украшений: двухглавые коньковые подвески, пластинчатые одноглавые подвески-птицы, ложнопрорезные треугольные подвески, детали христианского культа) свидетельствуют не только о тесных торговых связях, но и о проникновении и оседании русских на Выми и Вычегде уже в XII в. Наличие древнерусских памятников в долинах Выми, Вычегды и Лузы указывают на достаточно активную колонизационную политику Новгорода и других земель Северо-Западной Руси. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока ускорила распад первобытнообщинного строя и способствовала сложению новых феодальных отношений. К концу XIV в. в результате миссионерской деятельности Стефана Пермского, местное население было обращено в христианство и началась новая эпоха в истории народа коми.

Завершая обзор этого фундаментального труда, хочется выразить уверенность в том, что эта книга поможет массовому читателю в определении роли культурного наследия в жизни общества. Очевидно, что книге обеспечена долгая жизнь, как своду источников и библиографии по широкому спектру проблем древней истории края.

Истории Пермской земли посвящено еще одно издание "Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века" (учебное пособие). Пермь, 1996.

Книга трех пермских авторов: историка Н.Н. Агафоновой, археолога А.М. Белавина и этнографа Н.Б. Крыласовой, выполнена в качестве учебника для средней школы и знакомит читателя с основными этапами истории Пермской земли, начиная с первоначального заселения края до возникновения одного из последних русских удельных княжеств Перми Великой и сибирского похода Ермака. Главы 5–8, посвященные средневековому периоду IV–XIV вв., содержат яркие страницы из истории края и являются наиболее удачной частью работы. Использование новейших достижений археологической науки, среди которых исследования А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой занимают достойное место, позволило составить многокрасочную характеристику культуры родановского населения с развитым бронзолитейным мастерством. Авторам удалось раскрыть богатый духовный мир населения Прикамья, оживив перед читателем пантеон языческих богов прапермян и вдохнув душу в яркие образы пермского звериного стиля. В исследовании в ином свете раскрыта тема взаимоотношений волжских булгар и пермских народов, основанных на долгих и прочных связях. Высокой оценки заслуживают главы, повествующие о населении Пермского края в XVII–XIX вв. Книга прекрасно иллюстрирована, является учебным пособием, способным у школьника вызвать интерес и уважение к истории своей земли.

В 1996 г. вышли тезисы полевого симпозиума, посвященного 100-летию исследования Гляденовского костища. В сборник под названием "Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии" (Пермь, 1996) включены публикации наиболее загадочных культовых памятников с эпохи камня до начала XX в. Средневековая эпоха представлена святилищами и жертвенными местами населения поломской культуры (Иванов А.Г. – Ижевск), Печорского Приуралья (Мурыгин А.М. – Сыктывкар), Сылвенского Поречья (Пастушенко И.Ю. – Ижевск), древнерусскими культовыми постройками вятской земли (Макаров Л.Д. – Ижевск) и т.д.

Марийский НИИ, Йошкар-Ола — *Т.Б. Никитина*,
Марийский Государственный университет, Йошкар-Ола — *Ю.А. Зеленеев*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.А., Журбин И.В., Зверев В.П. и др., 1995. Некоторые итоги использования электроразведочного комплекса в исследованиях городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Арматынская О.В., 1991. Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху раннего железного века (конец IV в. до н.э. – V в. н.э.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Арматынская О.В., 1994. Древние знаки собственности северных удмуртов // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Арматынская О.В., 1995а. Древние знаки собственности северных удмуртов // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Арматынская О.В., 1995б. Орнамент резной кости чепецких городищ // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Археология Республики Коми, 1997. М.

Баталова Р.М., 1975. Коми-пермяцкая диалектология. М.

Бирюков А.В., 1998. Кельчиюрский клад железных предметов // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. МАЕСВ. Вып. 15.

Богаткина О.Г., 1995а. Археологические исследования материалов городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Богаткина О.Г., 1995б. Краниометрические особенности средневековых бобров Прикамья (по материалам городища Иднакар) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Волков С.Р., 1995. Опыт типологии железных наконечников стрел (на материалах раннесредневековых могильников Верхнего и среднего Прикамья) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.

Генинг В.Ф., 1962. Древнеудмуртский могильник Мыдлань Шай // ВАУ. Вып. 3.

Голдина Р.Д., 1977. К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников // Древности Волго-Камья. Казань.

Голдина Р.Д., 1995. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Голдина Р.Д., 1996. Силуэты растаявших веков. Ижевск.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голубева Л.А., 1993. Семантика изображений на огнивах с бронзовыми рукоятями // Взаимодействие культур северного Приуралья в древности и средневековье. МАЕСВ. Вып. 12.

Давыдова Г.М., 1989. Древнеуральский компонент в составе современных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Долинова Н.А., 1989. Дерматоглифика удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Дубов А.И., 1989. Антропологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Иванов А.Г., 1991. Качкашурский могильник IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Иванов А.Г., 1995. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Иванова М.Г., 1989. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Иванова М.Г., 1991а. Погребальный обряд северных удмуртов IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Иванова М.Г., 1991б. Удмуртский могильник XVI–XVIII вв. у д. Нязь-Ворцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск.

Иванова М.Г., 1994. Истоки удмуртского народа. Ижевск.

Иванова М.Г., 1995. Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Иванова Т.В., 1995. Редкие виды лепной посуды городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Казаков Е.П., 1989. О поломской керамике Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Ковалевская В.Б., 1969. К вопросу о "поломской культуре" // Древности Восточной Европы. М.

Кокорина Н.А., 1995. Булгарская керамика Иднакара (по материалам раскопок 1974–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Королев К.С., 1998. Поселение Угдым IV на средней Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. МАЕСВ. Вып. 15.

Лаптева Т.А., 1995. Эполетообразные застежки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Мурыгин А.М., 1992. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.

Мурыгин А.М., 1998. Комплекс позднего железного века поселения Ошчой I на Мезени // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. МАЕСВ. Вып. 15.

Мурыгин А.М., Плюснин С.М., 1993. Поселение Ядмас I в бассейне Средней Мезени // Взаимодействие культур северного Приуралья в древности и средневековье. МАЕСВ. Вып. 12.

Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9.

Останина Т.И., 1991. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Рыкушина Г.В., 1991. Заключение о скелетных остатках из Нязь-Ворцинского могильника // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Савельева Э.А., 1993. Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур северного Приуралья в древности и средневековье. МАЕСВ. Вып. 12.

Савельева Э.А., 1998. Удорские памятники эпохи средневековья // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. МАЕСВ. Вып. 15.

Савельева Э.А., Игушев А.Р., 1998. Векшорский могильник // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. МАЕСВ. Вып. 15.

Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С., 1993. Жигановское поселение // Взаимодействие культур северного Приуралья в древности и средневековье. МАЕСВ. Вып. 12.

Савельева Э.А., Кленов М.В., 1998. Лоемское поселение // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. МАЕСВ. Вып. 15.

Савельева Э.А., Павлова Н.А., 1993. Бусы Пожегского городища // Взаимодействие культур северного Приуралья в древности и средневековье. МАЕСВ. Вып. 12.

Семенов В.А., 1989. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Семенов В.А., 1991. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Халиков А.Х., 1989. Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Хлобыстин Л.П., Питулько В.В., Станюкович А.К., 1993. Древнее поселение приморских охотников Карпова Губа на острове Вайгач // Взаимодействие культур северного Приуралья в древности и средневековье. МАЕСВ. Вып. 12.

Чеснокова Н.Н., Игушев А.Р., Багин А.Л., 1998. Устьвым. "Владычный городок" XV–XVII вв. // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. МАЕСВ. Вып. 15.

Шнейдер Ю.В., Тихомирова Е.В., Жукова О.В. и др., 1989. Антропогенетическое исследование удмуртского народа. Генетическая структура удмуртов по данным биохимических, иммунологических и физиологических маркеров генов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Шутова Н.И., 1989. Формирование этнографических групп удмуртов (к постановке проблем) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Шутова Н.И., 1991а. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Шутова Н.И., 1991б. Некоторые итоги изучения погребальных традиций населения Прикамья конца IV в. до н.э. – XIX в. н.э. (вместо заключения) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.

Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в. Ижевск.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В 1998 г. Валентиной Ивановной Козенковой была завершена серия монографий, представляющих читателю западный вариант кобанской культуры (Козенкова В.И., 1989; 1995; 1998). Эта серия явилась продолжением принадлежащих ее же перу выпусков Свода археологических источников, посвященных восточному варианту кобанской культуры. Таким образом, завершена огромная работа по систематизации и анализу поистине необъятного материала, накопленного наукой в течение более чем столетия. Настоящий труд явился новым этапом в археологии Северного Кавказа. По своему значению он сопоставим с та-

© А.П. Мошинский, А.Ю. Скаков, 2000 г.

кими основополагающими работами как "Могильники Северного Кавказа" П.С. Уваровой и "Древняя история Северного Кавказа" Е.И. Крупнова.

Деление кобанской культуры на три варианта: западный, центральный и восточный – было предложено Е.И. Крупновым. В качестве критериев им были приняты погребальный обряд и керамический комплекс. В.И. Козенкова, принимая в целом схему Е.И. Крупнова, несколько ее уточняет. Уточнения касаются, в первую очередь, конкретных границ вариантов культуры.

Границы западного варианта кобанской культуры были обоснованы В.И. Козенковой в специальной работе (1981), к которой она и отсылает читателя. Критериями отнесения памятников к тому или иному варианту являются, в первую очередь, особенности орнаментации и формы керамики и набор украшений, а также типы погребальных сооружений. На наш взгляд, такой набор признаков достаточен для поставленной автором цели. Можно согласиться с В.И. Козенковой в том, что погребальный обряд как таковой не дает достаточной информации для выделения на его основе локальных групп и вариантов (Козенкова В.И., 1974, с. 286, 287). Отличительным и решающим критерием для В.И. Козенковой является специфический характер керамического комплекса. С этим положением нельзя не согласиться.

Мы полностью согласны с В.И. Козенковой и в том, что границы локальных вариантов в горной и предгорной зонах проходят по водоразделам рек. Тем не менее, для равнины это правило, как показывает археологическая практика в других регионах, не является абсолютным. Это не означает, что мы разделяем принципы зонального выделения вариантов кобанской культуры, предложенные В.Б. Виноградовым (1972, с. 187–263) и И.М. Чеченовым (1974). Культурные различия между горными и плоскостными районами совершенно не обязательны и имеют место далеко не всегда. Так, раннекобанские памятники, расположенные на Осетинской равнине между Лесистым и Кабардино-Сунженским хребтами, безусловно, относятся к тому же варианту, что и горные. С другой стороны, горные памятники Верхнего Прикубанья справедливо объединены В.И. Козенковой с памятниками предгорий, Ставропольской возвышенности, Пятигорья и прилегающих плоскостных районов.

Сомнения вызывает принадлежность к центральному варианту ряда позднекобанских памятников Кабардино-Балкарии, а именно Нартанского, Нижне-Чегемского, Терекских и Ново-Ивановского могильников (Козенкова В.И., 1996, рис. 1). Как уже отмечалось, основным диагностирующим признаком мы, вслед за В.И. Козенковой, считаем керамику. При этом наличие керамики с семечковидным орнаментом является чертой, характерной для западного варианта, но не обязательной для некоторых его локальных групп. Большее внимание, как нам представляется, надо уделять морфологическим особенностям керамики.

Практически все сосуды, присутствующие в Нартанском могильнике, находят аналогии именно в западном варианте кобанской культуры. Многочисленные кружки с максимальным расширением в нижней части сосуда (Батчаев В.М., 1985, табл. 19, *4*; 21, *2*, *4*; 23, *5*; 27, *12–14*; 29, *3*; 31, *6*; 35, *9*; 39, *36*, *37*, *39*; 41, *34*; 48, *47*, *48*) не имеют ни одной аналогии в горной зоне центрального варианта. Для западного варианта такая форма является типичной (Козенкова В.И., 1998, табл. XXXIV, *6–8*, *10*). Корчаги имеют орнаментально и в различной степени морфологически выделенную центральную часть (Батчаев В.М., 1985, табл. 11, *1*; 29, *1*; 31, *2*; 48, *44*), что также можно считать западным признаком (Козенкова В.И., 1998, табл. XXXII, *9*; XXXVIII, *4*; Иессен А.А., 1940, рис. 9). Миски с практически вертикальным бортиком и зональным размещением геометрического орнамента в верхней части сосуда (Батчаев В.М., 1985, табл. 23, *3*; 31, *3*, *4*; 35, *5*, *10*; 39, *38*, *40*, *41*; 41, *35*, *36*; 45, *32*; 46, *4*; 48, *45*, *46*) также имеют аналогии только на западе (Козенкова В.И., 1998, табл. XXXV, *10–13*, *16*, *18*; табл. XXXVI).

Интересно, что по наблюдениям Т.Б. Барцевой химический состав металла из Нартанских курганов ближе к пятигорскому материалу, чем к северо-осетинскому (Барцева Т.Б., 1985, с. 126, 127).

Тем не менее нельзя забывать, что Нартанский могильник – памятник крайне сложный. Ему присущи как кавказские, так и степные черты; как кобанские, так и закавказские элементы в инвентаре. Некоторые его черты, такие как наличие круговых лощеных сосудов с нарезным орнаментом, пока не находят параллелей.

Для Нижне-Чегемского, Терекских и Ново-Ивановского могильников также характерно присутствие типичных западных форм керамики (Виноградов В.Б., 1972, рис. 26, *2*; рис. 27, *3*, *4*; Батчаев В.М., 1985, табл. 7, *12*).

Отдельно следует остановиться на памятниках Моздокского района. Е.И. Крупнов отно-

сил Моздокский могильник к восточному варианту кобанской культуры (Крупнов Е.И., 1960, с. 242). М.П. Абрамова отнесла Комаровский и Моздокский могильники к центральному варианту (Абрамова М.П., 1974, с. 211). Обратимся к выделенным ею типам керамики. Надо сразу отметить, что достаточно общая ссылка М.П. Абрамовой на керамику Змейского поселения как "почти тождественную моздокской" недостаточно обоснована. Первый тип корчаг (Абрамова М.П., 1974, с. 195, 199, рис. 1, *1*; 3, *14*; Иессен А.А., 1940, табл. III, VII) имеет многочисленные аналогии как на западе – в Клин-Ярском (Флеров В.С., Дубовская О.Р., 1993, рис. 4, *6*, 5, *4*), в Минералводском (Виноградов В.Б., 1972, рис. 15, *30*), Султан-горском 1 (Дударев С.Л., Рунич А.П., 1992, рис. 4, *9*; 5, *6*) и других могильниках, так и в центре (Деопик Д.В., Крупнов Е.И., 1961, рис. 3, *2*, *3*). Второй тип корчаг (Абрамова М.П., 1974, с. 199, рис. 2, *10*, *11*; 3, *3*; 4), как это было отмечено еще А.А. Иессеном, имеет аналогии в западном варианте (Иессен А.А., 1940, с. 33–35; Козенкова В.И., 1998, табл. XXXVIII, *4*). В центральном варианте таких форм нет. Одноручные кувшины с высокими покатыми плечиками (Абрамова М.П., 1974, с. 199, 200, рис. 1, *3*, *13*, *20*; 2, *7*) отсутствуют в центре и есть на западе (Козенкова В.И., 1998, с. 96, табл. XXXIV, *7*, *9*). Миски с вогнутыми стенками (Абрамова М.П., 1974, с. 200, рис. 1, *4*; 3, *8*, *18*), присущи практически исключительно западному варианту (Козенкова В.И., 1998, с. 97, табл. XXXV, *10*, *11*, *13*), что отмечалось и М.П. Абрамовой. Миски с загнутыми внутрь краями (Абрамова М.П., 1974, с. 200, рис. 1, *16*, *18*; 3, *4*; Иессен А.А., 1940, табл. II, *2*, *3*; VI, *3*) распространены достаточно широко, но система орнаментации моздокских экземпляров (богато орнаментированный верх сосуда) характерна для запада (Козенкова В.И., 1998, табл. XXXV, *15*, *16*, *18*). К этому можно добавить две формы кружек, характерных для Моздокского могильника. Это, во-первых, кружки с резко вытянутым горлом и расширением в нижней части (Иессен А.А., 1940, табл. X, XI). Они находят аналогии в памятниках восточного варианта: кувшин без ручки из Нестеровского могильника (Крупнов Е.И., 1960, табл. LVIII, *2*), кружка из Гвардейского поселения (Виноградов В.Б., 1972, рис. 24, *1*). Надо отметить, что на востоке эта форма (с расширением в нижней части сосуда) выглядит исключением. Во-вторых, это кружки с подчеркнуто выделенным максимальным расширением в нижней части сосуда (Абрамова М.П., 1974, рис. 3, *5*; Иессен А.А., 1940, табл. II, *1*; VI, *1*; X; XI). Они имеют многочисленные аналогии на западе (Козенкова В.И., 1998, табл. XXXIV, *8*, *10*). Таким образом, анализ керамики приводит нас к мысли о принадлежности ее к западному варианту кобанской культуры. Отсутствие керамики с ямочным орнаментом, характерной для запада, может быть как локальной чертой моздокских памятников скифского времени, так и особенностью погребального обряда.

Интересно, что, по наблюдениям В.И. Козенковой, для западного варианта кобанской культуры характерен стандартный набор посуды в могиле (Козенкова В.И., 1998, с. 107). Тот же набор мы видим и в моздокских погребениях (Абрамова М.П., 1974, с. 195).

Принадлежность моздокских памятников к западному варианту подтверждается, на наш взгляд, погребением VIII в. до н.э. в кургане у с. Садовое, справедливо атрибутированном В.И. Козенковой как западно-кобанское (Козенкова В.И. и др., 1997, с. 17).

Было отмечено сходство моздокской керамики с материалами из Заманкула (Абрамова М.П., 1974, с. 211; Козенкова В.И., 1996, рис. 9). Возможно, это связано с распространением элементов культуры западного варианта в скифское время на Осетинскую равнину. Не исключено, что в позднекобанское время здесь образовалась контактная зона.

Вопрос о контактных зонах представляет отдельный интерес. В.И. Козенкова нанесла на карту (Козенкова В.И., 1989, рис. 3) неширокую контактную зону, расположенную к востоку от р. Баксан. Обращает на себя внимание тот факт, что эта зона практически полностью попадает на хребет Качкорташ, где никаких памятников не обнаружено. Эта накладка связана с тем, что на карте, предложенной автором, рельеф практически отсутствует. Это в свою очередь вызвано объективными причинами. Методика отображения на археологических картах горного рельефа не разработана. Нам пришлось столкнуться с этой же проблемой при составлении археологической карты Дигорского ущелья. Нанесение на карту горизонталей перегружает ее, а изображения только основных горных хребтов оказывается недостаточно и карта получается слепая. В настоящее время этот вопрос находится в стадии разработки.

В то же время сама В.И. Козенкова относит памятники Баксана (во всяком случае Заюково) к контактной зоне западного и центрального вариантов (Козенкова В.И., 1981, с. 34; 1988, с. 100, 103).

Действительно, если детально рассмотреть памятники Баксана горной и предгорной зон, то отчетливо видно, что они тяготеют не только к западному, но и к центральному варианту кобанской культуры. В значительной степени это объясняется географическими факторами. Из Баксанского ущелья ведет хороший проход вдоль реки Кестанты через перевал Голугарде в Чегемское ущелье, принадлежность памятников которого к центральному варианту ни у кого, в том числе у В.И. Козенковой, не вызывает сомнения.

Помимо отмеченных В.И. Козенковой черт, определяющих характер данного региона как контактной зоны, хотелось бы отметить еще некоторые. Так, Верхнебаксанский клад не содержит в себе никаких предметов характерных исключительно для западного варианта кобанской культуры (Козенкова В.И., 1989, табл. XXI). Сосуд, в котором был найден клад, имеет ближайшие аналогии в центральном варианте кобанской культуры, в частности, в Дигорском ущелье – Фаскау (ГИМ Б 489 доп/1513), Рутха (ГИМ Б 1286/226), Донифарс (Кумбулта?) (ГИМ Б 1307/137). Объединение этого сосуда в одну "разновидность" с морфологически отличным экземпляром из Тамгацикского могильника представляется неправомерным (Козенкова В.И., 1998, с. 103, табл. XXXVIII, *6*).

Ряд предметов из других Баксанских памятников находит аналогии в центральном варианте кобанской культуры и в Закавказье. К ним можно отнести бронзовый кинжал с ажурным полукруглым навершием из Верхнего Баксана (Козенкова В.И., 1995, табл. IX, *11*); бронзовый орнаментированный топор из Гижгида (Козенкова В.И., 1995, с. 70, 71); два экземпляра пластинчатых поясных пряжек из Гижгида и Бедыка (Козенкова В.И., 1998, с. 59, табл. XIX, *9*, *10*); полуовальную пряжку со спиральным орнаментом из Заюкова (Козенкова В.И., 1998, с. 59, табл. XIX, *7*); фибулы с пиявковидной дугой с кольцевыми выступами по краям из Гижгида, Бедыка, Лашкутов, Заюкова (Козенкова В.И., 1998, с. 75, табл. XXV, *2–6*); стакановидные сосуды с вертикальными и наклонными стенками (Козенкова В.И., 1998, с. 100, 103, табл. XXVII, *20*; XXVIII, *8*); булавки с грибовидным, гвоздевидным и катушковидным навершием (Козенкова В.И., 1998, с. 68, 69, табл. XX, *22–25*; XXIII, *6–8*).

Преимущественно для центрального варианта и Закавказья характерны такие предметы как пластинчатые браслеты с пятью – семью параллельными каннелюрами из Гижгида и Гунделена (Козенкова В.И., 1998, с. 52, табл. XVI, *6*); привески в виде фантастических птиц (Козенкова В.И., 1998, с. 43); очковидные подвески-крючки из Заюкова и Баксанского ущелья – В.И. Козенкова считает их поясными пряжками (Козенкова В.И., 1998, с. 60, табл. XIX, *12*, *13*), что, вероятно, неверно. Очковидные подвески известны с древнейших времен и доживают в кобанской культуре до IV в. до н.э. Очковидные подвески с крючками представляются нам модификацией известной формы, крючок мог служить, например, для большего удобства подвешивания изделия.

На территории центрального варианта присутствуют отдаленные аналогии (Уварова П.С., 1900, табл. XCII, *15*; Техов Б.В., 1957, табл. XII, *1*, *2*) уникальной для западного варианта привески из Баксанского ущелья в виде конусовидного сосудика с петлей (Козенкова В.И., 1998, с. 48, табл. XIII, *23*).

С другой стороны, В.И. Козенковой был выделен целый ряд материалов, характерных по преимуществу для бассейна рек Баксана и Малки: круглодонные кубки (Козенкова В.И., 1998, с. 99, 100); булавки с навершием в виде спирали (Козенкова В.И., 1998, с. 67, 68); булавки с горизонтальным округлым навершием (Козенкова В.И., 1998, с. 68).

Таким образом, можно согласиться с выводом В.И. Козенковой о локальной специфике памятников рек Баксана и Малки в рамках западного варианта кобанской культуры. Бассейн Баксана при этом являлся контактной зоной между двумя вариантами культуры.

В.И. Козенкова учитывает в своем своде 83 поселения, 7 кладов и 135 могильников. Большая часть поселений систематически не исследовалась. Те же, на которых проводились широкомасштабные раскопки, монографически не опубликованы. Заслугой В.И. Козенковой является введение в научный оборот значительного количества материалов поселения Уллубаганалы 2.

Материалы могильников дали возможность В.И. Козенковой провести анализ погребального обряда. Последний рассматривался ею по хронологическим этапам. Отдельно были проанализированы надмогильные сооружения, типы могил и погребальный ритуал. Интересно ее наблюдение о синхронности на одной и той же территории двух обрядов: кремации и ингумации. Вполне можно согласиться и с выводом о консервативности обряда на протяжении всего существования культуры.

Ряд черт погребального обряда центральнокобанского могильника Гастон Уота находит параллели в памятниках западного варианта: погребения с трупосожжением, погребения с дном, выложенным плитами (Мошинский А.П., 1997, с. 41, 42). Таким образом, появление новых материалов позволяет скорректировать заключение В.И. Козенковой об узколокальной специфике для бассейна Подкумка грунтовых ям с каменным дном (Козенкова В.И., 1989, с. 75). Широкое распространение различных черт погребального обряда по всей территории кобанской культуры, как нам представляется, несколько снижает значение этого признака как вариантообразующего. Некоторые ограничения распространения того или иного типа сооружений в зависимости от геоморфологической зоны могли быть связаны с проблемами чисто технологического характера. Совершенно естественно, что в горах и предгорьях камня больше, чем в степи, а насыпать курган на горных склонах не всегда возможно. Правомерно ли на основе статистики погребальных сооружений выделять локальные варианты? (Ковалевская В.Б., 1995, с. 115, 119, 120). Выделение В.И. Козенковой как основного вариантообразующего признака именно керамики, но не погребального обряда представляется абсолютно справедливым.

В.И. Козенкова выделяет три хронологических этапа западного варианта кобанской культуры. При этом к первому этапу (XII–XI вв. до н.э. по В.И. Козенковой) отнесены и памятники протокобанской эпохи: Былымские клад и жилище, Аманколский могильник и др. (Козенкова В.И., 1989, с. 12, 13; 1998, с. 56). В то же время сама В.И. Козенкова датирует протокобанскую эпоху (период Кобан I) для центрального варианта кобанской культуры XIV – первой половиной XII вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1996, с. 90–92). Для западного варианта В.И. Козенкова считает возможным омолаживать период Кобан I. При включении некоторых памятников, например комплекса из окрестностей Терезе (Пиотровский Ю.Ю., 1997, с. 60–63) нижнюю границу периода можно было бы удревнить.

В свое время В.И. Козенковой и одним из авторов данной рецензии был отмечен переходный характер протокобанского периода (Козенкова В.И., Мошинский А.П., 1995, с. 48). В наиболее ранних памятниках этого периода (например, вышеупомянутый комплекс из окрестностей Терезе), кобанские черты отсутствуют как таковые. В более поздних протокобанских комплексах появляются отдельные элементы, получающие развитие в кобанское время (например, навершия булавок из Былымского клада – пятишишечные и в виде бараньей головки). Относительно позднее положение Былымского клада в протокобанской группе подтверждается наличием в его составе булавки с навершием в виде четырех бычьих голов (Козенкова В.И., 1998, с. 65, табл. XXI, *7*). Близкая булавка известна из погребения белозерского времени в Верхнехортицком могильнике на Украине (Березанская С.С. и др., 1986, с. 129, рис. 39, *10*).

Ряд памятников, отнесенных В.И. Козенковой к периоду Кобан I, было бы логично относить к следующему периоду развития культуры. В таких памятниках, как погребение на горе Бык, комплекс из Терезе 1928 г. и погребение 2 из Терезе практически отсутствуют материалы, которые бы не встречались в собственно кобанских памятниках. Ранние серпы, встреченные в некоторых из этих комплексов, как отмечает В.И. Козенкова, датируются в пределах XII–X вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1998, с. 19), что вполне соответствует периоду Кобан II, выделенному В.И. Козенковой для центрального варианта.

Таким образом, хронологические границы периода Кобан I западного варианта полностью соответствуют хронологии центрального варианта (XIV–XII вв. до н.э.).

К памятникам первого этапа В.И. Козенкова относит среди прочих многочисленных материалов так называемый Кяфарский клад. Она увязывает его с материалами протокобанской группы (Козенкова В.И., 1998, с. 67). Единственным подтверждением такой даты является наличие в составе клада фрагмента булавки с утраченным навершием типа "павлинье перо". Следы этого навершия были замечены нами при осмотре булавки в фондах Государственного Эрмитажа (ГЭ, ОАВЕС, 1867/4). В.И. Козенкова ошибочно вынесла эту булавку в отдельный вариант (Козенкова В.И., 1998, с. 67).

В то же время в комплекс входит несомненно импортный полый браслет с заполнением, имеющий множество аналогий в памятниках IX–VIII вв. до н.э. на территории Колхиды – Аагсте (Лукин А.Л., 1941, с. 35, 36, 41, 42, табл. VI), Ачкаце (Воронов Ю.Н., 1969, с. 22), Эшери (Куфтин Б.А., 1949, с. 167, табл. XVII, *3*), Гудауте (ГИМ Б 1116/46–48) и др. Это лишний раз подтверждает неоднократно высказанное В.И. Козенковой мнение о наличии в материалах западного варианта кобанской культуры многочисленных колхидских импортов (Козенкова В.И., 1995, с. 71, 72, 78).

Пронизи-привески, входящие в состав клада, как отмечает сама В.И. Козенкова, во всех

известных комплексах относятся к III этапу кобанской культуры (по периодизации В.И. Козенковой), т.е. ко второй половине VII–IV вв. (Козенкова В.И., 1998, с. 41).

Обстоятельства находки позволяют сомневаться в принадлежности вещей из Кяфара к одному комплексу. А.А. Иессен, публикуя эти материалы, отметил схожесть окислов на вещах и осторожно предположил, что вся группа предметов была найдена вместе. Кладом он их, тем не менее, не назвал (Иессен А.А., 1951, с. 94, рис. 22).

Безусловной удачей работы В.И. Козенковой является анализ ряда категорий инвентаря: топоров, кинжалов, конского снаряжения, пряжек, фибул и т.д. Вполне убедительно выделены материалы, характерные именно для западного варианта культуры.

К характерным для западного варианта чертам относится большое количество лишенных орнамента бронзовых топоров с прямым корпусом, асимметричным лезвием и молоточковидным обухом. Как уже отмечалось В.И. Козенковой, именно эти топоры составляют специфику западного варианта кобанской культуры. Безусловно, права В.И. Козенкова и тогда, когда отказывается от характерного для большинства исследователей утверждения о рабочей функции топоров этого типа в отличие от боевых богато орнаментированных и изящных топоров других типов (Козенкова В.И., 1995, с. 71). Отказ мастеров западного варианта от орнаментации топоров отнюдь не означал изменения функций этих предметов. Как орнаментированные, так и неорнаментированные топоры различных типов, известные преимущественно по находкам в погребениях и кладах, сочетали в себе функции сакрального предмета, символа власти и оружия. Графический декор, которым украшали топоры мастера других регионов Кавказа, не придавал изделиям культовую функцию, а лишь подчеркивал ее (Скаков А.Ю., 1998а, с. 44–47).

В то же время, нельзя согласиться с тем, что топоры этого типа присущи лишь для данного ареала (Козенкова В.И., 1995, с. 71). В других регионах кобанской и колхидской культур в достаточно большом количестве известны как орнаментированные, так и лишенные орнамента топоры этого типа. Считать все эти топоры импортом из западнокавказского региона нет никаких оснований.

Топоры с прямым корпусом, почти симметричным лезвием и клиновидным обухом также не могут считаться характерными исключительно для колхидской культуры. Эти топоры, в достаточно большом количестве появляющиеся на Центральном Кавказе в предскифском и раннескифском периодах (VIII–VII вв. до н.э.), свидетельствуют о влиянии колхидской культуры, но в большинстве случаев являются продукцией местных мастеров. Сама по себе форма топора не может говорить о его местном или инородном происхождении, хотя, безусловно, в разные периоды существования кобанской и колхидской культур в различных регионах доминировали определенные типы топоров. Так, на территории западного варианта отсутствуют топоры с изогнутым корпусом и известно всего два топора с клиновидным обухом.

Оба эти топора являются орнаментированными. Один из них, найденный в станице Ессентукской (Козенкова В.И., 1995, табл. XVIII, *6*), совершенно справедливо определен В.И. Козенковой как колхидский импорт, связанный своим происхождением с регионом Бзыбской Абхазии. Дата этого топора, датированного В.И. Козенковой IX–VIII вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1995, с. 71, 72), определяется его принадлежностью ко второму хронологическому периоду в развитии графического стиля (Скаков А.Ю., 1997, с. 76, 77) и вряд ли сильно выходит за рамки IX в. до н.э.

Топор из Гижгида (Иессен А.А., 1941, табл. II, 2 *а*, *б*) с лишенной орнамента лопастью, шнуровым орнаментом по граням, пояском и метопами с солярными знаками, свастикой, сдвоенными стилизованными звериными лапами между пояском и проухом характерен для объединенного северо-осетинского/западно-грузинского варианта кобано-колхидского графического стиля, существовавшего на заключительной стадии его развития (Скаков А.Ю., 1998б, с. 116–118). Этот топор и сопровождающие его две бронзовые фибулы В.И. Козенкова датирует X–IX вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1998, с. 73). На наш взгляд, данный топор, относящийся к четвертому хронологическому периоду в развитии кобано-колхидского графического стиля (надежно датируемому раннескифским временем), должен быть отнесен к VII в. до н.э. Этой дате не противоречат и найденные вместе с топором бронзовые фибулы, одна из которых имеет ромбическое сечение дуги, а другая – пиявковидную дугу с кольцевидными выступами по краям (Козенкова В.И., 1998, табл. XXIV, *16*; XXV, *2*).

Обращает на себя внимание полное отсутствие в памятниках западного варианта различных модификаций характерных кобанских прямоугольных пряжек, в первую очередь, так называемых "высоких", украшенных богатым орнаментом и инкрустацией.

Известные в Гижгидском и Бедыкском могильниках бабочковидные пряжки находят аналоги в центрально-кавказском регионе и в Колхиде и могут быть датированы второй половиной VIII–VI вв. до н.э. Особенно интересна изданная В.И. Козенковой пряжка из Гижгида (Козенкова В.И., 1998, с. 59, табл. XIX, *9*). Как считает В.И. Козенкова, на пряжке изображены "сложные спирали с отростками, напоминающими стилизованные изображения птичьих головок". На самом деле, здесь мы видим достаточно известный в кобано-колхидском искусстве мотив – изображения сдвоенных стилизованных звериных лап (Скаков А.Ю., 1997, с. 83). Этот мотив, известный на нескольких бабочковидных пряжках: из Эргеты (Микеладзе Т.К. и др., 1984, табл. LIII) и погребения 275 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1985, рис. 177, *10*), представлен в декоре как лопасти, так и пояска или боковых граней целой серии орнаментированных топоров, относящихся в единичных случаях к третьему, а преимущественно – к заключительному четвертому этапу существования кобано-колхидского графического стиля. Таким образом, они могут быть датированы второй половиной VIII – первой половиной VII вв. до н.э.

Комплекс, в котором была найдена рассматриваемая пряжка, может быть вполне уверенно датирован второй половиной VIII в. до н.э. В.И. Козенкова, вслед за А.А. Иессеном, датировала его в пределах II этапа развития культуры (X – середина VII вв. до н.э.) (Козенкова В.И., 1998, с. 62) или VIII–VII вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1989, с. 22; 1998, с. 42). Основанием для более узкой датировки является, в частности, умбоновидная бляха (Козенкова В.И., 1998, табл. XX, *12*), в качестве аналога которой В.И. Козенкова приводит бляху из Лайлаши. Комплекс из Лайлаши обычно без веских на то оснований датируется XI–X вв. до н.э. (Коридзе Д.Л., 1965, с. 154, рис. 21). Найденные там удила и орнаментированный топор позволяют датировать его VIII в. до н.э. Дату Гижгидского погребения подтверждают также пуговица с солярным знаком, фибула с витой дужкой, бронзовый колокольчик и другие предметы.

Безусловно, все сказанные нами замечания нисколько не умаляют значение проделанной автором колоссальной работы. Своды В.И. Козенковой стали настольными книгами каждого кавказоведа. Ученые будут обращаться к ним за информацией по практически любой теме, связанной с археологией Северного Кавказа.

Государственный Исторический музей, Москва
Институт археологии РАН, Москва

А.П. Мошинский, А.Ю. Скаков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2.

Барцева Т.Е., 1985. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.) Грозный.

Воронов Ю.Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми.

Деопик Д.В., Крупнов Е.И., 1961. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. МАДИСО. Т. 1.

Дударев С.Л., Рунич А.П., 1992. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. (на примере Пятигорья). Грозный.

Иессен А.А., 1940. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа // Моздокский могильник. АЭГЭ. Вып. 1.

Иессен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. Материалы по археологии Кабардино-Балкарии.

Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа // МИА. № 23.

Ковалевская В.Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.

Козенкова В.И., 1974. Рец. на кн.: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972 // СА. № 2.

Козенкова В.И., 1981. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. № 3.
Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М.
Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М.
Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.
Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен // САИ. Вып. В2–5. М.
Козенкова В.И., Мошинский А.П., 1995. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М.
Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л., 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. № 1.
Коридзе Д.Л., 1965. К истории колхской культуры. Тбилиси. (На грузинском языке).
Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа, М.
Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси.
Лукин А.Л., 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // ТОИПКГЭ. Т. 1.
Микеладзе Т.К., Мигдисова Н.П., Папуашвили Р.И., 1984. Исследования Колхидской археологической экспедиции // ПАИ. 1981.
Мошинский А.П., 1997. Погребальный обряд могильника Гастон Уота // Археологический сборник. Погребальный обряд. Тр. ГИМ. Вып. 93.
Пиотровский Ю.Ю., 1997. Новый комплекс металлических изделий финала эпохи бронзы с Северного Кавказа // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 1996 г. Тез. докл. СПб.
Скаков А.Ю., 1997. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М.
Скаков А.Ю., 1998а. Семантика топора и стрелы у древнего населения Кавказа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
Скаков А.Ю., 1998б. Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты // XX юбилейные международные "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Ставрополь.
Техов Б.В., 1957. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинир.
Техов Б.В., 1985. Тлийский могильник. Т. III. Тбилиси.
Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. VIII.
Флёров В.С., Дубовская О.Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестн. шелкового пути. Археологические источники. Вып. 1. М.
Чеченов И.М., 1974. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // АЭС. Вып. 1.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ПОГРЕБЕНИЙ В АМЕРИКАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Американская "новая археология"[1]. В отличие от разработок немецких ученых полемика по вопросам изучения древних погребений в американской археологии возникла на базе доисторической археологии. Однако, несмотря на специфичность научной эволюции, некоторые поднимаемые американскими специалистами проблемы поразительно сходны с вопросами, обсуждаемыми в немецкой археологии. В течение трех последних десятилетий в англо-американской археологии на смену культурно-историческому подходу пришли так называемый "процессуальный" и "постпроцессуальный" варианты исследования, каждый из которых имеет свою точку зрения на то, как изучать и анализировать данные захоронений (Härke H., 1989. S. 185–194).

Так называемая "традиционная школа" культурно-исторической археологии, которая доминировала в этой области до 60-х годов, очень интенсивно занималась погребальными обрядами. Археологи-"традиционалисты" также предлагали социологическую интерпрета-

[1] Начало см. "Российская археология", 2000, № 1.

© Г. Харке, С.Н. Савенко, 2000 г.

Таблица 3

Распределение социологических и иных факторов по материалам захоронений 40 доиндустриальных обществ (по Бинфорду, 1971)

Измеряемые отличия	Охотники	Кочевые земледельцы	Оседлые земледельцы	Скотоводы
Причина смерти	1	0	6	1
Место смерти	1	1	0	0
Возраст	2	1	7	1
Пол	12	4	10	3
Социальное положение	6	5	11	0
Социальные связи	4	3	10	1
Общее число случаев	15	8	14	3
Среднее число измеряемых отличий	1,73	1,75	3,14	1,66

цию погребений, и в основном захоронений "племенных вождей" и "принцев" (Piggot S., 1965, p. 123–133). В. Гордон Чайлд и некоторые другие ученые выдвинули мысль о связи обычая помещать предметы в захоронение с состязательными тенденциями в обществе (Childe V.G., 1945, p. 17).

Однако в целом в "допроцессуальной" археологии преобладала тенденция рассматривать погребальный ритуал как систему, зависящую от религиозных норм (Hawkes C.F.C., 1954, p. 155–168). Выработалось и использование погребальных обычаев в качестве диагностических признаков при определении культур. Развивая этот подход, археологи стали интерпретировать варианты погребальных обычаев в терминах культурных контактов и "влияний". Указанные положения особенно остро критиковались основателями "новой археологии" (в настоящее время известной как "процессуальная арехология") в начале 60–70-х годов.

Процессуальная археология захоронений (или, в американской терминологии, "погребальная археология") берет начало в Соединенных Штатах в исследованиях Л.Р. Бинфорда (Binford L.R., 1962; 1971) и А.А. Сакса (Saxe A.A., 1970). Общей предпосылкой для их работ послужила мысль о том, что существует более или менее прямая связь между социальным статусом усопшего и погребальным обрядом (Binford L.R., 1971, p. 15; Saxe A.A., 1970, p. 4, 5; Tainter J.A., 1975, p. 1, 2). И критики, и сторонники этой точки зрения часто трактуют это положение неверно, усматривая прямое равенство между социальным статусом и погребением. Дж. Браун и К. Пиблз (Brown J., 1995, p. 13; Peebles C.S., 1971, p. 69), например, называют захоронение "конечным ископаемым статусом индивида". В работах решаются две главные задачи: устанавливается социальный статус усопшего и определяется социальная структура общества в целом (Peebles C.S., 1971, p. 69).

Основополагающая публикация Л. Бинфорда зиждется на двух предположениях (Binford L.R., 1971, p. 225, 226): 1) сложный характер погребального обряда может зависеть от социального образа усопшего и его положения в обществе; 2) сложность погребального обряда может указывать на масштабы и сложность социального окружения усопшего.

Позже ученый апробировал эти гипотезы, используя опубликованные данные 40 исследований доиндустриальных общин, рассматривая типы их экономики в качестве показателя социального устройства. В результате он установил, что степень сложности социального статуса коррелируется с типом экономики и с социальной организацией рассматриваемого общества. При этом скотоводческое, охотничье, кочевническо-земледельческое общества проявляют меньше социально значимых факторов, чем оседлое земледельческое общество (табл. 3).

Примерно в то же самое время А. Сакс завершил свою докторскую диссертацию о социальных параметрах погребального ритуала (Saxe A.A., 1970), и хотя она никогда не была опубликована, тем не менее оказала значительное влияние на ход полемики (Willems W.K.J., 1978, p. 81–98). За отправную точку А. Сакс принял теорию ролей: каждый индивид обладает несколькими личностными характеристиками (ролями), которые определяют его права и обязанности в отношении других индивидов; сумма его ролей составляет его

социальный портрет (Social persona). А. Сакс постулирует, что все социальные характеристики индивида проявляются в его погребальном ритуале, потому что его смерть требует выражения социальных отношений погребенного ко всем другим членам коллектива. Поэтому, чем больше коллектив и чем сложнее его структура, тем больше социальных ролей у индивида и тем больше социальных отношений должны найти отражение в погребальном обряде. На основе этих теоретических выкладок А. Сакс сформулировал восемь гипотез, которые он подкрепляет данными о трех этнографических случаях, используя только те данные, которые могут быть подтверждены археологически. Его главный вывод заключается в том, что в эгалитарном обществе погребальный обряд определяется возрастом, полом и личными заслугами усопшего; а по мере расслоения общества такие критерии, как происхождение, занимаемая должность и экономические характеристики, приобретают все большее и большее значение в погребальном обряде (Saxe A.A., 1970, p. 227). Он также предположил, что по мере увеличения сложности структуры общества отклонения от социальной нормы все чаще проявляются в характере погребального ритуала. Но недостаток материала не позволил А. Саксу подтвердить эту археологически важную гипотезу.

Работы А. Сакса и Л. Бинфорда, а также целый ряд статей в американской археологии по изучению доисторических захоронений (Brown J.A., 1971, p. 6–29) знаменуют начало нового течения в исследованиях, на развитие которого они оказали большое влияние. Далее последовали очень важные работы Дж. Тейнтера и Дж. О'Ши. Дж. Тейнтер (Tainter J.A., 1975, p. 1–15; 1978, p. 106–141) отмечает, что в предыдущих исследованиях почти исключительно анализируются предметы захоронений. Он считает, что при изучении захоронений и могильников необходимо учитывать их расположение и объем труда, затраченного на исполнение обряда захоронения. Затраченный труд выступает показателем вертикальной социальной дифференциации (ранг, статус), в то время как расположение захоронений и выбор мест захоронения по отношению друг к другу и к поселениям может послужить источником информации относительно горизонтальной оси дифференциации (возрастные группы, родственные или семейные группы и соседские общности (age groups, family and descent groups, residential groups)). Дж. Тейнтер (Tainter J.A., 1978) критикует социологическую интерпретацию захоронений в терминах эволюционных социологических типологий, предложенных М. Фрайдом (Fried M.H., 1967: семья, племя, дружина, государство). С его точки зрения, эти понятия недостаточно четко разграничены и не могут быть использованы при интерпретации археологических фактов. Он предлагает пользоваться теорией систем для построения квантитативной социологической модели (Tainter J.A., 1975).

Дж.О'Ши (O'Shea J.A., 1981, p. 39–52; 1984) возвращается к теоретическим основам и методологии предшествующих исследований. Его подход отличается от методики Л. Бинфорда и А. Сакса признанием лишь косвенной связи между социологической структурой и погребальным ритуалом. Он также включает в свой анализ такие показатели, как затраты труда, временные изменения и этнические различия. Его данные были получены из шести могильников трех племен североамериканских индейцев (Арикара, Омаха, Пони), относящихся к XVIII–XIX вв. В итоге его исследований выяснилось, что археологические факторы позволяют сделать весьма ограниченные выводы: сравнительно легко выделяется вертикальная социологическая дифференциация (ранги, стратификация), но определить горизонтальную дифференцию (наследственные группы, воинские союзы) трудно или даже невозможно (O'Shea J.A., 1981).

Теория и методы этих, в большинстве своем американских, исследователей оказали значительное влияние на западноевропейскую археологию, в которой применялись процессуальные подходы при изучении доисторических археологических памятников в Англии (Shennan S., 1975, p. 279–288; Pierpoint S., 1980; Chapman R., Randsborg K., 1981; Chapman R. et al., 1981) и Скандинавии (Randsborg K., 1973, p. 565–570; 1974, p. 38–61; Kristiansen K., Paludan-Müller C., 1978; Thrane H., 1981, p. 475–488). С некоторым опозданием процессуальная методология проникла и в классическую археологию (Morris I., 1987) и археологию раннего средневековья. В Англии Дж. Шепард (Shephard J., 1979, p. 47–49) и К. Арнольд (Arnold C.J., 1980, p. 81–142) проанализировали предметы из захоронений и установили социологическую структуру раннего англосаксонского общества. Дж. Шепард подверг анализу 400 захоронений из курганов и грунтовых погребений, которые сравнивались при помощи четырех статистических приемов и были подразделены на пять категорий (от А – самой богатой до Д – самой бедной: табл. 4). Более высокий процент захоронений категории А в курганах (30%) по сравнению с бескурганными захоронениями (менее 10%) привел Дж. Шепарда к выводу, что индивиды, погребенные в курганах, принадлежали к наивысшим (superordinate)

Таблица 4

Категории зажиточности по материалам англо-саксонских захоронений

Категория	Мужчина	Женщина
A	меч с кольцами, бронзовая чаша	позолоченные броши, золотая тесьма, стеклянный шарик, браслет, бронзовая чаша
B	меч, щит, копье	менее дорогие аналоги группы A
C	щит, копье	подобные, трудноразличимые
D	копье	подобные, трудноразличимые
E	нож или без ножа	нож и/или пряжка или без этого

Таблица 5

Англо-саксонские предметы инвентаря захоронений и социальные классы (по Алкоку, 1981)

Степень	Мужчины	Женщины	Социальный статус
–	шлем, латы	?	король
a	меч	золотые броши, золотые или серебряные браслеты, янтарь или хрустальные бусы, бронзовая чаша, стеклянный сосуд, ткацкая доска	тан (дворянка)
b	копье	броши, ожерелья из стеклянных бус	кёрл (свободный)
g	нож	нож и/или пряжка или 2–3 бусины	раб

социальным группам населения. Он также отметил, что предметы инвентаря в женских погребениях определялись только степенью богатства, а предметы в мужских могилах были связаны с социальным статусом усопшего. К. Арнольд использовал подобную методику при анализе 27 англосаксонских могильников в Южной Англии. В результате он установил две широкие зоны: богатые прибрежные районы с несколькими, доходящими до семи, уровнями богатства предметов инвентаря и более бедные районы, удаленные от моря, которые характеризуются пятью уровнями. Он же высказал предположение, что богатство женских захоронений отражает не только статус самой женщины, но и ее супруга (Arnold C.J., 1980, p. 132). Как Дж. Шепард, так и К. Арнольд ограничивались анализом предметов погребального инвентаря, и оба ориентируются на своего рода доисторическую перспективу, сознательно абстрагируясь от письменных источников при выделении имущественных групп. В этом заключается основное отличие от традиционалистских анализов такого рода у Л. Алкока (Alcock L., 1981, p. 168–183), который определял имущественные группы в соответствии с описаниями социального статуса, известными из более поздних свидетельств (табл. 5).

Процессуальный анализ захоронений подвергался критике и за свои теоретические предпосылки, и за методику. Еще до появления работ Л. Бинфорда и А. Сакса английский археолог П. Укко (Ucko P.J., 1969, p. 262–280) использовал несколько этнографических критериев, чтобы предостеречь от непосредственных выводов ритуального, религиозного и социологического характера по археологическим материалам погребений (Ucko P.J., 1969, p. 270). Эта точка зрения близка позиции Дж. Вернера (Werner J., 1968), высказанной в немецкой археологии годом раньше. Английский антрополог И. Лич считал, что захоронения, если они вообще указывают на социологический статус усопшего, отражают "социальное положение организаторов погребения в такой же степени, как и положение в обществе самого усопшего" (Leach E., 1979, p. 122), и добавляет, что точка зрения Л. Бинфорда напоминает ему о "наивном функционализме" 30-х годов в социальной антропологии (Leach E., 1973, p. 762). Канадский археолог Б. Триггер (Trigger B.G., 1982, p. 560) указывает, что погребальный ритуал зависит не только от социологических структур, но и в такой же степени от отношении к понятию "смерть". И. Пейдер критикует с методологических позиций приравнивание богатства погребения и социального статуса (как это делает Р. Кристляйн в

работах 1966 и 1973 гг. в немецкой археологии) (Pader E.J., 1980, p. 143; 1982, p. 57), а К. Хиллз предлагает ограничить социологический анализ исследованием захоронений самого высокого социального уровня или с них начинать анализ, что было уже предложено также и Х. Вирком в 1980 г. в ответ на концепцию "квалитативных групп" у Р. Кристляйна (Hills C. et al., 1984).

Английская постпроцессуальная археология. С начала 1980-х годов процессуальный подход к исследованиям захоронений подвергается наиболее острой критике со стороны английских (и ориентирующихся на английскую школу) археологов, принадлежащих к так называемому постпроцессуальному направлению. Наиболее ранним вариантом этого направления была "контекстуальная археология". Ее основная предпосылка заключается в том, что вся деятельность человека выражается в символах, а форма и значение этих символов имеют различия в зависимости от контекста (по аналогии с языком или текстом). Поэтому символические значения компонентов и предметов захоронения должны рассматриваться в каждом случае в свете тщательного анализа их контекста (хронологического, пространственного, социологического, религиозного и т.д.) (Hodder I., 1986). Этот подход предполагает также, что схематический анализ "новой археологии" является дезориентирующим, так как он полагается на данные сравнения в разных областях и направлен на установление универсальных закономерностей деятельности человека.

В постпроцессуальных исследованиях захоронений отказ от концепции прямой связи между погребальным ритуалом и социальным статусом произошел под влиянием социоантропологов, доказавших, что погребальный обряд отражает не социальные реалии, а социальные идеалы (напр.: Leach E.R., 1964, p. 4, 10, 15, 278). И. Ходдер, археолог из Кембриджа, вероятно, самый представительный постпроцессуалист, высказал мнение, что погребальный обряд, как и все ритуалы, может отразить истинные социальные явления только частично, косвенно и в искаженном виде (Hodder I., 1980, p. 167; 1982, p. 152). Его ученик М. Паркер-Пирсон проанализировал современные христианские похороны 1970-х годов в районе Кембриджа и отметил незначительные соответствия между социальным статусом и материальным отражением погребального обряда. Маргинальные социальные группы (цыгане, владельцы аттракционов, рабочие) имеют самые необычные надгробия, а захоронения представителей религиозных меньшинств (католики, евреи, мусульмане) отличаются тем, что их могилы находятся в отведенных для них местах на кладбищах. Он приходит к выводу, что социальная идеология искажает выражение социальных ролей в погребальных обрядах (Parker-Pearson M., 1982, p. 101) и напоминает археологам, что ритуал погребения – это "церемония перехода в мир иной", во время которой усопшему придается иной статус, и он не обязательно должен совпадать с целевой его ролью в жизни. И. Ходдер (Hodder I., 1986, p. 140) также указывает, что похороны и кладбища не выступают как отдельные феномены и должны рассматриваться в контексте современных поселений и ритуальных мест. М. Паркер-Пирсон (Parker-Pearson M., 1984, p. 69–92) проиллюстрировал полезность и важность такого подхода на примере исследования одного из захоронений в Дании.

В других работах по изучению захоронений раннего средневековья также используются концепции контекста и символизма. И. Пейдер (Pader E.J., 1980, p. 143–159; 1982), ученица И. Ходдера из Америки, основываясь на версии, что установление первоначального символического значения захоронения требует анализа всех имеющихся данных, а не только инвентаря с учетом того, каким образом предметы использовались в обряде погребения, исследует два англосаксонских захоронения около Кембрижда. Она включает в свой анализ структуру захоронения, его ориентировку, положение скелета, типы предметов в захоронении и их расположение, пол, возраст погребенного на момент смерти. Было замечено, что ориентировка и положение скелета взрослых женщин более сходны с теми же характеристиками детских захоронений, но отличны от погребений взрослых мужчин. И. Пейдер приходит к выводу, что женщинам в погребальном ритуале отводилось такое же место, как детям и подросткам. На одном из могильников (Холиуэлл Роу) И. Пейдер обнаружила участки с отличными деталями обряда захоронения (табл. 6), но она не предлагает какого-то определенного толкования этого факта. Не делает она и выводов, касающихся социальной структуры в целом, считая, что на данном этапе анализа это делать еще рано (Pader E.J., 1982, p. 201).

На общем фоне выделяются исследования Дж. Ричардса (Richards J.D., 1987), посвященные кремациям, не попадавшим в поле зрения ученых в последнее время. Он собрал большой материал для изучения символизма ранних англосаксонских погребальных урн. Были исследованы: форма, размеры, декоративные детали 2500 урн и проанализированы

Таблица 6

Расположение элементов погребальных комплексов (по Пейдеру, 1982)

Сектор	Скелет	Руки	Нож	Пряжки	Копье	Щит
			Мужчины			
1.	горизонтальное	различное	Л или П	Л	П	в ногах
2.	горизонтальное	вытянутые + скрещенные	Л	П	П	на голове
3.	горизонтальное	вытянутые + скрещенные	Л	Л	Л	на голове
4.	горизонтальное	вытянутые	Л	П	П	на груди
5.	горизонтальное	скрещенные		без предметов захоронения		
6.	горизонтальное	скрещенные	Л	–	Л	на голове

Сектор	Тело	Руки	Нож	Ключ, набор орудий труда	Брошь, кулон	Наличие застежек на запястьях
			Женщины			
1.	согнутое горизонтальное	разное	П, П	П, П	Л, П	Да
		скрещенные			Л, П, Ц	Нет
2.	согнутое или горизонтальное	скрещенные	Л	Л	Л, П, Ц	разное
3.	согнутое или горизонтальное	разное	Л	Л	Л, П	
4.	согнутое или горизонтальное	разное	Л	Л	Л, П, Ц	разное
5.	согнутое горизонтальное	к шее скрещенные	Л	Л	разное	разное
6.	горизонтальное	по бокам	Л	Л	разное	нет

Примечание: Л – левый; П – правый; Ц – центральный.

предметы захоронения в них с учетом возраста и пола кремированных индивидов. Наблюдения Дж. Ричардса вызывают интерес. Размеры урн и барельефные декоративные элементы были соотнесены с возрастными и половыми характеристиками. Гравированные и лепные узоры соотносились с типами, а также с числом предметов захоронения и предположительно могли отражать определенный социальный статус погребенного в пределах семьи или родовой группы. Но, с одной стороны, отсутствовали зависимости между типами предметов, помещенных в урны, а с другой – с возрастом и/или полом усопшего, что находится в резком противоречии с результатами исследования М. Гебюра (Gebühr M., 1975, S. 433–456) континентальных захоронений, относящихся к железному веку римского времени.

Социологические подходы, хотя и включают некоторые положения контекстуального и символического направления, строятся на идеях современной социологической теории (Shanks M., Tilley C., 1987, p. 129–154). После нескольких ранних работ, основанных на структурном анализе и неомарксистской трактовке материалов захоронения (Shanks M., Tilley C., 1982; Tilley C., 1984, p. 111–146), появляется структурированная теория, что становится особенно важным при интерпретации явлений, связанных с исследованием захоронений (Parker-Pearson M., 1982). А. Гидденс подчеркивает, что общество не является заданной структурой, в которой индивидум имеет фиксированную роль, как актер на сцене. Общество представляет собой взаимодействие правил (структурирующих принципов) и действий (социального поведения) в сочетании с идеологией, представляющей правовое поле для принятых правил (Giddens A., 1979). Поэтому погребальный ритуал не просто пассивно отражает общество, а соотносится с результатами действий, которые сами по себе формируют общество. Раз-

вивая эту мысль, Р. Сэмсон (Samson R., 1987, p. 126) приводит аргумент, что предметы захоронения отражают не столько социальный статус усопшего, сколько притязания хоронящих на его собственность или положение в обществе.

Постпроцессуальный подход к исследованию захоронений уже широко принят за пределами Англии. Например, А. Беннет (Bennett A., 1987) утверждает, что конструкция захоронений и погребальный ритуал в миграционный период в центральной Швеции является материализацией языка символов, выражающих социальные, региональные, хронологические и идеологические условия. Но дискуссия по поводу теоретических предпосылок и практических процедур исследования только началась. Л. Бинфорд (Binford L.R., 1982, p. 162) отвергает контекстуальную археологию как идеалистическую, представляющую собой тщетную попытку изучения мыслительных феноменов. Многие критические замечания, высказанные И. Ходдером, М. Шанксом, К. Тилли и другими относительно традиционного и процессуального подхода, были восприняты как действительно конструктивные и важные, но не все аспекты постпроцессуальной теории и методологии столь уж новы, как об этом заявляют некоторые ее сторонники. Символическое значение погребального ритуала уже подчеркивалось некоторыми представителями процессуализма (Tainter J.A., 1978, p. 121), а анализ данных погребений (и не только инвентаря) имеется в немецкой (Schlüter W., 1970, S. 117–145) и американской археологии (Tainter J.A., 1978, p. 106–141). В последнее время наблюдается относительное совмещение процессуального и постпроцессуального подходов, особенно в исследовании сложных соотношений ритуалов и общества (Brown J., 1995, p. 3–26). Теперь уже не вызывает сомнения, что необходима дальнейшая разработка постпроцессуальной методологии, особенно в сравнении с системой методов процессуальной археологии (Kolpakov E., 1993, p. 110). Практическая ценность многомерного анализа в русле подхода, предлагаемого И. Пейдером и Дж. Рисардсом, представляется очевидной, но публикации М. Мартина (Martin M., 1976) и С. Херста (Hirst S.M., 1985) о раннесредневековых захоронениях показывают, что контекстуальная (или символическая, или структурированная) методика необходима для интерпретации, но не заменяет тщательного и строгого анализа всех доступных данных погребального обряда.

Заключительные замечания. В рассмотренной области археологической науки в перспективе можно ожидать развития дискуссии, которая окажет плодотворное влияние на разработку теории, методики и методологии археологии в целом. Но следует сделать определенные выводы из опыта обсуждения этой проблемы в европейской науке, получившей различные трактовки в Англии, и в Германии. Недостаточная осведомленность о зарубежных исследованиях по рассматриваемым вопросам в различных странах объясняется частично языковым барьером, а частично и отсутствием живого интереса к другим школам в археологии. К сожалению, очевидно, что эти же причины препятствуют взаимной осведомленности об исследованиях российских и западных ученых. Бросается в глаза отсутствие ссылок на публикации восточноевропейских авторов в работах западных археологов. Работы западных ученых, как указывалось выше, вероятно, сыграли пока незначительную роль в развитии теории и методики исследования захоронений в российской археологии. Мы завершаем нашу статью призывом к преодолению языковых преград и традиционализма в научном поиске с целью расширения обмена мнениями и идеями для позитивного развития теоретических и методических основ археологической науки.

Университет Ридинга *Г. Харке, С.Н. Савенко*
Кисловодский краеведческий музей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Alcock L., 1981. Quantity or quality: the Anglian graves of Bernicia // Evison V.I., Angles, Saxons and Jutes. Essays presented to J.N.L. Myres. Oxford. (Reprinted in: Alcock L., 1987. Economy, society and warfare among the Britons and Saxons. Cardiff).

Arnold C.J., 1980. Wealth and social structure: a matter of life and death // Rahtz P., Dickinson T., Watts L. (eds.). Anglo-Saxon cemetries 1979. The fourth Anglo-Saxon symposium at Oxford. BAR. 82.

Bennett A., 1987. Graven: religiös och social symbol // Theses and Papers in North-European Archaeology. 18.

Binford L.R., 1962. Archaeology as antropology // American Antiquity. 28. (Reprinted in: Binford L.R., 1972. An archaeological perspective. New York: San Francisco; London (Studies in Archaeology).

Binford L.R., 1971. Mortuary practices: their study and their potential // Brown J.A. (eds.). Approaches to the social dimensions of mortuary practices. American Antiquity. 36. № 3. Pt. 2. (Memoirs of the Society for American

Archaeology. 25). (Reprinted in: Binford L.R., 1972. An archaeological perspective. New York; San Francisco; London. (Studies in Archaeology).

Binford L.R., 1982. Meaning, inference and the material record // Renfrew C., Shennan S. (eds.). Ranking, resource and exchange. (New Directions in Archaeology). Cambridge.

Brown J.A. (ed.), 1971. Approaches to the social dimensions of mortuary practices // American Antiquity. 36. № 3. Pt. 2. (Memoirs of the Society for American Archaeology. 25).

Brown J., 1995. On mortuary analysis – with special reference to the Saxe – Binford research program // Beck L.A. (ed.). Regional approaches to mortuary analysis. New York.

Chapman R., Kinnes I., Randsborg K. (eds.), 1981. The archaeology of death. (New Directions in archaeology). Cambridge.

Chapman R., Randsborg K. (eds.), 1981. Approaches to the archaeology of death // The archaeology of death. Cambridge.

Childe V.G., 1945. Directional changes in funerary practices during 50 000 years // Man. 45.

Fried M.H., 1967. The evolution of political society. New York.

Gebühr M., 1975. Versuch einer statistischen Auswertung von Grabfunden der römischen Kaiserzeit am Beispiel der Gräberfelder von Hamfelde und Kemnitz. Vergleich von anthropologischer Bestimmung und archäologischem Befund // Zeitschrift für Ostforschung. 24.

Giddens A., 1979. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London; Basingtoke.

Härke H., 1989. Die anglo-amerikanische Diskussion zur Gräberanalyse // Archäologisches Korrespondenzblatt. 19. Heft 2.

Hawkes C.F.C., 1954. Archaeological theory and method: some suggestions from the old world // American Anthropologist. 56.

Hills C., Penn K., Rickett R., 1984. The Anglo-Saxon cemetery at Spong Hill, North Elmham. Part 3. Catalogue of Inhumations Gressenhall. // East Anglian Archaeology. 21.

Hirst S.M., 1985. An Anglo-Saxon inhumation cemetery at Sewerby, East Yorkshire // York University Archaeological Publications. 4.

Hodder I., 1980. Social structure and cemeteries: a critical appraisal // Rahtz P., Dickinson T., Watts L. (eds.). Anglo-Saxon cemeteries, 1979. The Fourth Anglo-Saxon Symposium at Oxford. BAR. 82.

Hodder I., 1982. The identification and Interpretation of ranking in prehistory: a contextual approach // Renfrew C., Shennan S. (eds.). Ranking, resource and exchange (New Directions in Archaeology). Cambridge.

Hodder I., 1986. Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge.

Kolpakov E., 1993. The end of theoretical archaeology? A glance from the east // Norwegian Archaeological Review. 26. № 2.

Kristiansen K., Paludan-Müller C. (eds.), 1978. New directions in Scandinavian archaeology (Studies in Scandinavian Prehistory and Early History. 1). Kopenhagen.

Leach E.R., 1964. Political systems of Highland Burma. London.

Leach E., 1973. Concluding address // Renfrew C. (eds.). The explanation of culture change: Models in prehistory. London.

Leach E., 1979. Discussion // Burnham B.C., Kingsbury J. (eds.). Space, hierarchy and society. BAR. International Series. 59.

Martin M., 1976. Das fränkische Graberfeld von Basel-Bernerring // Baseler Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Basle.

Morris I., 1987. Burial and ancient society. The rise of the Greek city-state. New Studies in Archaeology series. Cambridge.

O'Shea J.A., 1981. Social configurations and the study of mortuary practices: a case study // Chapman R., Kinnes I., Randsborg K. (eds.). The archaeology of death. New Directions in Archaeology. Cambridge.

O'Shea J.A., 1984. Mortuary variability: an archaeological investigation. Studies in Archaeology. Orlando.

Pader E.J., 1980. Material symbolism and social relations in mortuary studies // Rahtz P., Dickinson T., Watts L. (eds.). Anglo-Saxon cemeteries, 1979. The fourth Anglo-Saxon symposium at Oxford. BAR. 82.

Pader E.J., 1982. Symbolism, social relations and the interpretation of mortuary remains // BAR. International Series. 130.

Parker-Pearson M., 1982. Mortuary practices, society and ideology: an ethnoarchaeological study // Hodder I. (ed.). Symbolic and structural archaeology. New Directions in Archaeology. Cambridge.

Parker-Pearson M., 1984. Economic and ideological change: cyclical growth in pre-state societies of Jutland // Miller D., Tilley C. (eds.). Ideology, power and prehistory. New Directions in Archaeology. Cambridge.

Peebles C.S., 1971. Moundville and surrounding sites: some structural considerations of mortuary practices II // Brown J.A. (eds.). Approaches to the social dimensions of mortuary practices American Antiquity. 36. № 3. Pt. 2. (Memoirs of the Society for American Archaeology. 25).

Pierpoint S., 1980. Social patterns in Yorkshire prehistory 3500–750 B.C. // BAR. 74.

Piggott S., 1965. Ancient Europe from the beginnings of agriculture to classical antiquity. Edinburgh.
Randsborg K., 1973. Wealth and social structure as reflected in Bronze Age burials – a quantitative approach // Renfrew C. (eds.). The explanation of culture change. London.
Randsborg K., 1974. Social stratification in Early Bronze Age Denmark: a study in the regulation of cultural systems // Praehistorische Zeitschrift. 49.
Richards J.D., 1987. The significance of form and decoration of Anglo-Saxon cremation urns // BAR. 166.
Samson R., 1987. Social structures from Reihengraber: mirror or mirage? Scottish Archaeological Review. 4.
Saxe A.A., 1970. Social dimensions of mortuary practices. Unpubl. Ph. D. thesis. Ann Arbor.
Schlüter W., 1970. Versuch einer sozialen Differenzierung der jungkaiserzeitlichen Körpergräbergruppe von Hafileben-Leuna anhand einer Analyse der Grabfunde // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. 6.
Shanks M., Tilley C., 1982. Ideology, symbolic power and ritual communication: a reinterpretation of neolithic mortuary practices // Hodder I. (ed.). Symbolic and structyral archaeology (New Directions in Archaeology). Cambridge.
Shanks M., Tilley C., 1987. Social theory and archaeology. Cambridge.
Shennan S., 1975. The social organisation at Branc // Antiquity. 49.
Shephard J., 1979. The social identity of the individual in isolated barrows and barrow cemeteries in Anglo-Saxon England // Burnham B.C., Kingsbury J. (eds.). Space, hierarchy and society. BAR. International Series. 59.
Tainter J.A., 1975. Social inference and mortuary practices: an experiment in numerical classification // World Archaeology. 7.
Tainter J.A., 1978. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Schiffer M.B. (ed.). Advances in archaeological method and theory 1. New York; San Francisco; London.
Thrane H., 1981. Late Bronze Age graves in Denmark seen as expressions of social ranking – an initial report // Lorenz H. (ed.). Studien zur Bronzezeit. Festschrift fur W.A. von Brunn. Mainz.
Tilley C., 1984. Ideology and the legitimation of power in the middle neolithic of southern Sweden // Miller D., Tilley C. (eds.). Ideology, power and prehistory (New Directions in Archaeology). Cambridge.
Trigger B.C., 1982. Review of Chapman et al., 1981 // Man. 17. № 3.
Ucko P.J., 1969. Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. 1.
Werner J., 1968. Bewaffnung und Waffenbeigabe in der Merowingerzeit // Settimane di studio del centre italiano di studi sull'alto medioevo. 15.
Willems W.K.J., 1978. Burial analysis: a new approach to an old problem // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek.

LERNA, a Preclassical Site in the Argolid (Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens). Vol. III. The Pottery of Lerna IV by Jeremy Rutter et alias (M.H. Wiencke, E.C. Banks, M. Attas, P.P. Betancourt, R.G.V. Hancock, R.E. Jones, G.H. Myer and S.J. Vaughan). Princeton, New Jersey. 1995. Pp. XXXVI + 780. Plans V. Figs. 125. Pls. 21.

Тщательно изданная и обильно иллюстрированная книга содержит обстоятельную публикацию керамического материала из IV слоя городища древней Лерны. Памятник был впервые исследован в 1952–1959 гг. выдающимся археологом Дж.Л. Кэски (7.XII.1908–4.XII.1981). Его высокопрофессиональные раскопки доставили ценнейшие источники по истории Арголиды и всей Эллады в III–II тыс. до н.э. В ряде статей Дж. Кэски изложил свои выводы об истории Лерны, которые значительно расширили понимание развития эллинства в периоды Ранней и Средней бронзы. Ученый выделил на изучаемом памятнике слои I–VII, относящиеся к истории Лерны со времен Неолита вплоть до XIV–XIII вв., за которыми последовало малозаметное существование поселения (Caskey J.L., 1960, p. 285, 286, 303). Дж. Кэски особо отметил мощность слоя Лерна IV, керамика которого свидетельствует о развитии лернейского населения около 2200–2000 гг. и освещает некоторые одновременные события в остальной Элладе.

Сам Кэски наметил план детального издания материалов из проведенных раскопок, и уже в 1969 г. вышел том I, начавший серию «Лерна» (Gejvall N.G., 1969). Исследователь

© Т.В. Блаватская, 2000 г.

готовил публикацию ряда своих материалов, но в 1980 г., предвидя неизбежность своей кончины (см.: Necrology, 1982, p. 317), он создал Комитет по изданию многотомной серии «Лерна». До сих пор керамика из слоя Лерна IV остается наиболее полным собранием керамических изделий Ранне-Элладского (далее РЭ) III периода из Арголиды и других частей Греции. Это определило особо детальную публикацию добытых материалов.

Вводная часть тома Лерна III (с. VII сл.) содержит ряд информационных материалов, среди которых с. XXVII–XXXV заняты библиографией.

В главе I (с. 1-10) Е.С. Бенкс изложила принципы полевых исследований слоя Лерна IV и стратиграфические основания для выделения в нем трех строительных периодов: фазы 1, 2, 3. Согласно с этими фазами была проведена хронологическая классификация керамики, открытой в 1952–1959 гг.

Автором основного текста (с. 11–662) является авторитетный знаток РЭ керамики Дж.Б. Раттер. Анализу 1404 единиц он посвятил главы II–VII. В главе II (с. 11–52) автор, отмечая несовершенство принятой классификации керамики по глине и по формам изделий, предлагает делить находки из слоя Лерна IV на две основные группы: предметы без декора и орнаментированные вещи. Украшенные сосуды Раттер разбивает на группы сплошной окраски или покрытые узорчатым орнаментом. Введен также технологический показатель по наличию или отсутствию обжига. Простые изделия разграничены по степени грубости выработки. Учтены способы обработки поверхности предмета и цвет его глины. Перечисленные показатели позволили автору выделить десять основных классов в лернейской керамике РЭ III времени. Текст этой главы, как и последующих глав, дополняют соответствующие схемы, рисунки, фотографии и многочисленные таблицы. Следует отметить очень интересное наблюдение ученого: группа особо грубой посуды является самой многочисленной среди изделий гончаров Лерны IV.

Главы III (с. 53–69) посвящена объяснению особенностей терминологии, определяющей выработку изучаемых источников. Заслуживает внимания тонкое наблюдение Раттера: ручная работа допускала изменение профиля противоположных стенок даже одного сосуда.

Глава IV. Каталог (с. 70–269). В нем все изучаемые 1404 предмета распределены по трем строительным периодам слоя Лерна IV, причем из этих фаз 1–3 особо выделены изделия, не поддающиеся точной датировке по фазам. Автор проводит тщательное согласование номеров вещей по полевой описи и номеров этих изделий в составленном им самим общем каталоге. Отметим пристальное внимание Дж. Раттера к каждой описываемой им находке: указаны состояние предмета, его размеры и форма, техника изготовления: лепная, кружальная или частью круговая, частью лепная (например, № P978); приведены состав глины, наличие узоров или окраски. Сообщены библиографические сведения об отдельных изделиях.

Глава V (с. 270–477) заключает глубокообдуманный и высококвалифицированный анализ форм лернейской керамики, изготовленной приблизительно в 2200–2000 гг. Раттер выделяет три группы форм: открытые сосуды (формы I–XIV), закрытые изделия (формы XV–XXI) и особые виды: форма XXII – крышки; форма XXIII – пифосы; упомянуты и неопределенные фрагменты. Особо тщательно изучены формы кружальных сосудов и метки гончаров. Весь керамический материал исследователь изучает по единой схеме: указаны характерные черты каждого предмета, изложены суждения автора о назначении вещи, рассмотрены варианты каждой формы. Раттер прослеживает развитие каждого типа сосудов в РЭ III периоде, акцентируя различия их размеров. Важные сведения доставляют составленные автором таблицы отдельных видов выделенных им форм и сравнительные таблицы, указывающие на находки близких форм сосудов в Арголиде, в других землях материковой и островной Эллады, а также в Македонии и Троаде. Обобщая добытые сведения, исследователь установил, что характер керамики обитателей Лерны IV значительно отличается от скудельных изделий, которыми пользовалось население Лерны III в самом конце предшествующего РЭ II периода, Раттер впервые детально проследил, как нарастали эти важные изменения в течение всего РЭ III времени. Автор исследовал частоту употребления различных форм в каждой из трех фаз слоя Лерна IV, составив и соответствующие таблицы; указал формы посуды, характерные для каждой фазы; отметил выходившие из употребления формы сосудов и заново выработанные виды керамики. Вместе с тем Раттер отметил достаточно ясно заметную преемственность в морфологии лернейской керамики около 2200–2000 гг. Эти и более частные суждения исследователя значительно дополнили общий вывод Дж. Кэски об отличии ряда вещей слоя Лерна IV от материальных остатков предшествующего слоя Лерна III. Весьма важно аргументированное утверждение Дж. Раттера: прототипами части посуды Лерна IV были некоторые формы обиходной посуды Ат-

тики и Беотии в предшествующий РЭ II период, датируемый около 2500–2200. В лернейской керамике около XXII–XXI вв. исследователь отметил появление новых форм, восходящих к обычным для раннебронзового II времени изделиям гончаров Лемноса, Лесбоса, Хиоса, Самоса, северных Киклад, Евбеи и ряда земель материковой Эллады, в том числе побережья Фессалии; особое внимание ученый уделил сосуду № P778, который Кэски считал привезенным из Трои IV. Однако Дж. Раттер допускает, что этот редкий в Лерне IV сосуд мог быть привезен из Полиохни на Лемносе (с. 171, 172, 463). Важен общий вывод исследователя (с. 468–477): локальные прототипы аргосской и местной лернейской керамики около 2500–2200 гг. были использованы населением последующего времени в Лерне IV преимущественно для закрытых сосудов, особенно для крупных изделий. Автор утверждает, что, с точки зрения морфологии, керамика раннего РЭ III периода в слое Лерна IV бесспорно содержит местные типы, доминирующие среди закрытых и крупных сосудов; известны некоторые внедрившиеся извне формы, например мелкие открытые сосудики. Происхождение некоторых из лернейских новшеств ученый прослеживает в изделиях гончаров Средней Греции и Кикладских островов.

Глава VI "Орнаментация" (с. 478–639) посвящена исследованию декора сосудов слоя Лерна IV. Тонкая наблюдательность и обширная эрудиция позволили ученому создать сложную картину развития художественной мысли лернейского общества в XXII–XXI вв. Свою основную задачу автор видит в изучении изменений бытовавших орнаментальных схем, их происхождения и связей с декором других центров РЭ III времени. Дж. Раттер выделил главные группы: росписной орнамент; узоры врезные, насечками или оттиснутые; пластические накладные украшения. В росписной керамике преобладает техника рисунка темным по светлому. Автор подробно классифицировал мотивы орнамента, группируя их в многочисленные сопоставительные схемы. Располагая узоры по полосам или в панелях, керамевсы применяли различные геометрические элементы: прямые и косые линии, прямоугольники, треугольники, ромбы, параллелограммы, зигзаги, кресты, элементы меандра, шахматный и елочный рисунки. Уже во 2-й фазе изучаемого периода появился мотив полукруга, скоро широко распространившийся. Дж. Раттер отметил, что в декоре и формах лернейской керамики около 2200–2000 гг. прослеживается значение воздействия традиций гончаров Арголиды, всего Пелопоннеса, срединно-эллинских земель и отчасти Киклад; однако местные особенности ясно отличали изделия лернейских керамевсов. Важно суждение Раттера: применение быстрого круга уже в фазе 1 обусловило появление желобчатого орнамента. Этот вывод позволяет понять, сколь динамично развивалась художественная мысль лернейских гончаров, работавших около 2200–2000 гг. Но при нанесении врезных, оттиснутых и пластических узоров тогдашние мастера соблюдали традиции местных скудельников еще РЭ II времени.

Глава VII. Заключения (с. 640–662). Автор вновь подчеркнул, что его основной задачей были описание и классификация добытого материала. Однако керамические источники позволили сделать вывод о том, что изменения, происходившие в культуре Лерна IV при переходе от фазы 2 к фазе 3, могут быть сопоставлены с данными только из некоторых пунктов Арголиды и соседних земель Коринфии; развитие же остальных земель Пелопоннеса шло более плавно. Характер керамики 3-й фазы в Лерна IV указывает, по мнению Дж. Раттера, на ограниченное воздействие традиций мастеров Центральной Греции, Македонии, части островных центров, северо-западного побережья Балканского полуострова и Троады. Появление некоторых внешних элементов в керамике Лерны IV в конце РБ II периода исследователь связывает с некоторыми движениями обитателей северных и срединных земель Эгеиды. Однако сдвиги в керамике самой Лерны IV были незначительными – их следует определить лишь как появление новых акцентов. Исчезновение некоторых старых или выработку новых форм посуды Раттер объясняет "какой-то формой внутренне развивавшейся культурной реорганизации" (с. 650–651), с которой он связывает перемену в уже существовавшем обычае "коммунального" утоления жажды.

Изучение технологических приемов и результатов современного петрографического анализа привели исследователя к выводу о возможности уверенно выделить характер работы (манеру) нескольких лернейских мастеров, трудившихся около 2200–2000 гг. Весьма важно заключение исследователя: многие гончары Лерны IV воспроизводили общепринятые комбинации форм и декора сосудов, но творческие поиски отдельного керамевса были "только терпимы" и не безграничны. Раттер указывает, что общий характер лернейской керамики РЭ III времени свидетельствует о значительной роли "стилистической дисциплины", которую особенно строго соблюдали при изготовлении самых крупных и самых мелких изделий. Отмечая распространенность выработки разноразмерных видов

посуды одной и той же формы, ученый замечает, что при этой деятельности "декоративные пробы" допускались весьма ограниченно. Суммируя свои сведения об обмене керамическими изделиями, Раттер пишет, что, судя по главным стилистическим особенностям, следует назвать помимо Пелопоннеса лишь Коринфию, Мегариду, Эгину, Евбею, Киклады, Троаду и некоторые другие земли.

Приложение (с. 663–754) посвящено результатами физико-химических анализов части керамики слоя Лерна IV. Раттер обобщил наиболее важные данные. Так, петрографические пробы показали, что в РЭ III время лернейские гончары использовали сырье местных глинищ, даже несколько удаленных от самой Лерны; что глины для массовых видов посуды могли одновременно использовать несколько керамевсов. Технологические особенности указывают на высокое мастерство керамевсов: они работали с многими и различными видами сырья, умело находя пропорции необходимых дополнительных примесей для изготовления различных категорий посуды. Обжиг изделий вели при температуре около 850°С или немного ниже, более высокий температурный режим употреблялся реже. Петрографические анализы показали, что бóльшая часть местной керамики изготовлена в самой Лерне или в ее округе на расстоянии около 50 км. По-видимому, гончары работали главным образом в домашних условиях, специализированное ремесло было еще мало развито. Однако вся керамика Лерны IV примечательна многочисленностью вариантов ее выработки. Рассматривая соотношение местной и привозной посуды, Раттер заключает, что в отобранной им группе: лернейской керамики несколько больше 50%, привозных изделий – около 30%, остальная часть точно не определима; в общей массе керамики Лерна IV привозная посуда могла занимать лишь 10–20%, причем к концу РЭ III периода число привезенных издалека вещей все более сокращалось (с. 749).

Даже краткое изложение труда Дж. Раттера показывает, что его исследование является неординарным научным вкладом в изучение хозяйственной и духовной деятельности населения Лерны и всей Арголиды в 2200–2000 гг. Специалисты, изучающие историю Эллады в эпохи ранней и средней бронзы, получили высокопрофессиональное научное описание и тщательный глубокий анализ керамических источников, а также убедительно обоснованные суждения о технологическом и экономическом развитии столь важной отрасли деятельности лернейского общества, как гончарное дело. Надлежит отметить, что Дж. Раттер аргументированно рассматривает дискуссионные вопросы развития керамического мастерства в Элладе в период конца раннебронзового времени, внося важные уточнения, полученные при анализе лернейских источников 2200–2000 гг.

Ценность основательного труда Дж. Раттера бесспорна: автору удалось раскрыть особенности керамического дела неселения Лерны IV и связать их с ведущими чертами развития этого позднеплеменного общества. Особенно интересны суждения исследователя о работе производителей и о вкусах потребителей изученной им группы лернейских бытовых древностей.

Ограничусь лишь некоторыми пожеланиями.

Вероятно, автору следовало бы шире использовать возможности исторической интерпретации изученных материальных источников: его суждения о качественной работе лепивших посуду мастеров и об ограниченном допуске экспериментов для некоторых гончаров в зависимости от существовавшей "стилистической дисциплины" позволяют выделить еще некоторые черты хозяйственной и духовной жизни тогдашних лернейцев.

Указывая на рост числа изготовляемых форм сосудов, Дж. Раттер мог бы коснуться вопроса о более дифференцированном употреблении каждого вида керамики не только в общеродовом сообществе, но и в пределах больших семей.

Многочисленность бофров в слое Лерна IV (Дж. Кэски привел цифру 280) дает основания заключить, что широкое применение пифосов и хозяйственных ям отражало довольно высокий уровень производительности труда лернейцев в XXII–XXI вв. Видимо, слой населения среднего достатка, умевшего качественно хранить общеродовые и домашние материальные ценности, был достаточно устойчив в то время.

К сожалению, автор лишь кратко осветил вопрос о связях приморской Лерны с македонскими и более северными балканскими землями. На с. 324–326 Раттер даже исключает македонские аналогии для лернейской чашки, поскольку "совсем нет аналогичных форм из промежуточных Фессалии и Средней Греции". Однако вполне могли быть реальными прямые контакты мореходов, плававших из Пелопоннеса к македонскому побережью или наоборот.

Замечу попутно, что исследователь не уделил должного внимания данным об общих керамических традициях гончаров Пелопоннеса и срединно-балканских племен. Например,

на с. 437–439, 441–442 (рис. 39) Раттер рассмотрел вариант лернейского аска (форма XXI, тип 1) и указал, что этот вид восходит к керамике предшествовавшего РЭ II периода в Центральной и Южной Элладе. Между тем аналогичный вариант бытовал тогда не только на Кикладах, но и в срединно-балканских землях, например в Каранове. Там в конце эпохи ранней бронзы этот тип сосуда был столь распространен, что уже в 1961 г. Г. Георгиев причислил его к ряду наиболее характерных изделий гончаров того времени (Georgiev G.I., 1961, S. 45–47, 80, Beilage B).

Но, повторяю, некоторые частные возражения лишь подчеркивают высокое научное значение рассматриваемого труда о керамике Лерны IV.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

Т.В. Блаватская

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Caskey J.L., 1960. The Early Helladic Period in the Argolid // Hesperia. V. XXIX.

Gejvall N.G., 1969. Lerna, a Preclassical Site in the Argolid. V. I. The Fauna. Princeton.

Georgiev G.I., 1961. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // L'Éurope à la fin de l'age de la pierre. Praha.

Necrology, 1982 // AJA. V. 86.

К ИСТОРИИ РАСКОПОК ГОРОДА ГУННСКОГО НАМЕСТНИКА НА Р. ТАШЕБЕ

На ровной степи между левым берегом Абакана и отходящей от него р. Ташебой (хакасское Тас обаа), впадающей ниже в Енисей, до 1940 г. можно было видеть два невысоких овальных холма. Междуречье имеет около 4–5 км в ширину. Оба холма располагались ближе к Ташебе, протекающей в 1,5 км к западу. Во время весенних паводков вода заливает почти всю долину и жарким летом долго стоит озерками во впадинах многочисленных невысыхающих и заболоченных стариц. Благодаря всему этому, участок степи, на котором располагались оба холма, находился в труднодоступном месте, окруженном естественными, преимущественно водными, преградами.

Холмы отстояли друг от друга на 390 м по прямой, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Первый холм был подпрямоугольным, уплощенным, вытянутым с востока на запад. Размеры его составляли 60 × 50 м и от 0,6 до 1,2 м высотой. Второй, овальный, валообразный, был вытянут с восток-северо-востока на запад – юго-запад на 200 м, имел ширину в 30 м и высоту до 1,5 м. Оба они скрывали в себе остатки одновременных глинобитных сооружений. Первый холм – здания дворцового типа, второй – узких ворот, ведших в большую ограду, окружавшую резиденцию. Ограда, вероятно, была деревянной и поэтому не имела следов на поверхности.

В июне 1940 г., во время сооружения полотна новой шоссейной дороги из г. Абакана в с. Аскиз, на 12-м км рабочими был срезан юго-восточный угол первого земляного холма и из полы насыпи неожиданно было извлечено множество обломков гладких глиняных, отлично сработанных и обожженных кровельных черепиц невиданного в этих местах облика. При ударе друг о друга куски черепицы звенели, как металлические, и разбивались с большим трудом. Часть "черепков от диковинных горшков" дорожный мастер Г.Н. Купцов доставил в Хакасский областной краеведческий музей.

Директор музея П.И. Каралькин осмотрел местонахождение древних черепиц, отобрал несколько целых кругов с иероглифическими надписями и приостановил дорожные работы. Он решил организовать раскопки загадочного объекта, сулившего неожиданные открытия. Сделав эстампаж и фотографию иероглифической надписи, которая повторялась на нескольких черепичных кругах, П.И. Каралькин отправил их на заключение выдающемуся ленинградскому синологу академику В.М. Алексееву. Через некоторое время в Хакасский музей пришел ответ. Академик прислал перевод иероглифического текста и свое за-

© Л.Р. Кызласов, 2000 г.

ключение о том, что надпись относится к эпохе Хань и скорее всего выполнена во II–I вв. до н.э. (Каралькин П.И., 1941; 1946).

Но кто же в Хакасии, в стране классических, круглых и квадратных древних могил-оград, с земляными или каменными насыпями, мог тогда квалифицированно исследовать внезапно возникший первый жилой объект глинобитной архитектуры? К тому же строители важной в областном масштабе транспортной магистрали настаивали на сжатых сроках производства раскопочных работ.

В те годы на весь огромный Красноярский край и все Саяно-Алтайское нагорье только Минусинский местный краеведческий музей имел в штате специалиста-археолога. Это была 39-летняя выпускница Московского университета Варвара Павловна Левашева (1901–1974 гг.), ученица проф. В.А. Городцова. Предшествующие перед этим 2,5 года были едва ли не самыми тяжелыми в ее жизни. В конце 1937 г. был беспричинно арестован ее муж Ф.П. Кравченко. Он вскоре погиб в застенках НКВД, о чем Варвара Павловна, в 36 лет внезапно оставшись вдовой с двумя малолетними дочерьми (2 и 5 лет) на руках, долго не знала и продолжала мучиться его судьбою. Мужественная женщина обращалась с запросами в карательные органы, стремясь выяснить причины ареста и долю своего мужа. Изгнанная с работы, лишившись удобного жилья, она не сдалась и добилась по суду не только восстановления на должности, но и выплаты зарплаты за вынужденный прогул. Перенеся сильное нервное потрясение, она стала заикаться, в подорванном организме обострился туберкулез легких. Спасая себя и детей, в 1940 г. В.П. Левашева решилась переехать из Сибири в Крым (Левашева В.П., 1940а)[1].

Но даже в этих условиях научный долг возобладал над прочим – во имя спасения уникального памятника В.П. Левашева отложила отъезд и, превозмогая недуг, согласилась на настоятельные просьбы трех музеев Красноярского края возглавить раскопки объекта на р. Ташебе. Помогать ей решились этнограф П.И. Каралькин (Хакасский областной музей) и историк З.К. Глусская (Красноярский краевой музей). Благодаря усилиям трех музеев уже в начале августа раскопки начались.

Первый рекогносцировочный сезон 1940 г. был коротким и не вполне удачным. В.П. Левашева переоценила свои силы. Находясь в состоянии глубокой депрессии, она вела работы рассеянно, признав впоследствии свои недоработки в "Объяснительной записке", приложенной к полевому отчету (Левашева В.П., 1940а).

Строители широко вскрыли культурный слой, срезав юго-восточный угол первого холма на площади в 468 м^2. Но основание слоя не было ими затронуто и осталось лежать в виде свежего полотна шоссе с кюветами по бокам. В.П. Левашевой пришлось докапывать всю эту площадь до материка (раскоп 1). Для фиксации конструкций постройки и находок она разбила сетку квадратов, сориентировав ее по линии строительного среза насыпи холма (проходившей здесь в направлении с северо-востока на юго-запад), а не по сторонам света, как следовало. Разравнивая полотно строящейся дороги, рабочие не заметили глинобитных стен и срезали их. Вслед за ними и археолог, не имея достаточного опыта в исследовании сырцовых и глинобитных сооружений, также не различила в культурном слое оснований стен. Даже при дальнейшем исправлении дела последствия этой ошибки не удалось превозмочь: стены юго-восточного угла здания не были зафиксированы и не попали на общий план. Перекрытые каменными плитками каналы подпольного воздушного отопления В.П. Левашева приняла за фундаменты, а отдельные выявленные ею деревянные столбы, опиравшиеся на плитки-базы, – за остатки деревянных галерей.

Зато вовремя были обнаружены (пусть только на уровне основания культурного слоя и при зачистке материка) впущенные в холм более поздние таштыкские грунтовые могилы. Сразу же в 1940 г. исследовательницей было верно определено стратиграфическое значение этих ям. В "Объяснительной записке" (и во всех отчетах) В.П. Левашева уверенно писала: "Что могилы перерезали культурный слой – в этом нет сомнений, так как в насыпи ям и на дне под костяками я сама находила обломки черепицы". Она прибавляет: "... в могиле № 2 оба горшка, – и с поддоном, и баночный – на дне могилы, без всяких сомнений, соответствуют Таштыкской культуре (потому Таштыкской, а не Тагарской, что железный набор пояса говорит о более позднем времени)" (Левашева В.П., 1940 в, г).

Теперь необходимо сказать, что измученная болезнью и всерьез обеспокоенная состоянием своего здоровья В.П. Левашева сразу же после окончания работ 1940 г. была вынуждена исхлопотать путевку на лечение в местном санатории. Осмысливая положение дел,

---

[1] Ср. черновик в личном архиве В.П. Левашевой, сданном в Архив ИА РАН (Ф. 37) и рассказ В.П. Левашевой Л.Р. Кызласову зимою 1947 г.

исследовательница сделала главное – ею было направлено в Москву письмо к подруге и однокашнице по университету Л.А. Евтюховой с просьбой взять на себя руководство дальнейшими раскопками Ташебинского объекта[2].

Рассказать о весьма серьезных обстоятельствах, связанных с началом раскопок Ташебинской усадьбы гуннского наместника, мы вынуждены не потому, что этот памятник продолжает привлекать внимание исследователей – это было бы понятно и полезно. Куда как хуже, что в настоящее время появились тенденциозные, недобросовестные печатные заявления лиц, считающих себя бесстрастными судьями и специалистами в историографии сибирской археологии (Вадецкая Э.Б., 1992а, с. 8–11; Вайнштейн С.И., Крюков М.В., 1976).

Особенным в отношении к Ташебинскому дворцу оказался 1992 г. В разных изданиях вышло сразу пять работ, в которых ставился вопрос о хронологической и культурной принадлежности этого здания. Три из них увидели свет в Москве, две другие – в Красноярске. В статьях тома "Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время" М.Н. Пшеницина, Э.Б. Вадецкая и В.А. Могильников лишь упомянули этот выдающийся памятник, в первом случае просто перечислив мнения о его датировке, сложившиеся в 40-х гг. и к 1960 г. (Пшеницина М.Н., 1992, с. 230), во втором – повторив чужие утверждения об участии китайских строителей в возведении здания и об отнесении его к началу I в. н.э. (Вадецкая Э.Б., 1992б, с. 246), а в третьем – назвав "домом китайской архитектуры" и выведя компромиссную широкую дату (I в. до н.э. – I в. н.э.) (Могильников В.А., 1992. с. 256). Ташебинский дворец и сделанные в нем находки не вошли ни в одну из таблиц этого свободного академического издания, которое, следует прямо сказать, не оправдало надежд сибиреведов.

Автор этих строк в 1992 г. обнародовал систему доказательств не китайского, а гуннского строительства усадьбы (включая ее архитектурные, технические и оформительские особенности, позволяющие отметить работу и южносибирских ремесленников). Вновь была рассмотрена совокупность археологических фактов и материалов, подтвердивших существование дворца в начале I в. до н.э. Произведен и специальный разбор ошибочной статьи синолога и этнографа, полностью пренебрегших объективными археологическими данными, целостностью эпиграфического анализа, детальным разбором письменных источников (Кызласов Л.Р., 1992, с. 45–64)[3].

Однако развенчание одной не связанной с наукой легенды не положило конца ложным высказываниям относительно Ташебинского дворца. Хуже того, в другой вышедшей в 1992 г. работе допущена откровенная попытка дискредитации его исследователей, противоречащая всяким этическим нормам. Поскольку за прошедшее время никто не счел нужным отвести напраслину от уже покойных ученых, я вынужден вновь выступить в печати. Оставляя до другого раза в стороне откровенно агрессивные высказывания в мой адрес, требующие подробного разбора обширного круга археологических вопросов, возьмусь восстановить истину в отношении тех, кто уже не может сделать этого сам.

Новоявленным судьей, стремящимся бросить тень на предшествующее поколение археологов-сибиреведов, выступила на этот раз Э.Б. Вадецкая, позволившая себе подвергнуть намеренному искажению заключения и выводы полевых специалистов (в том числе своих первых учителей в археологической науке: С.В. Киселева, Л.А. Евтюховой, Л.Р. Кызласова). Опозорен ею и безвременно погибший во время фашистской блокады Ленинграда известный сибирский ученый Г.П. Сосновский (Вадецкая Э.Б., 1992а, с. 8–11).

Э.Б. Вадецкая задалась неблаговидной целью исказить факты, зафиксированные в процессе раскопок основными исследователями Ташебинского дворца, ныне покойными археологами В.П. Левашевой и Л.А. Евтюховой. Несмотря на то, что ей были известны изложенные мною выше факты минусинского периода в жизни и в трудах В.П. Левашевой (см.: Вадецкая Э.Б., 1973, с. 141–149), она не постеснялась манипулировать рукописями полевых отчетов и объяснительными записками, выведенными дрожащей рукой измученного и больного человека. При этом Э.Б. Вадецкая намеренно игнорировала печатные труды, опубликованные авторами раскопок, и тем самым сознательно ввела в заблуждение чита-

---

[2] Черновик письма – в архиве В.П. Левашевой // Архив ИА РАН. Ф. 37. В историю раскопок Л.Р. Кызласов был посвящен, будучи участником завершающего этапа раскопок Ташебинского дворца в 1946 г. (Евтюхова Л.А., 1947, с. 79; ср.: Киселев С.В., 1946).

[3] Замечу, что обоснованность датировки здания началом I в. до н.э. очевидна всякому квалифицированному археологу, о чем свидетельствуют специальные примечания редактора тома "Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время" (М., 1992), сделанные к статьям М.Н. Пшеницыной "Тесинский этап" (с. 230, 231) и Э.Б. Вадецкой "Таштыкская культура" (с. 246).

телей. Она, например, пишет: "...никто из авторов раскопок дворца (Евтюхова, Киселев) не использовали стратиграфические наблюдения с целью его датировки, ибо, безусловно, были осведомлены о находках В.П. Левашевой", якобы не являющихся "основанием для датировки сооружения... доташтыкским периодом" (Вадецкая Э.Б., 1992а, с. 11). На деле же все участники раскопок, в том числе и Л.Р. Кызласов (Евтюхова Л.А., 1947, с. 79), доподлинно знали о находках, бедах и неудачах В.П. Левашевой в 1940–1941 гг. Цитированное утверждение Э.Б. Вадецкой – это клевета на таких опытнейших археологов, каковыми являлись Л.А. Евтюхова и С.В. Киселев. По призыву В.П. Левашевой, оставив собственные срочные дела, они выехали из Москвы 18 июня 1941 г., а 25 июня уже прибыли на объект, где сразу же взяли управление раскопками в свои руки. Л.А. Евтюхова, имевшая Открытый лист на право производства этих раскопок по форме № 1, стала начальником Саяно-Алтайской экспедиции Государственного исторического музея, а проф. С.В. Киселев – консультантом от Института истории материальной культуры АН СССР. В состав обновленной экспедиции вошли и старые работники: сама В.П. Левашева (с ее открытым листом), П.И. Каралькин и З.К. Глусская (Евтюхова Л.А., Левашева В.П., 1946а, с. 72)[4].

Л.А. Евтюхова и С.В. Киселев быстро овладели ситуацией. Они ориентировали раскопы и квадраты по сторонам света; в бровках, оставленных В.П. Левашевой, различили глинобитные стены и полы здания; ввели подлинно научную методику выявления отдельных комнат и тончайшую расчистку стен, полов, отопительных каналов, тщательную фиксацию находок, составление детальных планов залегания черепицы и т.п. Послойное снятие культурных остатков в квадратах учитывалось особой картотекой.

Щедро одаренная от природы художница и чертежница Л.А. Евтюхова произвела все чертежные работы и рисунки с точными предварительными обмерами и фотографированием. Она быстро установила, что сохранившаяся раскопанная В.П. Левашевой могила № 3 была на деле врезана сверху в стену здания тогда, когда таштыкцы устроили на уже заброшенном холме свое кладбище. Поэтому засыпки погребальных ям состояли из лёсса, глины и разномерных обломков черепицы от давно разрушенной крыши бывшего здания.

Вопреки процитированному выше утверждению Э.Б. Вадецкой, авторы раскопок Л.А. Евтюхова и В.П. Левашева в первую очередь использовали для датировки здания именно стратиграфические наблюдения. В последний год раскопок здания, в 1946 г., в своей полемике с А.Н. Бернштамом авторы писали (как бы прямо для таких недобросовестных критиков, как Э.Б. Вадецкая, и прочих маловеров): "... сообщаем, что все таштыкские могилы *перерезали* культурный слой и были заполнены землей, в которой до самого дна попадались обломки черепицы. Даже А.Н. Бернштам должен из этого сделать только один вывод: таштыкские могилы были сооружены после того, как дом разрушился и превратился в холм" (Евтюхова Л.А., Левашева В.П., 1946б, с. 573).

После окончания раскопок Ташебинского дворца в 1947 г. Л.А. Евтюхова еще раз подчеркнула в печати: "Для датировки развалин близ Абакана большое значение имеет находка на их территории нескольких таштыкских погребений с типичной керамикой и вещами; эти погребения совершены уже после того, как остатки здания превратились в холм. Погребения эти моложе нашего памятника, об этом говорит прежде всего факт разрушения стены между комнатами К и Е, где могила частично разрезала стену (рис. 25). В других могилах, открытых в юго-восточной части (раскопаны В.П. Левашевой во время прокладки шоссе в 1940 г.), замечено, что они были засыпаны землей, содержавшей обломки черепицы в верхних и нижних горизонтах. Это также указывает на то, что еще в таштыкскую эпоху, длившуюся не менее трех веков нашей эры, руины здания уже покрылись землей" (Евтюхова Л.А., 1947, с. 84).

Таковы факты, с которыми в свое время был принужден считаться А.Н. Бернштам, а теперь должна была бы посчитаться и Э.Б. Вадецкая. К сожалению, последняя всегда была далека от объективной оценки фактов.

Чего же добилась Э.Б. Вадецкая в непременном устремлении во чтобы то ни стало "сокрушить" и "исправить" общеустановленную датировку дворца гуннского наместника? Как показывает ее книга "Археологические памятники в степях Среднего Енисея" (1986, с. 100, 127, 142, 152), она вообще не имеет своей точки зрения об этом памятнике. Отвергнув стратиграфические и общеархеологические факты, Э.Б. Вадецкая определяет время строительства дворца лишь на основании чужого мнения о том, что "надписи на

---

[4] Ср. черновик "Отчета" за 1941 г., написанный рукою Л.А. Евтюховой // Архив ИА РАН. Ф. 12. № 16. Л. 101–121.

черепице датируют ее изготовление временем императора Ван Мана (9–23 гг. н.э.)" (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 142). Но какое отношение имел этот император-узурпатор (и вообще Китай) к далекой реке Ташебе, расположенной (как любят говорить китайцы о бесконечности) "за десять тысяч ли" от Китая? И разве чужая ошибка – дезавуированная ныне ошибка синолога, не владеющего, как выяснилось, всем комплексом палеографических фактов (Кызласов Л.Р., 1992, с. 55–58), – может спасти от позора археолога Э.Б. Вадецкую?

Конкретных оценок относительно истории раскопок Ташебинского дворца мы, по-видимому, не избежим в дальнейшей работе с материалами памятника. Что касается нападок Э.Б. Вадецкой на воззрения Л.Р. Кызласова, высказанных им по поводу материальной и духовной культуры населения Хакасско-Минусинской котловины в тагарско-таштыкский переходный этап (II–I вв. до н.э.) и в таштыкскую эпоху (I в. до н.э. – V в. н.э.), то кроме фактов, опубликованных мною в основной монографии (Кызласов Л.Р., 1960), ныне издана и специальная упомянутая работа 1992 г. (Кызласов Л.Р., 1992). Надеюсь, что она удовлетворит интересы всех любознательных читателей.

Московский Государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Л.Р. Кызласов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вадецкая Э.Б., 1973. К истории археологического изучения минусинских котловин // Известия Лаборатории археологических исследований Кемеровского ГПИ. Вып. VI. Кемерово.

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.

Вадецкая Э.Б., 1992а. Стратиграфия холма с развалинами китайского дворца под г. Абаканом // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. 2. Красноярск.

Вадецкая Э.Б., 1992б. Таштыкская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В., 1976. "Дворец Ли Лина" или конец одной легенды // СЭ. № 3.

Евтюхова Л.А., 1947. Развалины дворца в "Земле хягяс" // КСИИМК. Вып. 21.

Евтюхова Л.А., Левашева В.П., 1946а. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. Вып. 12.

Евтюхова Л.А., Левашева В.П., 1946б. Ответ А.Н. Бернштаму // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. 3. № 6.

Каралькин П.И., 1941. Исследование китайского памятника // Газета "Советская Хакасия". Абакан. 6 июля. № 158.

Каралькин П.И., 1946. Археологические памятники Хакасии // Сибирские огни. № 5–6.

Киселев С.В., 1946. Окончание раскопок древнего дворца у колхоза "Сила" // Газета "Советская Хакасия". Абакан. 8 сентября, № 186.

Кызласов Л.Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.

Кызласов Л.Р., 1992. О городе гуннского наместника на р. Ташебе // Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск.

Левашева В.П., 1940а. Объяснительная записка к "Отчету" В.П. Левашевой о раскопках 1940 г. // Архив ЛО ИА СССР. Ф. 35. Оп. 2. Д. 426.

Левашева В.П., 1940б. Связь древней Хакасии с Китаем // Газета "Советская Хакасия". Абакан, 12 декабря.

Левашева В.П., 1940в. Отчет о раскопках китайского памятника близ к/х "Сила" Усть-Абаканского района Красноярского края // Архив ИА РАН. Ф. 12. № 16.

Левашева В.П., 1940 г. Объяснительная записка к "Отчету" В.П. Левашевой о раскопках 1940 г. // Личный архив В.П. Левашевой. Архив ИА РАН. Ф. 37.

Могильников В.А., 1992. Хунну // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Пшеницина М.Н., 1992. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Хроника

НАУЧНЫМ РАБОТНИКАМ РОССИИ, ПРОФЕССОРАМ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ, УЧИТЕЛЯМ ШКОЛ И ТЕХНИКУМОВ, ВСЕМ ЧЛЕНАМ РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

В настоящее время в нашей стране широко и беспрепятственно распространяются и пропагандируются псевдонаука и паранормальные верования: астрология, шаманство, оккультизм и т.д. Продолжаются попытки осуществлять за счет государственных средств различные бессмысленные проекты вроде создания торсионных генераторов. Население России оболванивается теле- и радиопрограммами, статьями и книгами откровенно антинаучного содержания. В отечественных государственных и частных СМИ не прекращается шабаш колдунов, магов, прорицателей и пророков. Псевдонаука стремится проникнуть во все слои общества, все его институты, включая Российскую академию наук.

Эти иррациональные и в основе своей аморальные тенденции бесспорно представляют собой серьезную угрозу для нормального духовного развития нации.

Российская академия наук не может и не должна равнодушно взирать на беспрецедентное наступление мракобесия и обязана дать ему должный отпор. С этой целью Президиум РАН создал Комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований.

Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований уже начала действовать. Однако, совершенно очевидно, что существенного успеха можно достичь только в том случае, если борьбе с псевдонаукой будут уделять внимание широкие круги научных работников и педагогов России.

Президиум РАН призывает Вас активно реагировать на появление псевдонаучных и невежественных публикаций как в средствах массовой информации, так и в специальных изданиях, противодействовать осуществлению шарлатанских проектов, разоблачать деятельность всевозможных паранормальных и антинаучных "академий", всемерно пропагандировать достоинства научного знания, рациональное отношение к действительности.

Мы призываем руководителей радио- и телевизионных компаний, газет и журналов, авторов и редакторов программ и публикаций не создавать и не распространять псевдонаучные и невежественные программы и публикации и помнить об ответственности СМИ за духовное и нравственное воспитание нации.

От позиции и действий каждого научного работника сегодня зависит духовное здоровье нынешнего и будущего поколений!

Президиум Российской академии наук

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР "ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ" (Санкт-Петербург, 1998)

15–16 октября 1998 г. на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге прошел VI международный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований", посвященный 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Он организован Омским госуниверситетом, Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Европейским университетом в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургским госуниверситетом, Сибирским филиалом Российского института культурологии и другими организациями. Председатель оргкомитета – д.и.н. Н.А. Томилев, сопредседатели – д.и.н. Л.С. Клейн и д.и.н. Д.Г. Савинов. Желание участвовать в работе семинара выразили 134 отечественных и

© С.С. Тихонов, 2000 г.

зарубежных ученых из разных городов России, Венгрии и Испании. Тезисы докладов опубликованы[1]. К сожалению, многие докладчики не смогли приехать.

Семинар открыл д.и.н., директор научно-исследовательского института "Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого" РАН *Ч.М. Таксами*. Он тепло приветствовал участников семинара, подчеркнул важность изучаемой проблемы и необходимость подобных встреч. Затем *Н.А. Томилов* (Омск) осветил историю ежегодного научного семинара, особо отметив его связь с процессом формирования в Омске коллектива археологов и этнографов, занимающихся интеграцией археологии и этнографии.

Л.С. Клейн (Санкт-Петербург) в обстоятельном докладе "Археология и этнография: проблема сопоставления" рассмотрел теоретические и методологические грани данной проблемы. Особое внимание он уделил проблемам терминологии и классификации археологических и этнографических сопоставлений, разбирая понятия "аналогия", "гомология", "параллель", "конвергенция". В заключение он сделал выводы, что нужда археолога в этнографических сопоставлениях несомненна. Но возможности диагностирования, интерпретации и реконструкции зависят от признания неких закономерностей в функционировании культуры. При выборе аналогий важными оказываются не связи, а близости аналогий по форме и контексту обнаружения.

Н.А. Томилов (Омск) сделал доклад "Некоторые результаты и проблемы комплексных археолого-этнографических исследований омских ученых". Он подвел итоги почти 20-летних работ исследователей, подробно рассказав об их теоретических разработках, практических исследованиях, охарактеризовал категорию "этнографо-археологический комплекс" (ЭАК) как систему, тесно связанную с экологической, экономической, социальной и исторической средой. Докладчик отметил, что появляется несколько направлений работы: этническая история, экологическая ниша, хозяйственно-технологическая и культуротворческая деятельность, социокультурные системы, их связи. Дальнейшее развитие данного направления требует создания специализированных лабораторий и использования информационных технологий.

Д.Г. Савинов (Санкт-Петербург) прочитал доклад "Археолого-этнографический комплекс Торгажак (эпоха поздней бронзы)". Он подчеркнул, что интеграция данных археологии и этнографии в сфере изучения духовной культуры требует специального обоснования и может быть проведена путем опосредованной синхронизации: моделирование представлений по археологическим материалам, выбор этнографической модели, поиск конкретных аналогий в теоретически обоснованных пределах. Этот алгоритм Д.Г. Савинов продемонстрировал на материалах карасукского поселения Торгажак.

А.В. Головнев (Екатеринбург) рассмотрел сюжет езды человека за обузданным животным в докладе "Бронзовый лыжник из Ростовки". По мнению докладчика, лыжники тундры, известные по фольклору, демонстрируют и шаманские чары, и торжество укротителя зверя, что ведет к нарушению равновесия и подчинению зверя человеку. Такие же процессы могли происходить и в сейминское время. Мастер, отливший этот известный нож, вряд ли изобразил на навершии ножа сцену похода за хворостом.

А.И. Терюков (Санкт-Петербург) в докладе "Ученик Д.Н. Анучина В.П. Налимов" подчеркнул роль Д.Н. Анучина как организатора науки и показал это на примере трагической судьбы его ученика В.П. Налимова, который стал видным ученым, но был репрессирован.

Л.А. Чиндина (Томск) сделала доклад "К истории одного названия". Анализируя топоним "Малгет", она использовала данные XVII–XVIII вв. Дальнейшие поиски привели ее к работе Д.Н. Анучина "К истории ознакомления с Сибирью до Ермака". Попутно она подчеркнула особое место Д.Н. Анучина в "блистательной череде корифеев отечественной науки". Рассмотрев многочисленные материалы, Л.А. Чиндина делает предположение о глубокой древности топонима "Малгет", относя его к культурному единству, связанному с кулайской общностью перед ее распадом.

Ю.Ю. Шевченко (Санкт-Петербург) остановился на проблеме палеоэкономики в докладе "Палеоэкология раннесредневекового мира: юго-восточная граница среднерусской возвышенности в I тыс. н.э.". Сначала он рассмотрел процесс потребления энергии (в широком смысле) обществом от его возникновения до распада и поглощения соседними системами. Затем, проанализировав материалы Черниговского Подесенья I тыс. н.э. с использованием разных методов (балансового моделирования, определения синхронного населения, сопоставления почвенных карт и их исследование "методом скользящего круга" и т.д.), он рассмотрел динамику эволюции среды и культуры.

Е.Е. Кузьмина (Москва) сделала доклад "Методика этноархеологических реконструкций. Этногенез индоиранцев", где, используя и сопоставляя три группы источников: письменные, археологические и этнографические, рассмотрела проблему прародины индоиранцев. Процедура исследования была следующей: анализ реконструкции материальной культуры этноса; синтез результатов картографирования каждой категории материальной культуры; выявление этнических индикаторов; верификация результатов. В результате она делает вывод: прародина индоиранцев в степях Евразии, но не в Индостане, не в Сибири и не в индо-переднеазиатском регионах.

---

[1] Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. I. Омск–СПб.: Изд-во ОмГУ, 1998. 144 с.; Ч. II. Омск–СПб.: Изд-во ОмГУ, 1998. 138 с.

С.С. Тихонов (Омск) в докладе "О возможности реконструкции данных этнографии и археологии" рассмотрел концепции возможной глубины ретроспекции, особо остановившись на трудностях этой процедуры, связанных с интенсивным изменением компонентов культуры, отсутствием данных о некоторых периодах, недостоверной этнической и культурной принадлежности раскопанных памятников. Теоретически исследования глубин памяти и сохранения черт культуры могут увести очень далеко, практически же непрерывная ретроспекция доведена до XVII в. Намечаются два пути ее осуществления: этнографическое и археологическое изучение памятников или изучение формирования одного элемента/явления культуры.

И.В. Волков (Москва) показал возможности использования итальянских карт периодов позднего средневековья и нового времени для определения местонахождения пунктов, упоминающихся в письменных источниках в докладе "Вымышленные города Черная и Белая Кумании (о возможности сравнительного анализа средневековых письменных источников и позднесредневековых карт)".

А.Г. Селезнев (Омск) прочитал доклад "Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры (к постановке проблемы)". Он исходил из гипотезы о несоответствии комплексов традиционной культуры и этносов, считая, что культура становится этнической только на национальной стадии, а традиционная культура всегда локальна и существует как локальный культурный комплекс. Далее докладчик рассмотрел процедуру его изучения, иллюстрировав ее материалами своих полевых работ в Горном Алте, Хакасии, Саянах.

С.В. Гусев (Москва) прочитал доклад "Реконструкция технологии производства керамики приморских культур Восточной Чукотки", подготовленный им совместно с И.С. Жищуховской. Они изучили формовочные массы, петрографию, технологию изготовления (формовка, обработка поверхности, обжиг), морфологию и декор керамики конца I – середины II тыс. н.э. побережья Чукотки. Технологический процесс изготовления глиняной посуды отражен в эскимосском фольклоре. Авторы доклада считают, что поиск аналогий древнеэскимосской керамики Северо-Восточной Азии наиболее перспективен на территории их традиционного обитания – Северной Америки.

Ю.Е. Березкин (Санкт-Петербург) в докладе "Ареальное распределение мифологических мотивов у индейцев и эскимосов в свете данных лингвистики и археологии" рассмотрел проблемы развития мифологии и выделил несколько крупных ареалов распространения мотивов мифов. Он считает, что "североамериканский шлейф" на западе и юге Южной Америки совпадает с областью распространения палеоиндейских культур с желобчатыми наконечниками.

Л.В. Татаурова и С.Ф. Татауров (Омск) в докладе "Возможности использования методики исследования археологических микрорайонов в археолого-этнографических реконструкциях" остановились на приемах изучения археологических комплексов при реконструкциях отдельных компонентов ЭАК: картографирование компонентов ЭАК и выделение хронологических периодов их функционирования.

На проблемы верификации археологических моделей и реконструкций обратил внимание *П.А. Косинцев* (Екатеринбург) в докладе "Этнозоология, этноархеология, археозоология и археология". Он считает, что остеологические материалы – единый комплекс, позволяющий охарактеризовать хозяйство и культовую деятельность обществ. Изложив теоретическую модель, он продемонстрировал ее на материалах поселения Теутей-Сале (Ямал).

Б.Н. Травкин (Плес) в сообщении "Традиционный погребальный обряд в Костромском Поволжье по археологическим и этнографическим данным" отметил параллели в погребальном обряде XII–XIII вв. и этнографическом материале. Это касается особенностей захоронения младенцев, а также деталей погребального обряда взрослых.

М.Л. Бережнова (Омск) в докладе "Погребальный обряд старообрядцев Среднего Прииртышья" показала общую основу погребального обряда старообрядцев и "православных", отметив при этом и его особенности.

Н.М. Малкова (Самара) ввела в научный оборот данные о эрзянском могильнике в Самарской области, охарактеризовала основные черты погребального обряда, отметила сохранение языческих традиций у эрзи в XVIII – начале XX вв. в содокладе "Погребальный обряд эрзи в XVIII – начале XX веков (по материалам раскопок Коноваловского грунтового могильника)".

Н.П. Матвеева (Тюмень) рассмотрела этническую принадлежность саргатской культуры в докладе "Еще раз о проблеме прародины венгров". Проанализировав черты материальной и духовной культуры, она делает вывод, что в саргатском населении нельзя видеть крупный угорский этнос. Южных угров правомернее связывать с культурами позднего бронзового и раннего железного веков Южного Приуралья и Зауралья, а в раннем средневековье – только Приуралья.

В.Г. Котов (Уфа) прочитал доклад "Археологические, этнографические свидетельства о почитании гор у башкир", подготовленный совместно с В.В. Овсянниковым (Уфа). Авторы привели археологические подтверждения мифам и преданиям башкир о горах как мифологическом центре родовой территории. Раскопки святилища на горе Уклыкая позволили сделать вывод о священности этого места еще с X–XI вв.

Ф.Ф. Фатыхова (Уфа) сделала доклад "Надмогильные сооружения у башкир". Разнообразие типов сооружений и сопоставление их с аналогичными объектами народов Поволжья, Сибири, Средней Азии позволило ей полнее раскрыть их семантику и происхождение.

А.В. Энговатова (Москва) в докладе "Некоторые данные о питании населения эпохи неолита Волго-Окского междуречья" проанализировала керамику поселений верхневолжской культуры. В материалах трех памятников были обнаружены фрагменты посуды с нагаром и зернами калины. Анализы показали, что в сосуды помещали, кроме калины, вещество с большим содержанием белка. Такую пищу готовили в больших сосудах осенью после созревания калины и она обладала сильным тонизирующим действием.

В докладе "Об одном из аспектов изучения орнаментальных штампов" *Е.Д. Данченко* (Омск) рассматривает оттиски штампов как показатель особенности керамического производства. Он считает, что это позволит выявить мастеров и определить одновременность комплексов посуды.

М.А. Корусенко (Омск) в докладе "Современные погребальные комплексы: возможности изучения планиграфии" описал алгоритм визуального изучения надмогильных сооружений и результаты работ по исследованию мазаратов тарских татар.

Совместный доклад *М.А.* и *С.Н. Корусенко* (Омск) "Некрополи сибирских татар: возможности изучения этносоциальной дифференциации" основан на сопоставлении инструментальных планов татарских кладбищ, расположения надмогильных сооружений с надписями и преданий. В результате авторам удалось выделить участки мазаратов, занимаемые представителями разных тугумов.

Ю.В. Степанова (Тверь) прочитала доклад "К вопросу о женском костюме древнерусского населения Тверского Поволжья (по материалам погребальных памятников)". Она рассмотрела материалы крупных могильников и реконструировала варианты женского костюма, указав на частоту встречаемости его деталей (головного убора, украшений и т.д.).

И.Г. Моисеева (Москва) в докладе "Происхождение и распространение домашних кур. Археологические, этнографические, этимологические и другие свидетельства" рассмотрела точки зрения о доместикации кур в Таиланде, Китае, на островах Тихого океана и об их распространении.

В.А. Ерохин (Омск) рассмотрел соотношение этнографо-археологических комплексов и археологических микрорайонов.

А.А. Тишкин (Барнаул) по этнографическим данным выделил критерии местности, наиболее подходящей для совершения погребальных обрядов и сопоставил их с топографией могильников XIII–XIV вв. В докладе "Разработка методики поиска на Алтае погребальных комплексов монгольского времени" он доказывает, что это совпадение неслучайно.

Он же прочитал доклад, подготовленный им с П.К. Дашковским (Барнаул) "Место коня в погребальной традиции пазырыкцев", где они касаются некоторых мировоззренческих основ культуры этого населения.

Е.Г. Федорова (Санкт-Петербург) в докладе "К проблеме археолого-этнографических сопоставлений: по материалам украшений обских угров" рассмотрела вопрос о причинах несовпадения форм украшений у угров и их предков.

Участники семинара отметили важность и полезность семинаров, проводимых по этой тематике.

Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН

С.С. Тихонов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. К 1300-летию ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА БОХАЙ"

(Владивосток, 1998)

Международная конференция состоялась во Владивостоке 21–26 сентября 1998 г. Она была организована Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточным государственным университетом, Приморским историко-археологическим обществом "Древности Северо-Восточной Евразии" и приурочена к празднованию юбилейной даты – 1300-летию образования государства Бохай.

Проведение конференции было поддержано Российским гуманитарным научным фондом.

Государство Бохай (968–926 гг.) – первое тунгусоязычное объединение мохэских племен на Дальнем Востоке и первое государственное образование на землях всей азиатской части России. Оно включало в себя большую часть современной территории Приморского края, территорию Корейской Народной Демократической Республики и значительную часть Северо-Восточного Китая. История этого государства неразрывно связана с историей средневековых государственных и родоплеменных объединений Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в судьбах многих из которых оно сыграло весьма важную роль.

© А.Р. Артемьев, 2000 г.

К сожалению, до недавнего времени, не расходясь в общей высокой оценке Бохая в истории и культуре региона, ученые стран, на нынешней территории которых располагалось это государство, нередко стремились увязать историю и культуру Бохая преимущественно с историей и культурой своих стран в прошлом.

Сведения о государстве Бохай, сохранившиеся в китайских, японских и корейских письменных источниках, не дают полной картины развития бохайского общества. В связи с этим большое значение имеют материалы археологических исследований бохайских памятников, которые позволяют судить об уровне социально-экономического и культурного развития этого государства, а также о его влиянии на соседние народы и страны. Особняком стоят две проблемы в истории Бохая: это вопрос об этнической принадлежности племен, составивших костяк этого государства, и вопрос об их дальнейшей судьбе в постбохайский период. Именно введению в научный оборот новых археологических материалов, обсуждению вопросов об этнической структуре бохайского общества и его культурных наследниках было посвящено большинство заслушанных на конференции докладов.

На конференции было заслушано 37 докладов 43 исследователей из Владивостока, Уссурийска, Республики Корея, Японии, Китайской Народной Республики и Германии. На открытии конференции с приветственным словом к ее участникам выступили: заместитель председателя Президиума ДВО РАН, член-корреспондент РАН В.И. Сергиенко; проректор Дальневосточного государственного университета профессор Р.П. Шепелева; директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН профессор В.Л. Ларин и Генеральный консул Японии во Владивостоке господин Тэцуя Хиросэ.

Пленарное заседание конференции открыл доклад профессора *Э.В. Шавкунова* (Владивосток) "О слагаемых этноса и культуры Бохая", в котором он подвел итоги своих многолетних (с 1953 г.) исследований археологических и письменных источников по означенной проблеме.

"Археология добохайского Приморья" была темой доклада профессора *Д.Л. Бродянского* (Владивосток). В нем автор "широкими мазками" нарисовал картину развития археологических культур в Приморье от неолитической зайсановской к культурам палеометалла, появившимся во второй половине II тыс. до н.э., янковской, кроуновской, польцевской. Последняя из них доживает до IV в. н.э., и характерная для нее керамика с вафельными оттисками присутствует и на бохайских городищах VIII–X вв., по-видимому, пережив культуру ранних мохэ IV–VIII вв., которая и перерастает собственно в бохайскую культуру.

Результаты археологического изучения двух уникальных китайских храмов в с. Тыр Ульчского р-на Хабаровского края были доложены *А.Р. Артемьевым* (Владивосток) в докладе "Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура". Первый из этих храмов в честь бодхисатвы милосердия и добродетели Гуань-инь был возведен в 1413 г. китайской экспедицией во главе с придворным евнухом Ишихой, пытавшейся присоединить эту территорию к Поднебесной империи. Однако новая экспедиция в 1434 г. обнаружила храм сожженным. Традиционно считалось, что второй храм, возле которого еще в середине XVII в. русскими землепроходцами были обнаружены сохранившиеся до сих пор каменные стелы с надписями, был возведен на месте первого. Однако в ходе раскопок храм 1413 г. был обнаружен и целиком изучен неподалеку от более позднего. Исследования этого значительно более крупного храма, возведенного в 1434 г., продолжаются при финансовой поддержке РГНФ.

Заседание секции средневековой археологии началось с доклада *В.А. Болдина* (Владивосток) "Итоги и перспективы археологических исследований на Краскинском городище в Приморье". Этот памятник является остатками центра префектуры Янь, входившей в состав округа Лунъюаньфу, подчиненного Восточной столице Бохайского королевства – Дунцзин, находившейся примерно в 120 км к западу от Краскинского городища. В настоящее время это наиболее изученный памятник бохайской культуры IX в. в Приморье, через морской порт вблизи которого, как полагают исследователи, осуществлялись посольские связи с Японией.

Доклад *Н.Г. Артемьевой* (Владивосток) "Фортификационные сооружения чжурчжэней (на примере Красноярского городища)" был посвящен оборонительным укреплениям крупнейшего в Приморье (180 га) памятника чжурчжэньской империи Цзинь (XII–XIII вв.), который в 1215 г. был перестроен и превращен в Верхнюю столицу чжурчжэньского государства Восточного Ся – г. Кайюань. Сложная система фортификационных сооружений сделала его тогда практически неприступным.

Доклады *Т.А. Васильевой*, *Э.В. Шавкунова* и *Е.И. Гельман* (все – Владивосток) содержали краткие итоги археологических исследований соответственно: чжурчженьских городищ Горнохуторовского (XII–XIII вв.), Ауровского (XI–XII вв.) и бохайского городища Горбатка (VIII–X вв.).

Чрезвычайно интересный доклад "Средневековые эпиграфические материалы из Приморья" был представлен на конференции *А.Л. Ивлиевым* (Владивосток).

Памятники эпох Мохэ – Бохай в окрестностях Синельникова городища стали предметом изучения в докладе *Ю.Г. Никитина* (Владивосток). Аборигенные традиции в гончарстве чжурчжэней Приморья были проанализированы в докладе *С.М. Тупикиной* (Владивосток). Итоги многолетних археологических разведок по берегам залива Петра Великого и в Уссурийском р-не Приморского края подвели в своих сообщениях соответственно *Г.Л. Силантьев* (Владивосток) и *А. Мезенцев* (Уссурийск).

Исключительный интерес представляли доклады зарубежных участников конференции, впервые прибыв-

ших во Владивосток в таком представительном составе. С пятью докладами выступили на конференции исследователи из Республики Корея. Это *Хан Гю Чхоль* (Пусан) с докладом "Кидани и чжурчжэни как оставшееся население Бохая", в котором он попытался обосновать этническую преемственность между бохайцами и чжурчжэнями. *Лим Сан Сун* выступил с докладом "Даосский образ мышления бохайцев по эпитафиям принцесс Чжен Хуй и Чжен Сяо", в котором впервые поставил вопрос о даосизме в Бохае и проанализировал выражения из эпитафий принцесс, несущие в себе даосский образ мышления; *Ро Мён Го* – с докладом "Понимание и политика правящего класса Коре по отношению к бохайцам", а *Но Гэ Дон* – "О свадебных обычаях бохайцев и чжурчжэней с акцентом на левират". В последнем докладчик пришел к заключению о существенном социальном и культурном различии между этими этносами, поскольку в первом из них левират почти отсутствовал, а в другом был преобладающим типом брака.

Ведущий исследователь Бохая доктор *Сон Кихо* (Сеул) в докладе «О природе "сурена" (вождя) в Бохае» пришел к заключению, что термин "сурен" был заимствован в империи Тан и обозначал местных вождей по всей стране, получивших общественную и политическую власть, не имея какого-либо официального чина. Однако имитируя империю Тан, в Бохае иногда рассматривали суренов как вождей подчиненных стран.

Три доклада представили на конференции ученые из Китайской Народной Республики. Доклады ведущего в Китае исследователя этнической истории народов Восточной Азии профессора *Сунь Цзиньцзы* (Шэньян) – "Древние народы Среднего и Нижнего Амура и побережья Японского моря в китайских исторических документах" и его дочери *Сунь Хун* (Шэньян) "Мохэ, бохайцы и чжурчжэни" были посвящены истории народов Приамурья и Приморья с древности до XIII в. и их соответствию с известными археологическими культурами на этой территории – первый – и проблемам этнических связей и расселению мохэ, бохайцев и чжурчжэней. *Сюй Жихуй* (Тяньшуй) выступил с докладом "Отношения между Бохаем и этническими группами Северо-Запада", в котором проанализировал браки пяти поколений знатной бохайской семьи с видными семействами Танской империи.

Два доклада представили исследователи из Японии. Доклад *Исао Усуки* (Нара) "Гуньтулинская культура на Саньцзенской равнине" был посвящен новой культуре раннего железного века, выделенной им по материалам раскопок китайских археологов в провинции Хэйлунцзян, в которых он принял участие в 1997 г. По его мнению, эта культура оказала влияние на формирование мохэской культуры и через нее – на культуру королевства Бохай. Доклад *Хуа Ли* (Осака) «Нурхаци и замок Феала ("Книга путешествия в Цзяньчжоу" Син Чунь Иля). Один из аспектов истории Северо-Восточной Азии в XVI–XVII вв.» был посвящен анализу интереснейшего источника, позволяющего судить о структуре замка Феала, военной организации, развитии права, сельского хозяйства и образу жизни государства Бохай при Нурхаци.

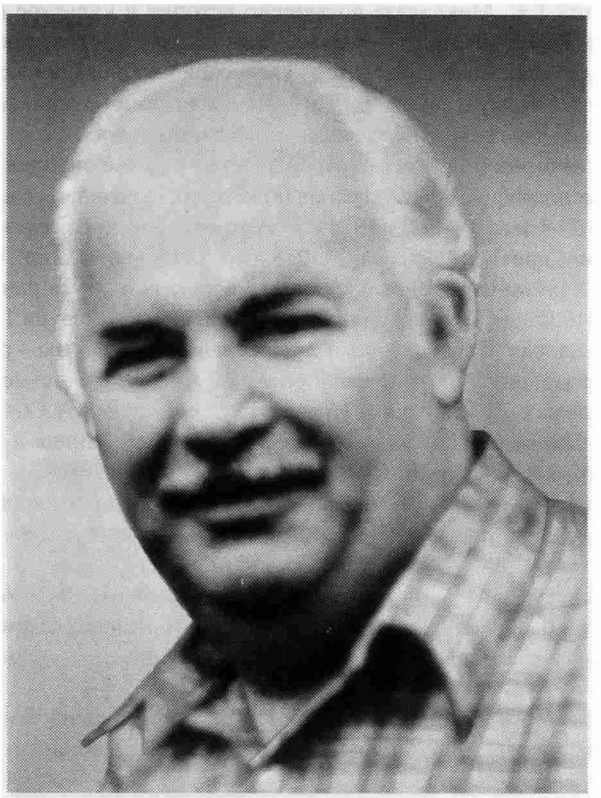
С докладом "Этническая структура бохайцев" выступил *Иоганнес Реккел* (Германия, Гёттинген), являющийся автором первой в Западной Европе монографии (1995) об истории и культуре государства Бохай. По мнению докладчика, государство Бохай отличалось от всех предшествующих и последующих государств этого региона сложностью своей структуры, поскольку было основано и управлялось представителями конгломерата различных племен и этнических групп. И. Реккел попытался выделить эти группы, основываясь на именном списке государственных деятелей Бохая, зафиксированных в различных источниках, и на определенных отличиях археологических культур, оставленных входившими в него этносами.

Секция археологии эпохи камня и раннего железа начала свою работу с доклада *Н.А. Кононенко, А.В. Гарковик, А.М. Короткий* (Владивосток), *Х. Кадзивара* и *Ю. Екояма* (Япония) "Стоянка Устиновка-7 и проблемы раннего этапа заселения долины реки Зеркальной", посвященного итогам новейших исследований российско-японской экспедиции в Приморье. *И.С. Жущиховская* (Владивосток) выступила с докладом "Дальневосточная археология и естественные науки"; *Н.А. Клюев* (Владивосток) с докладом "Контакты древнего населения Приморья в период раннего железного века (на примере анучинской культуры)"; *В.Ф. Чистяков* (Уссурийск) с докладом "К вопросу о переселении древних людей в Америку"; *А.Н. Попов, Ю.А. Никишин* и *О.Л. Морева* (Владивосток) с докладом "Новые открытия на неолитической стоянке Бойсмана-2".

На секции этнографии были заслушаны следующие доклады: *В.Н. Чернавской* (Владивосток) – "С.И. Дежнев и открытие Берингова пролива: историки в поисках истины"; *Ю.В. Аргудяевой* (Владивосток) – Адаптация восточнославянского населения к условиям жизни в дальневосточном регионе"; *С.В. Березницкого* (Владивосток) – "Образ и роль животного в верованиях и обрядах коренных народов Дальнего Востока (к вопросу об этнокультурных связях)"; *Г.Г. Ермак* (Владивосток) – "Брачное и репродуктивное поведение казаков Дальнего Востока"; *С.И. Мишанецкого* (Владивосток) – "Китайский военный костюм эпохи Мин"; *В.В. Подмаскина* (Владивосток) – "Народные знания о животных у народов Нижнего Амура и Сахалина (по этнографическим данным XIX–XX вв.)"; *А.Ф. Старцева* (Владивосток) – "Охотничий промысел удэгейцев в послеоктябрьский период" и *Д.В. Янчева* (Владивосток) – "Пища и утварь негидальцев".

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

А.Р. Артемьев



ПАМЯТИ ТЕЙМУРАЗА КОНСТАНТИНОВИЧА МИКЕЛАДЗЕ

(1925–1998)

14 июля 1998 г. скончался доктор исторических наук, профессор Теймураз Константинович Микеладзе, внесший большой вклад в дело изучения истории и археологии древней Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья Грузии.

Т.К. Микеладзе родился 17 апреля 1925 г. в г. Тбилиси, в семье известного юриста. В 1949 г. Т.К. Микеладзе закончил исторический факультет Тбилисского государственного университета и продолжил учебу там же в аспирантуре (1949–52 гг.) по специальности археология и история Древнего мира. В 1952–1955 г. он читал лекции в Телавском гос. педагогическом институте им. Я. Гогебашвили.

С 1956 г. вплоть до своей смерти Т.К. Микеладзе работал в Институте истории им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузии вначале младшим научным, а затем старшим научным сотрудником. С 1977 по 1998 г. он являлся заместителем директора Центра археологических исследований АН Грузии по научной части и одновременно заведующим отделом истории археологии, теории и информации. Т.К. Микеладзе был одним из основателей Центра археологических исследований, находившегося сначала (с 1977 г.) в составе Института истории, археологии и этнографии АН Грузии, а с 1991 г. выделившегося в самостоятельный институт.

В 1953 г. Т.К. Микеладзе защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему "Анабасис" Ксенофонта и его сведения о картвельских племенах", которая была опубликована отдельной книгой в 1967 г. В 1969 г. он защитил уже докторскую диссертацию на тему "Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (XV–IV вв. до н.э.). Историко-археологическое исследование". В 1972 г. ему было присвоено звание профессора.

С 1944 г. Т.К. Микеладзе принимал участие в археологических раскопках в Мцхета, Тбилиси, Пицунде, Вани, Ингури и т.д. В 1961–66 гг. он был руководителем Потийской археологической экспедиции, а в 1971 г. возглавлял Колхидскую археологическую экспедицию. Под его руководством эти экспедиции провели большие исследования, связанные с проблемами изучения истории Фасиса, а в зонах новостроек выявили археологические памятники, которые позволили по-новому осветить многие вопросы истории древней Колхиды.

© О.Д. Лордкипанидзе, В.А. Джорбенадзе, 2000 г.

Большинство исследований Т.К. Микеладзе посвящено истории и культуре древней Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. В них затронуты вопросы этнического состава древнего колхидского населения, развития металлургии, периодизации, характера греческой колонизации, социально-экономического строя древнего общества и т.д. Наряду с новейшими археологическими материалами в его работах широко анализировались древневосточные и греко-римские письменные источники.

Т.К. Микеладзе является автором более ста научных работ, которые опубликованы как в Грузии, так и за ее пределами. Среди них монографии "Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (II–I тыс. до н.э.)" (1974 г.), "Археологические исследования в нижнем течении Риони (Материалы к истории древнего Фасиса)" (1978 г.), "Гонийский клад" (1980 г., в соавторстве с О.Д. Лордкипанидзе и Д.А. Хахутайшвили), "Колхидские могильники эпохи раннего железа (Урекский и Нигвзанский могильники)" (1985 г.). "Древнеколхидское поселение Намчедури I" (1985 г., в соавторстве с Д.А. Хахутайшвили). "К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы – раннего железа)" (1990 г.).

Ряд статей Т.К. Микеладзе опубликован в сборниках "Археологические открытия" и "Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР". Он является одним из авторов тома "Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа" (М., 1994), ряд его научных трудов опубликован в Германии, Франции и Чехии.

Т.К. Микеладзе был активным участником многих международных и региональных научных форумов, в частности, симпозиумов по древней истории Причерноморья, которые проходили с 1977 г. в Цхалтубо, а затем в Вани.

Велики заслуги Т.К. Микеладзе как редактора и члена редколлегии многих археологических изданий.

Теймураз Константинович был членом Археологической комиссии Академии наук Грузии, а также научных и квалифицированных советов Института истории, археологии и этнографии и Центра археологических исследований.

Т.К. Микеладзе руководил организацией археологических исследований в зоне новостроек Грузии. В течение ряда лет он вел "Археологические беседы" – постоянно действующий семинар при Центре археологических исследований.

Т.К. Микеладзе плодотворно занимался и педагогической деятельностью. В Тбилисском государственном университете он читал лекции по истории Древнего Востока и античной археологии, а также вел спецкурс об этногенезе грузинских племен по археологическим данным. Т.К. Микеладзе постоянно работал с аспирантами и молодыми научными сотрудниками в Центре археологических исследований, в Кутаиси, Батуми и Сухуми.

В 1981 г. как один из организаторов тематической выставки "Археология и современность" (с участием грузинских археологов) в Москве на Выставке достижений народного хозяйства СССР Теймураз Константинович был награжден золотой медалью.

После смерти ученого его богатая библиотека, архив и другие материалы согласно завещанию были переданы в Центр археологических исследований АН Грузии, где создан кабинет археологии Колхиды, носящий имя Т.К. Микеладзе. Открытию кабинета и памяти Теймураза Константиновича Микеладзе была посвящена научная сессия.

Память о Т.К. Микеладзе надолго сохранится среди его коллег и учеников.

Центр археологических исследований
Академии наук Грузии, Тбилиси

О.Д. Лордкипанидзе,
В.А. Джорбенадзе

ПАМЯТИ НИНЫ НИКОЛАЕВНЫ УГРЕЛИДЗЕ

(1922–1998)

10 января 1998 г. в Тбилиси скончалась известный исследователь стеклоделия древней Грузии, ведущий научный сотрудник Центра археологических исследований Академии наук Грузии, кандидат исторических наук Нина Николаевна Угрелидзе.

Н.Н. Угрелидзе родилась 24 декабря 1922 г. в Тбилиси в семье интеллигента. В 1942 г. закончила исторический факультет Тбилисского государственного университета, а с 1942 г. продолжила учебу в аспирантуре по специальности "археология". Будучи аспиранткой, принимала участие в археологических раскопках в Мцхета-Армази. После окончания аспирантуры, с 1945 г. Н.Н. Угрелидзе – младший научный сотрудник отдела археологии Института истории им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузии, а с 1959 г. – старший научный сотрудник.

В 1955 г. Н.Н. Угрелидзе защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему "К истории производства стекла в древней Грузии (стеклянные сосуды IV–VIII вв. н.э. из Самтаврского могильника)". В работе, впервые в грузинской археологии, были исследованы стеклянные сосуды, выявленные в Мцхета на Самтаврском могильнике. В диссертации определено место стеклянных сосудов в погребальном инвентаре и дается типологическая классификация, аналогии и дифференцированная хронология. Большая заслуга Н.Н. Угрелидзе состоит в том, что среди многочисленного археологического инвентаря она выделила материалы IV–V и VI–VIII вв. Кроме того, в диссертации рассмотрены вопросы технологии и техники изготовления сосудов. В результате этого установлено, что в раннесредневековом периоде Мцхета являлась одним из важнейших центров стеклоделательного производства древней Грузии. В 1967 г. диссертация была издана отдельной книгой "К истории производства стекла в раннесредневековой Картли (Иберии)". Это первая книга по истории древнего стекла Грузии. Работа вызвала большой интерес среди специалистов.

В 1958–1961 гг. Нина Николаевна руководила археологическими раскопками в Орбети (Тетрицкаройский район), а в 1957, 1959–1960 гг. в Натбеури (Мцхетский район), где были изучены остатки стеклоделательного производства. Орбетская мастерская (VIII–IX вв.) представляет собой большой и сложный производственный комплекс, не связанный непосредственно с городом. Мастерская состоит из трех специализированных участков, где изготовлялись сосуды, браслеты, перстни, оконные стекла (витражи) и кубики для

© В.А. Джорбенадзе, М.Н. Чхатарашвили, 2000 г.

мозаики. При обработке стекла применяли шлифовку, гравировку, щипцы для нанесения орнамента из стекольных нитей, роспись эмалевой краской. Как отмечала Н.Н. Угрелидзе: "Орбетская мастерская по сей день считается уникальной находкой не только для Грузии, но и для стеклоделательного производства вообще". Другая мастерская, раскопанная в Натбеури, относилась к сельскому производству, где хорошо сохранившаяся печь для плавления стекла дает возможность восстановить весь производственный процесс. Мастерская, где изготовлялись сосуды и браслеты, датируется концом XIII в. и началом XIV в. Этим исследованиям посвящены: небольшая книжка Н.Н. Угрелидзе "Стекло в древней Грузии" (1961); статья "Натбеурская стеклоделательная мастерская" в сборнике "Материалы по археологии Грузии и Кавказа", т. III, 1963; аннотация доклада "Кавказ и сопредельные страны по материалам стеклоделательного производства", I Miedzynarodowy Kongres Archeologii Slowianskiej, t. V. Nadbitka, 1970.

В 1973–1976 гг. Н.Н. Угрелидзе руководила Руставской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузии. Экспедиция раскапывала средневековую крепость древнего города Рустави, которая имела важное политическое, экономическое и стратегическое значение для Восточной Грузии. Некоторые итоги раскопок подытожены в статьях Н.Н. Угрелидзе: "Кухет-Руставское городище", в журнале "Дзеглис мегобари" ("Друзья памятников культуры"), № 47, 1978; "Итоги работы Руставской археологической экспедиции", в сборнике "Полевые археологические исследования в 1975 году", 1978 (в соавторстве), "Отчет работы Руставской археологической экспедиции 1976 года" в сборнике "Полевые археологические исследования в 1976 году", 1979 (в соавторстве).

Кроме того, Нина Николаевна принимала участие в археологических раскопках в Мцхета (Армазис-хеви, Мартазис-хеви, Карсани), Бичвинта (Пицунда) и др.

В 1952–1990 гг. Институт истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили вел археологические раскопки на Бичвинтском (Пицундском) городище, где среди многочисленных материалов большой интерес вызывают стеклянные изделия. Их изучением занималась в последнее время Нина Николаевна. Выявленные на городище изделия из стекла относятся к I–VI вв. и представлены как местными, так и импортными образцами. Раскопаны остатки стеклоделательного производства IV–VI вв. Н.Н. Угрелидзе также изучила стеклянные сосуды из Бичвинтского позднеантичного могильника. Итоги этих исследований опубликованы в виде статей: "Стеклянные сосуды с раннехристианскими символами из Бичвинтского городища", IV Международный симпозиум по грузинскому искусству, 1983; "Мозаичные сосуды из Бичвинтского городища", Дзеглис мегобари, № 68, 1984; "Четыре гравированных стеклянных сосуда из Бичвинтского городища", Археологические памятники феодальной Грузии, т. V, 1987.

Кроме того, Нина Николаевна исследовала так называемые стеклянные сосуды с синими капельками и выделила среди них местные образцы.

В 1981–1985 гг. Н.Н. Угрелидзе принимала участие в составлении I тома каталога древнего стекла Восточной Европы и Кавказа. В подготовке этого издания участвовали кафедра археологии Московского государственного университета, Институт материальной культуры Польской Академии наук и Центр археологических исследований Академии наук Грузии. Для каталога она написала два очерка, которые были посланы в Варшаву.

Н.Н. Угрелидзе на различных научных форумах в Тбилиси, Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе и др. часто выступала с докладами о стеклоделии в древней Грузии, корни которых уходят в III тыс. до н.э.

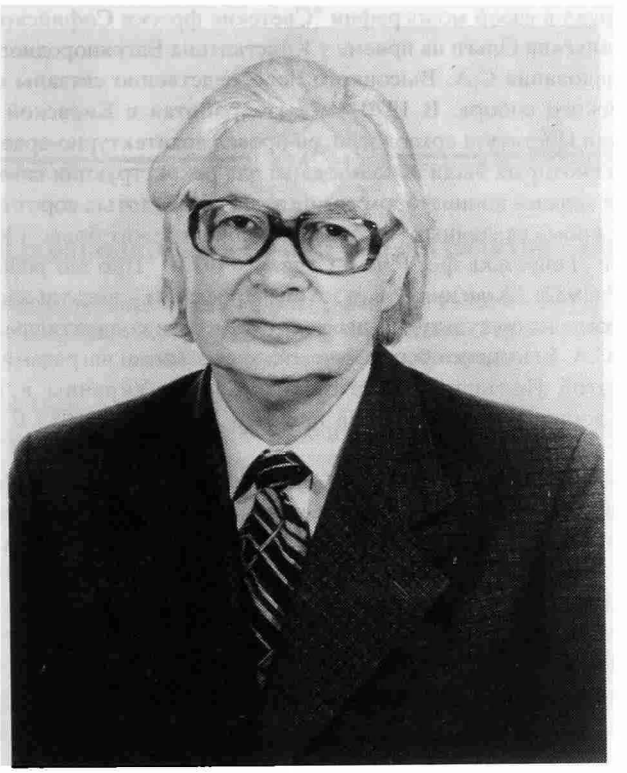
В течение ряда лет Н.Н. Угрелидзе читала курс лекций по основам археологии и истории художественного стекла в Тбилисской Академии художеств.

Н.Н. Угрелидзе – автор более 40 печатных научных работ, но многое осталось у нее неопубликованным. Ее имя как ведущего специалиста по истории древнего стеклоделия хорошо было известно за рубежом. Она охотно делилась своими большими познаниями в области стекла со своими коллегами. Н.Н. Угрелидзе была очень общительная и интересная собеседница, обладающая необычным юмором. У нее было много друзей не только в Тбилиси, но и в Москве, Санкт-Петербурге, Баку, Ереване и в других городах. Каждая встреча с ними была большой радостью для нее. В последний раз она ездила в Москву в 1997 г., где ознакомилась с новыми материалами, литературой и самое главное, еще раз повидала своих друзей и коллег. В память об этой поездке осталось ее последнее фото, публикуемое в журнале.

Память о Нине Николаевне Угрелидзе долго будет жить среди ее учеников, друзей и коллег.

Центр археологических исследований
Академии наук Грузии, Тбилиси

В.А. Джорбенадзе,
М.Н. Чхатарашвили



ПАМЯТИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВЫСОЦКОГО

(1923–1998)

19 декабря 1998 г. в Киеве скончался известный исследователь культуры Киевской Руси, доктор исторических наук Сергей Александрович Высоцкий.

С.А. Высоцкий родился 15 июля 1923 г. в г. Полтаве в семье служащего. После окончания школы рабочей молодежи он учился на историко-философском факультете Киевского университета им. Т.Г. Шевченко, который окончил в 1956 г.

В августе 1956 г. Сергей Александрович был зачислен старшим научным сотрудником в Государственный архитектурно-исторический заповедник "Софийский музей" в Киеве. За время работы в музее его научные интересы в первую очередь были связаны с изучением древнекиевских граффити – надписей и рисунков XI–XIV вв., сохранившихся на стенах Софийского собора и других древних архитектурных памятников Киева. Здесь он написал свою первую монографию "Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв." (1966). Она сразу привлекла к себе огромный интерес научной общественности.

С августа 1967 г. С.А. Высоцкий работал в Институте археологии АН Украины в отделе славяно-русской археологии на должности старшего научного сотрудника. Здесь он продолжал успешно изучать древнерусскую эпиграфику, в результате чего создал "Корпус эпиграфических памятников Киева", куда вошли граффити из Софийского собора, церкви Михаила Выдубицкого монастыря, руин Успенского собора Печерского монастыря, Золотых ворот, Кирилловской церкви и др. Материалы корпуса были опубликованы в монографиях: "Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.)" (1976); "Киевские граффити XI–XVII вв." (1985).

Древнекиевские граффити, исследованные С.А. Высоцким, имеют важное значение для изучения происхождения и распространения древнерусской письменности. Результаты исследований С.А. Высоцким киеворусской эпиграфики стала его кандидатская диссертация "Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.", которую он успешно защитил в 1967 г., и докторская – "Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.)", защищенная в Институте археологии АН Украины в 1978 г.

К научным интересам С.А. Высоцкого, кроме киеворусской эпиграфики, принадлежит и изучение древней фресковой живописи Софийского собора, в частности светской. И в этой области Сергей Александрович достиг значительных успехов, особенно в атрибуции загадочных композиций в башнях,

© Я.Е. Боровский, 2000 г.

которые ученый опубликовал в своей монографии "Светские фрески Софийского собора в Киеве" (1989), связав их с изображением княгини Ольги на приеме у Константина Багрянородного в Царьграде.

Археологические исследования С.А. Высоцкого непосредственно связаны с изучением архитектуры Золотых ворот и Софийского собора. В 1970–1973 гг., работая в Киевской постоянно действующей археологической экспедиции Института археологии, он провел архитектурно-археологические исследования Золотых ворот, материалы которых были использованы для реконструкции памятника. Следует отметить, что именно С.А. Высоцкий являлся инициатором восстановления Золотых ворот с целью их сохранения.

Перу С.А. Высоцкого, кроме указанных монографий, принадлежит более 120 научных статей, а также научно-популярные книги: "Генуезька фортеця в Судаку" (1972), "Про що розповіли давні стіни" (1976), "Золотые ворота в Киеве" (1982), "Княгиня Ольга і Анна Ярославна – видатні жінки Київської Русі" (1991). Им же написаны важные разделы по культуре Киевской Руси в ряде коллективных монографий.

Научная деятельность С.А. Высоцкого была отмечена несколькими наградами: премией АН Украины по истории в 1979 г., грамотой Президиума Верховного Совета Украины в 1982 г. за сохранение и восстановление Золотых ворот, Государственной премией Украины в 1983 г. за достижение в научной работе.

С 1982 по 1985 г. С.А. Высоцкий возглавлял Сектор археологии Киева Института археологии АН Украины. С 1985 г. он – ведущий научный сотрудник-консультант института. В течение многих лет ученый занимался вопросами охраны памятников археологии, был членом Ученого совета института.

Находясь на пенсии (с 1992 г.), С.А. Высоцкий не прекращал своей научной деятельности, продолжал исследование в области Киевской Руси, в частности, истории киеворусской письменности. Будучи тяжело больным, он правил верстку своей уникальной монографии "Київська писемна школа X–XIII ст.", которая увидела свет в день его смерти.

Память о Сергее Александровиче Высоцком навсегда сохранится в сердцах тех, кому посчастливилось его знать.

Я.Е. Боровский

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 17.01.2000 Подписано к печати 07.03.2000 Формат бумаги $70 \times 100^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл.-печ.л. 19,5 Усл.-кр.-отт. 21,2 тыс. Уч.-изд.л. 24,0 Бум.л. 7,5
Тираж 1075 экз. Зак. 3302

Свидетельство о регистрации № 0110154 от 4.02.1993 г.
в Министерстве печати и информации РФ
Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6